

**Михайловский сельский совет
Уфимского района
Республики Башкортостан**

М.И. Роднов

**МИХАЙЛОВКА:
дорогами прошлого**

Уфа – 2018

УДК 947.084.2:314(470.55/58)

ББК 63.3(235.55):60.7

Р60

Роднов М.И. Михайловка: дорогами прошлого. Уфа, 2018.
296 с.

В книге показана история всех поселений на территории современного Михайловского сельсовета Уфимского района РБ с момента возникновения первых деревень к началу XVII века и до 1917 года. Исследована история населённых пунктов Михайловка (ранее Ново-Михайловка), Вавилово, Суровка, приведены сведения об уже исчезнувших деревнях Куровское, Михайловка (Падеевка), Ивано-Ключевское.

В работе раскрыты социально-экономическое положение крестьянства и местных дворян-помещиков, демографическое развитие, приведены полные списки жителей по отдельным ревизиям и переписи 1917 года.

Книга предназначена для современных жителей Михайловского сельсовета, уроженцев этой земли, краеведов, всех любителей истории нашего Отечества.

@ Роднов М.И., 2018

@ Михайловский сельсовет

Содержание	
Приглашение к чтению	4
Глава I. Преданья старины глубокой	5
Глава II. Вокруг Михайловки (конец XVIII – середина XIX столетий)	30
§ 1. Старые деревни	33
§ 2. Новые селения	64
§ 3. Ужасы крепостничества	108
Глава III. Великие перемены (вторая половина XIX века)	124
§ 1. Отмена крепостного права	124
§ 2. Судьбы дворянские	150
§ 3. Рождение большой Михайловки	175
Глава IV. Жизнь сельская (начало XX столетия)	193
§ 1. У тракта (с инструкцией)	195
§ 2. Становление Михайловки (Ново-Михайловки)	246
§ 3. Нормальная деревня (Суровка)	271
Список сокращений	296

Приглашение к чтению

Большим и процветающим пригородом миллионной Уфы стала Михайловка с прилегающими селениями. Жилые кварталы, промышленные зоны, туристические объекты – всё свидетельствует о хороших перспективах развития. Не менее увлекательна история земли Михайловки и соседних деревень, уходящая своими корнями в седую древность.

Читатель открыл первую работу по истории Михайловки (новой и старой), а также Вавилово, Суровки и исчезнувших селений Куровское и Ивано-Ключевское. Книга основана только на подлинных, подтверждённых архивными и иными документами, фактах. Строго научный характер исследования с обязательным справочным аппаратом сочетается со стремлением автора рассказать о прошлом понятным, доступным языком. Судить Читателю.

Книга рассчитана не только на жителей Михайловки, веками этот район был ближним пригородом Уфы и многие переселились в город. Вспомнить предков, их жизнь помогут полные списки жителей всех селений, начиная с конца XVIII столетия и до 1917 года.

Работа должна пробудить интерес к своей семейной истории, генеалогии всех жителей Михайловки, из каких бы краёв они не приехали, прошлое нашего великого Отечества едино. Составляйте историю своей фамилии, берегите старые фотографии, записывайте рассказы старших.

Знание и любовь к прошлому своего рода, своего поселения, своего края обязательно скажутся на бережном отношении к окружающей природе, к тому селению, городу, улице, где Вы живёте. По этой земле ходили многие поколения Ваших предшественников. Здесь они радовались и печалились, трудились и отдыхали, возделывали свой «прекрасный сад». Теперь Ваша очередь. Сохраните и преумножайте достижения предков.

Это главная идея книги. Откройте её...

доктор исторических наук
Роднов Михаил Игоревич

Глава I. Преданья старины глубокой

После возникновения Уфы в 1586 году служилые люди стали получать земли в окрестностях крепости для ведения хозяйства. Новый город требовал большого количества продовольствия. В основном первые поместья возникали на самом уфимском полуострове и к востоку, за рекой Уфой. Здесь было безопаснее из-за набегов кочевников ногайцев и калмыков, а также бунтовавших степных башкир.

Благодатные заливные луга к западу, за рекой «Белой волошкой» тоже привлекали внимание. Горожане держали много скота и пойменные покосы ценились. Стога накошенного сена оставляли в полях, а зимой, когда река покрывалась льдом, перевозили в Уфу. Затем стали распахивать землю, закладывая постоянные поселения.

А ранее земли, где лежит современная Михайловка, являлись границей владений башкирских племён минцев и каршинцев. Скорее всего, в летние месяцы, когда подсыхали заливные луга, сюда пригоняли стада роды племени мин (минг) с юга, из долины реки Дёмы, а с запада, с территории совр. Кушнаренковского района приходили башкиры-каршинцы. Здешние леса были также охотничьими угодьями, держали тут и бортевые деревья. Точных границ, естественно, не существовало.

Примерные рубежи племенных владений можно установить по документам о сделках с землёй. В Уфе 6 декабря 1723 года была заключена «поступная запись» об аренде. Башкиры Ногайской дороги (так звалась территория к югу от города) Минской волости Кулумбетъ Карсаев, Карабай Аднагулов, Игимбетъ Миллибаев, Аракай Бекчюрин и Унгар Юлумбетев сдали на пять лет казакам и солдатам Елистратовым и Быковым свою вотчину «за Белою рекою за Вавиловым перевозом увал, а межа той нашей вотчине: от болота от Порошинской деревни вверх по Сухой речке да Казанской большой летней дороги, по которой дороге ездят в Екшиванову деревню, подле той дороги по праву сторону поля, на котором поле пахут красноярские крестьяне, подле Емской дороги да Емской деревни, и крук Емской деревни и с озерки к городу по Емской по Казанской по зимней дороги, да в межах наших озерко Бурлуш Исям деревне да Порошина деревни да той же Сухой речки; и в тех межах и урочищах бортные ухожьи и звериные ловли и дубровы со всякими угодья и поля и з делаными бортьми и со пчелы». Арендаторы должны были платить башкирам ежегодно по батману мёда и по три куницы¹

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. Экономические и соци-

(батман был равен одному пуду¹).

Кроме названий тогда существовавших деревень (Красный Яр, Якшиваново, Емская – видимо Подымалова), встречаем имя озерца Бурлуш (по-русски: изгиб, извилина, поворот), оно есть на карте начала XIX века. Между озёрами Ольховое и Сосновое раскинулась цепочка небольших водоёмов, среди которых были даже Абызовские озёра (абыз – просвещённый, почитаемый, религиозный деятель, известный как хороший чтец Корана)². Эти названия – свидетельство, видимо, активного хозяйственного использования местных угодий башкирами. Об этом говорит и упоминание об «Исям деревне».

Название поселений обычно давалось по именам. Видимо, производное от башкирского имени «Исян» (в русском языке того времени эти буквы нередко заменялись: уфимские или уфинские). Можно предположить, что в районе Абызовских озёр существовало селение башкир-минцев. Или место уединения мусульманского священнослужителя, или какое-то промысловое (охотничье-рыболовецкое) становище.

Не случайно в приведённом выше договоре об аренде главное не земледелие или скотоводство, а охота (добыча пушного зверя) и бортничество (заготовка мёда диких пчёл). Арендаторы Елистратовы и Быковы в дальнейшем не упоминаются, они временные обитатели.

Такой же характер носил договор об аренде (тогда говорили: «оброчная статья») деревьев с бортями (ульями диких пчёл), который 7 июня 1716 году заключили уже на земли башкир-каршинцев. Полный текст документа:

«Того ж числа писана поступная запись такова: драгунская Васильевская жена Вавилова Афимья Прокофьева дочь да Уфимского гарнизонного полку полковника Данилы Ивановича Титова салдат Степан Матвеев сын Вавилов дали в Уфе поступную запись уфимскому конному казаку Сидору Иванову сыну Калашникову в том: уступили мы, Афимья и Степан, ему, Сидору, дельными деревьями повыток свой, которой лес владели муж мой Василий и я, Степан, Вавиловы Казанские дороги, Каршинские волости у башкирца Азимбетя с товарищи из оброку. И

альные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / сост. Н.Ф. Демидова, под ред. Н.В. Устюгова. М.; Л., 1949. С. 220–221.

¹ Акбулатов И.М. Батман: метрология и этимология // Река. времени. 2013: уникальные свидетельства прошлого / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, Р.Н. Рахимов, М.И. Роднов. Уфа, 2013. С. 14.

² Возможно, по сведениям Б.А. Азнабаева, Абызовские озёра связаны с расположенным ниже по течению Белой, в районе совр. Благовещенска, Абызовым городищем (см.: РГАДА. Ф. 1773. Оп. 1. Д. 1058. Л. 2).

впредь нам, Афимье и Степану, и родственникам нашим до того поступнаго нашего повытку до дельных деревьев у него, Сидора, и у жены ево и у детей дела нет, и не вступатца, и никакова насильства ему, Сидору, в том поступном повытке не чинить, и самим не ходить, и не владеть. А буде кто в тот наш поступной повыток станет у него, Сидора, вступатца или какое насиллие чинить и ему, Сидору, или жене ево и детям, и нам в том очищать и убытка никакова не учинить. А буде ему, Сидору, и жене ево или детям в том поступном повытке от того какие убытки учинятца, и те убытки взять ему, Сидору, на мне, Афимье и Степане, по ево скаске, что он скажет, Сидор, тому и верить. А оброчные деньги, которые платили мы, Афимья и Степан, по кунице на год ему, Азамбетю, да по ансыре меду платить ему, Сидору.

И к той записи вместо их руку приложили салдат Семен Сапожников, Филип Лутохин. Свидетели: Василей Ногаев, Иван Киржацкой.

И с сей записи пошлин 3 алт., за письмо 2 ден., от записки тож, за излишнюю страницу взято»¹.

Казанской дорогой назывались земли к западу от Уфы и Вавиловы арендовали лесные урочища с бортными деревьями уже у башкир-каршинцев. Это, видимо, был Вавиловский лес, о котором говорится в следующем документе за 1758 год.

В марте дворцовые крестьяне Сухаревы из села Красный Яр взяли на 30 лет землю у башкир Казанской дороги, Каршинской волости, Каргалинской тюбы (родовое подразделение), деревни Акбашевой. Границы владения были определены так: «в Уфимском уезде вверх по речке Сикиязу до Вавиловского лесу, а с Вавиловского лесу по Беляковской лес и до Красного яру, а с Красного яру на Нижной Айгальш, а с Нижного Айгальшу на озеро Кушапта, а с озера Кушапта на речку Сикияз на Каменной брод бортные ухожьи; да в наших же дачах пахотной земли и сенных покосов по межам: от реки Сикиязу ниже Бахметевской дачи на старую Аитову деревню, а от деревни на генеральскую дорогу, а оттоль на Киикчу колок, а оттоль прямо на Аркинской колок, а оттоль на лисьи норы и на Таны-илгу и на Каменной брод»². То есть, земли примерно к западу от Красного

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 141–142. Ансырь – старинная единица веса, равнялась примерно 1 и 1/3 фунта (0,53 кг). Деньга (денга) = половина копейки, алтын = 3 копейки (Акбулатов И.М. Тенга, денга, копейка. Из истории денег и денежного обращения на Южном Урале с древнейших времён до начала XIX в. Уфа, 2009. С. 129).

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50–

Яра и Подымалова входили уже в состав вотчины башкир-каршинцев, хотя точных границ не было.

Наконец, особую ценность представляли озёра. Здесь лежали охотничьи угодья (на зверя и птицу), бобровые гоны в окрестных ручьях, обильные рыбные ловли, да и для скота наилучший водопой. А приозёрные луга («степь» в документах) были прекрасными пастбищами перед отгоном скота на юг.

В конце XVII столетия башкиры-минцы Ногайской дороги возбудили судебную тяжбу именно по поводу озёр, которыми завладели уфимские служилые люди, заявившие в 1656 году, что, земли с озёрами «в поместье и на оброк никому не отданы». Городские власти посылали чиновников смотреть угодья, «на порозжую землю», сыскать хозяев не удалось (башкиры появлялись изредка) и поместья раздали служилым людям.

Спустя годы, кочевавшие в основном в долине Дёмы башкиры и платившие в казну ясак (по 14 куниц и батман мёда) обнаружили, что земли заняты и подали жалобу царю Петру I.

«Били челом великому государю уфимского уезда ногайской дороги башкирцы Арсламбетка Аднагулова с товарищи исстари старинные вотчина прадедов есть а завладели теми вотчинами назвав их ложно пустыми Матвей Михайлов Артемьев мельничными озерами Максим Дмитриев Гладышев и иные помещики а иные де угодья в той вотчине у них отняли и розданы в поместья дачи уфимцам всяких чинов служилым людям и теми их вотчинами владеют и рыбы ловят и зверя всякого побивают и борти делают и в дупленицах мед с пчелами берут и на оброк всяким русским людям отдают и оброк с тех озёр берут по рублю и по два и по три на год и от того их насильства та их вотчина запустела и ты великий государь пожаловал бы велел ту их старинную вотчину и те озера с истоки и мелкими озерами, которыми ныне владеет Матвей Приклонский, Матвей Артемьев с братьями, Иван Каловский, Максим Гладышев с братьями и иные помещики по старинным урочищам и тех помещиков кто чем владеет взять и отдать им по прежнему».

Среди озёр упоминалось озеро Ольховое. «Слово в слово. Се яз Малай да Корсай да Кузей да яз Нагайчура Кутлугильдины дети уфимского уезду Минской волости башкирцы деревни Меркит дали еси на себя запись уфимским служилым новокрещенам Осипу да Гавриилу Вавиловым в том что в нынешнем в 7162 году [1654] марта 2 отдали мы Малай с братьями Осипу да Гавриилу за Белой рекой по ту сторону Калмацкого побоища

на правой стороне лес черный бортные ужожья и зверовые ловли по левую сторону побоища до казанской дороги по которой дороги ездят в киргизы и на низ по речке до устья и с тое вотчины нам Гаврилу и Осипу давать им Минской волости башкирцам на всякий год ясаку по 3 куницы а будет Малай с братею учнут у них Осипа и Гаврилы с той своей вотчины отсылать и нам дать за всякую борть по гривне а будет с пчелами то с 40 алтын а будет похотим мы Осип и Гаврила тое их вотчину за собой держать ни ясаку платить и нам Осипу и Гаврилу та их вотчина отказать и им в сем Малаю с братею и за дел у них ничего не иметь и на сторону никому той вотчины которой сдали нам Осипу и Гаврилу не пущать а будет мы Малай с братею в ту отчину опричь их Осипа и Гаврилы кого иного бортей делать и зверовать а будет кто без нашего веления в той вотчине станет зверовать и борть делать и нам Малаю с братею ту свою вотчину очищать а их Гаврила и Осипа в той своей вотчине никакого убытка не довести в противном случае взять на нас Малае с братею все убытки толмачил Андрей Сокуров лета 7162 года».

Аполлинарий Михайлович Васнецов (1856–1933). Утро. 1892 год.
Источник здесь и далее: <https://gallerix.ru/album/Vasnetsov>.

К 1670 году упоминался владелец земли Матвей Осипович Артемьев. Во время расследования обнаружилось, что «Матвей Артемьев с братьями владел тем озером Духовым с мелкими озерами что отцу их дано в дачах в уголье а крепости они скажут».

Озеро (озерки) Духовое лежит западнее совр. Михайловки. Затем проводившие дознание дьяки установили, что «по справке с отказных книг в 7149 году [1641] написано в уфимском уезде за Белой Волошкой вдовы прожиточный жеребий Порошинской жены Волкова Любавы то поместье отказано уфимцу Осипу Михайлову Артемьеву на 20 четей в поле сенные покосы и все угодья а в 7184 году [1676] то поместье после Осипа отказано жене его Марье Ивановой дочери с детьми Дмитрием да с Матвеем с братьями отказано луг сенные покосы и межи той поместной земли у Ольхового озера на Круглое [...] и за Осипом Артемьевым озеро Духовое с мелкими озерами в даче не написано»¹.

Отсудить озёра башкирам не удалось, но жалобы показывают первые русские деревни около Ольхового озера. Постоянные поселения в округе известны с начала XVII столетия. Неподалёку в излучине Белой возникает одно из древнейших русских сёл – Красный Яр, раннее упоминание относится к 1618 году².

Восстановить судьбу и местоположение первых деревушек крайне сложно. Они были очень маленькими, буквально в один – два двора, легко переносились с места на место по воле хозяев. В процессе освоения пригородных земель уфимские дворяне приобретали новые, более удобные места и переводили туда людей. Поэтому вокруг Уфы существовали поселения с одинаковыми названиями. Например, деревни с именем Куровская лежали к западу и югу (на Дёме) от города.

Определённую роль играли набеги степняков, изредка подходивших к Уфе. Лежавшую на горе крепость взять они не могли, зато пригородные деревушки грабили и сжигали. В списке селений за 1647 год упоминалась деревня С.А. Уракова на Соновом озере: «пуста, разорена от калмыков»³. А в приведённом выше документе за 1654 год встречается название конкретного места – калмацкое (калмыцкое) побоище, место сражения с вторгшимися кочевниками. Видимо, речь идёт о разгроме калмыцкой конницы в 15 верстах от Уфы в 1636 году. Ещё один набег калмыков был в 1640 году⁴.

Наконец, уфимские служилые люди в основном получали угодья за службу и на время службы в качестве материального обеспечения («вдовы прожиточный жеребий», смотри выше). После смерти (отъезда) или отсутствия наследников поместье могло

¹ РГАДА. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 1306. Л. 3, 5, 9–11 (сведения любезно предоставил Б.А. Азнабаев).

² Роднов М.И. Краткая история села Красный Яр. Уфа, 1999. С. 4.

³ НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 125 об.

⁴ Азнабаев Б.А. Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII вв. (землевладение, социальный состав, служба). Уфа, 1999. С. 152–153.

быть заброшено, земля становилась выморочной и уфимский воевода мог снова наделить этими угодьями другого. Лишь постепенно в XVIII столетии складывается наследственная частная собственность дворян на землю.

Наиболее плотно заселялся восточный берег соседнего озера Соснового (совр. Алексеевка), но сохранившиеся старинные документы и география окрестностей Михайловки позволяет разглядеть следы самых древних деревень в окрестностях озера Ольхового. А рельеф местности указывает, что имелось всего две удобные площадки для основания постоянного жилья: 1) долина речки Сухой и её притока речушки Виловатой и 2) северный берег озера Ольховое.

Уфимский пушкарь Дмитрий (Митрий) Лукьянов подал прошение на имя царя Михаила Фёдоровича, который приказал уфимскому воеводе Г.В. Измайлову наделить пушкаря землицей. И летом 7131 или 1623 года по современному исчислению, новый год до конца XVII столетия начинался 1 сентября, посланный воеводой Василий Зыков отправился к озеру Ольховому осмотреть угодья. Это первое известное упоминание земель, где спустя столетия возникнет Михайловка, поэтому приводим полностью сведения из «Отводной книги по Уфе», найденной и опубликованной выдающимся московским историком Н.Ф. Демидовой. В этой книге с 1591 по 1629 годы записывались земельные пожалования уфимским служилым людям.

«Лета 7131 году мая в 31 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу и по наказной памяти за печатью воеводы Григорья Васильевича Измайлова ездил Василей Зыков вниз по Белой реке за Дему реку к Ольховому озеру для того: бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси уфинской пушкарь Микитко Лукьянов, а сказал, чтоб его государь пожаловал, велел бы ему дати под пашню пустые заложные земли за Демою рекою у Ольховаго озера в его пушкарской оклад по осьми четвертей в поле, а в дву потому ж, и под усад места, и под [д]вор, и под огород, и на выпуск скотине, и лугов, сенных покосов, на 20¹ копен.

И Василей Зыков, взяв с собою сторонних людей старожильцов пушкаря Третьяка Данилова да стрельца Иева Иванова и приехав с ними за Дему реку к Ольховому озеру, их спрашивал: та земля на оброк и в поместья кому не отдали, впусе ли лежит, и владеет ли хто? И старожильцы сказали, пушкарь Третьяк да стрелец Иев Иванов, что та земля лежит впусе, на

¹ Скорее всего, здесь опечатка. Надо 200 копен – М.Р.

оброк и в поместья никому не дана и не владеет ею никто.

И Василей Зыков отделил пушкарю Дмитрею у Ольховаго озера подле нижние изголови под усад места и под [д]вор, да пашни по осьми чети в поле, а в дву потому ж. А межа той земле: от усаду ото вращка по суходолине, а в той суходолине грань на березе, а от той суходолины на колак осиновой, а в том колке грань на осине, а от того колка осиноваго на малой колочек осиновай, а в том колочке грань на иве, а от того колочка на березу одинакую, а на той березе грань, а от тое березы одинакие подле болото к верхней изголови озеру, под лесом грань на березе, а от тое березы под болота по подлесью х тому Ольховому озеру до берегу до верхние изголови, а от тое верхней изголови вниз по озеру за усад до вращка, а сенных покосов на 200 копен за озером против усаду.

А на отделе были старожильцы пушкарь Третьяк Данилов да стрелец Иев Иванов»¹.

Фрагмент карты 1802 года. Окрестности Уфы

¹ Демидова Н.Ф. Древнейший источник по истории города Уфы. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 340–341.

В то время река Белая протекала по другому руслу – ныне старица около Затона, делая большую петлю. А река Дёма впадала в Белую ниже современного устья (прорытого при строительстве железнодорожного моста в 1880-е годы), чуть выше деревни Романовки. Поэтому, если Василий Зыков с двумя свидетелями-старожилами отплыл от городской пристани, где сейчас Монумент дружбы, то действительно их маршрут лежал «вниз по Белой реке за Дему реку к Ольховому озеру». Миновав старое устье Дёмы, они вышли на берег примерно в районе совр. Затона и направились к Ольховому озеру.

Василий Зыков на месте опросил свидетелей – не занята ли данная земля, но Третьяк Данилов и Иов Иванов ответствовали, что, мол, «никому не дана и не владеет ею никто».

После чего Василий Зыков выделил землю Дмитрию Лукьянову, установив точные по меркам того времени границы – на приметных деревьях (необычных, росли из одного корня) делали засечки – грани.

Д. Лукьянов заранее присмотрел место под поселение, усадьбу: «под усад места и под [д]вор», определил где будут огород, пашня, покосы. Землю он получал от царя за службу – «в его пушкарской оклад», вместо платы деньгами или хлебом служилые люди наделялись землёй, чтобы заводили хозяйство и сами себя кормили.

Уфимские служилые люди получали небольшие участки, Д. Лукьянову полагался пушкарский оклад в восемь четвертей. Четверть (или четь) равнялась примерно 0,5 десятины (0,55 гектара) или немного более. Земледелие тогда велось на основе трёхпольного севооборота (озимые, яровые, пар), поэтому Лукьянов получил 8 четвертей «в поле, а в дву потому ж», то есть 8 четвертей пашни под озимые хлеба, 8 под яровые и 8 под паровую землю, всего 24 четверти или 12 десятин пахотных угодий.

Отдельно выделяли покосы, их измеряли в копнах, в конце XVI столетия 100 копен составляли примерно 5 десятин. Судя по тексту документа, Лукьянов получил большие покосы за озером (200 копен), ещё 10 десятин.

Описание границ участка Дмитрия Лукьянова показывает природу окрестностей Ольхового озера, овраг и суходол, осино-вые колки (колок – небольшой лес в поле, степи, среди пашни), росли берёзы и ивы, было болото и подлесье (окраина сплошного леса). Естественно, Лукьянов подобрал себе землю более-менее открытую, чтобы не распахивать непроходимые лесные чащобы, но в начале угодья названы как «пустые заложенные земли». Это можно понимать и как залежь, когда-то распаханная (освоенные) площади, потом заброшенные, но ещё не заросшие лесом.

Место усадьбы Дмитрия Лукьянова можно установить лишь приблизительно. Обратим внимание, что нигде не говорится, что поселение лежало на берегу или вблизи Ольхового озера, его южные и восточные берега даже на карте начала XIX века показаны заболоченными. Усадьба (усад) стояла около суходольного оврага, вокруг открытая местность с небольшими колками леса, затем граница выходила к болоту «к верхней изголови озера» и в конце «от тое верхней изголови вниз по озеру за усад до вращка», а большие покосы лежали «за озером против усаду». Гипотетически можно предположить, что усадьба Д. Лукьянова находилась приблизительно там, где затем возникнет Суровка.

Новые уголья оказались настолько хороши, что приезжавший в качестве свидетеля тоже пушкарь Третьяк Данилов сразу же обратился с просьбой выделить и ему землю у Ольхового озера в аналогичном размере (8 четей в одном поле и покосы). Впрочем, скорее всего, он заранее вместе с Д. Лукьяновым подавал прошение на царское имя.

Не прошло и двух недель в 1623 году, как возле Ольхового озера оказался Фёдор Тарбеев, который рядом установил границы второго поместья.

«Лета 7131 году июня в 12 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всея Руси указу и по наказной памяти за печатью воеводы Григорья Васильевича Измайлова ездил Федор Тарбеев вниз по Белой реке за Дему реку к Ольховому озеру для того: бил челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Руси уфинской пушкарь Третьяк Данилов, а сказал, чтоб ево государь пожаловал, велел бы ему дати пашню, пустые заложные земли, за Демю рекою у Вольховаго озера в его, пушкарский оклад по осьми четвертей в поле, а в дву потому ж, и под усад и под агород места, и животине на выпуск, и лугов, сенных покосов, на 200 копен.

И приехав, Федор Тарбеев за Дему реку на Ольховае озеро, и спрашивал старожильцов: та земля на оброк и в поместья не отдана ли кому? И старожильцы сказали, что та земля на оброк и в поместья никому не отдана, и лежит в пуге, и не владеет ею никто.

И Федор Тарбее[в] отделил пушкарю Третьяку Данилову у Ольховаго озера вверх по озеру к верхней изголови под усад места и пашни по осьми чети в поле, а в дву потому ж. А межа той: от Дмитреевы пашни Пушкаревы¹ на озере 2 дуба на одном корени, а на тех дубах грань, а от тех дубов вверх по озеру до

¹ То есть пашня пушкаря Дмитрия Лукьянова, который уже весной 1623 года распахал землю – М.Р.

верхней изголови и до лесу, и подде того лесу от того озера верхней изголови и до увалу, да от озера от Ольховаго от тех же 2-у дубков через поля на столб, а на том столбу грань, а от того столба к увалу на осиновай колок, а в том колке осинам 4 осины на одном корени, на них грань. А сенных покосов против усаду на 200 копен за озером»¹.

То есть, второе поместье Т. Данилова тоже лежало примерно в верхней части озера Ольхового. Хотя в те времена население было редкое и свободной земли лежало вокруг «немерено», но специально выбирали открытые участки, где не было леса, корчевать который требовало огромных усилий. Подобные угодья – лесные поляны, заливные луга, заброшенные пашни (залежь) имели особую ценность, из-за них возникали споры.

Вот и первые здешние поселенцы уже на следующий год не поделили землю, приблизительные границы по деревьям оказались непригодными, и в 1624 году оба пушкаря попросили прислать к ним землемера – «дозорщика», который бы установил точные межи между соседями. Об этом последний документ из «Отводной книги»:

«Книги отдельные поместные сына боярсково Василья Зыкова, что одделил земли на пашню пушкарям Третьяку Данилову да Дмитрею Лукьянову за Демюю рекою 132 году.

Лета 7132 году мая в 27 день по государеву, цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по наказной памяти воеводы Семена Гавриловича Коробьина да Ивана Приклонсково ездил сын боярский Василей Зыков за Демюю реку к Ольховому озеру для того: били челом государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии пушкари Тренька Данилов да Митька Лукьянов. А сказали: в прошлом во 131 году по отдельным книгам Василья Зыкова да Федора Тарбеева дано им государева жалованья и поместье, пашни дикова поля, за Демюю рекою Ольхового озера их полные оклады по 8 четей в поле, а в дву потому ж; и у них де промеж ими в усаде и в пашне и в межах спор учинился; и государь бы их пожаловал, велел бы им дати на усады и на пашню и на межи им дозорщика, и по дозору усады и пашни меж ими новые межи и грани учинити, чтоб и впредь в усадех, в пашне и в межах спору не было. И Василью взяти с собою сторонних людей и, приехав [с] сторонними людьми к Ольховому озеру [в] пашню их и усады и пашню по 8 четей в поле, а в дву потому ж одделити, и промеж ими новые межи и грани учинити, и тому одделу, усадом и земляной даче и межам, написать, и отдельные книги за своею рукою привести

¹ Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 341–342.

на Уфу и оддати воеводе Семену Гавриловичю Коробьину да подъячему Ивану Приклонскому.

И Василей Зыков, приехав за Дему реку к Ольховому озеру, тому Третьяку да Дмитрею под усады [и]х земли одделил: Третьяку дано под усад земли от города с приезде с нижние изголови Ольхового озера по конец, подле вражек; а Дмитрею дано под усад земли по другую сторону врашка подле тово ж Ольхового озера; а Третьяку дан усад против Дмитриевы земли по ево, Дмитриеву, грань по столб, а с тово столба поперег усаду подле Дмитриеву пашню к оврашку, на том враге стоит береза, на ей грань. И земля им розделена на пашню поровну – в поле по 8 четей, а в дву потому ж. Да Дмитриеве земле грани: с нижней изголови Ольхового озера от Третьякова усаду столб, а вдоль по полю на осиновой колок, а в том колке осеред колка стоит осина, на ней грань, и с тово колка поперег поля по осиновой же колок, а по конец тово колка стоит осина, на ней грань, а с тово колка на столб, на столбе грань, и с тово столба вдоль промеж Дмитриева поля. И Третьякова межа кольцом к Ольховому озеру на виловатой дуб, на дубу грань; и от того дуба грани Третьякове земле к верхней изголови Ольхового озера, подле озера поперег поля по самую чернь по лес, и подле тот лес вдоль по полю, и по конец того поля подле тот лес стоит береза, на ней грань, с тое березы поперег поля на осиновой колок, а в ем стоит осина, на ней грань, и с тово колка на столб на межевой на Микитину грань. А усады и землю розделили тот Третьяк да Дмитрией промеж собою полюбовно.

А отдельные книги писал Ивашко Никитин Белозерец»¹.

То есть усадьбы пушкарей находились рядом, разделённые небольшим «врашком», оврагом. Соседи договорились полюбовно, на берегу озера Ольхового закипела жизнь, возникли небольшие поселения.

Тайна деревни Понкино

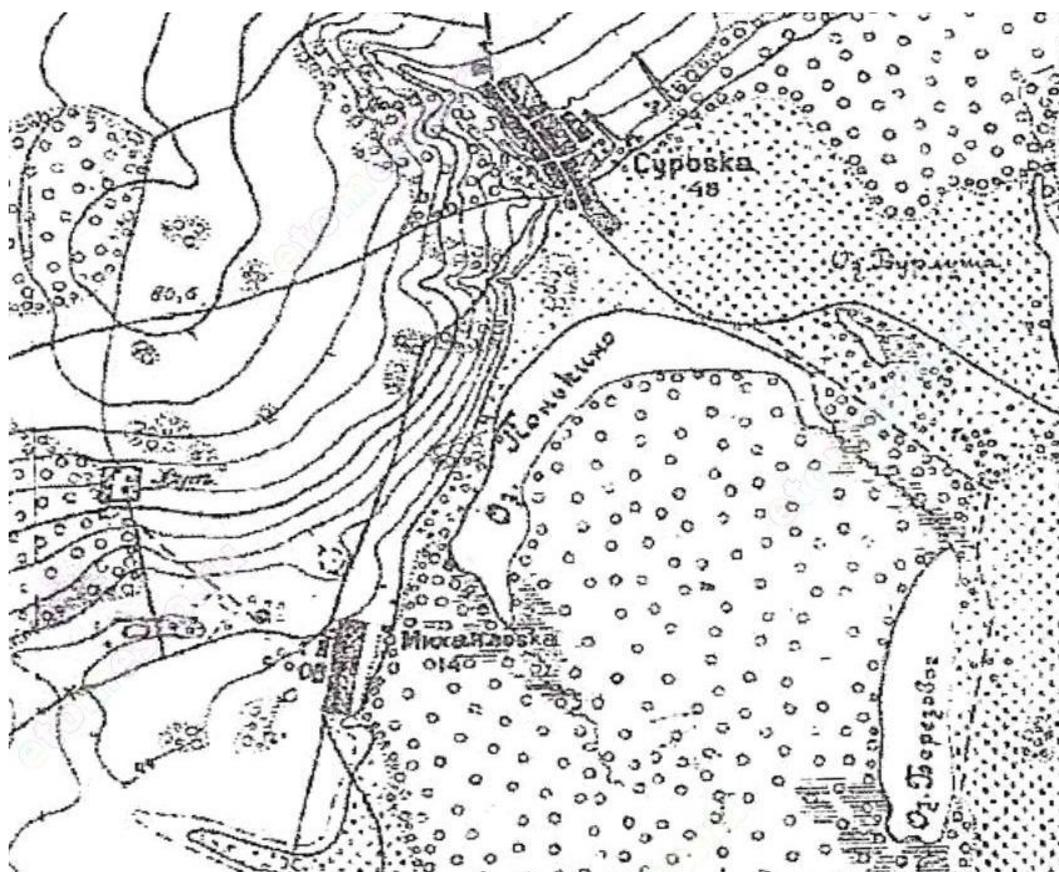
В дальнейшем имена первых поселенцев на берегах Ольхового озера в документах не встречаются. Освоенные земли привлекли внимание более влиятельных кланов. Из выше приведённых документов видно, что в первой половине XVII столетия здесь обосновались представители одной из самых знаменитых фамилий уфимского дворянства Артемьевых.

Именно Артемьевы в конце XVI века приезжали на место будущей Уфы, разведывали местность, у них были поместья в

¹ Там же. С. 348–349.

округе, а в 1640–1650-е годы братья Матвей и Осип Михайловичи Артемьевы приобретают здешние угодья. В 1641 году О.М. Артемьев получил землю соседей Волковых, которая перешла затем к его жене Марье Ивановне и сыновьям Дмитрию и Матвею (см. выше). К 1670 году известен Матвей Осипович Артемьев, чьи земли лежали возле озера Духового. Им принадлежат пашни и покосы, они ведут хозяйство, селят крестьян, строят жильё.

У дворянина Тимофея Осиповича Артемьева была дочь Татьяна, которая вышла замуж за представителя известнейшей дворянской фамилии Пекарских (из этого рода вышел первый академик из Уфы, историк Пётр Петрович Пекарский, 1827–1872). А супруг Николай Семёнович Пекарский во время Полтавского сражения находился в личной охране Петра Великого¹. Одиннадцатого мая 1744 года уже в преклонных летах Татьяна Тимофеевна Пекарская (урождённая Артемьева) уступила свою наследственную, доставшуюся от отца землю зятю бирскому воеводе Никону Филипову, тот был женат на её дочери Дарье Николаевне. На проданной земле стояла деревня Понкина.

Фрагмент карты начала XX века. Озеро Понькино

¹ Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. С.Т. Аксаков. Семья и окружение. Краеведческие очерки. Уфа, 1991. С. 303. Известная история, как Н.С. Пекарский вернулся домой, может быть связана с дер. Понкино.

Текст документа гласит: «Лета 1744-го году маяя первого на десять дня. Уфимского гарнизонного пехотного полку секунд-майора Николая Семенова сына Пекарского жена ево Татьяна Тимофеевна дочь Артемьева, будучи в Уфе, не для какого тайного подлогу, но сущею своею правдою, уступила я, Татьяна, зятю своему родному, пригорода Бирска воеводе, титулярному советнику Никону Филипову старинную землю со всякими угоды, с санными покосы и с лесом отца своего бывшего дворенина Тимофея Осипова сына Артемьева, которая земля с санными покосы и с лесом по наследству и по розделу досталось мне, мне жеребей. И оная моя земля, санные покосы и лес, имеетца за Белою рекою за Вавиловым перевозом в деревне *Понкиной*. И оной свой жеребей 5 четвертей в поле, а в дву потому, с санными покосами и лесом владеть оному зятю моему Никону и дочери Дарье Николаевой, детям их и по них наследником вечно впрок бесповоротно. В чем во уверение сей поступки дано за рукой мужа моего Николая Пекарского бывшему зятю моему камисару Петру Воинову письмо, по которому писму оным моим жеребьем 5-ю четвертями владел прежней муж дочери моей Дарьи Николаевой показанной Воинов. А ныне владеть оной землей, санными покосами и лесом помянутому Филипову. А ежели в показанную поступную старинную землю, санные покосы и лес будет кто вступатца, кроме меня, Татьяны, другие родственники и учинятся зятю моему и дочери моей Дарье от кого какое во оной поступной земле, санных покосах и в лесу помешательство и утеснения или с той земли будет кто ссылать, и мне, Татьяне, ото всяких вступщиков ево, Никона, жену ево и детей очищать, и до убытков ни до каких не довести. Ежели ж во оной поступной моей земле, санных покосах и в лесу учинятся от кого какие ему или дочери нашей, которая ныне в замужестве за оным Филиповым, убытки, и оные убытки взыскать на мне и на предписанном моем муже Николае Пекарском и на детях моих безо всякие отговорки, а до оной поступной моей земли, до санных покосов и до лесу мужу, детям и родственником моим дела нет и никому не вступаться.

У той поступки уступщица майорша Татьяна Тимофеева дочь помесную свою землю со всякими угодыями, с санными покосами и с лесом зятю Никону Филипову уступила, отец ее духовной, церкви Рождества Христова поп Стефан Васильев руку приложил. У той поступки свидетельствовали: Уфимской правинцы секретарь Семен Зубов¹, казанского гарнизонного пехот-

¹ Это отец Николая Семёновича Зубова, дедушки по матери писателя Сергея Тимофеевича Аксакова (см.: *Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Указ. соч. Гл. VIII.*

ного Нижегородского полку поручик Иван Жадовской. Уступную писал и подписал Уфимской правинциальной канцелярии подканцелярист Василей Силин. Запрещения нет¹.

И с той уступки четвертных пошлин осмнатцать копеек 3 чети, от письма 10, от записки 10, за переходные страницы 6 коп., на расход половина, итого 45 коп. четь.

К сей уступки майорша Татьяна Тимофеева дочь Артемьева руку приложила, а подлинную поступную взяла того ж числа. Подлинную поступную Татиана Тимофеева дочь [взяла]. По ее прозьбе церкви Рожества Христова отец ее духовной поп Стефан Васильев росписался.

По сей записки показанную поступную от помянутой Татьяны Артемьевой взял Никон Филипов и расписался².

Таким образом, в первой половине XVIII века существовала старинная деревня Понкина³, которую разделили наследники Тимофея Осиповича Артемьева, а его дочь Т.Т. Пекарская после получила часть («жеребей») поместья в 15 четвертей пашни и покосы с лесом. Она долго владела своей частью деревни Понкиной (выйдя замуж, поместье осталось в её собственности), а когда подросла дочь Дарья и вышла замуж, передала своё поместье в Понкино в распоряжение первого мужа дочери комиссара Петра Воинова, а в 1744 году имение подарила второму зятю.

Что случилось с одной из других частей Понкино показывает ещё один документ: «Лета 1787-го сентября в 30 день. Из дворян уфимская помещица отставного прапорщика Федора Никитина сына Глухова жена Надежда Андреева дочь по отце Моисеевых, в роде своем не последняя, со общаго со означенным мужем моим согласия Уфимской гражданской палаты от крепостных дел дала сию купчую⁴ из дворян господину коллежскому ассесору Николаю Николаеву сыну Пекарскому в том, что про-

Зубовы; *Азнабаев Б.А.* Семён Иванович Зубов – секретарь Уфимской провинции середины XVIII в. // *Бюрократия и власть в Российской империи в XVIII – нач. XX вв.: региональный аспект.* Стерлитамак, 2014).

¹ То есть долгов на имении нет.

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 419–420.

³ Название Понкино, скорее всего, происходит от имени первопоселенца. По сведениям Б.А. Азнабаева, в 1703 году в Уфе служил пеший стрелец с этой фамилией. «Уфимской приказной избы подьячий Петр Степанов сын Халтурин продал на Уфе двор свой с хоромным строением пешему стрельцу Филиппу Иванову сыну Понкину в большом остроге, хором изба да клеть липовая, а с другую сторону огородное место. 9 на 4,5 сажений за 4 рубля (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 12135. Л. 98).

⁴ Вплоть до начала XX века юридический документ на покупку (приобретение, переход, дарение) земли (недвижимого или движимого имущества) назывался «купчая крепость».

дала я, Надежда, ему, Николаю, жене, детям и наследникам ево в вечное и потомственное владение впрок бесповоротно и без выкупу, дошедшую мне после покойной матери моей Анны Селиверстовой дочери по отце Артемьевой, а ей доставшуюся во приданство от отца ее из дворян Селиверста Матвеева сына Артемьева¹, за Белою-рекою, за Вавиловым перевозом у Ольховаго озера в деревне *Понкиной* землю 4 четверти в поле, а в дву потому ж, и со всеми угодьи, состоящую во общих с ним, Пекарским, в гранях и урочищах. За которую проданную землю взяла я, Надежда, с него, Николая, денег 10 руб. И напредь сей купчей оная проданная земля иному никому не продана, не заложена и ни у кого ни в каких крепостях не укрепена. А буде кто по каким ни есть крепостям в тое проданную мною ему, Пекарскому, землю станет вступаться, то мне, Надежде, и наследникам моим ево, Пекарского, жену, детей и наследников ево от тех вступщиков очищать и ни до какого убытка не довести. Но буде моим неочищением оная земля от него, Пекарского, отойдет, то должна я, Надежда, вышеписанные данные мне деньги с пошлины и со всеми причинившимися убытки заплатить все сполна безотговорочно. А сия купчая ему, Пекарскому, впредь в купчую...»²

Часть деревни Понкино принадлежала потомкам Матвея Михайловича Артемьева – сначала Селиверсту Матвеевичу, затем его дочери Анне Селиверстовне в замужестве Моисеевой (в руках дворян Моисеевых были земли современной Алексеевки у Соснового озера), от которой имение в Понкино перешло к её дочери Надежде Андреевне по мужу Глухой.

Хозяин другой части Понкино – Николай Николаевич Пекарский (сын Н.С. и Т.Т. Пекарских) – в 1787 году решил округлить владения и прикупил соседнюю часть деревни. Отметим, что земли разных помещиков не были размежеваны, числились «во общих ... гранях и урочищах». Пекарский тогда вообще приобретал земли в Забелье, за Вавиловым перевозом³. Рядом с Ми-

¹ Артемьевы в феврале 1767 года участвовали в первых выборах уфимского предводителя дворянства, а самым первым в истории «уфимским предводителем дворянства был избран коллежский ассессор Селивестр Матвеевич Артемьев. Артемьев принадлежал к одному из самых старейших уфимских родов. Предок его думный дворянин и воевода Иван Васильевич Артемьев Царем Иваном Васильевичем Грозным послан был для очертания г. Уфы, или проведения окружной межи». С. Артемьев подписан наказ местных дворян в Уложённую комиссию 20 марта 1767 года, созванную императрицей Екатериной II (*Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 77–78, 82*).

² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 1. С. 217–218 (концовка документа не сохранилась).

³ Там же. С. 185.

ловкой существовало сельцо Николаевка (Пекарское тож), основанное наверняка как центр обширных владений.

Но к концу XVIII столетия деревня Понкино исчезает. Пекарские распродают свои владения к западу от города, центром их усадьбы стало сельцо Отрада (ныне Базилевка) к востоку от Уфы, за Дудкиным перевозом. Там Пётр Николаевич Пекарский возводит роскошную усадьбу¹. Наверняка, переселили и жителей деревушки Понкино.

Но где же находилось Понкино? В самом конце XVIII столетия на Южном Урале началось первое всеобщее измерение территории – Генеральное межевание, устанавливались границы и площадь каждого земельного владения. И небольшой участок в 26 десятин 1020 квадр. сажень (9 дес. сенокоса, 13 дес. 610 саж. леса и 4 дес. 410 саж. неудобий) указан как «Сенные покосы выморочного имения после помещика Никона Филипова, которые по указу Оренбургской казенной палаты отданы во владение д. Суровки казенного ведомства ясашных крестьян».

В примечаниях добавлено: «Положение имеет при озере Долгом и по обе стороны, таковых же Кривого, Власова, Черного. Которые против той дачи в самое жаркое летнее время глубиною бывают – Кривое в три аршина, шириною в шестьдесят пять сажень, Власово глубиною в полтора аршина, шириною в пятьдесят сажень, Долгое глубиною в один аршин, шириною в десять сажень»².

Вспомним, что Татьяна Тимофеевна Артемьева (по мужу Пекарская) часть Понкино подарила зятю Никону Филипову. Видимо, детей у того с Дарьей Николаевной не было и, хотя имелись дальние родственники, угодыя почему-то были признаны выморочными и отошли в казну, каковая передала этот небольшой участок крестьянам возникшей деревни Суровки.

Поэтому можно утверждать, что деревня Понкино располагалась примерно на месте современной Суровки, чему есть ещё одно доказательство. На военных картах начала XX века озеро Ольховое между Михайловкой и Суровкой названо «Понькино». Второе, старинное имя озера напоминает о бывшей деревне.

¹ См.: Роднов М.И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. Уфа, 2017. С. 41–42.

² РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1884. Л. 186 об. – 187 (материалы любезно предоставил Ю.М. Абсалямов).

Фрагмент карты начала XX века. Озеро Понькино

На берегах речки Сухой

Второй площадкой, пригодной для постоянного поселения, стала долина маленькой речки Сухой, в первую очередь в месте впадения в неё притока – речушки Виловой. Здесь и поныне стоит деревня Вавилова, мимо проходила большая дорога из Уфы, от Вавилова перевоза (в советское время Деревенской переправы из Нижегородки в Затон) на село Брюхово (совр. Дмитриевка) и далее на запад.

Здесь обосновались уфимские служилые люди Вавиловы, известная, хотя и небогатая фамилия, вошедшая в ряды местного дворянства с XVII века. «По указу царя Михаила Федоровича 1624 г., пожалован был поместью землею 30 четвертями в поле, а в дву потомуж, родоначальник дворян Вавиловых новокрещен Вавила Федоров, получивший впоследствии за свои заслуги прибавку к поместьям» (место не указано). Вавиловы упоминались среди служилых людей Уфы в 1635 году¹. Основные сведения о дворянах Вавиловых собраны Б.А. Азнабаевым².

¹ Новиков В.А. Указ. соч. С. 25, 28.

² «Вавиловы, дворянский род. Родоначальник – Вавила Фролов, из касимовских татар, нёс службу в г. Свияжск. Попал в плен к ногайцам, после

Вавиловы с первой половины XVII столетия стали осваивать забельские земли. Из выше приведённых документов видно, что в 1654 году служилые новокрещёны Осип и Гаврила Вавиловы арендовали у башкир лесные бортевые урочища, в 1716 году Афимья Прокофьевна, жена драгуна Василия Вавилова, и солдат гарнизонного полка Степан¹ Матвеевич Вавилов отдали бор-

освобождения в нач. 17 в. выехал в Астрахань, затем в Уфу, где принял крещение. Был дворцовым крестьянином с Богородское, в 1616 записан в стрельцы. Вёрстан (зачислен на воен. службу с назначением поместного и денежного жалования) в 1622 по списку служилых новокрещен [...]. С 1624 владел землями по р. Белая: предполож., им была основана д. Вавилово. Его сыновья: *Осип В.*, участник подавления баш. восстания 1662–64. Вёрстан в 1646 по списку служилых новокрещен с поместным окладом 100 четв. земли. В 1648 вместе с братом Гаврилой имел отдельное от отца поместье за р. Белая. Одним из первых уфим. служилых людей заключил в 1654 письменный договор с башкирами Минской вол. Казанской дороги о припуске, пользовался угодьями по р. Белая в счёт уплаты оброка (по 3 кунницы в год и 40 алтын за борть). В 1662–80 окладчик (выборный, определявший поместное и денежное жалование новым дворянам) у служилых новокрещен; *Гаврила В.* (? – не позднее 1694), участник подавления баш. восст. 1662–64. Вёрстан в 1656 по списку служилых новокрещен с поместным окладом 100 четв. земли. Участвовал в стр-ве Бирска. Сыновья Осипа В.: *Матвей Осипович В.*, участник подавления баш. восстания 1681–84. Вёрстан в 1670 по списку служилых новокрещен; в 1686 его поместный оклад составлял 200 четв. земли. Стрелецкий сотник Уфы; *Пётр Осипович В.*, участник Крымских походов 1687 и 1689. Вёрстан в 1683 по списку служилых новокрещен с поместным окладом 200 четв. земли. Сыновья Гаврилы В.: *Фадей Гаврилович В.* (ок. 1654 – ?), участник Крымских походов 1687 и 1689. Вёрстан в 1681 с поместным окладом 200 четв. земли. В 1694 унаследовал поместье отца и дяди Осипа В. Участвовал в переговорах с яицкими казаками о примирении с башкирами. Владел 250 четв. земли по р. Белая; *Фёдор Гаврилович В.* (ок. 1658 – ?), владел землями и деревней по р. Белая; *Пётр Гаврилович В.*, вёрстан в 1687 с поместным окладом 250 четв. земли. Сын Фадея Гавриловича В. – *Иван Фадеевич В.*, участник Северной войны 1700–21. Служил в Уфим. дворянской роте; с 1738 в отставке. Также известны: *Михайла Фёдорович В.*, титулярный советник. Служил в Оренб. губ. правлении; *Гаврила Аникиевич В.* (1746 – не ранее 1775). Служил в Яицком казачьем войске, прапорщик. Нёс службу в Верхнеяицкой крепости [...], в 1773–74 – в Карагайской крепости. Род В. записан в 6-ю часть дворянской родословной книги Оренбургской губернии. По Генеральному межеванию представители рода владели более 1 тыс. дес. земли в Уфимском уезде. К нач. 20 в. было известно ок. 200 представителей рода, к-рые несли воен. и гражд. службу на терр. Оренб. и Уфимской губерний. Имя В. сохранилось в топонимике (Вавилов перевоз, Вавилова гора)» (*Азнабаев Б.А. Вавиловы // Башкирская энциклопедия. В 7 т. / Гл. ред. М.А. Ильгамов. Т. 2: В–Ж. Уфа, 2006. С. 5–6*). По сведениям Б.А. Азнабаева, в сословие служилых татар могли входить выходцы из других народов (мордвы, башкир и пр.).

¹ Подъячий Стефан Вавилов в 1681 году получил оклад в 14 рублей, служи-

тевые урочища, видимо, этим промыслом они постоянно занимались. В 1758 году назывался даже Вавиловский лес.

Обмен пахотной землёй в 1724 году показывает границы владения: «Писана поступная такова: уфинцы – отставной новокрещенского списку Фадей Игнатъев сын да Уфинского гарнизонного полку салдат Лукьян Михайлов сын Вавиловы написали меж себя сию полюбовную поступную в том: поступился я, Фадей, оному Лукьяну старинней отводной пахотной землею, своим повытьем, которая была у меня в отводе вопче з братьями своими Михаилом да Федором Гавриловыми детьми и з другими. Которая пахатная моя земля по левую сторону Минской дороги по выше усадю от Красного Яру, что на усть Сухой речки, что по которой Минской дороге ездят на Красной Яр прямо чрез поля по дуб, что вырос из одного корня на двое. А я, Лукьян, вместо показанной поступной мне пахотной земли поступился ж ему, Федею, новоотводною своею пахотною землею и санными покосы, свое повытья, которая отведена отцу моему, Лукьянову, Михайле Вавилову с ним, Фадеем, вопче, что в прибавку, которая в межах: от дачи иноземцов до ржавца, которой вышел ис Приворотного колка, а от того колка прямо к черному лесу, а возле черного лесу до дачи Алексея Шигалеева. И нам, Федею и Лукьяну, сменными показанными землями, кому от кого которая по смене по сей поступной досталось, владеть вечно и детям и внушатам нашим, и употреблятца в тех поступных землях всем, что какия в них угодыя есть. И впредь нам и женам нашим и детям и внушатам с тех поступных своих земель, кто кому поступился, не ссылать и никакова изнурения не чинить, и от вступщиков посторонних людей каждому из нас, в чью поступную землю станут вступатца, очищать, и убытка в том не учинить. А буде кто из нас кого с поступной своей земли станет ссылать или от вступщиков не станет очищать, то тому кого кто станет ссылать или утеснять и от вступщиков не будет очищать, и учинятца в том какия убытки, то изобиженному за вступление и за неочитску взять за неустойку 10 руб. да убытки по изобиженовой скаске и впредь друг друга очищать. А ся поступная и впредь в поступную. А быть сей подлинной поступной у меня, Фадея, а мне, Федею, с сей поступной дать за своею рукою ему, Лукьяну, копию слова в слова.

И к той поступной вместо Фадея Игнатъева сына Вавилова по ево прозьбе Уфинской концелярии копеист Яков Ногаев руку

лые новокрещёны Андрей Гаврилович Вавилов – поместный оклад в 200 четей и 3 рубля, Михайло Гаврилович Вавилов – тоже 200 четей, а служилым новокрещёнам Матвею Осиповичу и Петру Гавриловичу Вавиловым жалованья «давать не велено» (Новиков В.А. Указ. соч. С. 225, 227).

приложил. Вместо уфинского гарнизона салдата Лукьяна Михайлова сына Вавилова по ево веленью Петр Друецки руку приложил. Свидетельствовали оную поступную Уфинской земской конторы подканцелярист Василей Ногаев, Уфинской канцелярии подьячие Андрей Протопопов, Степан Петровской, уфинского гарнизона салдат Федор Москвитинов.

И с той поступной пошлин 5 алт., за письмо гривна, отзаписки гривна, за излишнюю страницу 6 ден., да на нужные расходы взято.

Такову подлинную поступную Фадей, а с подлинной копию Лукьян Вавиловы взяли. По их веленью росписался подьячей Андрей Протопопов»¹.

К моменту обмена землями между Фадеем Игнатьевичем и Лукьяном Михайловичем Вавиловыми в 1724 году здесь уже были обжитые земли и распаханые владения. Уфимские власти наделяли тут угодьями многих служилых людей, говорится о «старинней отводной пахотной» земле. Отец последнего – Михаил Гаврилович Вавилов имел здесь поместье вместе с братом Фёдором «и з другими». Именно М.Г. Вавилов вместе с Фадеем получил землю «в прибавку», то есть им увеличили площадь поместьев. А сын его Лукьян решил обменяться угодьями, отдав новую пашню пожилому (он в отставке) Фадею, забрав себе старопахотные земли.

Называются соседние владения: «дачи иноземцев» – в Уфе служило много выходцев из Речи Посполитой, а также дача (словом «дача» в старину звали вообще земельное владение) Алексея Шигалеева. Указано положение имений Вавиловых: от «Минской дороги повыше усадю от Красного Яру, что на усть Сухой речки, что по которой Минской дороге ездят на Красной Яр». Под устьем сухой речки, скорее всего, понималось впадение в Сухую речку Виловатой, именно отсюда шла дорога в Красный Яр, названная «Минской», она шла из земель башкир-минцев.

А упоминание термина «усад» – усадьба – свидетельствует о постоянном жилье. То есть к 1724 году это место уже было плотно освоено мелкими уфимскими служилыми людьми, заметим, что оба Вавиловых (солдат и отставной) неграмотные, за них подписывают документ.

Деревня Вавилова изначально возникла как поселение мелких служилых людей, у которых, наверняка, и крепостных почти не имелось. Они сами занимались сельским хозяйством и, хотя затем сумели получить дворянство, оставались мелкопоместными, а селение разделилось между родственниками, часть дерев-

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. III. С. 224–225.

ни звалась Старое Вавилово.

Ап.М. Васнецов. Стены деревянного города. Москва XVII века. 1920 год

Когда в феврале 1792 года надворный советник А.Ф. Моисеев покупал у башкир соседние (в сторону Красного Яра за озером Ольховым) земли называлась деревня Старое Вавилово¹. Это подтверждает договор о продаже земли в 1797 году.

«Лета 1797-го июля в 21 день. Из дворян отставныя казаки Данила Григорьев, Федор Иванов, Алексей Михайлов и казачей урядник Данила Михайлов дети Вавиловы, в роде своем не последняя, в Оренбургской [находилась в Уфе] палате суда и расправы во втором департаменте от крепостных дел дали сию купчую из дворян отставному канцеляристу Даниле Иванову сыну Протопопову в том, что продали мы, Вавиловы, ему, Протопопову, и наследникам по нем в вечное и потомственное владение часть жалованной предкам нашим земли, владеющей на-

¹ Там же. Т. IV. Ч. 1. С. 314–315.

ми по отказным 7205 года* июля 31 дня книгам, состоящую в Уфимской округе за Белою рекою по Казанской дороге в деревне Старой Вавиловой, по урочищам: от усадьбы нашей, что на горе, чрез сухую речку, где был близ гумна поставлен столб дубовой, на нем грань, с того столба чрез поля прямо на осинового куст, в кусту на дубу грань, и с того куста и з грани к липовому колку к грани, что на дубу, по дачу Володимера Куровскаго, а с того липоваго колка чрез дуброву им по конец дубровы, на дубу грань, а с того дубу, едучи к городу Уфе, подле Казанской дороги на левой стороне, близ той дороги на моховое болото, а с того моховаго болота прямо чрез землю отставнаго новокрещенскаго списку Семена Уржумцева, которою землею владеть без дачи, чрез сухую речку к усадьбе нашей на озерко, где была над сухою речкою на виловатом вязу грань. А взяли мы, Вавиловы, за оную часть земли денег 325 руб.»¹

В конце XVIII столетия Вавиловы по-прежнему рядовые служилые люди, записавшиеся в уфимские городовые казаки², самый высокий чин этих мелкопоместных дворян – урядник. У них свои усадьбы в Старом Вавилово «на горе», занимаются хлебопашеством, есть гумно (площадка для молотьбы хлеба, ток). Вавиловы прочно сидят на своей земле, продали только часть владений, документы на которые они берегут (отказные 7205 года), это подтверждает их дворянский статус.

Хотя во второй половине XVIII века среди высшего и среднего звена управленческого аппарата края не было ни одного Вавилова, представители этой дворянской фамилии прославились на службе Отечеству. Так, Пётр Осипович и Фаддей Гаврилович Вавиловы участвовали в крымских походах в XVII веке³.

Вавиловы были не единственными мелкопоместными служилыми людьми, которым выделялись здесь земли. Недалеко, вверх по речке Виловатой возникает сельцо Куровское (совр. промзона Курасково). В XVII – начале XVIII столетия упоминается деревня *Порошина* (1723 год, смотри выше).

Происхождение её, видимо, связано с дворянами Волковыми, «по справке с отказных книг в 7149 году [1641] написано в уфимском уезде за Белой Волошкой вдовы прожиточный жеребий Порошинской жены Волкова Любавы то поместье отказано уфимцу Осипу Михайлову Артемьеву на 20 четей в поле сенные покосы и все угодыя», а межи / границы владения были у озера

* 1697 г.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 1. С. 366.

² О казаках см.: *Иванов В.А., Кортуннов А.И., Косянов В.И., Чугунов С.М.* Оренбургское и Уральское казачьи войска. История и культура. Уфа, 2009.

³ *Новиков В.А.* Указ. соч. С. 69.

Ольхового. В XVII веке в Уфе был известен Пороша Волков.

По переписи 1647 года фиксируется «у Ольхового озера деревня Волкова за недоросли за Васильем да за Петром Федоровыми детьми Волкова». К тому времени здесь жили несколько крепостных. «В числе 4 людей Волкова один как сказано в переписной книге, пришел из Мурашкина 5-й год, и один Малой Сидорка Яковлев 12 лет сказался подговорен из Нижнего другой год». То есть маленькое поселение существовало с 1640-х годов.

Волковы – известный дворянский род. Фёдор Васильевич Волков имел также землю возле Соснового озера¹. Ф.В. Волков был вёрстан (получил землю за службу) в 1627 (135) году, Василий Фёдорович Волков – в 1657 (165) году². Это было многочисленное семейство. Видимо, Волковы часть своих земель продают дворянам Куровским. В 1697 году рядом с землями Вавиловых упоминается поместье Владимира Куровского (см. выше)³.

Наконец, совсем рядом с Вавиловыми закрепились дворяне Щиголевы. Ещё в 1647 году Артемий Акатов Щиголев был пожалован в дети боярские, сын его Иван в 1654 году получил землю к югу от города, «а по отказным книгам 1695 года, 19 мая, отведено в поместье внукам Артемия Алексею, Даниле и Михайле Ивановым Щиголевым часть дикаго поля, именуемаго Брешиная степь, оставшагося после Уфимца Кирилова и состоящаго за Вавиловым перевозом»⁴. Подробные сведения о дворянах Волковых, Куровских, Щиголевых опубликовал Б.А. Азнабаев⁵.

Южнее, на правом берегу речушки Сухой в начале XIX века стояло маленькое сельцо Старое Щиголево. Новое Щиголево возникнет к юго-западу на берегу речки Каменки. Но затем деревушка Старое Щиголево была ликвидирована⁶.

Таким образом, во второй половине XVIII века существова-

¹ НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 2. Л. 66 об.

² Там же. Л. 131 об.

³ Семён Афанасьевич Куровский упоминается в 1653 году, а Фёдор Семёнович получил землю (вёрстан) в 1670 (178) году (Там же. Л. 126).

⁴ Новиков В.А. Указ. соч. С. 29.

⁵ См.: Азнабаев Б.А. Уфимское дворянство в конце XVI – первой трети XVIII вв. (землевладение, социальный состав, служба). Уфа, 1999; *Он же*. Волковы // Башкирская энциклопедия. Т. 2. С. 114–115; *Он же*. Куровские // Там же. Т. 3: З–К. Уфа, 2007. С. 616–617; см. также сайт Башкирской энциклопедии (Щигалёвы, др.).

⁶ Об этих селениях см.: Агеева Маргарита. Уфимское Заречье // Уфа: страницы истории. Кн. 1 / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2015. С. 313 (в начале XIX века владельцами земель в Старом Щиголеве являлись сержант Степан Иванович Щиголев, неслужащие Николай и Пётр Степановичи, Фёдор, Яков и Мария Ивановичи, Семён, Фёдор и Николай Николаевичи, Яков Васильевич Щиголевы).

ла деревня Вавилово на Сухой речке, состоявшая из Старого и Нового Вавилово и лежавшего с юга сельца Старое Щиголево. Вверх по речке Виловатой стояла деревня Куровская, где лежали владения дворян Волковых и Куровских. А на северной окраине озера Ольхового осталась пустошь от деревни Понкино, бывшее владение дворян Артемьевых. Суровки ещё не было. По данным списка государственных, дворцовых и монастырских деревень Уфимской провинции за 1765 год Суровка не упоминается¹.

Возможно, на структуру расселения в этой местности и исчезновение ряда деревень сказалось влияние Пугачёвского бунта, когда в окрестностях Уфы многие помещичьи имения были разорены. В селе Красный Яр стоял большой отряд бунтовщиков (около 300 чел.), встречается в документах Подымалово, но иные селения не упоминаются². В то же время активные действия велись возле Вавилова перевоза (в районе совр. Нижегородки), там стояли соляные амбары, которые были захвачены бунтовщиками уже 3 декабря 1773 года. Соль отсюда перевозилась в главный лагерь мятежников в село Чесноковку. А защитники города ездили за Вавилов перевоз за сеном на лугах. Пугачёвцы поставили за Вавиловым перевозом военный пост (пикет), а защитники держали караульных на Вавиловой горе (высокий подъём в Нижегородке)³.

Итак, начиная с XVII столетия район Ольхового озера и речки Сухой активно осваивался, здесь возникают небольшие поселения мелких служилых уфимских людей, часть из которых исчезает (Понкино, Порошино, др.) или меняет название. Политические потрясения – набеги калмыков, вторжения бунтовавших башкир (весной 1682 года восставшие башкиры заняли сёла Красный Яр, Лавочное и др.⁴) – оставались редкими эпизодами. Документы показывают, что к середине XVIII столетия были освоены (имелись пашни и покосы) земли на северной оконечности озера Ольхового и долина речек Сухой и Виловатой.

¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. М., 1956. Док. № 352.

² См.: Крестьянская война 1773–1775 гг. на территории Башкирии. Сборник документов. Уфа, 1975.

³ Журнал Уфимской комендантской канцелярии о ходе боевых действий против повстанческих отрядов И.И. Зарубина-Чики под Уфой с 24 ноября 1773 г. по 24 марта 1774 г. (подготовил Р.В. Овчинников) // Южноуральский археографический сборник. Вып. 1. Уфа, 1973. С. 310, 312, 317, 318, 320, 323.

⁴ Акманов И.Г. Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII века. Свердловск, 1991. С. 79.

Глава II. Вокруг Михайловки (конец XVIII – середина XIX столетий)

С конца XVIII века жизнь приобрела стабильность. Закончились мятежи, Уфа стала центром наместничества, затем гражданской столицей Оренбургской губернии. Важнейшим событием явилось проведение с 1798 года Генерального межевания. Впервые в истории территория края была достаточно точно измерена, установлены границы всех поземельных владений, «дач», говорили тогда. Документация и карты Генерального межевания использовались вплоть до конца существования Империи и служили главным доказательством прав на землю.

У каждого селения своя неповторимая судьба. Не все сохранились до наших дней. Так, сельцо Вавилово имело приставку Старое, что показывало его древность, а также потому, что между Дмитриевкой и Миловкой находилось сельцо Новое Вавилово. По Генеральному межеванию Новое Вавилово (13 дворов, 79 чел. крепостных, 535 дес.) являлось общим владением из дворян отставного капрала Матвея и урядника Фёдора Ивановичей, неслужащего Петра Дмитриевича, «находящегося в службе Михайлы Егорова» и малолетнего Василия Алексеевича Вавиловых. «Да в оном сельце жительствоуют по припуску вышеписанных владельцев разные люди: уфимские казаки, отставных солдат города Уфы, мещан из оброку на срочные времена, кои и по ревизии при оном сельце состоят»¹.

Земли мелкопоместных дворян затем скупали богатые соседи. Так, из владений капрала Матвея Ивановича Вавилова по шести сделкам при сельце Новое Вавилово дворяне Дмитриевы в 1806, 1811 и 1812 годах купили около 536 дес., включая площади под усадьбами, пашню, покосы и лес².

Кроме того, в первой половине XIX столетия с юга к Вавилово примыкало сельцо Старое Щиголево. Вместе с лежавшим южнее Новым Щиголевым это было совместное (неразмежёванное) владение с князем Баратаевым (хозяин Миловки) и дворянами Пекарскими (13 дворов, 46 крепостных, 618 дес. земли). «Сельцы Старое и Новое Щиголевы – общего владения сержанта Степана Иванова сына Щиголева, действительного тайного советника князя Ивана Михайловича Баратаева, подпрапорщика Ивана Иванова, неслужащих Николая, Петра Степановых, Федора, Якова, Матвея Ивановых, Семена, Федора Яковлевых, Ни-

¹ Абсалямов Ю.М. Помещики-землевладельцы Уфимского уезда Оренбургской губернии на рубеже XVIII-XIX веков // Река времени. 2011. Уфа, 2011. С. 45.

² НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 481. Л. 1 об. – 2.

колая Николаева, Якова Васильева детей Щиголевых, полковника Михайлы, майора Петра, поручика Семена Николаевых детей Пекарских. В оных жительство имеют по припуску вышеписанными владельцами разныя люди: в Старом Щиголеве – солдатских малолеток, отставных солдат, в Новом Щиголеве – подпрапорщика Щиголева, города Уфы купцов, того ж города мещан, солдатских малолеток, казаков, бесчастных на срочные времена из оброку»¹. Состав жителей, к примеру, показывает размежевание в сентябре 1801 года в соседнем сельце Куровском. В качестве поверенных из Нового Вавилово прибыли казак Николай Кудрявцев и казачий малолеток Дмитрий Северьянин, а из Нового Щиголево – города Уфы купец Никифор Сурков и мещанин Никита Алексеев².

План исчезнувшего сельца Старого Щиголево, 1801 год
(НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 14385)

Видимо, продолжавшиеся споры из-за земли, бедность дворян Щиголевых, которые сдавали свои угодья в аренду, привели к исчезновению селений Старое и Новое Щиголево.

С древнейших времён дорога из Уфы в Бирск и далее на запад, в Прикамье шла через Вавиловский перевоз в Нижегородке. Затем тракт пролегал по совр. улице Ахметова в Затоне. Но в первой половине XIX столетия он сворачивал к Дмитриевке, вдоль речки Васильевки. Деревни Вавилово и Куровское ле-

¹ Абсалямов Ю.М. Указ. соч. С. 47–48.

² НА РБ. Ф. И-351. Оп. 2. Д. 3541. Л. 11 об. – 12.

жали в стороне от большой столбовой дороги (вдоль тракта стояли полосатые столбы). Лишь в середине века (примерно в 1840-е – начале 1850-х годов) тракт провели непосредственно через эти две деревни и далее на Подымалово, что сильно повлияло на жизнь как сельчан, так и помещиков.

Александр Сергеевич Пушкин. Зимняя дорога

Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льёт печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни чёрной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только вёрсты полосаты
Попадают одне...

§ 1. Старые деревни. Вавилово

Сельцо Старое Вавилово состояло из двух частей. Площадь «дачи» *первого полсельца* включала 135 дес. 2018 квадр. саж., из них под усадьбами было занято 1600 квадр. саж., пашни имелось 41 дес. 1208 саж., сенокосов – 49 дес., леса – 38 дес., неудобий всяческих насчитывалось 6 дес. 1610 саж. Официальной единицей измерения считалась казённая десятина = 2400 квадр. саженой или 1,09 гектара. Хотя в Башкирии в многоземельных степных волостях десятина была больше, а в северных лесных – меньше, все цифры здесь приведены в казённых десятинах.

А принадлежало сие поместье из дворян канцеляристу Даниле Ивановичу Протопопову. По более точным сведениям, он купил имение 21 июня 1791 года у дворян и отставных казаков Данилы Григорьевича, Фёдора Ивановича, Алексея Михайловича и казачьего урядника Данилы Михайловича Вавиловых.

Уфимский чиновник, видимо, купил землю вместе с крепостными крестьянами – 4 двора, где по V ревизии проживали 11 мужских и 8 женских душ. Пятая ревизия прошла в 1795 году.

Поместье Протопопова при проведении Генерального межевания оспаривал «поверенный надворного советника Никиты Евменьева Мажарова»¹ отставной поручик Алексей Седельстром, претендовали на часть земли. Но неудачно. Решением Уфимского уездного суда от 26 марта 1808 года Н.Е. Можарову «отказано», хотя его брат коллежский советник Матвей Евменьевич Можаров служил председателем палаты уголовного суда.

Кроме того, имелся ещё ненаселённый небольшой сенокосный участок в 17 дес., «часть пустоши Голупцовой – владения из дворян канцеляриста Данилы Иванова сына Протопопова»².

Со времён Петра Великого в России стали проводить переписи жителей – ревизии, но переписывали только податное население, что платило налоги. Систему император установил подушную, единицей налогообложения стала мужская ревизская

¹ Абсалямов Ю.М. Указ. соч. С. 50; НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 3091. Л. 1, 9 об. Более подробные сведения о земле: пашни – 41 дес. 1208 саж., сенных покосов – 16 дес., сенных покосов с мелким дровяным лесом – 33 дес., дровяного леса – 35 дес., леса по болоту – 3 дес., под поселением с огородами, гуменниками и коноплянниками – 1600 саж., под просёлочной дорогой – 750 саж., под большой столбовой дорогой – 600 саж., под речкой Сухую «и половиною оной» (то есть противоположные берега принадлежали разным владельцам) – 260 саж. Всего – 135 дес. 2017 саж.

² Абсалямов Ю.М. Ненаселённые земельные владения помещиков Уфимского уезда Оренбургской губернии на рубеже XVIII–XIX веков // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы / Отв. ред. Ю.М. Абсалямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012. С. 23.

душа, на женщин налоги не начисляли. Ревизии фактически являлись переписями налогоплательщиков.

Фрагмент плана Генерального межевания. Вавилово и окрестности

При межевании землемеры составляли описание каждого владения. Вот как выглядело первое полсельцо Вавилово Старое: «Селение положение имеет речки Сухой на правой стороне. В том сельце дом господской помещика Протопопова – деревянной, об одном этаже. Жители водою довольствуются из показанной речки, которая к употреблению людям и скоту здорова. Дачею простирается вышеписанной речки Сухой на правой и по обе стороны оной и большой столбовой дороги, лежащей из города Уфы в город Бирск. Вышеписанная речка в летнее жаркое время течение имеет малое. Грунт земли, урожай хлеба и сенных покосов, произрастание лесу и какие в нем бывают звери, птицы сходственно с описанием № 85. Крестьяне состоят наиздеље. Промысел имеют хлебопашеством. Зажитком скудны. Женщины сверх полевой работы прядут лен, посконь и шерсть, ткнут холсты и сукна для господина и на себя»¹.

Через несколько лет после межевания канцелярист Данила Иванович Протопопов скончался и по духовному завещанию 23 февраля 1799 года земля «представлена во владение племяннику своему родному из дворян коллежскому регистратору (что ныне титулярной советник) Павлу Васильеву сыну Протопопову»².

На 1802 год губернский секретарь Павел Васильевич Протопопов служил на важной должности заседателя земского суда

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1884. Л. 180 об. – 182 (эти и последующие материалы РГАДА любезно предоставил Ю.М. Абсалямов). Посконь – домотканый холст из волокна конопли.

² НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 3091. Л. 9 об.

в Уфе¹. В отличие от соседей – обедневших Вавиловых – семейство Протопоповых удержалось в рядах «средних» чиновников, что позволяло содержать небольшое поместье под городом.

Карьера складывалась успешно. На 1820 год титулярный советник Павел Васильевич Протопопов уже судья, стоявший во главе Уездного суда. Среди его подчинённых – заседателей был штабс-капитан Яков Васильевич Щиголев². А к 1829 году вавиловский помещик поднимается ещё выше по карьерной лестнице – титулярный советник Павел Васильевич Протопопов служит заседателем Гражданской палаты (где рассматривались духовные завещания, применение государственных актов), в аппарате непосредственно подчинявшемся гражданскому губернатору И.А. Дебу³. До 1836 года П.В. Протопопов выходит на пенсию и, видимо, вскоре умирает.

После смерти отца имение в Вавилово наследовали три брата. Землю полюбовно поделили ещё в 1840 году, каждому досталось примерно по 41 дес. (было всего 135 дес.). Раздельный акт был утверждён 16 ноября 1844 года в Оренбургской (в Уфе) палате гражданского суда между титулярным советником Николаем⁴, губернским секретарём Алексеем и канцеляристом Иваном Павловичами Протопоповыми. Первый наследовал крепостных 7 душ по последней ревизии (с народившимися после детьми), из коих было 3 мужчин и 4 женщины. Алексей получил 10 душ (3 муж., 7 жен.), Иван – восемь (3 муж. и 5 жен.)⁵.

Полсельцо разделили на три части, но конкретные границы установил землемер А.К. Траппер лишь летом 1859 года. Первая часть досталась титулярному советнику Николаю Павловичу Протопопову⁶ (42 дес. 995 саж., в том числе пашни – 24 дес. 755

¹ Месяцослов с росписью чиновных особ в государстве, на лето от Рождества Христова 1802. СПб., б. г. С. 395.

² Месяцослов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1820. Ч. 2. СПб., б. г. С. 349.

³ Там же 1829. Ч. 2. СПб., б. г. С. 315.

⁴ На 1831 год титулярный советник Н.П. Протопопов служил заседателем Уфимского уездного суда (Там же на 1832. Ч. 2. СПб., б. г. С. 245).

⁵ НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 137 и об.

⁶ В мае 1855 г. упоминалась жена уфимского уездного попечителя хлебозапасных магазинов помещичьих имений титулярного советника Николая Павловича Протопопова Раиса Дмитриевна (Там же. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 38. Л. 88 об.). А 4 февраля 1856 года в Ильинской церкви Уфы 45-летний титулярный советник Николай Павлович Протопопов венчался третьим браком с 19-летней уфимской мещанкой Елизаветой Петровной Подьячевой (Там же. Д. 39. Л. 400 об.) и 3 августа 1857 г. в семье письмоводителя Уфимского попечительного комитета о бедных Н.П. Протопопова родилась дочь Ольга. В 1859 г. у них родился сын Валентин (15 марта), младенец умер в том же году. Родившегося 22 апреля 1861 года второго ребёнка снова нарекли

саж., дровяного лесу – 18 дес., под озером безымянным – 240 саж.). Вторая отошла к губернскому секретарю Алексею Павловичу Протопопову (40 дес. 1166 саж., включая пашни 22 дес. 966 саж., дровяного леса – 18 дес. 200 саж.). Третья часть площадью 40 дес. 2088 саж. (пашни – 19 дес. 588 саж., дровяного лесу – 21 дес., под просёлочными дорогами – 1500 саж.) стала собственностью унтер-офицера Ивана Павловича Протопопова.

План 3-й части Вавилово (И.П. Протопопова). 1859 год
(НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 13577)

Во всех имениях поселений не имелось, лежали «впусте», но кроме них в едином владении трёх братьев осталась доля «общей выгонной и усадебной части пол сельца Старого Вавилова» площадью 9 дес. 1714 саж.

Здесь находились усадебные постройки Протопоповых, видимо, изначально единый жилой комплекс, поделённый натрое. Этот участок пересекала почтовая дорога в Бирск, речка Сухая, направо была выгонная земля, а «потом за дорогом поселение». На плане 1859 года хорошо видно, что два двора в Старо-Вавилово стояли буквально на самом тракте, а два – в стороне (четыре домовладения). Вся усадебная земля занимала 3 дес. 500 саж., выгон – 3 дес. 1464 саж., под большой дорогой лежало 2 дес. 1800 саж., ещё 350 саж. захватила речка Сухая¹.

Валентином (Там же. Д. 40. Л. 368 об.; Д. 42. Л. 368 об., 424 об.; Оп. 2. Д. 2. Л. 385 об.).

Дворянин Валентин Николаевич Протопопов жил в Уфе, супруга – Елизавета Никитична. Когда у них 21 марта 1905 г. родилась дочь Анастасия, крёстными стали дворяне Иван Андреевич Ельшин и Мария Валентиновна Протопопова (Там же. Оп. 5. Д. 9. Л. 34 об. – 35).

¹ Там же. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 13578.

Ивана Даниловича, неслужащих Данилы Михайловича, Ильи Алексеевича, отставных казаков Данилы Григорьевича, Фёдора Ивановича, Григорья Алексеевича, неслужащих Гаврилы Михайловича, Данилы Алексеевича, малолетнего Максима Мартемьяновича, коллежского регистратора Михайлы Даниловича, дворян Петра и Семёна Ивановичей Вавиловых¹.

Единое владение многочисленных дворян Вавиловых показывает план 1801 года. На пересечении речек Сухой и Виловатой, вдоль просёлочной дороги в селцо Куровское раскинулись домовладения. Если каждый (зелёный) участок на плане считать за огород, то к 1801 году в этом полсельце их насчитывалось 15, самых разных размеров, от совсем маленьких, до больших. Внутри некоторых видны постройки.

План Вавилово. 1801 год (НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 13585)

В деревне стояло 11 домов и дворяне сами землю пахали, а дворянки ткали холсты. Вот как увидели их жизнь землемеры во время Генерального межевания: «Селение положение имеет речек Сухой и Виловатой и по обеим сторонам. Во оном полсельце

¹ Кроме того, среди дворян Уфимского уезда состояли Вавиловы: Матвей Иванович, другой Фёдор Иванович, Пётр Дмитриевич, Михаил Егорович, Василий Алексеевич и Алексей Михайлович (Абсалямов Ю.М. Помещики Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (по описаниям хозяйств Уфимского уезда) // Река времени. 2004. Уфа, 2005. С. 19).

одинадцать домов господских – деревянных, об одном этаже. Жители водою довольствуются из показанных речек, которая к употреблению людям и скоту здорова. Дачею простирается показанных речек Сухой на правой и по обе стороны оной и Виловатой. Вышеписанные ж речки в самое жаркое летнее время течение имеют малое. Грунт земли, урожай хлеба и сенных покосов, произрастание лесу и какие в нем бывают звери и птицы сходственно с описанием № 85. Состоящих из оной даче землю обрабатывают показанные владельцы по неимению за собою крестьян сами для своего продовольствия. Зажитком средственны. Женщины сверх полевой работы прядут лен, посконь и шерсть, ткнут холсты и сукна для себя, а частью и на продажу»¹.

А 27 сентября 1801 года была «учинена межа» полсельца Старого Вавилова почти тех же владельцев, что перечислены выше, лишь добавился казак Алексей Михайлович, первый в списке был уже отставной казачьей службы урядник Иван Данилович, да у Максима отчество записали «Артемьева сына».

При установлении границ землю измеряли (использовалась астролябия) и сведения приводили по вычисленным межам, но примерные рубежи можно показать. Граница начиналась от смежного владения сельца Куровское помещика В.А. Куровского, где стоял межевой столб, поставленный землемером Поповым, пред столбом на расстоянии одной сажени вырыта «межевая яма в ней положено уголье и три камня». Рядом была «починная межевая яма» на границе с владениями Д.И. Протопопова, «в ней положено уголье и пять камней». Линии устанавливались с помощью геодезических приборов, но естественные координаты тоже использовались: «на праве дровяной лес» всех Вавиловых, «а на лево» такой же сельца В.А. Куровского.

Затем, «перешед дорогу лежащую из полсельца Старого Вавилова в село Брюхово» (совр. Дмитриевка), землемеры дошли до «пустоши Сухой речки владения» жены соседнего помещика А.В. Куровской, опять справа был дровяной лес Вавиловых, слева – Куровских. Далее двигались по ямам и столбам, перешли дорогу из Старого Вавилова в Куровское «и речку Виловатую, направо пашня, сенной покос и дровяной лес» Вавиловых, налево – этой самой пустоши. Опять минуем столбы и ямы, переходим дорогу из Вавилово «в село Красный Яр», направо – вавиловские пашни, слева – лес, что рос на пустоши. Перейдя речку Сухую, доходим до земель Алексеевки (помещиков Моисеевых).

А там «вниз речки Сухой», которая составляла естественную межу «и перешед суходол» справа видим вавиловский покос,

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1884. Л. 181 об. – 182.

слева дровяной лес Алексеевки. После выходим «на большую столбовую бирскую дорогу», а потом, «перешед речку Виловатую и дорогу» из одной части (полсельца) Вавилова в другую, возвращаемся на исходный пункт.

Эти измерения показывают более подробные сведения о размере землевладения в Старом Вавилово: пашни было 61 дес. 2330 саж., сенокоса – 48 дес. 1374 саж., сеного покоса, «между коим дровеной лес» – 5 дес., леса – 49 дес. 600 саж., лесу по болоту – 1 дес., «под поселением, огородами, гуменниками и коноплянниками» было 4 дес., под просёлочными дорогами – 1 дес. 900 саж., под речками Сухой и Виловатой «и под половиною той же речки Сухой» – 740 саж. Итого – 171 дес. 1144 саж.

Установленную границу утвердили 25 сентября 1807 года в Оренбургской (в Уфе) межевой конторе. При подписании документа, кроме помещиков, приглашались свидетели из окрестных деревень. Из Суровки были Андрей Карпов, Игнатей Петров, а из деревни Щиголовой – отставной сержант Степан Иванов с крестьянином Семёном Лукьяновым¹.

Судьбы мелкопоместных «дворянских» деревень, а вокруг Уфы имелось немало подобных русских и татарских селений, изучать трудно. Жители относились к благородному сословию, пусть и бедному, налогов не платили и во время переписей-ревизий не учитывались. А крепостных у них вовсе не имелось.

Лишь если кто-то богател и покупал крепостных, он фиксировался в ревизиях. Так, в 1832 году из дворян коллежский регистратор Григорий Тимофеевич Вавилов купил у коллежского секретаря Ивана Артемьева Авдокима Иустинова (ко времени ревизии 17 апреля 1834 года тому исполнилось 17 лет) и перевёл подростка в деревню Вавилово². Вплоть до отмены крепостного права подобных покупок почти не фиксируется. Дворяне Вавиловы вели скромный образ жизни, но землю не продавали.

Деревня Вавилово была приписана к Ильинской церкви Уфы (стояла на подъёме в город на улице Большой Ильинской, ныне Валиди). Записи в метрических книгах православного храма показывают семейное положение дворян Вавиловых.

Например, 8 марта 1844 года в деревне Вавилово появился на свет младенец Алексей. Священник только через четыре дня (12 марта) добрался из города и крестил малыша. Родители – де-

¹ НА РБ. Ф. И-351. Оп. 2. Д. 3090. Л. 1–3 об.

² Там же. Ф. И-138. Оп. 1. Д. 440. Л. 772–774. В 1811 году три мужские души крепостных в деревне Новой Вавиловой принадлежали из дворян отставному казачьему капралу Матвею Ивановичу Вавилову. Он купил крепостных в 1796 и 1801 годах. Помещик был неграмотен, за него расписался удельный крестьянин Герасим Шутов (Там же. Д. 115. Л. 247).

ревни Вавиловой не бывший в службе дворянин Михаил Андреевич Вавилов и законная его жена Елена Васильевна. Восприемниками новорождённого пригласили уфимца и также не бывшего в службе дворянина Ивана Андреевича Киржацкого и проживавшую в деревне Вавиловой дочь мещанина Никиты Семёнова девицу Марию¹. Мелкопоместные дворяне и мещане (видимо, арендаторы, обосновавшиеся здесь) мало отличались по уровню жизни, не считали зазорным родниться друг с другом.

Когда 14 мая 1847 года в Ильинский храм приехал свадебный экипаж, 18-летний неслужащий дворянин из дер. Вавилово Алексей Васильевич Вавилов повёл под венец вышеназванную 22-летнюю мещанскую дочь Марию Никитичну Семёнову. Поручителями по жениху согласились стать вавиловские дворяне Михаил и Ефим Ивановичи Вавиловы, а также Михаил Андреевич Вавилов. Со стороны невесты поручителями были дворянин Василий Гаврилович Вавилов и солдат Димитрий Иванович Мельников². Мелкопоместный дворянин породнился с мещанкой, а свидетелем на свадьбе выступал обычный рядовой.

Когда 27 июля 1848 года проживавшая в дер. Вавилово «крепостная девка» помещика Ивана Протопопова Анна Феодорова родила сына Степана (без мужа), восприемниками согласились быть крестьянка, а также из дворян Михаил Андреевич Вавилов³. Бедные дворяне Вавиловы не стеснялись и также приглашали восприемниками при крещении своих детей представителей «низших», податных сословий.

1 августа 1849 года родился и шестого числа был крещён в Ильинском храме Уфы (фото из Википедии ниже) Иван, сын жителей деревни Вавилово из дворян Михаила Вавилова и его законной супруги Елены Васильевны. Восприемниками выступили сторож уфимского собора Иван Димитриев и дер. Вавилово жёнка Анисья Никитина. 2 октября 1849 года в той же церкви крестили младенца Андрея (родился 30 сентября). Родители – из дворян Пётр Андреевич Вавилов с женой Христиной (Христиной) Пахомовной – позвали в восприемники уфимского мещанина Антипа Симеонова и солдатку из деревни Миловка Ва-

¹ Там же. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 26. Л. 9 об. У этих супругов Вавиловых 4 марта 1847 года родился ещё сын Василий (крещён 9 марта). Восприемники: уфимец дворянин Иван Дмитриевич Вавилов и дворянка из дер. Вавиловой Анисья Никитична Щиголева (Там же. Д. 27. Л. 62 об. – 63).

² Там же. Л. 86 об. – 87. У них 3 марта 1848 года родился сын Капитон. В тот же день был крещён в Ильинской церкви Уфы (Там же. Д. 28. Л. 6 об.). Значит, семья проживала в городе. Младенец Капитон умер 8 сентября того же года «от худобы» (Там же. Л. 93 об. – 94).

³ Там же. Д. 28. Л. 19 об.

силису Гаврилову¹.

Когда же 1 марта 1856 года в Ильинской церкви Уфы крестили девочку Марию (родилась 28 февраля), дочь названных П.А. и Х.П. Вавиловых, восприемниками выступили крестьянин деревни Вавилово Афанасий Романов и крепостная Василия Ивановича Вавилова девица Агапия².

«Простоту» нравов подтвердила свадьба, которую сыграли 26 октября 1849 года. Дворовый человек Протопоповых, то есть крепостной, житель дер. Вавилово 20-летний Максим Герасимов обвенчался с 19-летней девицей Екатериной Феодоровной, дочерью подпоручика Фёдора Щиголева (то есть дворянина). Дворянка стала крепостной по мужу.

Со стороны жениха поручителями при бракосочетании выступили дворяне (Михаил Андреевич и Михаил Иванович Вавиловы), а со стороны невесты – крестьяне (крепостные Протопопова Роман Савельев и Ефим Герасимов)³.

Вавиловские «помещики» часто не служили, в документах указывались как «дворянский недоросль» (недоросль), хотя это были взрослые люди. Именно таким был статус Алексея Ивановича Вавилова из дер. Вавилово, у которого в семье 17 января 1846 года родилась дочь Ксения (мать – Стефанида Никитична). Восприемниками девочки стали дети такого же дворянского не-

¹ Там же. Д. 29. Л. 17 об. – 18, 20 об. – 21.

² Там же. Д. 39. Л. 365 об. 13 мая 1856 года у неслужащего дворянского недоросля из деревни Вавилово Петра Андреевича Вавилова скончалась 15-летняя дочь Ирина (Там же. Л. 422 об.).

³ Там же. Л. 34 об. – 35.

доросля Ефима Ивановича Вавилова Капитон и Настасья¹.

Видимо, многие из вавиловских дворян имели жильё в Уфе или были связаны с городом. Когда 17 мая 1846 года у дворянского недоросля Михаила Андреева [Вавилова] «от младенческой» скончалась малолетняя дочь Домникия, её отпели и похоронили 20 мая «на градском кладбище»², то есть в Уфе.

Со временем размножившиеся Вавиловы решили установить границы владений и в августе 1843 года прошло межевание, итоги утвердили лишь в 1854 году. Их полсельца Старого Вавилова к тому времени поделили на восемь частей (под большой или столбовой дорогой значился тракт из Уфы в Бирск)³:

Часть	Владельцы	Земли
1-я	неслужащие дворяне Михаил, Ефим, Алексей, Василий Вавиловы и племянник их Семён Афанасьев	14 дес. 1478 саж. (пашни – 5 дес. 1494 саж., сенных покосов – 1850 саж., дровяного лесу – 7 дес. 298 саж.)
2-я	неслужащий дворянин Василий Иванович Вавилов	14 дес. 1478 саж. (пашни – 5 дес. 1494 саж., сенных покосов – 1850 саж., дровяного леса – 7 дес. 298 саж., под озером, речкой Виловатой и полуречкой Сухой – 1 дес. 236 саж.)
3-я	дворянка Настасья Алексеевна Сокурова	17 дес. 524 саж. (пашни – 11 дес. 610 саж., сенокоса – 100 саж., дровяного леса – 4 дес. 1384 саж., под большой дорогой – 1 дес. 360 саж., просёлочной дорогой – 270 саж., речкой – 200 саж.)
4-я	неслужащий дворянин Андрей Гаврилович Вавилов	12 дес. 660 саж. (пашни – 6 дес. 680 саж., дровяного леса – 4 дес. 560 саж., под большой дорогой – 1 дес. 1720 саж., под речкой Виловатой – 100 саж.)
5-я	майор Иван Гаврилович Вавилов	12 дес. 660 саж. (пашни – 5 дес. 794 саж., дровяного леса – 5 дес. 868 саж., под столбовой дорогой – 1 дес. 380 саж., под речкой, озером и болотом – 1018 саж.)
6-я	дворянка Анна Филипповна Вавилова с детьми: губернским регистратором Фёдором и малолетними Максимом, Евстигнеем, Авдотьей и Аграфеной	31 дес. 960 саж. (пашни – 24 дес. 120 саж., дровяного леса – 5 дес. 500 саж., под столбовой дорогой – 1 дес. 1560 саж., под просёлочными дорогами – 1080 саж., под речкой – 100 саж.)

¹ Там же. Д. 27. Л. 2 об., 3 об.

² Там же. Л. 46 об. – 47.

³ Там же. Ф. И-351. Оп. 2. Д. 3092. Л. 1, 2, 3 об; Д. 3093. Л. 1, 4 и об.; Д. 3094. Л. 1, 2 об. – 3; Д. 3095. Л. 1, 2 об.; Д. 3096. Л. 1, 4 об., 5; Д. 3097. Л. 1, 2, 4 об., 5; планы: Оп. 1. Д. 10822, 13574, 13579, 13581, 13583, 13587.

	Семёновичами Вавиловыми	
7-я	из дворян отставной канцелярист Степан Ильич Вавилов ¹	17 дес. 1944 саж. (пашни – 17 дес. 1404 саж., под просёлочными дорогами – 540 саж.)
8-я	титулярные советницы Прасковья Даниловна Протопопова и Татьяна Даниловна Вавилова	18 дес. 134 саж. (пашни – 10 дес. 480 саж., сеного покоса по коему дровяной лес – 6 дес. 1580 саж., дровяного леса – 2208 саж., под просёлочными дорогами – 666 саж.)

Появились новые фамилии, половина владельцев нигде не служила и, видимо, доходы от этих небольших поместий были главным источником существования семьи. Из остальных только И.Г. Вавилов дослужился до чина майора, ещё были губернский регистратор, канцелярист – Вавиловы оставались на низших ступенях карьерной лестницы.

Во всех сохранившихся частях полсельца указано, как в четвёртой части: «во время отмежевания означенного участка внутри окружной межи поселения никакого не было, а земля лежала впусте». При межевании выделялись крестьянские поселения, а крепостных никто из Вавиловых не имел.

Скорее всего, жилые постройки, скромные усадебные комплексы, мало отличавшиеся от обычных мужицких изб, стояли в деревне Вавилово. У всех имелась пашня и у большинства – покосы. Земля обрабатывалась самими мелкопоместными дворянами, нанимавшимися работниками или арендаторами.

При утверждении межевых границ лично присутствовали Андрей Гаврилович, Степан Ильич, Татьяна Даниловна Вавиловы, то есть многие владельцы проживали в самом сельце или в городе Уфе. В числе понятых, свидетелей из соседних селений, были крестьяне Суровки Пётр Николаевич Иванов, Григорий Матвеев, Николай Архипович Доронин, Павел Егорович Назаров, Борис Филипов, Григорий Васильев и Яков Александров.

¹ В 1844 году дворовая Агафья Семёнова через суд стремилась добиться освобождения от крепостной зависимости от канцеляриста Степана Вавилова. Чем закончилось дело не известно (Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1983), но в дальнейшем у С.И. Вавилова крепостные не числились.

Старинный же род Вавиловых оставался в рядах мелкопоместного дворянства. Более успешно делали карьеру представители фамилии, отправившиеся служить в глубинку. Так, во время Крымской войны 1853–1855 годов офицерами местного ополчения были избраны коллежский секретарь Андрей Михайлович Вавилов (стерлитамакская дружина), губернский секретарь Фёдор Семёнович Вавилов и коллежский регистратор Капитон Ефимович Вавилов (оба в белебеевской дружине)¹.

Вавиловы занимали своеобразное промежуточное положение между податным населением (крестьянами) и «настоящими» помещиками, которые к этим обедневшим дворянам относились свысока, что показал конфликт, случившийся летом 1835 года.

В 10 часов вечера 25 июня 1835 года в деревню Вавилово заехал уездный исправник земского суда Николай Тимашев. Он прибыл из Монастырских Дуванеев с письмоводителем, кроме ямщика был ещё казак. Исправник, «будучи [...] в весьма пьяном виде», в присутствии вавиловского помещика титулярного советника Николая Протопопова, устроил наказание «его старосте Михайле Власову», крестьянину Роману Савельеву и, видимо, другим. Протопопов при этом не обнаружил «никакого со своей стороны неудовольствия». Подумаешь, мужиков выпороли.

В маленьком сельце, где всё на виду, под руку Тимашеву попался вавиловский землевладелец, хозяин 4-й части полсельца неслужащий дворянин Андрей Гаврилович Вавилов. Непонятно почему, но возник конфликт. Тимашев сначала стал бить А.Г. Вавилова «по лицу, а потом положивши на землю и наступя на шею ногою своеручно и чрез казака бил его плетьюми». Казак при этом тащил упировавшегося дворянина Вавилова.

Спустя сутки, 27 июня, Вавилов добрался до врачебной управы «и в боевых знаках свидетельствовал». По показаниям медиков у Вавилова были «на левой руке, левом боку и заднице девять различного очертания синебагровых пятен», следствие побоев или ушибов, впрочем, не опасные для здоровья.

На следующий день в Вавилово приехал уездный предводитель дворянства Нагаткин, который «удостоверился в истине, чрез спрос жителей и происшествия того самовидцев». В июле А.Г. Вавилов вместе с отставным прапорщиком Фёдором Щиголевым² были на приёме у гражданского губернатора в Уфе. На-

нокоса – 3, леса – 2 дес.). Его в 1892 году Базилевские купили у соседа, помещика Галкина. Наследовавший и его в 1895 году Виктор Иванович Базилевский 22 сентября 1904 года продал мельничное место Чижёвой.

¹ Новиков В.А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 260–261.

² Впоследствии Ф. Щиголев объяснял своё участие в подаче жалобы тем,

чалось расследование жалобы.

Исправник Тимашев всё отрицал: клевета «по подстрекательству» предводителя и прочих подозрительных личностей. Но в декабре его снимают с должности. Тимашев «отличился» также побоями в Симском заводе. Бывшего исправника отдают под суд за оскорбительный поступок «для сословия дворянства»¹.

Представитель власти (и родового дворянства) Тимашев просто прилюдно высек, не взирая на формальную принадлежность к благородному сословию, А.Г. Вавилова, явно не отличая того от соседних (и также выпоротых) мужиков.

Куровское

Зато в соседнем сельце Куровском ситуация была иной. К началу Генерального межевания всё сельцо являлось собственностью губернского секретаря Василия Афонасьевича Куровского². Ему принадлежало 1051 дес. 2258 кв. саж. Правда, под лесом находилось 711 дес. 958 саж., да ещё неудобий оказалось 33 дес. 1300 саж. Хороших земель числилось немного – под усадьбой 1 дес., пашней – 66 дес., сенокосом – 210 дес. А при таком обширном поместье состоял всего один двор крепостных с 10 жителями (4 мужчин и 6 женщин).

Описание сельца Куровское раскрывает подробности: «Селением положение имеет речки Виловатой на правой стороне. В нем дом господской – деревянной, об одном этаже. Жители того селения водою довольствуются из показанной речки и копанного колодца, которая к употреблению людям и скоту здорова. Да-

«что он будучи дворянин и занимаясь дворянской службою, исправляет подводную повинность наравне с прочими поселянами». То есть мелкопоместных дворян, как соседних крестьян, заставляли давать подводы проезжающим чиновникам. Возможно, этим объяснялся приезд исправника в Вавилово. Мелких дворян обложили повинностью, как мужиков.

¹ НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1370. Л. 1–2 об., 5–6, 14 об. – 15, 41, 50.

² Василий Афанасьевич Куровский, переводчик Уфимской провинциальной канцелярии, родители – Афанасий Владимирович и Пелагея Ивановна (Картотека Гудковых // НА РБ). Также среди дворян Уфимского уезда значились Куровские: Степан Васильевич, Григорий Григорьевич, Михаил, Иван и Пётр Алексеевичи, Степан Николаевич и Фёдор Григорьевич (*Абсалямов Ю.М. Помещики Оренбургской губернии в первой половине XIX в. С. 21*). К югу от города, на Дёме стояло ещё одно небольшое сельцо Куровское – «общаго владения отставного прапорщика Степана, каптенармуса Григория Васильевых, коллежского архивариуса Михайлы, коллежского регистратора Ивана, подпоручика Петра Алексеевых, канцеляристов Васил[ия] Григорьева, Степана Николаева и недоросля Аверьяна [или Фадея] Григорьева детей Куровских» (*Абсалямов Ю.М. Помещики-землевладельцы Уфимского уезда Оренбургской губернии на рубеже XVIII–XIX веков. С. 53*).

чею простирается речки Васильевки на левой и по обе стороны речек предписанной Виловатой, Черной и Сухой, двух оврагов Суходола и разных безымянных и большой столбовой дороги, лежащей из города Уфы в город Бирск. Те речки в самое жаркое летнее время бывают – Васильевка шириною в сажень, глубиною в четверть аршина. В ней рыба неимеется. Виловатая, Черная и Сухая течение имеют малое, а протчия овраги пересыхают. Грунт земли, урожай на ней хлеба и сенных покосов, произрастание лесу и какие в нем бывают звери, птицы сходственно с описанием № 87. Крестьяне состоят наиздеље. Промысел имеют хлебопашеством. Зажитком средственны. Женщины сверх полевой работы прядут лен, посконь и шерсть, ткнут холсты и сукна для господина и на себя».

Кроме того, накануне измерения земли В.А. Куровский уступил из своих владений 76 дес. 594 саж. только леса соседней помещице подполковнице Н.В. Дмитриевой¹. Этот участок «полюбовно» В.А. Куровский в 1801 году отдал «взамен взятой во время почтового межевания в 1796-м году, от дачи сельца Брюхова [совр. Дмитриевка] госпожи подполковницы Натальи Васильевой дочери жены Дмитриевой к сельцу Куровскому»².

И вдобавок рядом лежала ненаселённая пустошь Сухая речка коллежской секретарши Авдотьи Васильевны Куровской (366 дес. 897 саж., из которых 106 дес. 70 саж. пашни, 142 дес. 1567 саж. покосов, 112 дес. 1800 саж. леса и 4 дес. 2260 саж. неудобий). Земля принадлежала супруге, а пашни и покосов в этой пустоши имелось больше, чем в самом Куровском, видимо, уголья обрабатывали местные крестьяне³.

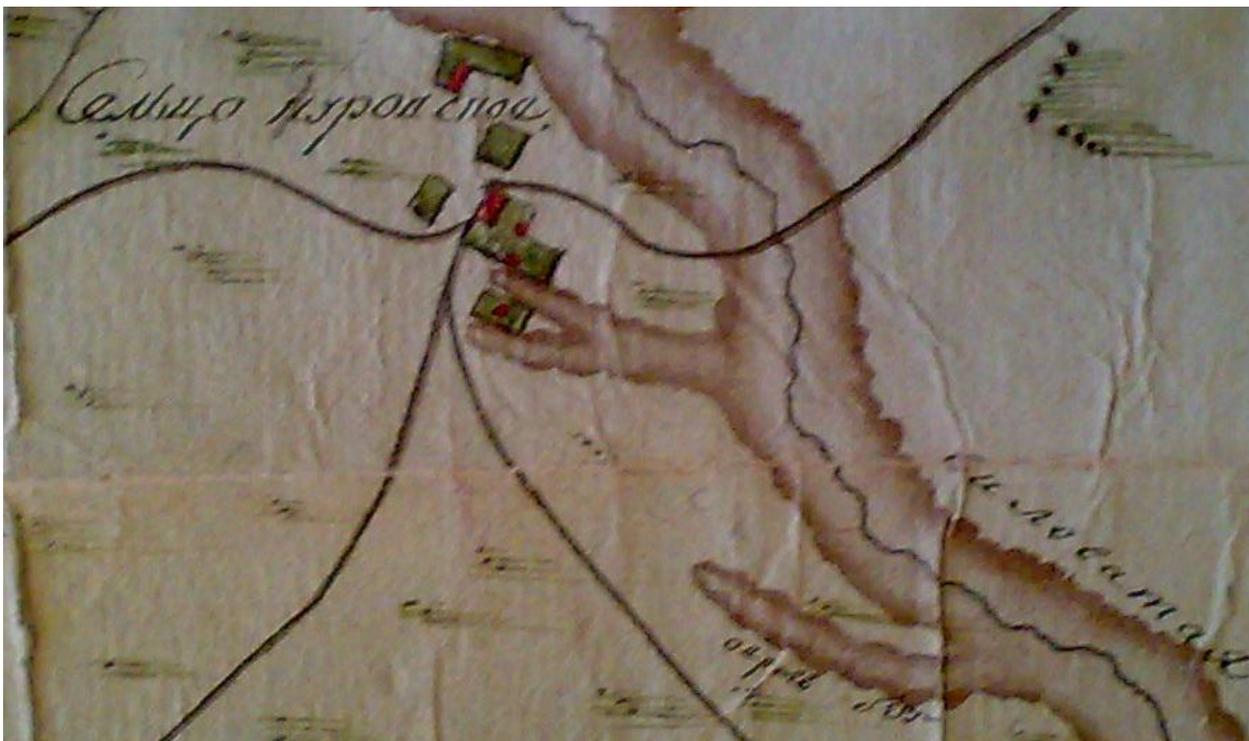
¹ Описание: «Положение имеет на суходоле. Грунт земли черноземистой, а материк глинистой. Лес дровяной, дубовой, вязовой, березовой, осиновой, липовой, ильмовой, кленовой, рябиновой, ореховой, калиновой, черемховой и ольховой. К выварке поташа частью годной. В нем звери – волки, медведи, лисицы, куницы, зайцы, белки и горностаи. Птицы – тетерева, рябчики, куропатки и протчих мелких родов. Оным лесом довольствуются сельца Брюхова, полковницы Дмитриевой, крестьяне на себя».

² НА РБ. Ф. И-351. Оп. 2. Д. 3541. Л. 1.

³ Описание участка: «Положение имеет на левой стороне речки Сухой и по обеим сторонам означенной речки (и такой же) Виловатой, ключей многих оврагов безымянных. Те речки в самое летнее жаркое время течение имеют малое, а овраги и ключи совсем неимеют. Грунт земли черноземистой, а материк глинистой. Из посеенного на ней хлеба лучше родится: рожь, овес, пшеница и ячмень, а протчия семена равно и сенные покосы средственны. Лес растёт дровяной. А какие в нем звери и птицы сходственно с описанием № 85. Оную дачу обрабатывают показанной госпожи сельца Куровского крестьяне для господина, а частью и на себя» (РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1884. Л. 179 об. – 181, 182 об. – 183). В описании № 85 указано: «В нем бывают звери – волки, лисицы, зайцы, горностаи и белки. Птицы – тетерева,

План владения В.А. Куровского¹, составленный 21 августа 1801 года, показывает, что в маленьком сельце стояло в беспорядке несколько отдельных дворов, ближе к речке Виловатой имелась усадьба в виде буквы «Г», вероятно дом помещика. В центре же сельца, на перекрёстке сходящихся дорог, располагалось обширное подворье, предположим – хозяйственный двор В.А. Куровского.

Это было весьма крупное по площади имение, сложная конфигурация границ которого свидетельствует, что к началу XIX столетия все окрестные земли были уже чётко разделены между собственниками. Население сельца было небольшим. По пятой ревизии 1795 года числилось 6 дворовых (2 мужчин и 4 женщины), к августу 1801 года налицо было тоже 6 человек (3 мужчин и 3 женщин). Куровский «от разных помещиков» переводил «во оное сельцо» купленных крестьян (4 муж., 6 жен.), но «налицо» в 1801 году было 3 мужчин и 3 женщины.

План сельца Куровское, 1801 год (НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 12220)

Барин Василий Афонасьевич Куровский (к 1811 году он поднялся в чине до коллежского секретаря) в начале XIX века занимался обустройством поместья. В 1802 году он приобрёл семейство крестьянина Петра Дмитриева (1725 года рождения, умер до 1811 года) с сыновьями Алексеем (24 года во время

рябчики, куропатки и протчих мелких родов. В полях журавли и перепелки. При водах дикие гуси и утки и кулики» (Там же. Л. 162 об. – 163).

¹ НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 12220.

шестой ревизии, то есть 1787 года рождения) и Николаем (20 лет). Также Куровский приобрёл подростка Михаила Яковлева (1789 года рождения), которого продал в 1811 году.

Надо отметить, что у крепостных людей фамилий в современном понимании не имелось, указывались отчества: Иванов сын. Лишь после отмены крепостного права закрепились постоянные фамилии.

Затем в 1804 году помещик купил дворового человека Максима Семионова (60 лет по предыдущей пятой ревизии в 1795 году, то есть он примерно был 1735 года рождения) с сыновьями Афонасием (21 год в ноябре 1811 года, около 1790 года рождения) и Ефимом (1797 года рождения). К 1811 году Максим скончался, старший завёл семью и в 1808 году родился сын Андрей¹.

В.А. Куровской, видимо, был энергичным хозяином. Свои обширные земли он сдал в аренду крепостным крестьянам соседних мелких помещиков сельца Куровского из дворян не бывшего в службе Егора Яковлевича и девицы Аграфены Яковлевны Волковых, а 13 декабря 1811 года дал обязательство платить государственные подати за четырёх «крестьян припущенников моих». Все налоги за крепостных вносили помещики.

Общий план имения В.А. Куровского, 1801 год

Действительно, в сельце Куровском в декабре 1811 года из дворян прапорщика Якова [Ивановича] Волкова (он здравство-

¹ Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 124. Л. 133.

вал, находился в отставке) дочь девица Аграфена Яковлевна Волкова являлась владелицей 6-летнего крестьянского сына Григория Иванова, который достался ей по наследству в 1807 году. Помещица была неграмотна, за неё расписался канцелярист Яков Иванович Сокуров. А неслужащий, но грамотный дворянин Егор Яковлевич Волков получил по наследству семью крестьянина Ивана Фёдорова (43 года в 1811 году) с сыновьями Симионом (18 лет) и Фёдором (14 лет)¹.

Дела В.А. Куровского шли удачно. К 1816 году Василий Афонасьевич уже титулярный советник (крепостных 5 муж. и 3 жен.). Выросшее число дворовой прислуги показывает рост благосостояния. К двум братьям, сыновьям Максима Симионова барин прикупил ещё троих. За господской усадьбой ухаживали: Афонасий Максимов (25 лет к 14 марта 1816 года) с женой Марьей Дмитриевной (40 лет), его брат Ефим (18), сын Андрей (7 лет), сестра жены Арина Дмитриевна (23 года). А также в дворовых состояли Алексей (28 лет) и Николай (24 года) Петровы / Петровичи, и Фёкла Андреевна (30 лет), купленная в 1810 году у титулярного советника Петра Дмитриевича Баранцова.

Наконец, за супругой В.А. Куровского, титулярной советницей Авдотьей Куровской, так и не овладевшей грамотой, числилась крестьянская семья: Николай Фёдоров(-ич) (34 года к 14 марта 1816 года), его супруга Зиновья Платоновна (30), дети Михайла (9), Пётр (6) и Анна (4 года)².

Дочь В.А. Куровского, из дворян «городовая секретарша» Марья Васильевна Теселкина³ имела крепостных в сельце Куровском, видимо, получив от отца при его жизни (до 1811 года) часть имения (за неграмотную дочь 25 июля 1816 года родитель сам расписался). Ей принадлежали дворовые⁴ и крестьяне «Василей по крестном отце Иванов» (25 лет), Лев Александров (16 лет) с братом Никитой (1,5 года), матерью Марьей Алексеевной (35) и сестрой Анной (10 лет), Николай Дмитриев (16 лет) с матерью Матрёной Петровной (43) и сестрой Фёклой (22 года), а так-

¹ Там же. Д. 117. Л. 89–91 (отчество указано «Федорова», ошибка). Кроме того, за коллежской секретаршей Авдотьей Васильевной по мужу Куровской числилась семья крестьян в 3 муж. души (Там же. Д. 120. Л. 237).

² Там же. Д. 359. Л. 535 об. – 536, 538 об. – 539.

³ Супруг – Дмитрий Иванович Теселкин, в 1810-е годы служил в Мензелинском земском суде, обвинялся «в чинении им башкирцу Бурашеву убытка на 25 рублей» (см.: Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 346; сведения Б.А. Азнабаева). Во время ревизии 1811 года Д.И. Теселкин подписывал документы за супругу и вдову подпоручицу Настасью Васильевну Волкову (Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 120. Л. 365–366).

⁴ Михайла Яковлев (-ич), 28 лет в 1816 году, его жена Степанида Ильинична (25), дети Матвей (7), Иван (3) и брат Матвей Яковлев (16 лет).

же Роман Кузмин (30 лет), вдова Агафья Терентьевна (53) с незаконнорождённой дочерью девицей Варварой (22) и «девки» Авдотья Михайловна (30) и Аксиныя Осиповна (25 лет)¹.

В соседях был дворянский род Волковых, издавна владевший землями в округе. К марту 1816 года Егор Яковлевич Волков служил канцеляристом, а всех крепостных записал дворовыми. Это было всё то же семейство, доставшееся по наследству в 1807 году от матери прапорщицы Акулины Никифоровны: Иван Фёдоров (47 лет «на лицо» в 1816 году), жена Афимья (40 лет), сыновья Семён (22), Фёдор (18), Григорий (12) и дочери Мавра (18) и Пелагея (10 лет).

В 1816 года, наверняка, сестра Е.Я. Волкова прапорщица (подпрапорщица) Катерина Яковлевна по мужу Лихачёва, имевшая только собственный дом на земле титулярного советника В.А. Куровского, просила приписать своих крепостных дворовых людей (4 муж., 1 жен.) к сельцу Куровскому, на что В.А. Куровский дал согласие (помещица была неграмотная)².

Таким образом, в начале XIX столетия, согласно ревизиям-переписям 1811 и 1816 годов, сельцо Куровское представляло собой своеобразный коттеджный посёлок мелкопоместных дворянских усадеб, среди которых выделялся Василий Афонасьевич Куровский с семейством. Немногочисленные крепостные крестьяне обрабатывали пашню, дворовая прислуга, скорее всего, тоже трудилась при земле. Куровское выглядело несколько побогаче, чем соседнее Вавилово.

Это порождало конфликты. В 1819 и 1821 годах титулярный советник Василий Куровский жаловался, что его пашнями и покосами насильственно завладели дворяне сельца Вавилова Данила Алексеевич, вдова Фёкла Степановна, Дмитрий Фёдорович Вавиловы с другими, включая своих припущенников (арендаторов) из мещан Степана и Ивана Степановых.

Они причиняли Куровскому «невозвратное разорение» «скотским своим табуном», рубили лес, а осенью 1821 года Василий Куровский увидел, как Вавиловы даже выдернули межевые столбы. В октябре 1821 года власти, которые ранее «ему никакого удовольствия не зде[ла]ли», наконец распорядились отправить землемера и полицию, навести порядок³.

Необходимо отметить, что крепостные на Южном Урале стоили не просто дорого, а чудовищно дорого. Достаточно состоятельный помещик и чиновник М.С. Ребелинский в 1802 году

¹ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 352. Л. 317 об. – 318.

² Там же. Л. 88, 117–120.

³ Там же. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 79. Л. 3 и об., 4.

продал девку Маришку за 160 рублей, тогда как хороший дом в Уфе уступил в 1805 году за 450 рублей, в 1807 году он «купил у майорши Пеутлинговой семью людей, состоящую в трех душах мужеских и в двух женских, заплачено 600 рублей». Крепостных не хватало и М.С. Ребелинский в 1808 году приобрёл у прапорщика Карягина парнишку и девушку «роду Каракалпацкого» за 100 рублей, окрестив их затем¹. Для мелкопоместных же дворян, таких как Вавиловы, Куровские, Волковы, покупка даже одного крепостного была чрезвычайным событием.

Прошло 18 лет. Царским указом в 1834 году приказано провести по всей стране очередную перепись податного населения, ревизских душ – налогоплательщиков. В сельце Куровское жили наши постаревшие знакомые. Сохранилась главная усадьба. Около 1829 года Василий Афонасьевич Куровский скончался, но наследники не покинули сельцо. Или они все вместе обитали единым домом, или выстроили рядом отдельное жильё.

Овдовевшей титулярной советнице Авдотье Васильевне Куровской по прежнему принадлежала единственная крестьянская семья Николая Фёдорова (-ича). На 11 апреля 1834 года тому исполнилось уже 57 лет, здравствовала супруга Зиновья Платоновна (46 лет), родились дочери Катерина (16), Анна² (10) и Марья (7 лет). А вот подросших сыновей Михаила (1807 г. р.) и Петра (1810 г. р.) в 1823 году барыня отпустила на волю³. Видимо, супруг В.А. Куровский завещал дать свободу некоторым своим крепостным.

За неграмотную А.В. Куровскую подписался коллежский регистратор Василий Куровский. Это, скорее всего, сын – Василий Васильевич. У него не имелось крепостных, зато его жена коллежская регистраторша «Алемпиада» Ивановна Куровская, опять-таки неграмотная помещица (муж расписывался), состояла душевладелицей.

На 28 марта 1834 года её собственностью являлись дворовые: «девка», то есть официально в церковном браке не бывшая, 31-летняя Авдотья Васильевна⁴, её незаконнорождённые дети – Дмитрий «по крестному отцу» Николаевич (3 года) и Марья «по

¹ Юдин П. Из дневников М.С. Ребелинского (1802–1812) // Русский архив (М.). 1898. Кн. 3. С. 54, 59, 61, 63.

² По предыдущей ревизии в семье тоже была дочь Анна (1812 г. р.). Видимо, она умерла и новую девочку снова нарекли этим именем.

³ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 445. Л. 163–164.

⁴ В 1846 году «девка» Авдотья Васильева, крепостная губернской секретарши Алемпиады Куровской, через суд «отыскивала волю» (Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2230). Неизвестно чем окончилось дело, но по ревизии 1850 года Авдотья не числилась среди крепостных.

крестному отцу» Трофимовна (1 годик). Ещё служила барыне 33-летняя дворовая «девка» Авдотья Савельевна¹. Можно предположить, что это «приданое» Алемпиады Ивановны.

Кроме того, после кончины Василия Афанасьевича Куровского доли в поместье унаследовали две дочери: «под порутчица Настасья Васильевна дочь Куравская, а по мужу Волкова», имевшая 600 дес. в общем владении с родной сестрой коллежской секретаршей Марьей Васильевной Теселкиной².

Самой главной душевладелицей сельца Куровского к апрелю 1834 года и являлась коллежская секретарша Марья Васильевна Теселкина. У этой и снова неграмотной помещицы (Василий Куровский «руку прикладывал») числились одни дворовые. Достаточно богатая (много женской прислуги, которая не использовалась на сельской работе) барыня держала городское жильё. Сравнение с ревизией 1816 года показывает мир крепостной дворовой прислуги³.

Ап.М. Васнецов. Покинутая усадьба. 1901 год

Барыня сохранила своих людей, лишь одинокий Роман Кузмин помер в 1831 году. За редким исключением почти все были незаконнорождённые, госпожа не разрешала женской прислуге официально выходить замуж, в этом случае крепостная

¹ Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 445. Л. 161–162.

² Там же. Оп. 1. Д. 1194а. Л. 3 и об.

³ Там же. Д. 447. Л. 549–553.

невеста должна уйти к мужу (крепостному иному помещика или в другое сословие – мещан, государственных крестьян и пр.). Подобные случаи являлись источником конфликтов, что показывает следующая история.

На момент ревизии 1834 года крепостной Василий Иванов (-ич) был женат на Василисе Тимофеевне (мужу в 1834 году было 43 года, жене – 27), которая пришла со стороны и числилась в списке крепостных Теселкиной. У них уже родились три сына: «Винидикт» (9 лет), Виктор (6) и Архип (3 года).

Однако Василиса Тимофеевна происходила из уфимских мещан и не горела желанием оказаться в крепостных. Поэтому 14 января 1823 года барыня (Теселкина) с согласия мужа письменно разрешила дворовому Василию Иванову вступить в брак с Василисой, на условии, что после свадьбы помещица «совершит в своё время отпускную», то есть даст Василию вольную.

Невеста-мещанка не слишком верила заявлениям барыни и пригласила свидетелей – священника Богоявленской церкви Уфы Иоанна Фрагранского и двух благородных особ, в том числе коллежского регистратора Петра Куровского.

В этом письме муж помещицы Дмитрий Иванович Теселкин за неграмотную супругу записал, что жених-крепостной «должен получить от меня вечно от пускную», стояли подписи. Невеста – подозрительная мещанка – документ сохранила.

Видимо, молодожёны проживали в Уфе своим хозяйством, никаких обязанностей Василий к барыне не имел, в семье родилось трое детей. Так прошло 11 лет. Неграмотная М.В. Теселкина документ об отпуске на волю дворового не оформила, а Василиса Тимофеевна верила, что полученная во время свадьбы бумага и есть вольная для её мужа.

Но когда грянула очередная перепись-ревизия 1834 года, в ряды крепостных Теселкиной записали уже не только мужа, но и всю его семью, включая жену из мещан и троих сыновей. Узнав об этом Василиса Тимофеевна забила тревогу.

В марте 1834 года по её просьбе копиист Семён Смоленский пишет жалобу, что Теселкина отпускную мужу не выдала, а подписала только «дозволение на вступление мужу моему в брак заключающее в себе свободу от рабства». Энергичная женщина просила исключить мужа из числа крепостных и записать их семью в уфимские мещане. В мае полиция известила Теселкину, что она должна выдать узаконенную отпускную, иначе дело будет передано в суд.

Помещица, уже немолодая М.В. Теселкина никаких претензий на эту семью не предъявляла и исключила их из ревизского списка своих крепостных. Но отпускную снова не выдала. Васи-

лий и Василиса с детьми не могут записаться в уфимские мещане, по документам они нигде не состоят¹.

Пока суд да дело, к лету 1835 года скончалась М.В. Теселкина. Имение оказалось в руках племянников Волковых, которые отпускать на волю это семейство не спешили. Дело дошло до Санкт-Петербурга и лишь в 1848 году упорная Василиса Тимофеевна добилась свободы для всей своей семьи. Отметим упоминание в переписке выражения «свободу от рабства». Именно так воспринимали своё состояние крепостные.

Если мужчине-крепостному Василию Иванову М.В. Теселкина разрешила создать семью, то женщин держала «в чёрном теле». Все оставались в «девках» и все дети являлись незаконнорождёнными, как 60-летняя Матрёна Петровна и её 34-летний сын Николай «по крёстному отцу» Дмитриев(ич). У того была сестра Фёкла Петровна (38 лет в 1834 году). Она вышла замуж за другого крепостного Теселкиной и тоже незаконнорождённого Льва Александровича (34 года), детей не имелось, видимо брак оформили недавно.

Свекровь же 53-летняя Марья Алексеевна также числилась в «девках», у неё сын Никита «по крёстному отцу» Константинович в 1824 году скончался, младшему Константину... Петровичу, родному брату Льва Александровича, исполнилось в момент VIII ревизии 1834 года всего 14 лет. У трёх братьев были разные отчества, хотя отец мог быть один. Отчества указывали по имени крёстного отца, а не кровного родителя.

Девка Авдотья Михайловна (48 лет) в «девках» и осталась, лишь родив сына Петра... Ивановича (13 лет в 1834 году). Аналогичную судьбу разделила 61-летняя Агафья Терентьевна, чья незаконнорождённая дочь Варвара... Ивановна (39 лет) родила снова незаконнорождённую дочь Параскеву... Ивановну (15 лет).

Барыня не просто жёстко распоряжалась судьбами крепостной прислуги. После кончины отца, титулярного советника В. Куровского, дочь унаследовала в 1829 году овдовевшего Афонасия Максимова (48 лет) с сыном Андреем (27 лет), который тоже семьи не создал. Ещё от отца М.В. Теселкиной досталась одинокая 39-летняя Арина Дмитриевна. А в 1829 году барыня купила у поручика Павла Каловского Петра Фёдорова (22 года) с супругой Марфой Петровной (17 лет). Только что обвенчались.

Но если сравнить крепостных М.В. Теселкиной по ревизиям за 1816 и 1834 годы обнаружится отсутствие одного человека: «девки» Аксины Осиповой (1791 г. р.), она «с 1825-го года находится в бегах», приписано в ревизской сказке, так именовался

¹ Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1293. Л. 1-4, 6, 10.

официальный документ – список мужских и женских душ. Этот факт добавляет красок, бежала взрослая женщина, видимо, нравы в доме помещицы не отличались гуманностью.

Из соседей по сельцу Куровскому из дворянского рода Волковых, в ревизию 1834 года учтены крепостные люди только одного канцеляриста Егора Волкова, но подпись везде стоит – титулярная советница Анна Фёдоровна. Е.Я. Волкову было уже немало лет, возможно, это наследница.

Предыдущие крепостные куда-то делись, в 1827 году у коллежского регистратора Петра Куровского был куплен единственный крестьянин Фёдор Иванов (36 лет) с женой Натальей Сергеевной (32 года). Имелись две семьи дворовых, значит усадьба Волковых, пусть и небольшая, стояла. И, что удивительно, у крепостной прислуги указаны... фамилии!

Это 41-летний Иван Петрович Зеленков, жена Акулина (32 года) и сын «Василей» (8 лет), про них записано, что в 1827 году были проданы. Вторую семью составлял дворовый человек 53-летний Константин Семёнович Королёв с супругой Марфой Трофимовной (46 лет), дочерью Татьяной (21 год) и незаконнорождённой внучкой Марфушей (4 годика)¹.

Видимо, с этими соседями Волковыми и породнилась последняя дочь В.А. Куровского Настасья Васильевна по мужу Волкова. Она тоже была неграмотной, в 1831 году за неё расписался сын губернский секретарь Николай Волков. Но не он, а его брат Виктор Иванович Волков унаследовал земли в сельце Куровском с усадьбой и крепостными.

В.И. Волков сделал успешную карьеру. Несколько лет служил в Казённой палате (по современному министерство финансов) без нарушений, «добропорядочно исполнял порученные ему дела с усердием». В январе 1831 года Волков просится на должность уездного казначея в Верхнеуральск, где предыдущий Н.И. Гладышев крупно проворовался (недостача в 11 170 руб.).

В то время для занятия подобной должности требовался залог собственного имущества и мать Волкова, Настасья Васильевна, предоставила свои 600 дес. «на предмет верной его [сына] исправности». В результате коллежский секретарь В.И. Волков был назначен временно исправляющим должность и немедленно выехал в Верхнеуральск.

В марте 1831 года В.И. Волков приступил к обязанностям верхнеуральского казначея, отметив в одном из рапортов, что «сколько простирается беспорядок в делах находящихся в уездном казначействе и безгласность их». Проводилась обширная

¹ Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 438. Л. 113–115, др.

ревизия, дело о хищении дошло до Петербурга, возможно, поэтому Волкова не оставили в должности. В октябре 1832 года казначеем в Верхнеуральске уже служил Сипайлов¹.

Но карьера продолжалась, коллежский ассесор В.И. Волков трудится на поприще судебном. В 1846 году Виктор Иванович Волков титулярный советник и служит в Уфе заседателем в Сове́стном суде, одновременно являясь заседателем и в Приказе общественного призрения².

Сове́стный суд рассматривал мелкие гражданские и уголовные дела с целью примирения сторон (разделы имущества, кража, лёгкие телесные повреждения и пр.). В ведении Приказа общественного призрения находилось управление госпиталями, приютами для больных и умалишённых, больницами, богадельнями и тюрьмами.

По сведениям за 1849 год чиновник 8-го класса (коллежский ассесор) Виктор Иванович Волков (50 лет) находился «на службе в Оренбургском (в Уфе) приказе общественного призрения» и ему принадлежало 14 душ и 1800 дес. земли. Проживал он постоянно в Уфе, там же служил 18-летний сын Николай, а 12-летняя дочь Александра обучалась грамоте. Это были дети от первого брака. Незадолго перед этим В.И. Волков вторично женился, супруга – 33-летняя Татьяна Михайловна³. В 1851 году уже поднявшийся в чине до коллежского ассесора Виктор Иванович Волков по-прежнему заседатель в Сове́стном суде⁴.

Во время девятой ревизии 1850 года главным помещиком в сельце Куровском выступал именно В.И. Волков. После кончины сестры матери М.В. Теселкиной (примерно летом 1835 года) её часть имения оказалось в руках «наследников Г. Теселкиной Виктора Волкова и сестры его Александры Волковой»⁵. Виктор Волков именовался также племянником мужа Теселкиной титулярного советника Дмитрия Теселкина⁶.

24 октября 1850 года переписали дворовых, обслуживавших уже усадьбу В.И. Волкова. Это были бывшие люди М.В. Теселкиной, которых наследовал Волков. Числившийся по предыдущей ревизии Василий Иванов (ему 43 года в 1834 году было) вместе с сыновьями Винидиктом (9), Виктором (6) и Архипом (3 года по предыдущей ревизии) решением «Правительствующего

¹ Там же. Оп. 1. Д. 1194а. Л. 1, 3, 52 об., 88 и об., 91, 214–215, 355.

² Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1846 год. Ч. 2. СПб., б. г. С. 127.

³ НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1863. Л. 188 об.

⁴ Адрес-календарь Оренбургской губернии. 1851 года. Уфа, б. г. С. 13.

⁵ НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1293. Л. 12–13.

⁶ Там же. Д. 1378. Л. 1 об.

Сената в 1848 году отсуждены на волю». Жалоба крепостных дошла до Санкт-Петербурга, их право на свободу было признано законным (история показана выше).

Новый помещик, В.И. Волков сразу зарекомендовал себя расчётливым хозяином. Он только по суду через 13 лет вынужден был согласиться с выходом на волю названной семьи. Волков сразу начал избавляться от излишней женской дворовой прислуги (видимо, городское жильё Теселкиной осталось за её мужем, Д.И. Теселкиным). Но не отпускал просто на волю, а продавал. В августе 1835 года крепостная Варвара Иванова подала жалобу в Оренбургскую (в Уфе) палату гражданского суда «о несовершении на неё в Палате сей купчей крепости по случаю продажи её наследником после Теселкиной казначеем Волковым». На продажу выставили трёх дворовых женщин: Агафью Терентьеву, Варвару Иванову и Прасковью Иванову. Хотя дворовая Варвара заявляла, что Волков не имеет на них прав¹, эти женщины в дальнейшем среди крепостных Волкова не числились. Обычно было принято после кончины помещицы ближнюю дворовую прислугу отпускать на волю за труды пред усопшей. Видимо, на это рассчитывала Варвара Иванова.

При усадьбе В.И. Волкова в 1850 году проживали только дворовые Лев Александров(-ич) (50 лет) с женой Устиньей Федотовной (30) и дочерью Пелагеей (17), а также Николай Дмитриев(-ич) (50) с женой Василисой Васильевной (30) и дочерью Степанидой (8 лет). В семье жила 71-летняя «девка» Матрёна Петрова, матушка Николая Дмитриевича. Бывший дворовый Пётр Иванов (13 лет в 1834 году) в 1843 году был «отдан в солдаты».

Были у Волкова и крестьяне (тоже бывшие люди Теселкиной), обрабатывавшие землю, – всего три семейства: 1) 30-летний Константин Петров(-ич) с сыном Дементием (5 лет в 1850 году), супругой Афимьей Савельевной (29 лет) и дочерью Ольгой (17 лет); 2) 38-летний Пётр Фёдоров(-ич) с сыновьями Леонтием (16 лет), Федотом (14 лет), Николаем (11 лет), Степаном (10 лет), женой Марфой Петровной (35 лет) и дочерью Федорой (6 лет). Третье семейство было куплено в 1841 году у надворной советницы Марьи Бардуковой (её поместье находилось около Шемяка). Это были Осип Максимов(-ич), которому в 1850 году исполнилось 29 лет, его сыновья Никонор (16 лет), Егор (15 лет), Фёдор (6 месяцев), жена Федосья Петровна (29 лет) и дочери Екатерина (16 лет), Агафья (13 лет), Марья (9 лет) и Настасья (3 года).

За В.И. Волковым с прежней ревизии числилась ещё одна семья. Но Афанасий Максимов умер в 1836 году, а его сын Анд-

¹ Там же. Л. 1 и об.

рей (1809 г. р.) в 1849 году был продан «полковнику Афонасьеву»¹. В том же году Андрей скончался.

Рядом в 1850 году при усадьбе Алимпиады Ивановны Куровской, так и не овладевшей грамотой (список дворовой прислуги подписал из дворян губернский секретарь Василий Куровский), числилась крепостная дворовая прислуга. Это были подросшие незаконнорождённые Дмитрий «по крёстном отце Николаев» (19 лет) с родной сестрой Марьей Трофимовной (17 лет). За прошедшие годы народился ещё брат Фёдор Андреевич (16 лет). В июне 1858 года Фёдора отпустили на волю и он записался с 1859 года в уфимские мещане².

Девятая перепись-ревизия 1850 года также зафиксировала перемены в сельце Куровском. Небольшое поместье с крепостными здесь приобретает подполковник Емельян (Эмилиан) Егорович Афонасьев. На 24 октября 1850 года за ним числились крестьяне Андрей Афанасьев (18 лет в 1834 году, умер в 1849 году) и Семён Васильев (26 лет в 1850 году) с супругой Евгенией Фёдоровной (21 год)³. Скорее всего, бравый военный приобрёл просто загородную дачу.

Ап.М. Васнецов. Аллея в Абрамцеве. 1917 год

В Куровском не на долго мелькнула известная в Уфе фигу-

¹ Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 609. Л. 577–582.

² Там же. Д. 607. Л. 147–149.

³ Там же. Д. 609. Л. 37–39.

ра. Емельян Егорович Афонасьев родился в 1804 году, умер в 1865 году, похоронен на Старо-Ивановском кладбище (находилось возле совр. парка Якутова).

В 1850-е годы полковник Е.Е. Афонасьев командовал расквартированным в Уфе 10-м Оренбургским линейным батальоном (стоял в «белых казармах» на ул. Александровской / К. Маркса). Рядом с ними, на плацу возле Александро-Невской церкви выступал полковой оркестр, который в середине 1850-х годов возглавлял сосланный в Уфу известный краевед, историк и археолог Руф Гаврилович Игнатъев (1818–1886). Житель города В.М. Попов вспоминал: «Ждали батальонного командира и действительно стало тихо у казарм и впереди столов с пюпитрами на них и стоявших во фронт солдат появился полный полковник Афонасьев чрезвычайно некрасивый и сердитого вида».

Полковник Емельян Егорович Афонасьев был женат на дочери генерал-лейтенанта Евграфа Ивановича Гладышева (1780–1855) Ольге Евграфовне, 8 марта 1854 года у них родился сын Александр. Восприемником выступил действительный статский советник Капитон Афонасьевич Случевский, глава казённой палаты (заведовал финансами края), долгие десятилетия владелец знаменитой усадьбы, где ныне помещается музей С.Т. Аксакова.

Е.Е. Афонасьев отличался интересом к бизнесу, управлял поместьем зятя, затем сам покупает большое лесное имение к северу от Уфы. В 1861–1863 годах действовал его Турбаслинский поташный завод, на 1863–1864 годы известен Алексеевский винокуренный завод полковника Афонасьева¹.

Этот энергичный военный и присмотрел сельцо Куровское, купил землю и пару душ крепостных крестьян. Но его привлекал более крупный бизнес и к концу 1850-х годов Е.Е. Афонасьев избавился от куровского «актива».

Последняя десятая ревизия-перепись состоялась в 1858 году. 30 апреля полковник Е.Е. Афонасьев отчитался, что крестьянин Семён Васильев (1824 г. р.) в 1854 году был отдан в рекруты. В 1857 году у тестя генерал-лейтенанта Гладышева полковник купил крестьянина Фрола Андреева (29 лет в 1858 году) с женой Анной Михайловной (24 года)². Видимо, за небольшим поместьем просто некому было смотреть.

А в семействе Волковых произошли перемены. Обратим

¹ Уфимский некрополь / сост. и отв. ред. М.И. Роднов. СПб., 2015. С. 28; *Игнатъев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. V: 1873–1875 годы. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 295; *Роднов М.И.* Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. Уфа, 2017. С. 164–166.

² НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 712. Л. 29–31.

внимание, что в эту перепись сельцо Куровское впервые называли: Волково тож. Единственные помещики остались Волковы, полковник Афанасьев изредка бывал наездами, в глазах окрестного населения сельцо отождествлялось с Волковыми.

Виктор Иванович Волков к маю 1858 года дослужился до чина надворного советника. Он выделил одну семью дворовых детям – дочери девице Александре и сыну коллежскому регистратору Николаю Викторовичу Волковым (отец оставался попечителем над ними). У Волковых имелось жильё в городе, все дворовые значились как «проживающие по городу Уфе». Они только числились в деревне.

За городской усадьбой следили 74,5-летний Платон Васильев¹ и его супруга Анна (40 лет) с помощью детей: Василия (15,5 лет), Петра (13,5 лет), Фёдора (9,5 лет), Ильи (3 года) и дочери Авдотьи (16 лет, возраст у всех указан на 28 мая 1858 года). Платон Васильевич поздно женился, но детей народил.

При деревенской же усадьбе Виктора Ивановича Волкова служили дворовые Лев Александров (58,5 лет) с женой Устиньей (46 лет) и дочерью Пелагеей (24 года). Второй дворецкий Николай Дмитриев (1800 г. р.) помер в 1853 году, остались вдова Василиса (40 лет), дочь Степанида (16 лет) и сын Алексей (6,5 лет).

Судебный чиновник был настоящим помещиком, занимался сельским хозяйством. На полевых работах трудились пять семей крепостных крестьян:

1) Константин Петров(-ич) (38,5 лет), супруга Афимья (37,5 лет), сыновья Димитрий (13,5 лет), Михаил (7,5 лет), Иван (4,5 года), Александр (4 месяца), дочери Ольга (8 лет) и Марья (3 года); 2) Лев Петров (24,5 года) с женой Пелагеей (22 года) и сыном Ефимом (3,5 года); 3) Пётр Фёдоров (46,5 лет) с женой Марфой (45 лет), сыновьями Николаем (19,5 лет), Степаном (18,5 лет) и дочерью Федорой (16,5 лет). Сын Федот (1836 г. р.) скончался в 1854 году; 4) Осип Максимов (37,5 лет) с супругой Федосьей (37 лет), дети: Егор (23,5 года), Марья (16 лет), Настасья (14 лет), Анна (8 лет), родившийся в 1850 году сын Фёдор умер в том же году; 5) Никанор Осипов (24,5 года) с женой Анисьей (17,5 лет)². В сельцо Куровском (Волково тож) имелось единое поместье, которым управлял уже немолодой Виктор Иванович Волков.

Судьба двух маленьких деревень Вавилово и Куровское была похожа, мелкопоместное дворянство обитало в своих нехитрых усадьбах, единицы могли купить крепостных и завести хо-

¹ В ноябре 1855 года понятым при размежевании в соседнем Вавилово являлся крестьянин Платон Васильев (Там же. Ф. И-351. Оп. 2. Д. 3097. Л. 5).

² Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 712. Л. 689–696.

зайство, тем более содержать дворовую прислугу. А рядом, вокруг озера Ольхового лежали пустовавшие земли.

§ 2. Новые селения

Выморочные земли оказались в собственности казны, которая попыталась их «пристроить». Так в наших краях всплыло имя сенатора Михаила Алексеевича Обрескова.

Михаил Алексеевич Обресков¹ был сыном крупного дипломата эпохи императрицы Екатерины II – Алексея Михайловича Обрескова (1718–1787), который с 1751 по 1771 годы служил послом (резидентом) российского правительства в Константинополе (совр. Стамбул) при дворе османских султанов. Именно А.М. Обресков сменил на берегах Босфора скончавшегося резидента Адриана Ивановича Неплюева, сына знаменитого Оренбургского губернатора Ивана Ивановича Неплюева, чье имя вошло в учебники по истории всех южноуральских регионов.

Выдающийся русский дипломат А.М. Обресков, чья служба проходила в сложной международной обстановке начинавшихся русско-турецких войн, в Константинополе женился на гречанке, там появился на свет сын Михаил.

Михаил Алексеевич сначала пошёл по стопам отца, начав службу в 1772 году в коллегии иностранных дел, но в 1782 году избирает военную карьеру (в 1788 году премьер-майор, адъютант самого светлейшего князя Г.А. Потёмкина-Таврического).

Отличился во время русско-турецкой войны 1787–1791 годов, когда в декабре 1788 года при штурме Очакова подполковник М.А. Обресков был контужен и ранен.

Далее военная служба шла успешно – полковник в Переяславском конно-егерском полку, а с 1797 года командир (затем шеф) лейб-гвардии Кирасирского полка, генерал-майор. Кирасиры – отборный полк тяжёлой кавалерии, так называемые, Жёлтые или Царскосельские кирасиры.

¹ Обресков, Михаил Алексеевич, р. 8 октября 1764 г. Получив воспитание в доме родителей, службу начал 5 апреля 1772 г. актуариусом в Коллегии иностр[анных] дел, где 1 декабря 1774 г. произведён в переводчики. 20 июля 1805 г. пожалован в генералы-кригс-комиссары. 15 июня 1806 г. уравниен с[о] сверстниками в ген[ерал]-лейт[енантском] чине. 12 июля 1810 г. повелено присутствовать в Прав[ительствующем] Сенате. 23 июня 1828 г. пожалован в действ[ительные] тайн[ые] сов[етники]. † 25 ноября 1842 г. Похоронен в московск[ом] Новодевичьем монастыре.

Жена: 1) с 1790 г., Екатерина Александровна Талызина, р. 4 ноября 1772 г. † 19 июня 1803 г.; 2) вдова полковн[ика] Анна Львовна Зеланд, рожд[ённая] фон Фольгард, р. 8 ноября 1803 г. † 12 апреля 1858 г.

Дети: Александр, р. 1790 г., Дмитрий, р. 1792 г., Николай, р. 1801 г., София, р. 26 мая 1798 г., за ген[ерал]-майор[ом] бар[оном] Левенштерном (Мурзанов Н.А. Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий / Изд. подгот. Д.Н. Шилов. СПб., 2011. С. 317).

Но когда екатерининские питомцы оказались в опале при новом императоре Павле I, в 1799 году впал в немилость и М.А. Обресков, который два года провёл в отставке.

Вероятно, именно в этот период генерал-майор занимался расширением своих владений. Обресковы с XVII века владели родовым поместьем в селе Пазушино Ярославской губернии, за Волгой (совр. северная окраина города Ярославля).

Родовое поместье дворян Обресковых. Кладбище и храм в селе Пазушино, совр. северная окраина города Ярославля. 2017 год. Фото В.Н. Воронина

Ярославский краевед Станислав Николаевич Вельковский в 2011 году рассказывал: «Если бы по мановению волшебной палочки оказаться на этой тропинке несколько веков назад, она привела бы нас к красивому барскому дому. Чуть правее две построенные Обресковыми церкви: летняя Казанская и зимний храм Воскресения Христова. Неподалёку родовая усыпальница». Не забыты заслуги рода: «Один из первых Обресковых – Михаил. Из рук Ивана Грозного он получил золотую чашу с надписью "За доблесть при взятии Казани". Крупнейший дипломат своего времени – Алексей Михайлович Обресков, действительный тайный советник при Екатерине Великой. Плодами заключённого мирного договора, проект которого составил Обресков, Россия пользуется и сегодня. А именно свободным проходом через Чёрное море в Средиземное. Один из сыновей Алексея Михайлови-

ча, Михаил, был адъютантом князя Потёмкина. Его брат Дмитрий – адъютант Кутузова, а один из сыновей, Александр, – тайный советник и посол в Турции, служивший вместе с Грибоедовым. Другой сын, Николай (поручик и надворный советник), увёл невесту у 18-летнего Михаила Лермонтова. Красавице Наталье Ивановой, дочери драматурга Фёдора Иванова, поэт посвятил 20 стихотворений и поэму "Странный человек"¹.

На рубеже XVIII–XIX веков М.А. Обресков был женат первым браком на Екатерине Александровне Талызиной (1772–1803), которая родила ему четырёх сыновей и дочь. Видимо, ради благополучия многочисленного семейства он и приискал пустые земли в отдалённой Оренбургской губернии, тем более, что император Павел I был щедр в раздачах земли. А может, это императрица Екатерина II в последние годы жизни одарила шефа элитного лейб-гвардии Кирасирского полка поместьями.

По материалам Генерального межевания, начавшегося в Оренбургской губернии в 1798 году, М.А. Обрескову принадлежали два участка земли. В документах он уже называется генерал-лейтенантом (с 1806 года) и сенатором (с 1810 года), то есть земли возле Уфы сохранялись, но оставались ненаселёнными.

Видимо, М.А. Обресков собирался перевести сюда крепостных крестьян из ярославского имения, заложить деревни, вернуть хозяйство, но его карьера круто изменилась в марте 1801 года после убийства несчастного Павла Петровича.

Новый государь Александр I сразу возвращает М.А. Обрескова на военную службу. В наполеоновских войнах он служит генерал-кригскомиссаром армии, главным снабженцем (1805–1807 годы), затем сенатор, директор Государственной комиссии погашения долгов, с 1811 года директор Департамента внешней торговли, резко увеличил доходы казны. Отличался хозяйственными наклонностями, почему и задумал освоение далёких земель под Уфой.

Обресковы живут в Москве, с 1823 года он в отставке по болезни. В 1820–1830-е годы строится городская усадьба Обресковых недалеко от Сивцева Вражка. Но опытный сенатор опять нужен новому императору. Николай I в 1826 году назначает М.А. Обрескова в Верховный уголовный суд по делу декабристов, с 1828 года он действительный тайный советник, с 1832 года вновь на высших должностях в Сенате.

В 1833 году женился вторично на вдове с тремя детьми. Литератор Ф.Ф. Вигель оставил едкие воспоминания: «Обресков был небольшого роста, тонок, строен и чрезвычайно легко тан-

¹ См.: <http://yarreg.ru/articles/29598/>.

цевал; искусственная белизна его лица спорила с искусственной чернотой его волос, и яркий искусственный румянец покрывал его щёки... Страсть его к женскому полу и желание ему нравиться начинали делать его смешным... тот, который всю жизнь прельщениями и деньгами соблазнял невинность и кучу жертв принёс своему сластолюбию, на старости пал безоружен в сети, расставленные распутницей, которая без большого искусства умела превратить их в брачные узы. Мгновенно прежний мир исчез перед ним: знакомые, родные, даже дети его оставили. Сим последним должен был он отдать родовое имение первой жены, а награбленное скоро похитила у него вторая жена»¹.

Земли под Уфой оставались ненаселёнными и были проданы как раз к началу 1830-х годов, когда вторая жена начала «выбивать» из престарелого супруга (Обресков умер в 1842 году) всё больше денег.

Первый участок назывался «земля Всемилоостивейше пожалованная господину генерал-лейтенанту сенатору и кавалеру Михайле Алексеевичу Абрескову из отрезанной в казенное ведомство от дачи селца Николаевки Пекарское тож, что ныне пустошь». Общей площадью участок был в 1139 дес. 1148 саж. (пашни – 151 дес. 1651 саж., сенокоса – 245 дес. 1224 саж., леса – 662 дес. 1768 саж., неудобий – 79 дес. 1305 саж.).

А находился первый участок М.А. Обрескова в следующих границах: «Положение имеет по течению речек Васильевки, Сухой и истока безымянного на левой и ручья безымянного на правой сторонах и при озерах Ольховом, Березовом, Дубовым и Долгим и по обеим сторонам означенное речки Сухой, озер Долгого, Ольхового и двух безымянных и большой столбовой дороги, лежащей из города Уфы в город Бирск. Те речки и исток безымянный шириною в 2 сажени, глубиною в пол аршина, озера Ольховое шириною в 140 сажень, глубиною в два аршина и более, Безымянное и Дубовое шириною во сто сажень, глубиною в полтора аршина и более, Долгое шириною в 20 сажень, глубиною в 1 аршин. В них и речках рыба – щуки, окуни, лещи, лини, головли, плотва, налимы и протчих мелких родов. А Безымянные совсем пересыхают. Грунт земли черноземистой, а материк глинистой. Из посеенного на ней хлеба лучше родится рожь, овес, пшеница, полба и горох, а протчия семена средственны. Сенные покосы хороши.

Лес растёт дровяной, дубовой, ореховой, вязовой, кленовой, липовой, черемуховой, рябиновой, калиновой, ольховой, ивовой. В нём бывають звери – волки, лисицы, зайцы, белки и горностаи.

¹ См.: Википедия, другие ресурсы интернета.

Птицы – тетерева, рябчики, куропатки и прочих мелких родов. При водах дикие утки, гуси и кулики. В полях перепела, жаворонки и журавли и прочих. Оная земля ни кем не обрабатывается, а лежит в пусте».

Второй участок был поменьше: 260 дес. 1473 саж. (пашни – 4 дес. 1844 саж., сенокоса – 106 дес. 2108 саж., леса – 130 дес. 696 саж., неудобий – 18 дес. 1625 саж.). А «положение имеет речки Сухой на правой и при озере Долгом по обе стороны онаго [не читается] и 4-х безымянных. Та речка в самое жаркое летнее время шириною в две сажени, глубиною в пол аршина, озера [не читается] глубиною три аршина, шириною сорок сажень, Долгое глубиною два аршина, шириною дватцать пять сажень, а безымянные не большие. В них рыба так же и в речке – щуки, окуни, караси и плотва. Грунт земли, урожай хлеба и сенных покосов, произрастание лесу и какие в оной дачи бывают звери и птицы сходственно с описанием № 53-го [смотри первый участок]. Оная земля лежит в пусте»¹.

Хотя имелось много хозяйственных угодий, незаселённое поместье долго не продавалось, оба участка лежали «в пусте», вероятно, просто как ценная недвижимость. Для весьма богатого сенатора, коего усердие ценили почти все императоры, бездоходность далёкого уфимского поместья была не проблемой.

К началу XIX века ещё один участок к востоку от Суровки оказался в частных руках: «Казенной луг, называемой Соколовской, которой состоял в заведывании Оренбургской Казенной Палаты, которой ныне поступил во Всемиловейшее пожалование во владение титулярному советнику Кобякову». Земли насчитывалось 259 дес. 236 саж. (сенокосов – 255 дес. 136 саж., лесу – 1 дес., неудобий – 3 дес. 100 саж.). Описание границ: «Положение имеет по обе стороны озер Бурлуша и безымянного. Которые в самое жаркое летнее время бывают глубиною – Бурлуш в два аршина, шириною в дватцать сажень, безымянное глубиною в аршин, шириною в дватцать сажень. В них рыба – щуки, окуни, караси и плотва. Грунт земли черноземистой, а материк глинистой. Сенные покосы травую хороши. Лес растёт мелкой кустарник. Оными покосами пользуются из оброку от означенного господина Кобякова разного звания люди по разным ценам»².

Это были тоже посторонние люди. В списке дворян Уфимского уезда упоминается некая Кобякова, без инициалов³. Далее

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1884. Л. 124 об. – 125, 126 об. – 127.

² Там же. Л. 185 об. – 186.

³ Абсалямов Ю.М. Помещики Оренбургской губернии в первой половине XIX в. С. 21.

они не встречаются в источниках. А пустующие земли покупает новый помещик. Возле озера Ольховое возникает деревня.

Ивано-Ключевское

В своём объявлении от 31 марта 1834 года коллежский советник (приравнивался к пехотному полковнику) и кавалер, а также врач Иван Тимофеевич Воскобойников просит зарегистрировать своих крепостных «в новоустроенном сельце Ивано-Ключевском». То есть поселение выстроили недавно.

Возникновение Ивано-Ключевского датируется концом 1820-х – началом 1830-х годов. Вспомним, как раз в это время сенатор М.А. Обресков вторично женится и алчная супруга выбивает из престарелого мужа деньги.

И.Т. Воскобойников покупает оба участка сенатора в 1139 дес. 1148 саж. и 260 дес. 1473 саж.¹, площадью точно как указано выше по Генеральному межеванию.

Новый помещик приобретает крепостных с 1828–1829 годов и к 1834 году строит недалеко от озера Ольхового барскую усадьбу, основывает деревню, названную по его имени и от большого источника, возле которого возникло поселение. Находилось Ивано-Ключевское примерно на окраине совр. Михайловки в конце улицы Лесной, где жилой комплекс «Родничок».

Сначала границы поместья не были чётко определены. Воскобойников жаловался, что жители окрестных селений Суровки, Вавилово и особенно Миловки самовольно въезжают в лес, рубят деревья, ловят рыбу и «даже выкашивают в лугах траву», чем «увлекались» суровцы.

Воскобойников просит восстановить межевые (пограничные) знаки: «лесные просеки заросли, столбы одни сгнили, а другие сгорели». В 1834 году землемер «возобновил» межевые границы, составив подробное описание. Кроме барина документ подписали понятия из крестьян Суровки Матвей Васильев и Игнатей Петров².

Крепостное население И.Т. Воскобойникова на 31 марта 1834 года (отчества пишутся по-старинному, без –вича)³:

№	Семьи крепостных	Преыдущее	Ныне
---	------------------	-----------	------

¹ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 669. Л. 13.

² Там же. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 268. Л. 2–3, 12–13, 15.

³ Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 440. Л. 643–644, 645 об. – 648, 653 об.

		положение	на лицо (возраст)
Дворовые			
1	Алексей Михайлов	переведён в 1829 году Вятской губернии из Сарапульского уезда (отдан в рекруты 1830 года)	
2	Девка Арина Яковлева, её сыновья незаконнорождённые Степан Алексеев, Алексей Дмитриев	новорождённые	34 года 12 1
3	Девка Мавра Данилова		48
4	Девка Дарья Карпова		30
5	Девка Аграфена по крестному отцу Иванова, незаконнорождённая		18
6	Девка Елисавета Иванова		18
7	Девка Палагея Матвеева		15
8	Девка Софья Степанова		11
9	Девка Мавра Иванова		9
10	Девка Александра Григорьева		23
Крестьяне			
1	Матвей Иванов, его жена Устинья, сын Гавриил, дочери Федосья, Дарья и Гавриила Матвеева жена Лукерья	куплен в 1828 году у дворянина 14-го класса Александра Попкулева (фамилия не ясна) с женою и сыном	57 41 21 5 3 22
2	Степан Максимов, его жена Марфа, сыновья Николай, Иван, Борис, Зиновий	куплен в 1833 году у титулярной советницы Баженовой с женою и детьми	50 37 19 15,5 14 6,5
3	Семён Петров, его жена Марина, их сыновья Андрей, Филип, дочь Прасковья, брат Семёна Петрова Андрей Петров	куплен в 1833 году у коллежской советницы Евтюгиной с женою, сыновьями и братом	32 26 5,5 3 и 3 мес. 4 мес. 21
4	Иван Матвеев, его жена Степанида, их сын Андрей, их дочери Варвара, Афанасия, Ефросиния	куплен в 1833 году у титулярной советницы Марьи Смирновой с женою и детьми	47 46 17 11 6,5 4,5

Отметим, что основное количество крестьян было куплено в 1833 году, первых крепостных, вероятно, И.Т. Воскобойников приобрёл ещё в Вятской губернии. Время массовых покупок и основания сельца совпадает со вторым браком сенатора Обрескова. Обратим внимание также, что Воскобойников купил крестьян у разных уфимских помещиков, крепостные стоили очень дорого, никто больше одного семейства не продавал.

Скупая отдельными семьями крепостных для своего поместья, И.Т. Воскобойников попал в конфликтную ситуацию. 28 ноября 1835 года в Уфе он купил семейство дворовых (Петра Яковлева с сыновьями Спиридоном и Василием, а также дочь Наталью) у девицы Варвары, дочери умершего титулярного советника Ивана Шильникова.

Отца, П. Яковлева, сразу отправили в Вятку, где служил тогда барин врачом, туда же уехал и Спиридон. Он был отдан «для услуг дочери моей Александре, жене титулярного советника Николая Молчанова». Но затем, «за пьянство и за буйственные поступки возвращен в город Уфу, посредством внутренней стражи, и передан в дом мой». Полиция по этапу доставила Спиридона в Ивано-Ключевское.

Там брат его Василий занимался «присмотром за домашним скотом», а сестра Наталья «выдана в замужество» за одного из крестьян Воскобойникова. Когда же их отец, П. Яковлев, прибыл из Вятки, из-за старости его ни в каких работах не употребляли, «кроме пастьбы свиней в летние месяцы».

Но престарелый дворовый оказался искушён в законах. В июле 1838 года он подал жалобу гражданскому губернатору, что незаконно находится в крепостных у Воскобойникова. А затем «сей строптивый и дерзкий человек» 4 декабря бежал из Ивано-Ключевского, захватив нагольный овчинный тулуп и другие вещи. Он явился к губернатору «и по городу Уфе шатается в одном изорванном кафтанишке сукна сермяжного», демонстрируя бедственное положение и создавая негативную репутацию своему помещику, который его даже не разыскивал.

В результате начатого расследования оказалось, что, действительно, покупка семейства Петра Яковлева осуществлена незаконно. И 25 января 1839 года полиции поручили отобрать у Воскобойникова неправильно проданных крепостных (кроме вышедшей в замужество дочери) и вернуть прежней хозяйке.

Это оказалось невозможно. Бывшая владелица Варвара Ивановна, в замужестве Брудинская, не хотела вернуть Воскобойникову деньги за крепостных – 1000 рублей, а также возместить «понесенных убытков». Не ясно, знала ли она о сомнительном статусе этих крестьян, но за четыре души, включая преста-

релого Петра Яковлева, Воскобойников уплатил по 250 рублей за каждого. Огромные деньги.

Кроме того, отвечал И.Т. Воскобойников 27 декабря 1839 года, с февраля месяца жалобщик Пётр Яковлев у него не проживает и где находится – не известно. Наконец, Василий «состоит в услужении при моем сыне Федоре, подпрапорщике Оренбургского линейного батальона № 2-го, командированного в Хиву»¹. А Хивинский поход начался в ноябре 1839 года.

Это были не единственные проблемы с крепостными. В 1840-е годы вокруг Воскобойниковых разгорелись шумные скандалы, в разбирательство были втянуты первые лица губернии (смотри третий параграф).

Несмотря на все проблемы с покупкой крепостных, в Ивано-Ключевском к 1833 году строится внушительная усадьба, за которой ухаживал целый штат прислуги, почти исключительно женской (видимо, имелось и городское жильё). Новый барин был личностью примечательной. Впервые в здешних краях появился профессиональный врач.

Основные вехи его биографии указаны в документах на дворянство². Хотя Воскобойников состоял с потомством в дворянском достоинстве³, «но на оное диплома и герба пожаловано ему еще не было». Родился Иван Тимофеевич около 1774 года, в июне 1793 года поступил лекарским учеником «в Кронштадтскую Госпиталь», в январе 1794 года переведён в Санкт-Петербургский адмиралтейский госпиталь, кандидат хирургии (1797), лекарь (1798). В 1802 году назначен штаб-лекарем при казённых Ижевском и Воткинском заводах, в мае 1804 года вернулся в Санкт-Петербург на докторскую вакансию при казённых заводах, 30 мая 1806 года «за неусыпные труды и отличное усердие» награждён золотой табакеркой.

Но в сентябре 1807 года был уволен и определён на докторскую вакансию в Ижевский завод, с 1809 года на соседнем Воткинском заводе. Долго служил на Урале, оставил память как организатор госпиталя и аптеки в Воткинске. Плодотворная деятельность врача Воскобойникова сопровождалась наградами: орден Св. Анны 3-й степени (1811), надворный советник (1821).

В августе 1826 года переведён оператором в Оренбургскую (находилась в Уфе) Врачебную управу, а 20 декабря Медико-

¹ Там же. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1481. Л. 1-2, 10 и об., 22-24.

² См.: *Буравцов В.Н.* Медицинские учреждения Уфы последней четверти XVIII – первой четверти XX вв. Уфа, 2016. С. 24-28; РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. Д. 4496; ресурсы интернета.

³ Но есть упоминания, что И.Т. Воскобойников происходил из духовного звания (сын священнослужителя).

Хирургической академией признан инспектором Врачебной управы, коллежский советник (1833).

Возможный герб дворян Воскобойниковых, 1839 год. Ресурсы интернета

И.Т. Воскобойников был одним из первых организаторов профессиональной медицины в крае. Именно его осенью 1829 году командировали в Оренбург «для ознакомления с эпидемией» холеры. Входил в Медицинский совет, в котором составили программу из 19 пунктов по борьбе со страшным заболеванием. По всему краю вводился карантин. Сам Воскобойников отправился в Троицкий уезд, где возглавил противоэпидемическую работу. Когда на следующий год (1830) эпидемия вспыхнула снова, его командировали в Уральскую область.

В январе 1831 года страшная болезнь подошла к Уфе. Был объявлен карантин, пост находился на Вавиловской переправе в Нижегородке, откуда всех приезжающих с подозрениями на холеру отправляли в наблюдательные дома. Воскобойников экзаменовал провинциальных врачей.

Случаи заболевания холерой отмечались в Благовещенском заводе, Красном Яру, Подымалово, Щиголево, других окрестных селениях. Эпидемия прекратилась осенью 1831 года¹.

¹ Попов А.В. Холера 1829–33 годов в Оренбургском крае. Оренбург, 1910. С. 64, 88, 215, 233, 242, 301, 350–355.

Именно в это время И.Т. Воскобойников покупает землю и основывает сельцо Ивано-Ключевское. Но 15 июля 1834 года он назначается инспектором Вятской врачебной управы и уезжает из Оренбургской губернии. Сам Воскобойников заявлял, что в 1837 году провёл в Уфе «не более двух седмиц» (недель), а в 1838 году возвратился из Вятки лишь 5 октября¹.

План сельца Ивано-Ключевское Воскобойниковых, 1862 год
(НА РБ. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 142)

В 1840-е годы собирались сведения о мелкопоместных дворянах, имевших до 25 душ крепостных. В их числе оказался коллежский советник И.Т. Воскобойников. Сохранились два списка, датированные после 1845 и январём 1849 годов². Но сведения собирались постепенно, сравнения с известными датами показывают, что информация была получена в 1840 году. Семья у Ивана Тимофеевича была большая.

Неоднократно женат. Дети от первого брака уже взрослые.

¹ НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1481. Л. 10 об.

² Там же. Д. 1863. Л. 187-188, 192 и об.

Две дочери даже успели овдоветь: 43-летняя Ольга – «вдова бывшая замужем за чиновником Подшиваловым», а также 41-летняя Екатерина – «вдова бывшая замужем за чиновником Мальгиным» Они не упоминаются в уфимских документах, наверняка, жили не здесь, как 35-летняя Александра, вышедшая замуж за чиновника Молчанова и проживавшая в Вятке.

Был также сын от первого брака 37-летний Николай, про которого указывалось: «на службе в Персии горным инженером», подполковник, затем «от службы уволен и проживает в Грузии».

В списках возраст отца (66 лет) и старшего сына (37 лет) указывают на дату 1840-й год. Значит, возраст всех остальных членов семьи Воскобойниковых можно отсчитывать от неё.

Старший сын И.Т. Воскобойникова – Николай Иванович Воскобойников (1803 – после 1846?) был примечательной личностью. Окончил Горный кадетский корпус в 1823 году, служил на Кавказе, исследователь бакинской нефти (1827), управляющий Бакинскими минеральными промыслами (1834), майор Корпуса горных инженеров (1834), сконструировал аппарат для перегонки нефти и построил нефтеперегонный завод в Балаханах (1837), один из инициаторов добычи нефти методом бурения¹.

Вторично И.Т. Воскобойников женился также на Вятской земле. Супруга – 44-летняя Дарья Тимофеевна. Сына во втором браке снова нарекли Николаем, что было редкостью. Ему исполнилось 24 года и он состоял поручиком в Севском пехотном полку. Две старшие дочери Глафира и 12-летняя Елизавета находились в пансионе в городе Вятке. Затем добавили, что 19-летняя Глафира уже замужем за чиновником Шульцом².

¹ Википедия, другие ресурсы интернета.

² Супруги жили здесь. На 1851 г. коллежский регистратор Иван Юлианович Шульц служил стряпчим (делопроизводителем) 4 и 5-го башкирских кантонов (Адрес-календарь Оренбургской губернии. 1851 года. Уфа, б. г. С. 67). В Александро-Невской церкви Уфы 26 апреля 1860 года крестили младенца Николая (род. 23-го числа). Родители: коллежский секретарь и католик Иван Иулианович Шульц и законная супруга Глафира Ивановна. Восприемниками выступили капитан 10-го батальона Н.И. Воскобойников и вдова Дарья Ивановна Воскобойникова. Мальчик Николай умер 23 мая 1860 года (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 1. Л. 7 об., 50 об.). А 20 апреля 1862 года в семье титулярного советника Ивана Юльевича Шульца и Глафиры Ивановны появилась на свет дочь Елизавета, 26 июня 1863 года – сын Леонид. Крёстной у мальчика была девица Любовь Ивановна Воскобойникова. 1 апреля 1867 года родился сын Константин, крёстной стала Анна Ивановна Бурбо. Мальчик умер 20 июля (Там же. Д. 3. Л. 453 об.; Д. 4. Л. 14 об.; Д. 8. Л. 16 об., 216 об.).

Иван Юльянович Шульц 28 ноября 1867 г. перешёл из католичества в православие в Иоанно-Предтеченской церкви Уфы, восприемниками стали отставной титулярный советник Пётр Иванович Брейдигам и вдова кол-

При родителях в поместье находились только две младшие дочери: 10-летняя Анна и 8-летняя Любовь, «обучаются грамоте».

Однако, на 1839 год у И.Т. Воскобойникова имелся ещё сын Фёдор, служивший в армии. Возможно, он умер в начале 1840-х годов. Наконец, в 1845 году помещик дарит часть имения Марье Ивановне Шукевич, которая названа сестрой Николая Ивановича Воскобойникова¹. Это ещё одна дочь врача-помещика.

А сам Иван Тимофеевич Воскобойников (66 лет) служил штаб-лекарем при Благовещенском заводе, имея поместье в 1400 дес. и 17 ревизских душ крепостных. То есть, к 1840 году И.Т. Воскобойников возвращается из Вятской губернии, устраивается врачом в соседний Благовещенский завод, видимо, вынашивая планы по созданию поместья в Ивано-Ключевском.

В 1850 году через эту деревушку проехал уфимский писатель И.П. Сосфенов: «экипаж мой поровнялся с деревнею г. Воскобойникова, бывшего Инспектора здешней Врачебной Управы, красиво расположенною в правой стороне почтовой дороги по лесистому горному скату»².

В 1840-е годы престарелый И.Т. Воскобойников выходит в отставку, оставшись в чине коллежского советника, и поселяется в уфимском поместье. Около 800 дес. закладывает в Уфимском попечительном о бедных комитете, а затем начинает распродавать землю. 18 августа 1845 года он выделил свободный от залога участок поместья в 100 дес. и одно семейство дворовых (вдову Авдотью Ефимову с детьми) жене дворянина, своей дочери губернской секретарше Марье Ивановне Шукевич³.

Именно Иван Тимофеевич Воскобойников в 1847 году продаёт часть своих владений майору М.Н. Падейскому, основавшему Михайловку. Видимо, Падейский купил землю, о которой сообщалось в частном объявлении в местной газете. Летом 1847 года публикуется, что «Из дачи Сельца Ивано-Ключевского, Оренбургской Губернии Уфимского уезда назначаются в продажу двести десятин земли, из которых большая половина само-

лежского советника Дарья Ивановна Воскобойникова. 4 декабря 1867 г. к православию примкнул канцелярский служитель Иосиф Юлианович Шульц (Там же. Д. 8. Л. 191 об., 192 об.).

Вдова титулярного советника Глафира Ивановна Шульц скончалась 22 января 1888 г. от чахотки в возрасте 57 лет (Там же. Д. 29. Л. 757 об. – 758). А отставной коллежский ассесор Иосиф Юлианович Шульц умер в возрасте 80 лет 18 декабря 1904 г. (Там же. Оп. 5. Д. 7. Иоанно-Предтеченская церковь. Л. 33 об.).

¹ Там же. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 176. Л. 22.

² И.П. Сосфенов: начало уфимской литературы / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2012. С. 28.

³ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 669. Л. 13 и об.

лучшие для посева хлеба, а прочие же под лесом и лугами близ реки Белой. – Участок сей смежен с дачами деревень: Киржацкой, Миловки, Г-жи Надворной Советницы Базилевской, с наследниками умершего Коллежского Ассесора Дмитриева, и начинается от города Уфы по тракту Сибирскому в осьми верстах. – О цене узнать можно от самого хозяина, Коллежского Советника Ив. Тим. Воскобойникова, в городе Уфе живущего»¹.

Можно предположить, что материальное положение ухудшилось, так как вслед за землёй И.Т. Воскобойников в 1849 г. выставил на продажу свой уфимский двухэтажный каменный дом с пристроем и огородом (2-я часть, № 128). На городской усадьбе Воскобойникова имелся «сад с плодовыми и лесными деревьями», а «в саду весьма хорошая беседка»².

Во время девятой ревизии 16 октября 1850 года в небольшом селце Ивано-Ключевское проживали³:

№	Семьи крепостных (возраст по предыдущей ревизии 1834 года)	Положение	Ныне на лицо (возраст)
Дворовые			
1	Степан Алексеев (12), брат его Алексей Дмитриев (1 месяц)	Степан поступил во владение (продан) по купчей крепости в 1845 году коллежской ассесорше Курчеевой	16,5 лет
2	Николай Иванов, брат Иван, их мать девка Дарья Карпова	новорождённые	13 7 46
3	Иван Андреев	Куплен в 1834 году у губернской секретарши Александры Бреевой с семейством. Поступил во владение губернской секретарше Марье Шукевич в 1845 году по дарственной записи с семейством	
4	Михайло Гаврилов	Куплен у коллежской советницы Дарьи Мармылёвой в 1834 году. Отдан в рекруты в 1837 году	
5	Андрей Николаев, его жена Елена Иванова, их сын Касиан	Куплен в 1842 году у губернской секретарши Шестаковой	32 20 2
6	Девка Мавра Иванова		26
7	Девка Дарья Матвеева		19

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1847. 28 июня.

² Там же. 1849. 19 февраля.

³ Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 606. Л. 621–627.

8	Девка Маланья Максимова		25
9	Девка Пелагея Андреева		12
Крестьяне			
1	Матвей Иванов (47), его жена Устинья Иванова, их сын Гаврило (21), их дочь Федосья, жена Гаврилы Матвеева Лукерья Иванова	умер в 1845 году	63,5 57 21,5 38,5
2	Степан Максимов (50), его 1-й сын Николай (19), жена Николая Степанова Анфиса Елисеева, их сыновья Захар и Иван, 2-й сын Борис (14), жена Бориса Степанова Евгенья Прохорова, их дочь Олимпиада, 3-й сын Зиновий (6,5)	умер в 1835 году	35,5 31 6,5 5 30,5 25 6 месяцев 23
3	Семён Петров (32), его сыновья Андрей (5,5), Филип (3 $\frac{1}{4}$), Пётр (новорождённый) ¹ , Семёна Петрова брат Андреян ² (21), Андреяна Петрова жена Вера Никифорова, их дочь Степанида	умер в 1842 году умер в 1836 году	19 $\frac{3}{4}$ 12 37,5 33 4
4	Иван Матвеев (47), его жена Степанида Дмитриева, их дочь Афанасия, их сын Андрей (17), Андрея Иванова жена Наталья Петрова, их дети: Михайло, Прокопий, Дмитрий, Фёкла, Евпраксия		63,5 62,5 23 33,5 32 6,5 5 7 мес. 4 2
5	Иван Степанов (15,5), его жена Елизавета Иванова,		32 34,5

¹ «Петр Семенов, проданный Действительной Тайной Советнице Дашковой, по постановлению на 2 Декабря 1857 г. перечислен за нее с 1857 г. к имению, состоящему Уфимского уезда к Благовещенскому заводу».

² В ноябре 1855 года двое крестьян из сельца Воскобойникова Андрей Петров и Михайло Буркин были поверенными (свидетелями) при размежевании 2-й части полсельца Вавилово (НА РБ. Ф. И-351. Оп. 2. Д. 3097. Л. 5).

их сын Василий		4,5
----------------	--	-----

Итого 21 мужская душа и 20 женских. На списках («ревизские сказки») за себя и дочь расписался И.Т. Воскобойников, но подпись уже старческая. Сравнение крепостных за 1834 и 1850 годы показывает, что сохранилась обширная дворовая прислуга, хотя число женщин уменьшилось. Значит, усадебный комплекс в Ивано-Ключевском существовал.

Но число крестьянских дворов почти не изменилось, лишь Иван Степанов отделился от отца Степана Максимова, женился и завёл собственное хозяйство. Доходы с такого небольшого количества крепостных крестьян вряд ли были существенным прибавком к пенсии, почему И.Т. Воскобойников и закладывает поместье, распродаёт землю.

А дочь Марья Ивановна Шукевич, на 15 октября 1850 года уже вдова, из дворян коллежская секретарша, являлась владелицей двух семейств: 1) 23-летнего Ивана Андреева с матерью вдовой 40-летней Авдотьей Ефимовой и сестрой Марьей Андреевой, 18 лет, подаренные в 1845 году отцом коллежским советником Иваном Воскобойниковым и 2) 36,5-летний Фёдор Егоров с женой Софьей Степановной (27,5 лет). Эти двое уже являлись «подарком» от матери коллежской советницы Дарьи Воскобойниковой. Итого двое мужчин и три женщины¹.

Около 1854 года Иван Тимофеевич умирает. По дарственному акту, засвидетельствованному в Оренбургской (в Уфе) палате гражданского суда 25 января 1852 года, он дарит супруге Дарье Ивановне часть земли (150 дес.) с одной семьёй крепостных, а по духовному завещанию, засвидетельствованному там же 28 августа 1854 года, оставшаяся часть поместья достаётся сыну Николаю Ивановичу.

Согласно духовному завещанию Николай Иванович должен был выдать сестре губернской секретарше Глафире Ивановне Шульц 1714 руб. 57 коп. серебром, но с деньгами не спешил расставаться. Сестра подала заявление в суд и 30 ноября 1856 г. на именование наложили запрещение². Пришлось брату отдать деньги.

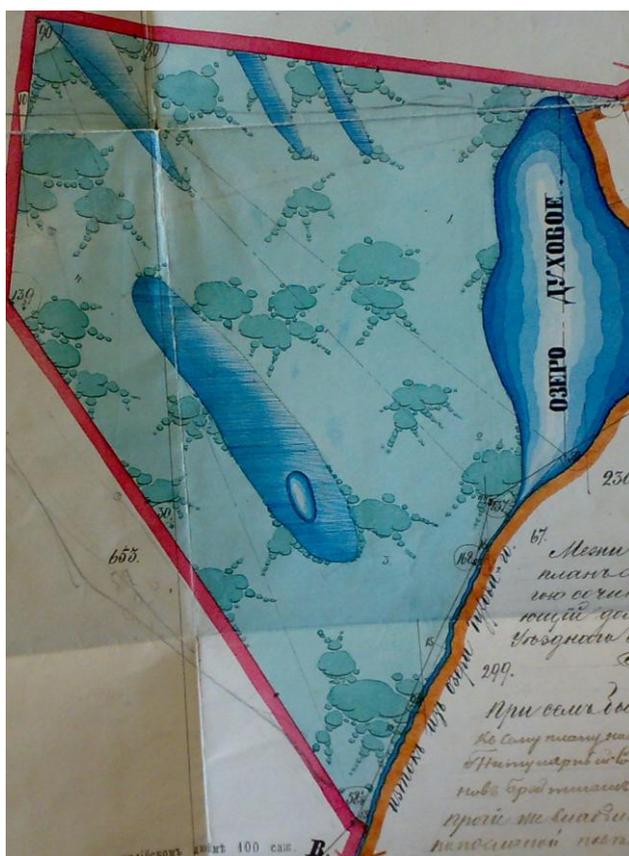
В 1854 году имение юридически переходит к Николаю Ивановичу Воскобойникову, есаулу пешего Оренбургского казачьего полка № 2 (формировался в Крымскую войну, офицерами там служили дворяне), на май 1855 года он капитан линейного Оренбургского № 10 батальона, расквартированного в Уфе. Фактически это было совместное владение сына и матери.

¹ Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 611. Л. 813–815.

² Сенатские объявления о запрещениях на недвижимые имений (СПб.). 1857. № 3. С. 93.

Новый хозяин, Н.И. Воскобойников, сначала стремится размежевать землю, установить точные границы поместья. Отец ещё в 1845 году подарил 100 дес. сестре Марье Шукевич, которая успела продать в 1850 году 60 дес. соседнему помещику М.Н. Падейскому. Мать, Д.И. Воскобойникова, наследовала 150 дес., да ещё 250 дес. в 1847 году отец продал тому же М.Н. Падейскому. Границы проданных земель существовали только на бумаге, на месте межу не проводили.

Вероятно, сначала Н.И. Воскобойников собирался продолжить дело отца и заняться хозяйством (было 1139 дес. 1148 саж., из них отрезали Падейскому 310 дес., осталось 829 дес. 1148 саж., в том числе под поселением 4 дес. 2086 саж.). В начале 1857 года Воскобойников служит в Оренбурге, но в июне заявляет, что ожидает в скором времени перевода в Уфу, в 10-й линейный батальон, поэтому лично желает присутствовать при установлении границ (межевании). В 1859 году Н.И. Воскобойников точно в Уфе.

План участка П.И. Брейдигама, 3 декабря 1859 года
(НА РБ. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 142)

В августе 1855 года мать и сын Воскобойниковы обращаются в Оренбургский (в Уфе) приказ общественного призрения за ссудой под залог имения. И с 6 февраля 1859 года выдают ссуду в размере 1567 руб. 68 коп., но почему-то на имя дочери

коллежского советника Любви Воскобойниковой¹, которой исполнилось 28 лет и она в лучшем случае наследовала лишь материнскую долю в поместье.

В феврале 1859 года Н.И. Воскобойников продаёт 105 дес. одного леса из своего имения проживавшему в Уфе титулярному советнику (в отставке) Н.И. Брейтигаму, которые тоже требовалось отмежевать². Очевидно, Воскобойниковы испытывали проблемы с деньгами.

А рядом с маленьким селцом Ивано-Ключевским, на землях прежде принадлежавших сенатору Обрескову и врачу Воскобойникову обосновался новый помещик, заложивший деревню, наречённую по своему имени.

Михайловка

Новый барин начинал карьеру военным. В 1836 году одним из адъютантов генерал-лейтенанта А.С. Жемчужникова³, начальника 22-й пехотной дивизии, в которую входили все воинские части, расквартированные на Южном Урале, служил поручик Казанского Егерского полка⁴ Михаил Никифорович Падейский, имевший медаль за последнюю турецкую войну⁵. Дворяне

¹ Роднов М.И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. Уфа, 2017. С. 22.

² НА РБ. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 176. Л. 14, 16, 19, 22, 30, 34 об., 39, 64, 70; РГИА. Ф. 577. Оп. 44. Д. 184. Л. 19, 22 об., 28. 46-летний титулярный советник Пётр Иванович Брейтигам, православный, 12 февраля 1854 года венчался в Успенской церкви Уфы первым браком. Супругой его стала 38-летняя вдова канцелярская жена Елизавета Феодоровна Добрынина (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 37. Л. 410 об.). Брейтигам служил в Гражданской палате. Видимо, после создания семьи он и стал покупать землю.

³ Аполлон Степанович Жемчужников (1764–1840), генерал-лейтенант, участник нескольких военных кампаний, в том числе войн с Наполеоном. Его портрет работы Джорджа Доу находится в знаменитой Военной галерее Зимнего Дворца (Эрмитаж). В 1819–1838 годы командовал частями на Оренбургской пограничной линии, после выхода в отставку организовал добычу золота на Урале, похоронен в Тамбовской губернии (Википедия).

⁴ 64-й пехотный Казанский полк, созданный ещё в 1700 году. «В русско-турецкую войну 1828–1829 годов 1-й и 2-й батальоны казанцев участвовали в осаде Браилова и при неудачном штурме этой крепости в ночь на 3 июня, прикрывая отступление наших войск, выказали особое отличие, потеряв в кровопролитном бою 354 нижних чинов и 13 офицеров. После сдачи Браилова казанцы находились в числе войск, блокировавших Шумлу и участвовали в сражении 8 июля против турецкой кавалерии» (Википедия).

⁵ Адресс-календарь Оренбургского Отдельного Корпуса, Оренбургской Губернии и Управления Оренбургского края по части Пограничной, с присовокуплением Кратких Статистических сведений. 1836 года. Оренбург, б. г. С. 17.

Падейские известны в Воронежской и Таврической губерниях.

После учреждения в декабре 1837 года Министерства государственных имуществ, в губерниях создавались низовые органы, в Уфе открылась Оренбургская палата государственных имуществ. Сюда, на гражданскую службу и переходит М.Н. Падейский. В 1846 году майор Михаил Никифорович Падейский исправлял должность губернского лесничего¹.

Именно в это время по купчей крепости, совершённой в Оренбургской палате гражданского суда 11 ноября 1847 года, уже подполковником Михаилом Никифоровичем Падейским приобретено имение «от Коллежского Советника Ивана Тимофеевича Воскобойникова»². К этому времени Падейский выходит в отставку, по сведениям за 1851 год его нет среди чиновников палаты государственных имуществ.

У дворян Падейских было имение недалеко от Стерлитамака, в селе Александровском (Асав-тамак) с усадьбой, 42 двора крепостных крестьян к 1861 году, около 2,8 тыс. дес. земли. Стояла церковь, а управлялось поместье опекуном подполковником Падейским, при посредстве приказчика дворового человека Ивана Аракчеева³. Оттуда перевёл М.Н. Падейский крестьян в новое сельцо. О южном происхождении помнили и в 1895 году было записано воспоминание, что жители деревни Михайловки (Падеевки) «пришли из Стерлитамак. уезда в 1848 году от помещика Зубова, как приданое за дочерью помещ. Падееву»⁴.

Севернее Стерлитамака располагалось несколько поместий с большими селениями из, так сказать, окружения семьи Аксаковых. Это Пёстровка, Подлесная (имения Аксаковых), Карташевка и Асаво-Зубово, принадлежавшее их ближайшим родственникам Зубовым. В начале XIX века хозяйкой последнего села была Глафира Васильевна Зубова, урождённая Киндякова. Она переводила сюда крестьян из Саратовской и Симбирской губерний⁵. С 1848 году выстроила здесь каменную церковь во имя св. св. Архистратига Михаила, освящена 2 февраля 1852 года⁶. По

¹ Адрес-календарь, или общий штат Российской империи на 1846 год. Ч. 2. СПб., б. г. С. 126.

² РГИА. Ф. 577. Оп. 44. Д. 241. Л. 3 об.

³ Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 38, 41.

⁴ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 813. Л. 98.

⁵ См.: Назаров В.Л. Пёстровка – стерлитамакское Аксаково. Очерки истории. Документы. Родословные. Стерлитамак, 2009. С. 40–41; Гудков Г.Ф., Гудкова З.И. Незаконченная повесть С.Т. Аксакова «Наташа» (историко-краеведческий комментарий). Уфа, 1988.

⁶ Игнатъев Р.Г. Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) /

храму село звалось Александровское-Зубово.

В 1835 году землю здесь купили губернский регистратор Василий Яковлевич Зубов и тогда майор М.Н. Падейский. Первой супругой Михаила Никифоровича Падейского стала сестра В.Я. Зубова Анна Яковлевна. Дети – Михаил, Николай, Наталья. Матушка скончалась и к 1865 году пустошь Натальино, Марьино тож (в Стерлитамакском уезде) являлась владением малолетней дочери «покойной» майорши Анны Падейской – девицы Натальи Михайловны Падейской¹ (совр. Стерлитамакский район, рядом с совхозом «Рощинский»). К началу 1859 года Михаил Никифорович Падейский вторично женится.

План сельца Михайловки (Падеевки), ноябрь 1862 года
(НА РБ. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 142)

Именно М.Н. Падейский закладывает Михайловку у южной оконечности деревни Вавилово, возле большого гужевого тракта из Уфы в Бирск (ныне часть деревни Вавилово).

Новый сосед развернул активную деятельность, кроме 250

сост. М.И. Роднов. Т. IV: 1873 год. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 110; Златоверховников Иван. Уфимская епархия // Уфимская епархия Русской Православной церкви / авт.-сост. Егоров П.В., Рудин Л.Г. М., 2005. С. 193.

¹ НА РБ. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 723. Л. 8, 19 об. – 20, 22, 142.

дес. земли купленных у И.Т. Воскобойникова, в 1850 году ему продаёт 60 дес. из своей доли М.И. Шукевич. Ссужал деньгами обоих соседей, Воскобойникова и Шукевич, переселяет крепостных, строит барскую усадьбу.

В 1850 году путешествовавший журналист И.П. Сосфенов проехал мимо: «Девятая верста почтового тракта напомнила нам о повороте с столбовой в левую сторону, где прямо глазам нашим встретилась ветряная мельница Г. Падейского, среди скудного ярового посева; она стояла уединённо и без движения, как отшельница на молитве, среди бесплодной пустыни, ищущая отпущения в былых согрешениях»¹.

Южная часть поместья М.Н. Падейского, ноябрь 1862 года

Михайловка только начинала свою историю, но имена ряда первых жителей известны. В ноябре 1855 года крестьянин деревни Михайловки господина Падейского – Евдоким Ефимов – был приглашён поверенным (свидетелем) при размежевании в соседнем Вавилово². А летом 1859 года при размежевании земли

¹ И.П. Сосфенов: начало уфимской литературы. С. 29.

² НА РБ. Ф. И-351. Оп. 2. Д. 3097. Л. 5.

между тремя братьями Протопоповыми в том же Вавилово понятыми пригласили из Михайловки Моисея Кирилова, Фёдора Фёдорова и Михайлу Карпова¹.

Информация о Михайловке сохранилась в метрических книгах уфимских храмов, в которые обращались жители. 10 марта 1854 года в Александровской церкви крестили малышку Анастасию (родилась 8-го числа). Родители: дворовый человек Падейского Феодор Иосифович (Осипович) Артемьев и его законная жена Анна Мокеевна. Восприемниками выступали также дворовые Падейского Василий Минеев и вдова Параскева Георгиева. Увы, девочка прожила всего три месяца и 16 июня 1854 года скончалась «от младенческой». 19-го июня её отпели и похоронили².

А 5 сентября 1854 года уже в Ильинской церкви крестили девочку Елизавету (родилась третьего) крестьян Падейского Козьмы Осипова и Феодосьи Алексеевны. Восприемниками стали также крестьяне Падейского Феодор Осипов и Ирина Андреева (Андреевна)³. Видимо, в первое время жители новой деревни обращались в разные храмы.

Суровка

Пустовавшие земли не только отдавали дворянской аристократии, одновременно в Приуралье происходил приток вольных крестьянских переселенцев. В конце XVIII столетия возникает Суровка. Новосёлы заняли территорию к северу от озера Ольхового, примерно там, где с начала XVII века возникали первые постоянные деревни.

Во время Генерального межевания это была небольшая деревня из 6 дворов (20 мужчин и 19 женщин), «владения казенного ведомства ясашных крестьян», они платили в казну налоги – ясак, но лично были свободными.

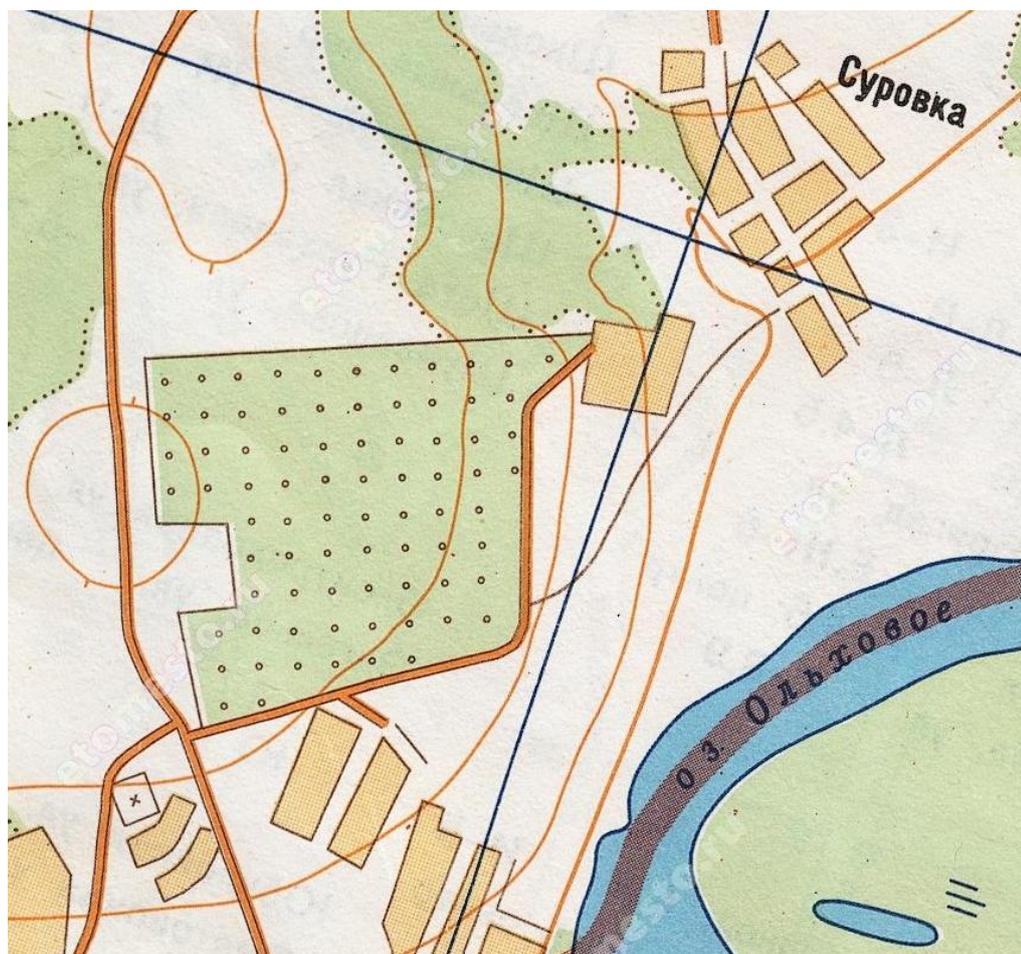
Для суровцев выделили 328 дес. 1984 саж. земли (усадьбы – 4 дес., пашни – 76 дес. 2362 саж., сенокоса – 131 дес., леса – 107 дес. 1612 саж. и 9 дес. 410 саж. неудобий), в следующих границах: «селение положение имеет ключа Суровского и оврага безымянного на левой сторонах. Жители водою довольствуются из показанного ключа, который к употреблению людям и скоту здоров. А дачею простирается означенного ключа и двух оврагов безымянных по обе стороны. Оной ключ в самое жаркое летнее

¹ Там же. Д. 3098. Л. 9; Д. 3101. Л. 10.

² Там же. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 37. Л. 7 об., 52 об.

³ Там же. Л. 275 об.

время течение имеет малое. Земля грунт имеет черноземистой, а материк глинистой. Из посеенного на ней хлеба лучше родится: рожь, овес, пшеница и ячмень, а протчия семена равно и сеньные покосы бывають средственны. Лес растет дровяной, дубовой, липовой, вязовой, ильмовой, осиновой, березовой, черемховой, рябиновой. В коем звери – волки, лисицы, зайцы, белки и горностаи. Птицы – тетерева, рябчики и куропатки. В полях – журавли и перепелки. Крестьяне состоят на положенном казенном оброке. Промысел имеют хлебопашеством. Зажитком средственны. Женщины сверх полевой работы прядут лен, посконь и шерсть, ткнут холсты и сукна для себя, а частию и на продажу».

Суровка. Фрагмент карты советского времени

Границы надела Суровки не выходили к озеру Ольховому. И, кроме того, восточнее лежал ещё один участок их земли, крестьянам отдали озеро Долгое с прилегающими берегами. Это были «сенные покосы вымарочнаго имения после помещика Никола Филипова, которыя по указу Оренбургской Казенной Палаты отданы во владение деревни Суровки казеннаго ведомства ясашных крестьян» площадью 26 дес. 1020 саж. (сенокосы – 9 дес., лес – 13 дес. 610 саж., неудобья – 4 дес. 410 саж.).

Никто не прельстился на эти земли и казна передала их суровским мужикам. Участок «положение имеет при озере Долгом и по обе стороны, таковых же Кривого, Власова, Черного. Которые против той дачи в самое жаркое летнее время глубиною бывают – Кривое в три аршина, шириною в шестдесят пять сажень, Власово глубиною в полтора аршина, шириною в пятьдесят сажень, Долгое глубиною в один аршин, шириною в десять сажень. В них рыба – щуки, окуни и плотва. Урожай сенных покосов, произрастание лесу и какие во оном бывают звери и птицы сходственно с описанием № 120 [выше]. А при водах лебеди, дикие гуси, утки и кулики. Оными покосами и лесом довольствуются показанной деревни ясашные крестьяне для себя»¹.

В сентябре 1801 года были установлены границы участка (утверждены в июле 1816 года), слева лежали сенные покосы Берёзовая грива помещика Н.С. Романовского. Ранее эта территория относилась к сельцу Николаевке, «перешед озеро Долгое», лежала просёлочная дорога из Суровки в Алексеевку. При межевании присутствовал поверенный от крестьян Суровки Фёдор Цыгвинцов. За него и других неграмотных расписался дьякон Троицкой церкви села Красный Яр Ефим Иванов².

Не известна дата возникновения Суровки. В 1765 году её ещё не существовало, а к пятой ревизии 1795 года она уже стояла. Видимо, после пугачёвщины, когда обстановка в крае стала спокойной, селение появилось. Загадочно и имя деревни.

В Уфимской губернии существовало только одно селение с таким же названием Суровка. В Мысово-Челнинской волости Мензелинского уезда находилась очень большая деревня удельных крестьян Суровка (169 дворов и 970 жителей по переписи 1912–1913 годов)³. Она лежит южнее Набережных Челнов в Тукаевском районе совр. Татарстана. Ещё есть Суровка в Ульяновской области. Вообще это редкое название по имени реки Суры, вероятно, первопоселенцы прибыли с берегов Камы (там лежали земли ряда монастырей).

По шестой ревизии, прошедшей в Суровке 9 сентября 1811 года, в деревне проживали государственные и экономические крестьяне. Под последними понимались бывшие монастырские, перешедшие в казну после секуляризации 1764 года, когда все земельные владения православной церкви с крепостными были переданы государству. Они подчинялись особой коллегии экономики до 1786 года, потом отошли в заведование казённых па-

¹ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1884. Л. 183 об. – 184, 186 об. – 187.

² НА РБ. Ф. И-351. Оп. 2. Д. 4042. Л. 1, 2, 3 об.

³ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 106–107.

лат, наравне с государственными. В конце XVIII столетия слились с последними. Были лично свободными.

Самое раннее и только мужское население Суровки в 1811 году и по прошедшей 16 лет назад переписи 1795 года показывает таблица (имена в современном написании)¹:

№	Крестьянские семьи	По предыдущей ревизии лет	Выбыли после 1795 года	Лет на лицо в 1811 году
Государственные крестьяне				
1	Иван Андреев сын Коновалов, Иванов сын Яков	24 вновь рождённый		40 8
2	Василий Андреев сын Коновалов, Васильевы дети: Афонасий, Лев	20 вновь рождённые		36 9 4
3	Николай Андреев сын Коновалов	13	отдан в рекруты 1799 года	
4	Пётр Иванов	70	умер 1797 года	
5	Николай Иванов, Николаевы дети: Алексей, Иван, Фёдор, Пётр, Тихан, Алексеев сын Ефрем	30 6 1,5 вновь рождённые		46 22 17,5 15 13 8 5
6	Исай Лукьянов	40		56
7	Фёдор Алексеев	35		51
8	Фёдор Иванов, Фёдоровы дети: Александра, Павел Александры дети: Иван, Пётр	52 13,5 9 вновь рождённые	отдан в рекруты 1808 года	68 29,5 10 6
[9]	[.арва] Иванова дети: Василий, Андрей, Андрея дети: Дмитрий, Платон	21 16 вновь рождённые	умер 1799	 32 6 4
[10]	[Семён] Иванов, Семёнов сын Клементей	47 17		63 33
11	Андрей Иванов	14		30
12	Григорий Иванов Кандаран-	причислен		45

¹ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 116. Л. 14–15. В скобках плохо читаемый текст.

	цев	1797 года		
13	Игнатий Петров, Игнатъев сын Иван	то же вновь рождённый		36 13
14	Егор Алексеев	причислен 1801 года	умер 1806 года	
15	Иван Алексеев, Ивановы дети: Филип, Пётр	причислены 1811 года		74 28 18
Экономические крестьяне				
1	Кузма Михайлов Доронин, Козмин сын Павел, Павловы дети: Архип, Евдоким, Андрей, Архипа дети: Николай, Фёдор, Дорофей, Пётр	причислены 1801 года вновь рождённые	умер 1806	59 29,5 20 7 11 7 4 2

Итого в Суровке в сентябре 1811 года насчитывалось 30 мужчин государственных крестьян и 8 экономических, на каждую мужскую ревизскую душу назначались налоги. Сам же документ – список крестьян, который официально именовался «ревизская сказка», должен был подписать «скаскоподатель» Семён Иванов. Видимо, он был главным в Суровке – сельским старостой. Но грамоты не знал и за него подписался («руку приложил») канцелярист Иван Дмитриевич Кадомцев.

Суровка возникла недавно и население только складывалось. Здесь поселились крестьяне разных сословных разрядов (государственные и экономические), процесс подселения продолжался, новые семьи приезжали в 1797, 1801, 1811 годах. Наконец, отметим большое число одиноких (бездетных) мужчин. Бросать насиженное хозяйство и отправляться в неведомые дали обычно рискует молодёжь, не обременённая семейством. По ревизии 1795 года в Суровке много двадцатилетних.

Наконец, отметим присутствие фамилий, которые у ряда крестьян уже сформировались (Коноваловы, Кандаранцевы, Доронины). В отличие от крепостных крестьян, за которых все подати платил помещик и они не совершали никаких юридических сделок (сами были собственностью), лично свободные государственные крестьяне были правоспособны, покупали и продавали, сами за себя вносили подати, передавали имущество по наследству, а для оформления документов требовалась фамилия.

После войны с Наполеоном была организована новая перепись – шестая ревизия, чтобы узнать о численности населения

страны. И 26 февраля 1816 года жители Суровки (Вознесенской волости Уфимского уезда) на сельском сходе избрали ответственного за проведение переписи, «скаскоподателя» Николая Иванова, «которой поведения добраго, ни в каких пороках, под судом и штрафах не бывал». За неграмотных домохозяев Ивана Коновалова, Василия Коновалова, Исая Лукьянова, Петра Алексеева, Фёдора Иванова, Андрея Карпова, Семёна Иванова, Андрея Иванова, Григория Кандаранцова, Игнатей Петрова, Ивана Яковлева, Павла Доронина, Архипа Доронина, Евдокима Доронина подписался (руку приложил) отставной прапорщик Тимофей Каловской.

Население Суровки в феврале 1816 года по собранным Николаем Ивановым сведениям включало следующие семьи государственных крестьян, в скобках указан возраст на момент переписи-ревизии:

1) Иван Андреев(-ич) Коновалов (44 года), его жена Акулина (45), сын Яков (12), дочь Аксинья (18). Всего – 4 чел.

2) Василей Андреев(-ич) Коновалов (40), его жена Акулина (39), сыновья Афонасей (13), Леф (8), Пётр (2), Григорей (1), дочери Надежда (15), Аксинья (9), Агафья (4). Всего – 9 чел.

3) Николай Иванов (50), его жена Палагея (49), сыновья Иван (17,5 лет в 1811 году, отдан в рекруты с 1813 года), Фёдор (19), Пётр (17), Тихан (12), дочь Марфа (10).

Старший сын Николая Иванова Алексей (26), жена Алексея Николаева Настасья (25), их дети: сын Ефрем (9), дочери Аграфена (5), Анисья (3), Марья (1). Всего – 12 чел.

4) Исасей [имя не ясно] Лукьянов (54), Ивана Лукьянова жена Елена (40). Всего – 2 чел.

5) Фёдор Алексеев (55). Всего – 1 чел.

6) Фёдор Иванов (72).

Его сын Александр (33,5), Александра Фёдорова жена Татьяна (30), их сыновья Иван (14), Пётр (10), Степан (3). Всего – 6 чел.

7) Андрей Карпов (36), его жена Василиса (35), сыновья Дмитрий (10), Платон (8), дочь Аграфена (1). Всего – 5 чел.

8) Семён Иванов (67).

Его сын Клементей (37), Клементья Семёнова жена Анна (36), их сын Леонтей (1,5), дочери Аграфена (13), Настасья (11), Татьяна (7), Авдотья (5). Всего – 8 чел.

9) Андрей Иванов (34), его жена Анна (33). Всего – 2 чел.

10) Григорей Иванов(-ич) Кандаранцов (49). Всего – 1 чел.

11) Игнатей Петров (42), его жена Василиса (41), их дети Иван (17) и Парасковья (15). Всего – 4 чел.

12) Иван Алексеев (78), его дочь Татьяна (16).

Его сын Филип (28 лет в 1811 году, отдан в рекруты в 1813 году), жена Филипа не указана, но проставлен возраст – 25 лет (или это ошибка), Филипа сын Борис (3 года).

Второй сын Ивана Алексеева Пётр (22), Петра Иванова жена Катерина (25), их дочь Дарья (1/2 года). Всего – 6 чел. (без жены Филипа, она не входит в общий подсчёт).

13) Павел Кузмин(-ич) Доронин (43), его жена Анна (42), их дети: сын Андрей (11), дочери Марья (19), Парасковья (17), Анна (13).

Другой сын Павла Кузмина Евдоким (24), Евдокима Павлова жена Марфа (26), их дочь Катерина (6). Всего – 9 чел.

14) Архип Павлов(-ич) Доронин (33,5), его жена Парасковья (32,5), их сыновья Николай (15), Фёдор (11), Ерофей (8), Пётр (6), дочери Авдотья (11), Аксинья (2). Всего – 8 чел.

15) Назар Иванов (35), его жена Анистья (50), их дети: сын Егор (10), дочери Аграфена (9), Матрёна (5), Катерина (3). Всего – 6 чел.

«Причислены по указу Оренбургской казённой палаты в 1815-м году декабря 17-го дня, из отпущенных вечно на воле от господина надворного советника Василья Капустина¹».

16–18) «Причислены по указу Оренбургской казённой палаты 1816 года генваря 19-го дня из отпущенных вечно на воле умершей госпожи подполковницы Тарбеевой, наследницею, из дворян девицею Анной Ивановой Демьяновой крестьян».

16) Игнатей Марков (64).

Его сын Козма (40), Козмы Игнатьева жена Настасья (28), их дочь Евгения (1). Всего – 4 чел.

17) Ефим Семёнов (64). Всего – 1 чел.

18) Матвей Васильев (28), его мать Марья Яковлева (64), его

¹ Василий Парфентьевич Капустин, около 1748 года рождения. «В службу вступил в Инженерный кадетский корпус мушкетёром в 1764 году», с 1774 года служил в Оренбургской губернии, подпоручик (1778), поручик (1784). Затем служил в Усть-Каменогорской крепости Тобольской линии, где вышел в отставку в 1789 году капитаном. Перешёл на гражданскую службу в 1790 году в судебные органы Оренбургской губернии, коллежский ассесор (1797), надворный советник (1799), с 1805 года советник Оренбургской казённой палаты. Участник военных действий против поляков в 1773 году и против Пугачёва с 1773 года, «того же года декабря 29 для укрощения злодея Пугачева и его сообщников под городом Самарой в 1774 году, в крепостях февраля 14 в Бузулукской марта 22, под Татищевой августа 25, а при последнем разбитии его злодея Пугачева под Черным Яром при действительных истреблениях находился». Женат на прапорщицкой дочери Афимье Григорьевне Романовской, дочь Наталья. Ещё когда жил в Оренбурге ему принадлежали крепостные 1 муж. и 1 жен. души (РГИА Ф. 1343. Оп. 51. Д. 583. Ч. 3. Л. 45, 198) (сведения любезно предоставил Б.А. Азнабаев).

жена Василиса (25), дочери Варвара (5), Дарья (2). Всего – 5 чел.

Итого в Суровке в феврале 1816 года насчитывалось 18 семейств, но, видимо, лишь 14 дворов, так как причисленные в зимние месяцы четыре семьи (№ 15–18) вряд ли успели поставить избы. А всего в деревне вместе с новосёлами (16 чел.) проживало 93 человека (47 мужчин и 46 женщин)¹.

Первые 14 семейств жили в Суровке уже достаточно давно, многие тут поженились, обзавелись детьми. Лиц старше 60 лет среди суровских старожил (77 чел.) было всего трое, два одиноких старика (№ 6 и 8), а также 78-летний Иван Алексеев (№ 12), родившийся около 1738 года. Доля стариков мизерная, в тяжёлых условиях крестьянского труда единицы достигали почтенных седин. Население Суровки достаточно молодое.

Из 14 семейств было три малых (из одного – двух лиц), самое многочисленное насчитывало 12 душ. Девушки выходили замуж рано, примерно с 16 лет. Так, 25-летняя в 1816 году Настасья имела 9-летнего сына Ефрема (№ 3), а у 30-летней Татьяны подрастал сыночек Ваня 14-ти годков (№ 6).

Чётко виден двухлетний цикл родов, когда женщина регулярно рожала после окончания периода грудного кормления предыдущего ребёнка. Так, Прасковья Доронина (32,5 года) последовательно произвела на свет: Николая (15 лет), Фёдора и Авдотью (по 11 лет, двойня), Ерофея (8), Петра (6) и Аксинью (2 года, № 14). Очень велика была детская, особенно младенческая смертность, поэтому временные «пропуски» между Николаем и следующей двойней, а также между Петром и Аксиньей, возможно, показывают, что родившиеся тогда дети умерли в совсем младенческом возрасте, не дожив до ревизии.

Абсолютно преобладала в Суровке однопоколенная простая семья, включавшая родителей и детей, в трёх случаях ещё овдовевших дедушек (№ 6, 8, 12). Отметим, ни одной бабушки! Непрерывно рожавшие женщины умирали первыми. Примечательно, что бабушку встречаем лишь среди бывших крепостных (№ 18), живших ранее, скорее всего, при барском дворе.

Сложных семейств насчитывалось в Суровке всего два (№ 3 и 13). Здесь единым хозяйством существовали отцовская и семья женившегося старшего сына. Молодёжь и двести лет назад стремилась пожить своим домом, но более короткая продолжительность жизни, когда после 50 старшее поколение быстро уходило, смягчала конфликт поколений.

Заметим, что современные постоянные фамилии ещё не закрепились в Суровке. Кроме Коноваловых и Дорониных, был

¹ НА РБ. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 353. Л. 57, 61 об. – 66.

только один Кандаранцов. Все остальные носили патронимические полуфамилии – полуотчества. Заметим, что жён всегда писали по мужнему имени, даже если имелась в роде фамилия. Супругу Павла Кузьмича Доронина записали как «Евдокима Павлова жена Марфа» (№ 13).

И нельзя не упомянуть, что двое жителей Суровки в 1813 году попали в рекруты (служили по 25 лет). Вряд ли суровские уроженцы дошли до Парижа, хотя кто знает, но сельчане внесли свою лепту в отражение нашествия «двунадесяти языков».

Суровка – община государственных крестьян – оказалась самой близкой к Уфе, почему в начале XIX века именно в Суровку стали переселять вольноотпущенных крепостных крестьян, которых не наделяли землёй, или бывших дворовых. Уже действовал закон 1803 года о вольных хлебопашцах, помещики имели право дать свободу крестьянам с соответствующим количеством угодий (как случилось в селе Шемяк). А бывших крепостных, что не имели денег и желания записываться в городское (мещанское) сословие, находившаяся в Уфе Оренбургская казённая палата отправляла в ближнюю Суровку.

К февралю 1816 года таковых новосёлов набралось 4 семьи и 16 душ, большинство из которых составляли вчерашние крепостные, видимо, из соседней Тарбеевки на Сосновом озере. На волю по завещанию помещицы отпустили лишь небольшую часть жителей, видимо, имевших особые заслуги пред умершей.

Но приток переселенцев в Суровку продолжался. Здесь оказался ясашный крестьянин из деревни Каныбековой Белебеевской округи Михаил Васильев с семейством, на которого в августе 1816 года составили прибавление к ревизской сказке. Это было уже 19-е семейство:

19) Михаил Васильев (35), его жена Василиса (Яковлева) (30), и дети: Мирон (1), Лукерья (10), Надежда (8)¹. Всего – 5 чел.

Более того, в списке жителей / ревизской сказке по Суровке оказались две семьи, числившиеся по 6-й ревизии дворовыми в деревне Таганаевой Уфимского уезда за прапорщицей Настасьей Басмановой:

20) Алексей Михайлов (62), его сын Александр (36) с женой Устиньей Дмитриевой(-вной) (33) и детьми Ермолаем (6) и Хариотиной (1,5 годика);

21) Матвей Алексеев (30) с женой Домной Архиповой (27) и сыновьями Егором (8), Василием (4), Дмитрием (0,5 года). В семье также проживала сестра Матвея Агафья (17). Всего 11 чел. (7 муж. и 4 жен.) в двух семействах.

¹ Там же. Л. 67, 68 об. – 69.

Из той же деревни Таганаевой прибыли ещё две семьи, числившиеся за адъютантом Андреем Басмановым:

22) Афонасий Прокофьев (39) с женой Маланьей Антоновой (27) и дочерьми Анной (5) и Натальей (2), а также «дефка» Федосья Прокофьева (33);

23) незаконнорождённые дети Афонасьи Клементьевой (текст плохо читается) Никифор Андреев (22), Иван (отчество не ясно) (15), Степан Никитин (9), Андрей Александров (8)¹.

В отличие от простых крестьян-землепашцев, прибывшие новосёлы из бывших крепостных имели иную структуру семьи. Встречаем резкую разницу в возрасте супругов, муж на 15 лет моложе жены (35-летний Назар Иванов и 50-летняя Анисья, № 15). Барин, видимо, поженил.

Если у всех в Суровке возраст супругов колебался в пределах нескольких лет, все были из одного поколения, то у Афонасья Прокофьева жена моложе на 12 лет (№ 22). И, конечно, Суровка ещё не знала незаконнорождённых детей, что являлось обычной практикой среди крепостной дворни (№ 23).

В дальнейшем в Суровке изредка происходили подобные перемещения жителей. В 1829 году к деревне был причислен из арестантов Николай «безпрозванный», а в 1831 году выселены в сельцо Остров Весёлости, Любовино тож (совр. Затон) две души, в 1832 году Дмитрий Андреев переселён в деревню Жабину Бузулуцкого уезда, с 1833 года в мещане перешёл Архип Доронин (2 чел. в семье)², видимо, уехал жить в Уфу. В Суровку прибывали разные люди. Так, в марте 1831 года две души переселённые в совр. Затон представляли собой семью «деревни Суровки из татар ясашного крестьянина Михайлу Сипайлова»³.

Довольно быстро жители Суровки столкнулись с нехваткой земли. По указу от 17 июля 1818 года повелели им часть угодий «по недостатку в 15-ть десятинную препорцию прирезать». Но 29 мая 1829 года поверенный жителей Суровки Александр Алексеев вновь обращается с просьбой о дополнительной земле из соседних казённых участков⁴.

¹ Там же. Л. 1026 об. – 1029.

² Там же. Д. 352. Л. 213 об. – 214.

³ Там же. Ф. И-352. Оп. 1. Д. 48. Л. 10.

⁴ Там же. Л. 1–2, 8–9.

Ап.М. Васнецов. После дождя. 1887 год

Промчались годы. 18 сентября 1850 года в Суровке снова проводилась перепись населения, девятая ревизия мужских душ налогоплательщиков. Деревня входила в Вознесенскую волость Токмаклинское сельское общество. Далее приводится список жителей Суровки с указанием возраста на сентябрь 1850 года, а для мужчин и по предыдущей ревизии 1834 года¹:

№	Крестьянские семьи	По 8-й ревизии лет (в 1834 году)	Из того числа вы- были	Ныне на лицо
1	Ермолай Александров, его жена Степанида Дмитриева, дети: сын Максим, дочери Прасковья, Настасья, сестра хозяина Христинья	24,5 новорожд.		40,5 36 8 месяцев 7 4 35
2	Матвей Алексеев, его жена Домна Архипова, их сыновья: 1-й Егор Матвеев, его жена Анисья Спиридонова, их дочь Василиса,	48,5 26,5		64,5 60,5 42,5 39 14

¹ Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 353. Д. 603. Л. 35–44 (с уточнением в № 14).

	сын Агафон Егоров, Агафона жена Арина Михайлова, сын Абрам Егоров, сын Игнатий Егоров 2-й Василий Матвеев	2 новорожд. новорожд. 22,5	поступил в рекруты за своё се- мейство в 1836 г. помер в 1840 г.	18 20 7 2
	3-й сын Матвея Николай	16		
	4-й сын Матвея Ларион, его жена Екатерина Иванова, его дочери от 1-й жены Анна и Домна, дочь от 2-й жены Федосья	13		29 22 9 4
				1 месяц
3	Афонасий Прокофьев, сын Василий, Василия Афонасье- ва жена Дарья Ефремова, их дочь Матрёна	57,5 17		73,5 33 31 3
4	Степан Никитин, его жена Феврония Алексеева, их сы- новья: Андрей Степанов, Ефим Степанов, Василий Степанов, дочери: Акулина, Вера, Соломонида, Ульяна	27,5 новорожд. новорожд. новорожд.		43,5 38 5 2 1,5 мес. 17 12 9 7
5	Матвей Васильев, его дочери Екатерина, Авдотья, сын Григорий Матвеев, его жена Анна Яковлева, их сыновья: Лаврентий, Дем[ь]ян, Павел	46 14,5 новорожд. новорожд. новорожд.		62 20 18 30,5 30 8 7 2
6	Яков Иванов Коновалов, его жена Прасковья Потапова, их дочь Агафья, сын Никифор, Никифора Яковлева жена Прасковья Нестерова, их дочь Анна	30 4	помер в 1844 г.	44 19 20 22 3 недели
7	Лев Васильев Коновалов, его жена Анна Петрова, их дочери: Надежда, Христинья, сыновья: Наум, Демид, Льва Васильева братья:	26 новорожд. новорожд.		42 45 4 6 месяцев 7 12

	1-й брат Пётр Васильев, его жена Марья Анофриева, их дочь Федосья, сын Степан, 2-й брат Григорий Васильев, его жена Агафья Константи- новна	20 новорожд. 19		36 38 12 11 35 32
8	Алексей Николаев, его жена Настасья Максимова, их 1-й сын Ефрем Алексеев, его жена Елизавета Дмитриева, их сыновья Филип, Никифор, 2-й сын Василий Алексеев, жена Татьяна Евдокимова, их дочь Марья	44 27 новорожд. новорожд. 14		60 59 43 46 12 7 30 32 9
9	Пётр Николаев, его дочь Лукерья, 1-й сын Павел Петров, его жена Ирина Афонасьева, их дочери Маланья, Марья, 2-й сын Михайла Петров 3-й сын Гаврила, его жена Александра Егорова, их сын Александр, 4-й сын Феодор, Петра Николаева брат Тихон Николаев, Тихона Николаева жена Матрёна Никитина, их дочери Василиса, Авдотья, сын Семеон	35 12 9 6 новорожд. 3 30 новорожд.	поступил в рекруты за своё се- мейство в 1846 г. помер в 1845 г.	51 11 28 28 7 2 недели 22 24 6 месяцев 19 46 9 7 15
10	Иван Александров, его сын Андрей, Андрея Иванова жена Прасковья Семёнова, Ивана Александрова братья: 1-й Степан Александров, его жена Варвара Яковлева, их дочь Аксинья, 2-й Яков Александров, его дочери Анна, Варвара	32 11 21 16		48 27 29 37 36 6 32 8 6
11	Андрей Карпов	54	помер в 1848 г.	
12	Клементий Семёнов, его сын	55		71

	Леоньтий Клементьев, его жена Матрёна Ефимова, их дочери Анна, Макрида, сыновья Сергей, Федосей, Анисим	19,5 новорожд. новорожд. новорожд.		35,5 36 10 2 14 9 4
13	Андрей Иванов, его дочь Палагея, Андрея Иванова сын Лев, его жена Федосья Ефремова, их сын Степан, дочери Вера, Марфа	32 17 новорожд.	помер в 1839 г.	29 33 28 2 6 3
14	Григорий Иванов Кандаринцов, его жена Прасковья Егорова, их дочь Наталья, сыновья Ефим Григорьев, Иван Григорьев, незаконнорождённый сын дочери Натальи Иван по крёстном отце Семёнов	67 13 год и 10 мес. новорожд.	помер в 1840 г.	66 23 29 16 и 10 м. 3 месяца
15	Игнатий Петров, его жена Василиса Петрова, их сын Иван, его жена Анна Кондратьева, их сыновья Павел Иванов, Пётр Иванов	60 35 3 новорожд.	помер в 1840 г.	73 51 50 19 13
16	Борис Филипов, его жена Лукерья Егорова	21		37 38
17	Евдоким Павлов, его жена Марфа Семёнова, их сын Семён, Семёна Евдокимова жена Федосья Семёнова, их сын Алфонтий, дочери Ульяна, Афимья, Евдокима Павлова племянник Михайла Андреев	42 16 новорожд. 2		58 53 32 30 11 12 2 недели 18
18	Николай Архипов Доронин, его жена Евгенья Ларионова, его от 2-й жены дочь Агафья, 1-й сын [от 1-й жены] Павел Николаев, его жена Аксинья Николаева, их дочь Авдотья и сын Николай, 2-й сын Николая Василий	33 11 новорожд. 10		49 30 5 27 28 1 2
			поступил за своё се-	

	3-й сын Николая Денис, его жена Анна Алексеева, их дочь Татьяна и сын Иван, 4-й сын Николая Григорий	7,5 новорожд. 1 месяц	мейство в рекруты в 1848 г. помер в 1836 г.	23,5 27 3 1,5
	5-й сын Николая Афонасий от 2-й жены сыновья Николая Архипова: Мартын, Лазарь, Анофрий, Николая Архипова брат Пётр Архипов	новорожд. новорожд. новорожд. новорожд. 24		13 8 6 1
19	Николай Петров безпрозванной, его жена Лукерья Михайлова, их дочери Анна, Марина, Прасковья, сыновья Афонасий, Абрам	35 4 новорожд.		52 42 17 13 3 20 9
20	Назар Иванов, его сын Егор, его жена Аграфена Корнилова, их дочь Авдотья, их сыновья Павел, Арефий, Арефья Егорова жена Анна Петрова	53 28 11 7	помер в 1841 г.	44 46 16,5 27 23 25
21	Иван Устинов Акичев, его жена Аграфена Алексеева, их дочери Александра, Матрёна, сын Дмитрий	причислен из малолетков новорожд.		44 39 18 3 13

Итого в сентябре 1850 года в Суровке стоял 21 двор, в которых проживали 77 мужчин и 81 женщина (158 чел.). Но чтобы в деталях разглядеть жизнь народную, лучше сразу привлечь материалы следующей, последней в истории десятой ревизии. Она состоялась всего через семь лет 28 января 1858 года, деревня числилась в Вознесенской волости в Казанском обществе.

За прошедшие восемь лет изменений больших не случилось, что показывает следующая таблица:

№	Крестьянские семьи	По 9-й ревизии лет (в 1850 году)	Из того числа выбыли	На лицо (в 1858 году)
1	Ермолай Александров, его жена Степанида Дмитриева, дети: сын Максим, дочери Прасковья, Настасья	40,5 8 месяцев		47,5 43 7 лет, 8 м. 14 11
2	Матвей Алексеев, его 1-й сын Егор, его жена Анисья Спиридонова, их сын Агафон, Агафона дочь Марфа, сыновья Абрам, сын Игнатий, Матвея Алексеева внук Андрей Васильев, его жена Аксиныя Федорова, их дочери Марфа, Агафья, 2-й Матвея сын Ларион, его жена Екатерина Иванова, Лариона дочери от 1-й жены Анна, Домна, от 2-й жены Авдотья, Настасья	64,5 42,5 18 7 2 16,5 31	помер в 1855 г. в рекруты в 1854 г. помер в 1853 г.	49,5 46 5 14 23,5 24 3 1,5 38 24 16 11 5 0,5
3	Афонасий Прокопьев, его сын Василий, его жена Дарья Ефремова, их дочери Матрёна, Авдотья	73,5 33	помер в 1854 г.	40 38 10 3 месяца
4	Степан Никитин, его жена Хавронья Алексеева, их сыновья: Андрей, Ефим, Василий, дочери: Соломонида, Ульяна	43,5 5 2 1,5 месяца	помер в 1853 г.	45 12 9 7 л., 1,5 м. 16 14
5	Матвей Васильев, его сын Григорий, его жена Анна Яковлева, их сыновья: Лаврентий, Демьян, Павел, Григорий, дочь Матрёна	62 30,5 8 7 2 новорожд.	помер в 1852 г.	37,5 37 15 14 9 4 5

6	Никифор Яковлев Коновалов, его жена Прасковья Нестерова, их сын Еким, дочери Анна, Дарья	20 новорожд.		27 29 4 7 лет 2
7	Лев Коновалов, его жена Анна Петрова, их дочери: Надежда, Хрестинья, Елена, Акулина, сыновья: Демид, Наум, Льва 1-й брат Пётр, его жена Марья Анофриева, их дочь Федосья, сын Степан, Льва 2-й брат Григорий	42 12 7 36 11 35		49 42 11 7,5 4 2 19 14 43 45 19 18 42
8	Алексей Николаев, его 1-й сын Ефрем, его жена Елизавета Дмитриева, их сыновья Филип, Никифор, Алексея 2-й сын Василий, его жена Евгения Иванова, их сыновья Михайла, Евстигней, дочь от 1-й жены Марья	60 49 12 7 30 новорожд. новорожд.	помер в 1853 г.	56 53 19 14 37 23 2 (надо 3) 1,5 16
9	Пётр Николаев, его 1-й сын Павел, его жена Ирина Афонасьева, их дочери Агафья, Мавра, сын Иван, Петра 2-й сын Гавриил, его жена Александра Егорова, их сыновья Александр, Иван, Григорий, Петра 3-й сын Федор, Федора сын Сергей, Петра племянник Семеон Тихонов, Семена жена Хрестинья Андреева, Семена сестры Василиса, Авдотья	51 28 новорожд. 22 1,5 новорожд. новорожд. 19 новорожд. 15	помер в 1851 г. в 1854 г. в рекруты	35 35 6 1,5 4 29 31 7,5 3 1 неделя 5 22 25 16 14

10	Иван Александров,	48	помер в 1853 г.			
	его сын Андрей, его жена Прасковья Семёнова, Ивана братья:	27		34 36		
	1-й Степан, его жена Вар- вара Яковлева,	37		44 43 13		
	их дочь Аксинья, 2-й Яков,	32	помер в 1857 г.			
	его жена Авдотья Степано- ва, их сын Спиридон, дочери Якова от 1-й жены Анна, Варвара	новорожд.		27 1 15 13		
	11	Клементий Семёнов,	71	помер в 1852 г.		
его сын Леонтий, его жена Матрёна Ефимова, их дочери Анна, Макрида,		35,5	42,5 43 14 9			
сын Сергей, его жена Евгения Павлова,		14		21 23		
их сын Александр, Леонтия 2-й сын Федосей, 3-й Анисим, 4-й Клементий		новорожд. 9 4 новорожд.		2 месяца 16 11 5		
12		Лев Андреев, его жена Федосья Ефремова, их сын Степан, дочери Вера, Марфа, Прасковья	33 2		40 35 9 13 10 3	
		13	Ефим Григорьев, Ефима брат Иван и племянник Иван Семенов	29 17 3	перечислены в Уфимское мещанство	
			14	Иван Игнатъев, его сыно- вья Павел, Пётр, Павла жена Авдотья Ва- сильева, Петра жена Афимья Мат- веева		51 19 13
15	Борис Филипов, его жена Варвара Яковлева, их сын Алексей	37 новорожд.			44 30 2,5	
	16	Евдоким Павлов,		56	помер в 1857 г.	
его сын Семён, его жена Марья Осипова,		32	39 45			

	Федор Николаев	причислен из отставных солдат	помер в 1855 году	
	Яков Федоров, Якова мать Татьяна Григорьева			3 23
	Иван Анфонов (?), Ивана мать Арина Михайлова, его сестра Прасковья			3,5 мес. 28 3

Таким образом, в Суровке в 1858 году проживало 73 мужчины и 78 женщин «коренного» населения. Продолжалось подселение выходцев из других слоёв, в этот раз – из военных. Отставных солдат после долгой рекрутской службы не возвращали помещикам, а направляли в деревни государственных крестьян. Видимо, так оказался в Суровке немолодой Фёдор Николаев, скончавшийся на новом месте в 1855 году.

А 28 января 1858 года в Суровку отправили две семьи солдаток, молодых женщин с детьми, чьих мужей призвали на рекрутскую службу из военных кантонистов (всего 2 мужчин и 3 женщины). Итого население Суровки составляло в 1858 году 156 человек (75 муж. и 81 жен.)¹. В 1850 году здесь жили 158 человек, численность населения была стабильной.

Последние новосёлы Суровки происходили из особого слоя жителей, причисленных к военному ведомству. С 1805 года всем солдатским детям присвоили наименование кантонистов (кантон – полковой округ), они обучались в особых кантонистских (гарнизонных) школах, потом обязаны были служить в армии. Кантонистов в основном направляли строевыми унтер-офицерами, топографами, чертёжниками и пр.

Император Александр II при коронации манифестом 26 августа 1856 года освободил солдатских детей от принадлежности военному ведомству. Они причислялись к свободным сословиям на правах вольноотпущенных.

По сведениям историка Р.Н. Рахимова, «в ревизию записывались дети и их родители только для подсчёта, в общество они не входили. Им сохранялось пособие. После исполнения 18 лет давалась льгота на два года, бывший кантонист должен был решить к какому сословию он причисляется».

Но эти две семьи солдаток, чьи мужья были в армии, находились в Суровке. Об этом говорит документ, который запросила солдатка Татьяна Григорьевна Петрова, чтобы удостоверить

¹ Там же. Ф. И-138. Оп. 2. Д. 714. Л. 281 об. – 293, 296 об. – 297; Д. 721. Л. 133–135; др.

законность рождения своего сына.

«Удостоверение. 1858 года Марта 16 дня дано сие от пристава 2 стана Уфимского уезда проживающей в деревне Суровке солдатке Татьяне Григорьевой Петровой в том, что она действительно имеет законнорожденного сына бывшего кантониста Якова Федорова Петрова, билет же на его выдан из Оренбургского батальона военных кантонистов, который находится при нем, отроду ему 3 года, в том и удостоверяю подписом с приложением Казенной печати. Становой пристав (подпись)».

Затем в Суровке оказался ещё один бывший кантонист. 20 марта 1860 года составили прибавление к ревизской сказке по Суровке, в ней значился 19-летний Виктор Васильев, «исключенный из военного ведомства кантонист».

Приведённые выше материалы двух переписей-ревизий за 1850 и 1858 годы позволяют в деталях рассмотреть население Суровки. Первое, что обращает внимание – стабильность состава жителей – 21 двор (домохозяйство) в 1850 году и 20 семей в 1858 году. Выбыл один выморочный двор, да семейство Ефима Григорьева в 1850-е годы перечислилось в сословие мещан Уфы и, видимо, уехало в город. В этом случае Григорьев должен был получить разрешение волостного начальства, так как уезжал налогоплательщик. Вероятно, он был богат и сумел решить вопрос.

Стабильность семейного состава Суровки объяснялась в первую очередь системой сбора налогов – подушным обложением. Каждый мужчина, попавший в ревизскую сказку (список), облагался налогами. На ревизскую душу начисляли в Суровке надел земли, чем больше ревизских (мужских) душ в семье, тем больше надел, но и налогов тоже платить надо было больше.

Например, возьмём семейство № 10 из ревизии 1858 года. По предыдущей ревизии 1850 года в семье насчитывалось четверо мужчин: сам глава семейства – домохозяин, так официально звучало в те времена, Иван Александров (48 лет), его сын Андрей (27), братья Ивана Степан (37) и Яков (32 года).

После проведения переписи-ревизии в деревнях проходил всеобщий передел земли и данный двор получил в 1850 году земли на 4 ревизские души, соответственно, платил подати за 4 ревизские души. Но в 1853 году скончался глава хозяйства, а в 1857 году и брат его Яков. Однако семейный надел остался без изменений и налоги этот двор платил по-прежнему за 4 ревизские души, включая две «мёртвые» души (отсюда знаменитая повесть Н.В. Гоголя «Мёртвые души»). В год кончины Якова у него родился сын Спиридон. Но земли и налогов на него не начисляли, он не считался ревизской душой, так как не был записан в ревизскую сказку (список). Женщин при определении размеров

налогообложения и наделении землёй не учитывали.

Такая подушная система обложения налогами и наделения землёй делала выгодным жить многолюдными семьями, не разделяться. Чем больше мужиков в хозяйстве, тем больше земли (пашни и сенокоса), тем легче, выгоднее вести хозяйство. И в приведённом выше случае с семейством № 10 Ивана Александрова, после кончины двух мужчин, оставшиеся двое Андрей и Степан продолжали вести хозяйство, кормили всех членов обширного семейства, не допустили разорения и голода.

Поэтому в Суровке в 1850-е годы преобладала расширенная семья, что показывает следующая таблица (тип семьи – расширенная или простая установлен на день ревизии).

№ семьи	человек в 1850 г.	человек в 1858 г.	тип семьи (1850, 1858 гг.)
1	6	5	расш. / простая
2	14	14	расш. / расш.
3	4	4	расш. / простая
4	9	6	простая / простая
5	8	7	расш. / простая
6	5	5	расш. / простая
7	12	13	расш. / расш.
8	9	9	расш. / расш.
9	14	15	расш. / расш.
10	9	9	расш. / расш.
11	1	помер	простая
12	8	10	расш. / расш.
13	6	6	расш. / простая
14	5	3 выбыли	расш. / расш.
15	5	5	расш. / расш.
16	2	3	простая / простая
17	8	6	расш. / расш.
18	15	18	расш. / расш.
19	7	5	простая / простая
20	6	4	расш. / расш.
21	5	6	простая / расш.

Простая или малая семья (родители – дети, одинокие) в Суровке медленно отвоёвывала позиции (пять в 1850 г. и восемь в 1858 г.), её доля поднялась с 24 до 40% от всего числа семейств.

Например, семья № 3, которую возглавлял вдовый домохозяин Афанасий Прокофьев (около 1777 года рождения). В 1854 году он скончался, в доме стал главным его сын Василий (1817 г. р.) с супругой Дарьей Ефремовной (1819 г. р.). На свет появлялись (или выживали) только внучки Матрёна (1847 г. р.) и Авдотья (1857 г. р.). Большой разрыв в возрасте между сёстрами свидетельствует, что Василий Афонасьевич схоронил нескольких

младенцев (или супруга была не здорова). Расширенная семья превратилась в простую из двух поколений.

Но большинство суровских дворов представляли собой расширенные семьи, патриархальные фамилии, когда под одной крышей жили представители нескольких поколений или близкие родственники (сёстры, братья, племянники).

Самый стандартный вариант – одинокий домохозяин (беспрерывно рожавшие женщины быстрее умирали, бабушек почти не было, вдовы также не долго жили) проживал с женатым сыном. В Суровке было несколько просто огромных семейных кланов (пять семей в 1858 году насчитывали по 10 и более членов). На подворье, вероятно, стояло несколько изб или к пятистенку достраивались пристрой.

Несмотря на все бытовые сложности (взаимоотношения нескольких хозяек на кухне), хозяйственный расчёт, выгода от проживания обширными (и зажиточными) кланами заставляла мириться с неудобствами.

Обычно во главе такого огромного семейства стоял сильный и уважаемый патриарх, твёрдой рукой и мудрой политикой управлявший обширным хозяйством. Большие семьи были всегда богатые. Видимо, именно таким являлся Николай Архипович Доронин (1801–1854), дважды женатый. Вторая супруга – Евгения Ларионовна (1820 г. р.) родила нескольких детей, а после кончины мужа, можно предположить, она со старшим сыном от первого брака Павлом Николаевичем (1823 г. р.) и его женой Аксиньей Николаевной (1822 г. р.) продолжали управлять сложным семейным комплексом. В подобных случаях, если никто из наследников не желал выделиться, на деревенском сходе домохозяином – главой семьи признавали старшего сына.

В Суровке часто было принято брать в невесты девушек немного старше жениха, ранние браки постепенно исчезают, брачный возраст держится примерно с 18 лет, но по ревизии 1858 года незамужние девушки только до 16 лет. Единственное исключение встречаем в семье № 18 – 20-летняя Марина жила при родителях. Такие случаи часто объяснялись бедностью двора. Уже немолодым родителям без взрослой помощницы вести хозяйство было тяжело, младшие только подрастали. Поэтому дочь попридерживали выдавать в замужество.

И по-прежнему население Суровки было весьма молодым. В 1858 году в деревне не проживало ни одного человека старше 60 лет. Отсутствие профессиональной медицинской помощи (ближайший врач помещик Воскобойников) и тяжёлый крестьянский труд не способствовали долголетию. Крайне велика была детская смертность, до 40% детей не доживали до пяти лет.

§ 3. Ужасы крепостничества

В 1840-е годы фамилия помещиков Воскобойниковых стала притчей во языцех. Дворянство Оренбургской губернии обсуждало скандальные истории, случившиеся в небольшом имении под Уфой. Судебные органы и высшие должностные лица региона оказались вовлечёнными в разбирательство.

Сохранившиеся документы приоткрывают скрытую внутреннюю жизнь барской усадьбы, сложные, конфликтные и часто жестокие отношения между крепостной прислугой и господами, а также внутрисемейные тайны. Не случайно, когда Сергей Тимофеевича Аксаков решился изложить в публичных сочинениях историю рода, ему пришлось преодолевать сильное сопротивление родственников и в «Семейной хронике» писатель изменил настоящие имена и фамилии.

Разразившиеся конфликты в маленьком подгородном сельце Ивано-Ключевское были не случайны. Сработали три фактора. Воскобойниковы являлись «новыми» дворянами, выслужившимися из «низов», отсутствовала вековая культура взаимоотношений с крепостными (крестьянами и прислугой). Нравы в семье хирурга и борца с холерой, можно предположить, не отличались особой деликатностью.

Во-вторых, непростая ситуация была у мелких помещиков, у которых численно преобладала женская прислуга¹. Их усадьбы, не сильно отличавшиеся от обычных деревенских изб, обычно располагались в самой деревне. Жизнь дворянской семьи тесно переплеталась с окружающим миром, в отличие от крупного дворянства, которое специально возводило свои усадебные комплексы в отдалении от мужицкого быта². Да и крепостные мелких помещиков видели неприхотливость барской обстановки.

В третьих, как показано в предыдущем параграфе, врач Иван Тимофеевич Воскобойников, выстроивший новое поместье в чистом поле, столкнулся с большими трудностями при покупке крепостных. Они стоили в Уфе очень дорого, продавали их лишь по одной семье и, можно предположить, не самых «лучших», а, наоборот, часто «проблемные» семейства. Как в случае с семьёй П. Яковлева, иногда прежний помещик имел сомнительные права на принадлежность этих людей.

¹ См.: Роднов М.И. Дворовые люди Уфимского уезда в реформе 1861 г. // Российская история. 2017. № 3.

² См.: Мордовина О.С. Опыт реконструкции планировки дворянской усадьбы Уфимской губернии XIX–XX вв. // Река времени. 2014 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2014.

Ап.М. Васнецов. Оренбургские степи. 1893 год

Всё это вылилось в два конфликта. 9 ноября 1843 года управлявший Оренбургской губернией вице-губернатор А.А. Македонский поручил Уфимскому уездному исправнику Киричевскому произвести расследование по жалобе помещика И.Т. Воскобойникова. В течение месяца полицейский собрал все показания и 26 ноября 1843 года представил рапорт в губернское правление (администрацию при главе региона), с которым были ознакомлены гражданский губернатор и губернский предводитель дворянства.

Обстоятельства дела заключались в следующем¹. 7 ноября 1843 года в семье дворового И.Т. Воскобойникова (сам барин в это время находился в Уфе) Ивана Степанова жена его Елизавета Иванова(-вна) ночью родила мёртвого ребёнка.

В тот же день сельский староста в Ивано-Ключевском Иван Матвеев послал нарочных в соседние деревни Вавилово, Киржацкую, Суровку и село Лавочное за понятыми (свидетелями). Прибывшие крестьяне (священник из Лавочного отказался ехать) вместе со старостой и рядом жителей самого сельца Ивано-Ключевского поздно вечером 7 ноября зашли на подворье Воскобойникова, где проживали дворовые, и осмотрели мёртвое дитя. При этом староста заявлял, что младенец родился «от наказания» матери, и кто-то даже закричал, что «в сельце этом производится душегубство».

Через день, 9 ноября 1843 года староста И. Матвеев приехал в Уфу и доложил о происшествии барину, а 10 ноября крестьяне прибыли в Уфу и обратились в Земский суд. Они заяви-

¹ НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 1881. Л. 87–106 об. (тоже черновик с листа 3).

ли, что родился недоношенный мальчик, роженица находится в тяжёлом состоянии, а виновен в этом помещик Воскобойников, который четыре недели назад наказал беременную Елизавету розгами за потерянный безмен [весы], после чего она заболела.

При этом старостиha Степанида Дмитриева обвинила помещика в частом наказании крепостных крестьянок, включая находившихся в положении. Так, после Елизаветы барин наказал розгами ещё беременную Пелагею Матвееву, от чего она также приболела.

Более того, крепостная утверждала, «что Воскобойников делает притязания ко всем крестьянам своим единственно из того, что крестьяне не выдают ему своих дочерей для насильственного с ними блудодействия, к чему он часто стремится, о каковых поступках уже было доведено до сведения бывшего Гражданского Губернатора Гевлича».

Тем временем, узнав о происшествии, сам помещик И.Т. Воскобойников на следующий день, в понедельник вернулся в имение и уже 9 ноября отправил письменное заявление полицейскому приставу с требованием расследования происшествия. Вернувшись в село Ивано-Ключевское, по заявлению крестьянки Дмитриевой, помещик взялся лечить Елизавету как лекарь, а, так как крепостные хотели подать жалобу правительству, «старосте Ивану Матвееву связал руки и ноги, причиняя ему по лицу руками побои».

Началось следствие. Отец И. Степанова Николай Степанов, правда, не подтверждал слов старостиhi, в том числе о переводе Елизаветы «из Господского дома в другую избу». Видимо, барский особняк не сильно отличался от обычных крестьянских изб. Выяснилась роль жены старосты Степаниды, которая подбивала Н. Степанова идти в город и объявить о происшествии «жандармскому чиновнику, к которому она уже ходила прежде». Они вдвоём и пошли в Уфу к жандармам, затем в суд, где вдобавок та обвинила барина, «что изнуряет их работами отнимая у них дни положенные им для работы сверх Господских».

Допрошенная Елизавета Иванова показала, что до наказания розгами она была на 20-й неделе беременности. Затем через три недели и три дня случился выкидыш. Крестьянка обвиняла барина, причиной несвоевременных родов «было единственно наказание ей». Елизавета привела подробности. Её положили животом на пол, «держали за ноги муж её и Филип Семёнов, а Козьма Егоров наказывал» в присутствии барина. Секли Елизавету вечером, когда ещё было светло, «а ночью сделалась у неё в животе резь и открылись крови». Лечилась крестьянка, выпивая «росной ладан». Боли продолжались.

Накануне родов в субботу она была в бане Матвея Иванова с мужем и дочерью. Здоровье женщины ухудшилось и она «ушла из людской от людей в скотную избу». Видимо, дворовые спали в общей комнате вместе. Приглашенные женщины (повитухи?) не явились, Елизавета вернулась в людскую, разбудила мужа, чтобы он вызвал свою мать Марфу (свекровь). Начались тяжёлые роды, от младенца «происходил смрат необыкновенно противной гнилости».

На утро муж объявил о всём старосте. А тот предал историю огласке. Вернувшийся в поместье Воскобойников сразу «прибил старосту и заковал его в конные железные путы в которых он находился до приезда Земского Исправника».

Пелагея Матвеева добавила пикантные подробности, «что назад тому недели две Господин её, будучи в деревне один без госпожи, приказал ей, Матвеевой, привести для него девку, не объявил какую и для чего, и спрашивал почему сестра её Дарья 12 летняя не сидит в горнице, когда Матвеева сказала ему, что он старик, ему стыдно этим заниматься, то он разсердился на неё сказал, что он сделает блуд с нею, то она ушла от него из горницы в людскую».

Затем барин зашёл в людскую. Его люди стирали бельё дворянки коллежской секретарши Анны Докшиной, квартировавшей в городском доме Воскобойниковых. Вероятно, из-за качества стирки помещик «драл Матвееву за волосы и потом приказал её сечь и хоть староста говорил ему, что она беременна, что видно было по наружности, что она носила младенца второй половины одиннадцатую неделю, но, несмотря на это, она, Матвеева, наказана и могла ребёнка сбересть тем, что когда господин повалил её за волосы на пол и приказал старосте держать её, то староста дал ей возможность повернуться боком, а потом вверх брюхом, почему самому она наказана розгами пониже брюха по ногам». После порки она болела, но затем поправилась и ребёнок здоров (шевелится). При родах Елизаветы она не была, ночевала в доме своей матери Устиньи Ивановой. Все крестьяне дружно при этом заявляли полиции, что «неповиновение господину» они не оказывали.

Помогавшая при родах свекровь, мать мужа Елизаветы Устинья Иванова, отметила также «гнилой смрат, от того что онный гнил в утробе её долго». Свидетельство повитухи подтвердил акушер Врачебной управы, который при свидетелях зафиксировал, что младенцу было всего три месяца, а «было ли наказание Г. Воскобойниковым причиною выкидыша» не известно, тем более, что следов побоев («боевых знаков») не имелось (вряд ли они могли вообще сохраниться спустя несколько недель). Обе ранее

выпоротые женщины были «лицом и телосложением здоровы», а Пелагея «не больна».

Барин, Иван Тимофеевич Воскобойников, представил полиции письменные показания, хотя в сельцо Ивано-Ключевское наезжали и Земский исправник (полицейский) и Уездный стряпчий (административный надзор). Видимо, он хотел задокументировать свои объяснения.

Выслушаем версию помещика: «Елизавета Иванова жена Ивана Степанова за разбитие ведерной бутылки и за потерянные мешок с оржаной мукой и железного безмена наказана 6 октября розгою по его приказанию в людской избе при нём и при её муже, ударов дано ей не более 20, она до 7 числа ноября, не только ни на что не жаловалась, но готовила пищу для семьи его и дворовых людей и занималась другими делами, была несколько раз в городе Уфе, 6 числа ноября была здоровою и с Пелагеей Матвеевой парилась в бане Матвея Иванова, оттуда возвратились обе здоровыми и обе легли спать в лютской избе. Часу же в 11-м застонала и при помощи свекрови Марфы Аникиной [вдова, это её фамилия] будто родила мертвого младенца».

Вспомним, что Воскобойникова в этот день в поместье не было (отсутствовал с 5 по 10 ноября). Это рассказ со слов других и барин называет свидетелей, находившихся в его доме: мастерового Ивана Тимофеевича Аристового и лекарского ученика из Благовещенского завода Наума Дерябина.

Барин также добавил, что роженицу он не лечил, «о лечении оной даже не помышлял», мёртвого младенца не осматривал, а 7-го числа того уносили в дом старосты.

По поводу обвинений в истязании крепостных, Воскобойников согласился: «некоторых крепостных людей наказывал однакож не безвинно». И Пелагею Матвееву 4-го ноября секли «за небрежное вымытие белья и за дерзкие ответы», но менее 20 ударов (видимо, это «норма» у барина) и она была здорова.

Как профессиональный врач Воскобойников дал свою версию преждевременных родов Елизаветы, произошедших из-за переноса тяжестей в городе «или чрез пляску» (?!). Наказание же было «весьма мягким» и он не знал о её беременности.

Помещик дал характеристику своим крепостным жалобщикам: Пелагее и мужу её Козьме Егорову. Они оба были отданы «в приданое» дочери Марии, вышедшей замуж за служащего Вятской палаты государственных имуществ из дворян коллежского регистратора Франца Чукевича (Шукевича). Но «при письме возвращены в первых числах июля текущего года, как неисправимые первый пьяница и грубиян, последняя же воровка и распутница, что за распутство в 1839 году по воле его Г. Воскобой-

никова содержалась она в смиренном доме» (тюрьме). За это Пелагея ему и мстила, а также по наущению своей матери Устиньи Ивановой, «которая многократно утруждала начальство просьбами о вольности как во время бытности у Г. Пожидаева [бывшего барина, у которого её купил Воскобойников], так и по поступлении к нему». Пелагея даже носила мёртвого ребёнка «по дворам крестьянским» для осуждения барина-злодея.

Характеристика И.Т. Воскобойникова заставляет усомниться в пикантных подробностях, выше сообщённых полиции той же Пелагеей. Сам же барин заметил, что до крестьянских дочерей «ему не было ни малейшей надобности ибо имеет жену несравненно младшую и способности соразмерные шестидесяти семи годовому возрасту, да и девок в селе его нет, кроме дочерей [не ясно] одной у Матвея Иванова и двух у старосты Ивана Матвеева несовершеннолетних». Воскобойникова ранее обвиняли в подобных пристрастиях Иван Матвеев и Степанида Дмитриева, убежавшие в Уфу к гражданскому губернатору Гевличу.

Староста подлежал наказанию за манипуляции с деньгами (плата пастуху и за рекрутов), его сына барин грозил отдать в солдаты, а сам староста имел злостную привычку «к мятежам». Его «извет» губернатору Гевличу остался без последствий, как и «буйство его против Г. Смирновой за которой гонялся с поленом». Видимо, после этого прежняя помещица и сбыла его с рук И.Т. Воскобойникову, скупавшему крепостных в новое имение.

Крепостные вообще по иному относились к своим господам, попавшим в дворянство из «простого» народа. Бывшая владелица И. Матвеева Мария Пантелеевна Смирнова сама являлась солдатской дочерью, вышедшей замуж за дворянина, к западу от Уфы лежало её имение Каменка. А Воскобойников был лекарем, тоже не «чистым» представителем благородного сословия. Крепостные требовали свободу, не признавая права выслуживших дворянство помещиков владеть людьми.

Кстати, упоминаясь староста И. Матвеев хозяйством барина не заведовал. Девять лет имением Воскобойникова в сельце Ивано-Ключевское управлял «економ» отставной мастеровой Иван Аристов по частному договору. Именно управляющий Аристов бывшему старосте «для предосторожности от побега велел заковать ноги в путы лошадиные, но рук его не вязал», не бил и вообще не разговаривал до прибытия полиции.

По поводу обвинений в чрезмерном труде крестьян Воскобойников через несколько дней пояснил, «что крестьяне его занимаются работами в течении каждой седмицы кроме табельных господскими в понедельник, вторник и среду что же остающихся затем четверг, пятница, суббота и воскресенье всегда

предоставляется для исправления их собственных нужд и обязанностей, что лишь по крайней необходимости иногда и то не более пяти раз в год занятие господское продолжаемо было в четверг, но в замену оно и с другой седмицы уступался крестьянам понедельник и какое сие случилось однажды вовремя возки ржи в гумно когда кладь не успели в среду обворшить и 4 числа ноября для окончания крыши над сараем».

Барин напомнил свою помощь крестьянам, «что для каждого их семейства дано Воскобойниковым дом из лесу соснового и елового, покрытые тѣсом и огороженные с уличных сторон, по одной, некоторым и по две лошади, по корове, паре овец, что желая видеть улучшенным их состояние, пять с половиною лет платил он за них все Государственные подати и складочные деньги по наборам рекрутским, не упоминая уже о кормлении всех своим хлебом сряду год и восемь месяцев и о выдаче им безвозвратно семян для двухгодичных посевов, и что у каждого из крестьян тех имеется ныне не только достаточное количество хлеба, но также по нескольку лошадей, коров, овец и птиц домашних».

И.Т. Воскобойников пересказал свою политику по созданию нового поместья. Всем купленным и поселённым в чистом поле крестьянам была оказана большая материальная помощь в обустройстве хозяйства, первые два года он содержал всех крестьян (дворовые были на господском обеспечении всегда).

Староста (видимо, крестьянами Ивано-Ключевского он воспринимался именно как свой староста) Иван Матвеев в эту картину добавил ложку дёгтя. Он не забыл отметить полиции, что у Воскобойникова «находится в рабстве 11 лет». Слово «рабство» крепостные знали хорошо.

Действительно, сначала помещик дал всем крестьянам дома и по одной лошади, платил за них подати и рекрутские деньги, помогал хлебом, но в последнее время «начал их изнурять работами» сверх первых трёх дней в неделю, особенно женщин. Всех занимает на молотье (стояла поздняя осень, молотили зерно), так что сельчане вечером едва могли «убрать скотину и истопить печи». Часто наказывает за всякую провинность, «хотя незначительную».

Ап.М. Васнецов. Баллада. Урал. 1897 год

При наказании Елизаветы староста не был, а вот Пелагею отговаривал пороть из-за беременности и «в это время Иван Степанов муж Елизаветы внёс в лютскую розги. Господин сам взял её за волосы, повалил на пол и поднял ей подол, приказал ему старосте держать её, почему староста взял её за руки, но она начала поворачиваться и [по]вернулась вверх брюхом почему Иван наказывал её по ногам». Присутствовавший лекарский ученик Дерябин всё это видел и слышал как барин велел старосте замолчать. Пелагея кричала: «не смеете, ведите её в полицию».

Староста объяснил причину приглашения понятых из соседних селений. После родов мёртвого ребёнка, опасаясь повторения выкидыша у Пелагеи, у старосты собрались отец Пелагеи Матвей Иванов, муж Елизаветы Иван Степанов и его брат Николай, да эконо́м Аристов. Они и решили вызвать понятых. Это произошло в воскресенье, а в понедельник староста отправился в Уфу к господину.

Воскобойников «прогневался» из-за понятых (огласки случая), «прибил его по щекам», отправил обратно в деревню, куда сам вскоре явился. В сельце барин «теребил его за бороду и бил по щекам», приказывал крестьянам Андреяну Петрову и Фёдору Егорову старосту наказывать розгами, но староста сказал, что он

не дастся и пусть ведут его в полицию, почему заковали его в ножные конские железа. Кто говорил о душегубстве – не знает, «возмущения никакого он противу господина не делал», деньги собрать не успел, но крестьяне обещали внести.

Полицейский взял свидетельские показания и с других крестьян Воскобойникова: Кузьмы Егорова Буркова, Ивана Степанова, дворовой девки Меланьи Максимовой и отставного мастерового Ивана Аристового и Филипа Семёнова.

Бурков – муж Пелагеи, с которой находились в услужении у дочери Воскобойникова в Вятке. Оттуда их выслали обратно, прибыли в Ивано-Ключевское после Петрова дня и барин его сразу наказал. Муж подтвердил показания жены Пелагеи. Бурков бил (сёк розгами) несчастную Елизавету, муж которой Иван Степанов держал её за ноги, а Филип Семёнов за руки. Все видели, что она беременна, получила Елизавета около 30 ударов.

Иван Степанов – отец мёртворождённого дитя – сообщил, что его наказывали два раза. Первый за то, что «он осуждал баранину в пище и второй за то, что не согласился однажды бить жену свою, когда она спряталась на повете от барыни, ревновавшей её к господину». Подтвердил про наказание, добавил, что приехавшая барыня, узнав о случившемся, «приказала матери его Степанова Марфе поправить ей Елизавете живот» (положение ребёнка в утробе). Степанов рассказал, что порол Пелагею по ногам, видя её беременность.

Меланья Максимова поведала о 15 ударах розгами Елизавете, а также подтвердила факт переноски ею с пострадавшей Елизаветой тяжёлого корыта, на Кузьминках та немного выпила пива, два раза плясала, в том числе «в людской господской избе в числе прочих женщин». Вспомним, что Воскобойников говорил о переноске тяжести и пляске, как о возможных причинах выкидыша. На барской усадьбе стояла отдельная людская изба, где жила дворовая прислуга.

Но Меланья не поддержала версию о сексуальных пристрастиях барина: «она находится в рабстве у Г. Воскобойникова слишком полутора года, но господин никогда при обращении её с ним даже на один ничего противного чести её ей не предлагал, и чтобы когда либо имел по ползновение к другим женщинам, то это вовсе несправедливо, ибо она никогда не заметила его к тому намерения», отношением к ним (рабам) «остаётся совершенно ими довольна», а Елизавета и Пелагея грубые и упрямые, поэтому и «взыскивают с них».

Эконом Иван Аристов жил в Ивано-Ключевском свыше девяти лет. Барин наказывал за поступки, а не из-за притязаний к дочерям. Живёт в людской избе, всё видел, корыто тяжёлое но-

сила и он заметил Елизавете: «поберегись – ты брюхата».

После несчастных родов именно Аристов вызвал старосту, «который сказывал, что у нас душегубство». В понедельник приехавший барин действительно «драл за бороду» старосту и ударил по щекам раз, после чего приказал заковать того в железа. Крестьяне работают три дня на барина, если нужны сверхурочные, им возвращают дни.

Филип Семёнов про порку Елизаветы подтвердил, но остального ничего не знает, так как находился «в городе Уфе в господском доме».

Следователь провёл своеобразную очную ставку. Елизавета пояснила про пляски, дескать прошлась в людской «раза два в виде танца». Никаких корыт не поднимала, после наказания не чувствовала жизни в ребёнке, грубостей не делает, в отличие от Пелагеи, которая своей грубостью хочет «заставить господ продать её с мужем кому другому». Пелагея Матвеевна Буркова по показанию Елизаветы нашла «несправедливо».

Полицейский подробно расспрашивал жителей небольшого сельца. Наталья Петрова поведала, как она с Елизаветой ездили в город, «и доехавши до перевоза Вавиловского подводу отпустили домой по случаю тому, что пором не ходил, она Петрова несла от перевоза [паром не ходил и телеги не перевозились, люди переправлялись на лодках] до господского дома мешок полный печёного хлеба, мочальник и два веника, а Елизавета недалеко от перевоза четвертную бутылку нечаянно разбила и несла только три бутылки и щенка, пуд же муки оставила у збитеньщика [на переправе продавали сбитень] и по приходе в господский дом кучеру Кузьме говорили, чтобы он получил тот мешок».

Все крестьяне согласились с рассказом старосты о работах. Помещик Воскобойников оказал сначала всем крепостным большую материальную помощь, покупал он их без имущества (за исключением личных вещей). Когда крестьяне встали на ноги, льготный период закончился и барин перевёл крепостных на регулярный труд. Не для благотворительности он их покупал. Мужикам это, естественно, не нравилось.

Полицейский побеседовал и с супругой И.Т. Воскобойникова. Та заявила, «что мужа своего никогда никому не ревновала».

Следователь собрал понятых, приезжавших посмотреть мёртвого ребёнка. Их оказалось аж 26 человек. В Ивано-Ключевское съехалась целая толпа! История получила огласку и моментально разлетелась по всей округе. Недаром Воскобойников пришёл в ярость, узнав о действии старосты.

Под присягой они подтвердили, что накануне Михайлова дня ночью были в Ивано-Ключевском, всё видели, а староста им

заявил, что причиной выкидыша было барское наказание. Противозаконного ничего не было.

Материалы следствия ушли в суд, где определили, что рождение Елизаветой мёртвого ребёнка «не произошло от наказания», признали лишь чрезмерные работы на помещика (по закону не более трёх дней), всё остальное не доказано. Поэтому Воскобойникову признали достаточным «ограничиться внушением», с наказаниями впоследствии надо быть осторожнее, «а крестьянам подтвердить о должном повиновении» помещику.

Но скандал вышел за пределы маленького подгородного сельца. 5 декабря 1843 года на проходивших в Уфе дворянских выборах обсуждался конфликт в Ивано-Ключевском. Представители дворянства всей Оренбургской губернии признали неосторожность Воскобойникова и призвали не утруждать чрезмерными работами крепостных, а крестьян призвали повиноваться.

Но 11 декабря 1843 года И.Т. Воскобойников обратился письменно к приставу 2-го стана Уфимского уезда Ахмаметеву с просьбой «наказать дворового его человека Ивана Степанова за оказанное им неповиновение и дерзкие отзывы, а вместе с тем вразумить и прочих его крестьян, вышедших из должного к нему повиновения». Продолжавшееся многомесячное следствие, приезды полиции в сельцо сказались на обстановке в имении.

Тем более, что пристав Ахмаметев лишь через четыре месяца, 26 апреля 1844 года ответил Воскобойникову, что, пока идёт следствие, он ничего не может предпринять, сославшись на исправника Киричевского, руководившего дознанием. Полиция заняла по крайней мере нейтральную роль.

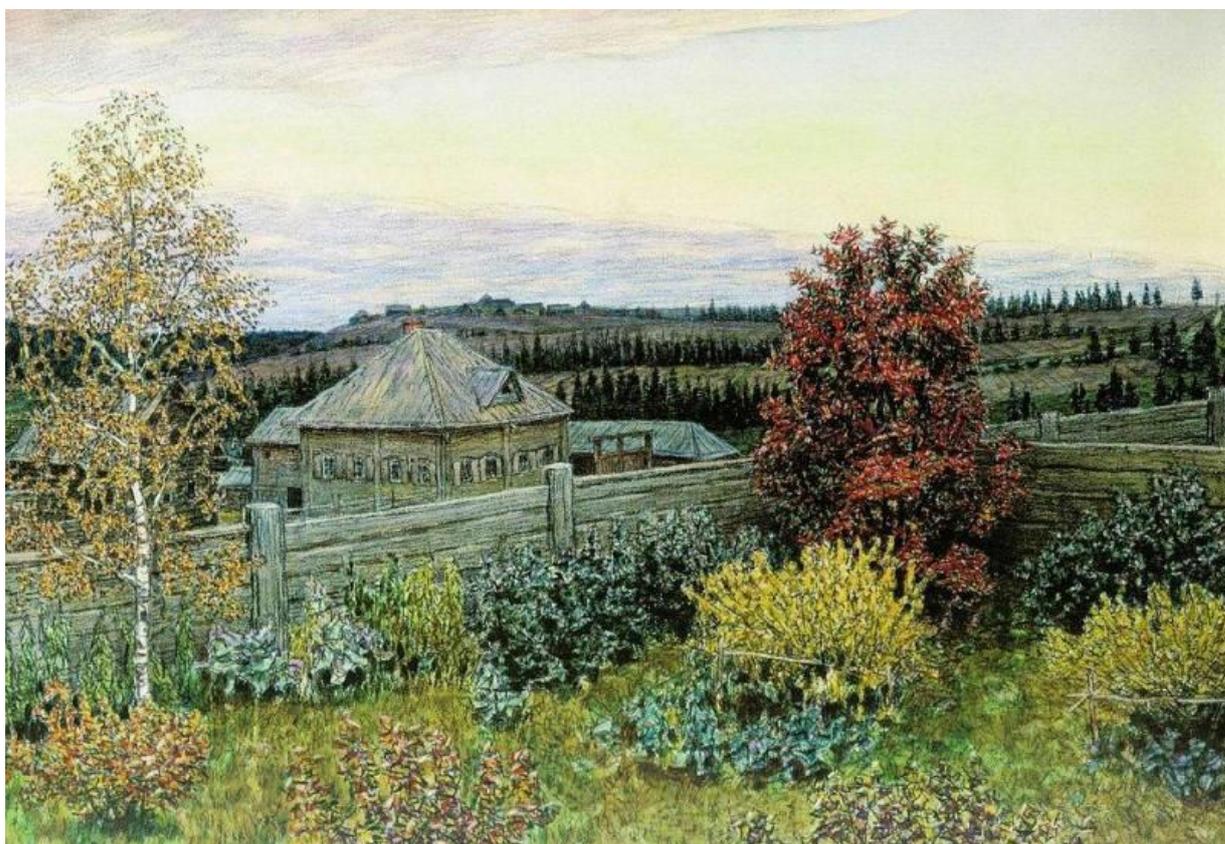
Тогда Воскобойников обращается к уездному предводителю дворянства с ходатайством «об удержании крепостных его людей в должном к нему повиновении». Мужики решили, что теперь барину «воспрещено их наказывать». Воскобойников также пожаловался на полицейских, выразив недоверие Киричевскому, «ибо имеет с ним вражды», обвинив полицейского, что тот дал «повод к неповиновению его почти всех крестьян и дворовых людей». А пристав Ахмаметев Воскобойников просто выгнал «из своего дому с дерзостью, причинил ему оскорбление при исполнении».

Предводитель дворянства Уфимского, Челябинского, Троицкого и Стерлитамакского уездов обращается к руководившему губернией вице-губернатору А.А. Македонскому. Дворянские предводители входили в высшую элиту края, обладали большими полномочиями и влиянием.

Предводитель жёстко вступился за Воскобойникова ради «сохранения не только у него, но и в других имениях порядка». В

письме Македонскому он заявлял, что крепостные должны исполнять все «законные приказания» помещика, а полиция обязана пресекать неповиновение. Может «произойти от того как в его, так и в соседственных имениях растройство», приводя пример и по другому небольшому поместью в Зауфимье¹. Судебная волокита тянулась до 1846 года, но мнение дворянства осталось решающим. И.Т. Воскобойников никакого наказания не понёс. Если в суде доказывали факты жестокого обращения помещика с крепостными, имение забирали в опеку.

Очевидно, что история получила широкую огласку по окрестным поместьям, что обеспокоило уфимское дворянство, опасавшегося массовых волнений среди крепостных.

Ап.М. Васнецов. Вид из окна столовой. Рябово. 1919 год

Конфликт в Ивано-Ключевском показал все пороки принудительного труда. Как только помещик Воскобойников более-менее обустроил имение, а крестьяне в первые льготные годы обзавелись хозяйством, он усилил интенсивность труда, выгоняя всех на молотьбу. Пришлось ему чаще прибегать и к наказаниям, потому что крепостные не желали бесплатно трудиться помимо трёх дней обязательной барщины. Воскобойникову пришлось нанять специального управляющего, эконома Аристова,

¹ Там же. Л. 44–45 об., 48–49, 86, 119 об., 120, 123.

мужицкий староста саботировал указания барина. Особую роль при этом играла дворовая прислуга, часто грамотная, знающая законы, повидавшая мир (от Вятки до Уфы), которая не желала надрываться на помещика.

А приезд в Ивано-Ключевское чиновников во время следствия вообще создавал у крепостных ощущение беспомощности их помещика. В сельце одновременно находились земский исправник, уездный стряпчий и корпуса жандармов штабс-капитан Корженевский, открывшие здесь временное отделение Уфимского земского суда. Возмущённый Воскобойников требовал, чтобы исправник убрался из деревни «обидными выражениями и что будет в день по два доноса» отправлять на него¹.

Тем более, что на первый конфликт наложился второй. Первое следствие ещё не закончилось, как началось следующее. Уже из-за сына И.Т. Воскобойникова Николая.

29 мая 1844 года управлявшему Оренбургской губернией вице-губернатору А.А. Македонскому поступил рапорт из Уфимского земского суда².

«В сём Суде слушали: 27 числа явясь в присутствии сего Суда сдешнего уезда крестьянин сельца Ивано-ключевского помещика Коллежского Советника Воскобойникова Матвей Иванов Кощеев с женою Устиньей, объявили что прошедшей ночи сын помещика их Николай Иванов насильственно растлил дочь их Дарью, имеющую от роду 11 лет, причём представили и ту девочку, которая на отобранном в Суде допросе показала: что она находится днём в услужении при Господах своих Воскобойниковых в горнице, на ночь же по приказанию родителей в деревне Г. Воскобойникова проживающих всегда ходила к ним. Почему 26 числа сего месяца поздно вечером, когда отужинали Господа и прочие дворовые люди собирались спать в избе, то она сказав находившейся тут девке Маланье, что уходит домой, к родителям вышла на двор и в то же время сын Г. Её Николай Иванов, выйдя из горницы, велел ей идти за собою в имеющийся в разстоянии от дома в 20 саженьях сарай (где на вышках в повозке он ночевал) для получения будтобы от него каких то вещей и отнесенья в комнату. Почему она не знавши намерения его, исполняя приказанье, пришла в тот сарай и влезла за ним на вышку, то тогда он схватил её, затащил в ту повозку, положил с собою и, подождав несколько, обнимая её целовал, потом вдруг, зажав рукою рот, сделал насильственно растление и потом выпустил её из повозки, приказал ей замыть оказавшеюся

¹ Там же. Л. 48 об., 49 об.

² Там же. Л. 56а – 61.

на рубашке её кровь и никому о том не сказывать, но она прямо пошла в дом к матери её Устинье Ивановой, объявила [о] случившемся с ней и показала ту в крови рубашку, которая по утру, объявив некоторым жителям и представили в Суд, сама же она согласия ему иметь с ней прелюбодеяние не имела и он прежде сего ей о том никогда не говорил и намерение его она вовсе не знала, а действительно сделал он с ней растление насильственно, рубашка же на ней та самая в которой она растлена. По свидетельству же означенной девочке учинённому оказалась лет ей примерно 11. На двенадцатом, росту посредственного, на рубахе синепестрядинной против седалища сзади несколько капель слившихся запёкшейся крови и спереди несколько капель сокроватых. А жёнка Устинья Иванова Кащеева и муж её Матвей Иванов Кощеев на допросе показали: что дочь их Дарья 11 лет уже 4 года находится на барском дворе в прислуге и всегда по приказанию ихому и с согласия Госпожи приходила ночевать к ним, что они единственно – сделали по замечанию, что к ней имеет уже пристрастие и сам Г. Воскобойников, оглашавшийся в намерении к прелюбодейству. В вечер же 26 числа сего месяца домой она не приходила, а уже поздно ночью прибежала к ним и объявила, что сын Г. Воскобойникова Николай, после ужина пошёл спать в имеющийся в недалеком расстоянии сарай и как она тогда вышла тоже намереваясь отправиться домой, то он увидя её велел идти за ним в сарай где хотел будто отдать вещи для отнесения в горницу но вместо сего по приходе в сарай к повоске в которой он спал схватил её затащив в оную зажал рукою рот и насильно растлил потом замаранную от сего осматривавши дочь её нашли точно лишённую кровью рубаху велел вымыть и никому не показывать на которой точно имеется кровь, почему первая из них мать девочке, по утру заявила обо всем деревни их жителям крестьянам Ивану Матвееву и прочим которые девства и на рубашке кровь, и потом пришли пешком вместе с дочерью в Земский Суд для объявления, рубашка же та самая и теперь на дочери. Господам же своим не объявляли потому что есть ли бы они узнали о том тогда бы их недопустили принести о том жалобу, и просят произвести о сём исследование.

Определено: девочку эту для надлежащего освидетельствования в лишении будтобы её девственного состояния препроводить в Оренбургскую Врачебную Управу прося о последующем уведомлении с возвращением её, для произведения же о сём строгого исследования по важности преступления составить временное отделение – для чего начальное производство сего дела передать Г. Уфимскому Земскому Исправнику а Г. Уездного Стряпчего поставить о сём в известность пропуском сего журна-

ла, об отпуске же ему прогонов до сельца Ивано-Ключевского в оба пути на 20 вёрст. Нащёт виновных сообщить в Уфимское Уездное Казначейство, засим и девочку по освидетельствовании отдать на руки родителям её». Располагавшаяся в Уфе Оренбургская врачебная управа подтвердила факт: «действительно девства лишена».

Казалось бы обвинение подпоручика Н.И. Воскобойникова очевидно. Однако «включилась» российская бюрократия. 27 мая 1844 года родители подали жалобу. 29 мая дело передали уже знакомому земскому исправнику (полицейскому) Киричевскому для начала следствия. 31 мая губернатор распорядился, что дело должна вести жандармерия. Но там офицера назначили только 18 декабря 1844 года, ещё одного знакомого Корженевского, оправдываясь, что он был по делам в Стерлитамаке.

Тем временем Земский суд, принявший жалобу 27 мая, собрался по делу об изнасиловании лишь 17 июня. Рассмотрели письмо Н.И. Воскобойникова – всё отрицал и вдобавок заболел, а также жалобу помещиков на исправника Киричевского, которому Воскобойниковы не доверяли. После чего суд прекратил всякие действия. Не было осмотрено место происшествия, не проверили заболевание обвиняемого.

В сентябре 1844 года вмешалось Оренбургское губернское правление, аппарат самого губернатора, чиновники потребовали ускорить следственные действия. Но только 23 декабря 1844 года осмотрели место происшествия, признаков насилия через пол года не обнаружили, это чистая формальность, «один только обряд», заметили в администрации губернатора. Следователем «даже была не спрошена Дарья, не произносила ли она крик и не защищала ли себя». Не были проведены очные ставки, выше упоминавшаяся Елизавета Иванова уходила из дома вместе с Дарьей Матвеевой, но в показаниях обнаружили «разноречии о времени выхода». Не опросили других свидетельниц.

В результате, 25 мая 1845 года высший судебный орган края – Оренбургская палата уголовного суда сама возбудила дело о медленном ходе расследования¹. В архиве сохранились документы до 1849 года. Но чем закончилось следствие и состоялся ли суд – не известно. Судя по тому, что Н.И. Воскобойников продолжал жить в имении отца и служить, никаких последствий для него сия история не имела.

Во второй конфликтной ситуации со стороны крестьян встречаем многих прежних знакомых во главе со старостой. Как и в первом случае, крепостные сразу придавали делу огласку,

¹ Там же. Д. 2150. Л. 1 и об., 7 и об.

чтобы заручиться свидетелями, и оперативно обращались в суд. Вообще в последние десятилетия перед отменой крепостного права уфимские суды постоянно рассматривали жалобы крестьян и дворовых на своих господ. Сама возможность судебной защиты, законодательные ограничения эксплуатации крепостных (барщина не более трёх дней в неделю) показывали гнилость этой социально-экономической системы, её неизбежный крах

А помещики Воскобойниковы и их мятежные крепостные продолжали жить в одном поместье, бок о бок друг с другом. Конфликты не прошли даром. В 1850-е годы старый барин – Иван Тимофеевич Воскобойников умирает, его наследники, вдова и сын фактически в Ивано-Ключевском уже постоянно не проживали и никаких перспектив с этим поместьем не связывали. Видимо, в том числе из-за проблем с крепостными.

Глава III. Великие перемены (вторая половина XIX века)

§ 1. Отмена крепостного права

19 февраля 1861 года в России наступила новая эра. Император Александр II подписал указ об отмене крепостного права. Прежняя жизнь помещичьей деревни рухнула. Крестьяне получили свою землю, у дворян оставалась своя. Произошла административная реформа. В 1861 году была образована Дмитриевская волость Уфимского уезда, куда вошли все наши селения. Каждая деревня составляла самостоятельное сельское общество.

Накануне реформы в 1861 году в местной прессе были опубликованы статистические сведения о всех дворянских имениях Уфимского уезда¹.

Наименование помещичьих селений	Имена владельцев, коим принадлежат поселения	Ревизских душ (муж. – жен.)		Число дворов	Количество при имении земли (дес.)
		1-е дворовые	2-е крестьяне		
Ивановское сельцо (Ключи)	Г. Шукевич Гг. Воскобойниковым	1 – 1	3 – 3	10	}1306
		5 – 4	13 – 13		
		2 – 1	3 – 6		
Михайловка сельцо	Г. Падейского	4 – 5	18 – 23	9	250
Куровское сельцо (Волково)	Гг. Волковых Волкова Волковой	5 – 2	–	9	1354 ½
		2 – 4	13 – 11		
		4 – 7	15 – 22		
Вавилова	Гг. Вавиловых ² Протопоповой	–	–	6	–
		1 – 1	3 – 5		
Наименование помещичьих селений	Имена владельцев	К какой церкви приписаны жители, состояние		Кто из помещиков находится в имении, или кому поручено управление	
Ивановское сельцо (Ключи)	Г. Шукевич Гг. Воскобойниковым	К селу Лавочному, 12		Управляет староста	
Михайловка сельцо	Г. Падейского	К Ильинской церкви в Уфе, 15		Проживает и управляет сам владелец	
Куровское сельцо (Волково)	Гг. Волковых Волкова Волковой	К той же церкви, 16		Проживают сами владельцы	
Вавилова	Гг. Вавиловых Протопоповой	К той же церкви, 16		Проживают сами владельцы	

¹ Река времени. 2011 / Отв. ред. М.И. Роднов. Уфа, 2011. С. 129, 132.

² «Крестьян нет».

Всё благополучие дворян-помещиков держалось на даровом труде крепостных. Хотя барин вносил за крестьян все налоги, но собирались они тоже с них. Сами же представители «благородного» сословия фактически не подлежали обложению. С дворянских земель взимался микроскопический поземельный сбор в одну копейку с десятины, если на мужскую душу приходилось не более 15 дес. Когда земли числилось больше, налог немного повышался. С крепостных помещики налогов не платили.

На начало 1850-х годов оклад губернского поземельного сбора составлял с поместья в Вавилово малолетних детей титулярного советника Алексея Павловича Протопопова (4 ревизские души, 34 дес.) – 34 копейки; титулярный советник Николай Павлович Протопопов (6 рев. душ, 54 дес.) платил 54 копейки; с Михаила Никифоровича Падейского в Михайловке (19 рев. душ, 285 дес.) брали 2 руб. 85 коп. и ещё 7,5 копейки за излишние угодья, итого 2 руб. 92,5 коп.; коллежский ассесор из Куровского Виктор Иванович Волков (13 рев. душ, 1550 дес.) вносил в казну 8 руб. 75 коп. (в том числе за избыток 6 руб. 80 коп.). Наконец, коллежский советник Воскобойников из сельца Ключи, Ивановское тож, платил в казну 5 руб. 57,5 коп. за 800 дес. (тоже избыток, 21 рев. душа)¹. Символическое налогообложение.

Всё изменилось в начале 1860-х годов. Затронула Великая реформа деревню *Вавилово*. К западу от Уфы скупал имения разорившихся дворян крупнейший предприниматель Иван Фёдорович Базилевский (1791–1878), золотопромышленник, вошедший в ряды богатейших людей Империи. Хотя он в основном проживал в Петербурге, центром его уфимских поместий была соседняя Миловка, куда с семейством наезжал отдохнуть в летние месяцы².

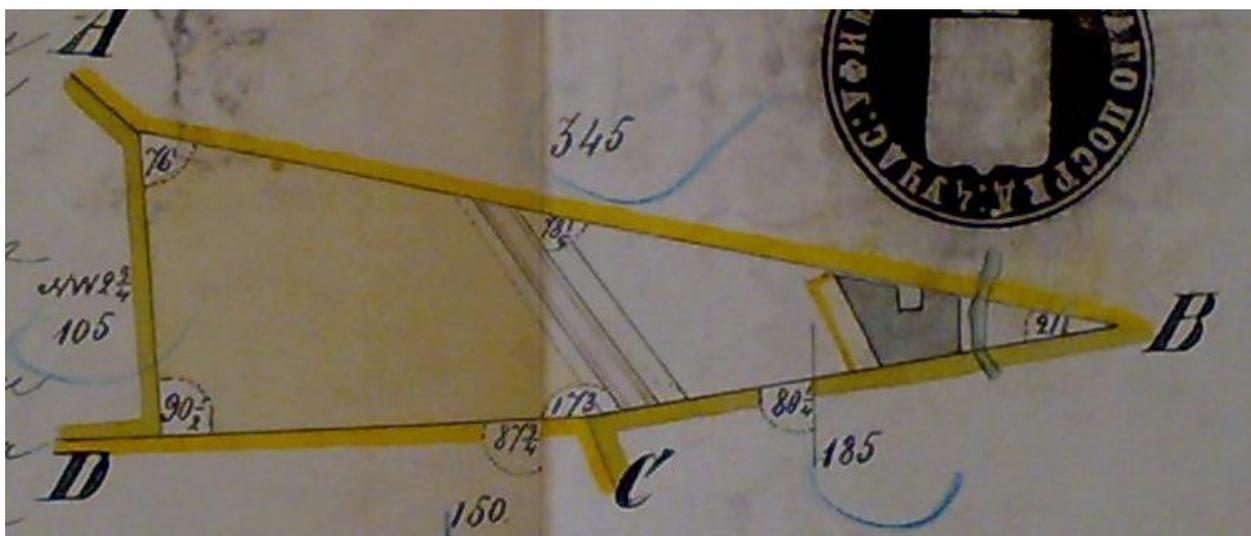
Незадолго до реформы Базилевский купил некоторые доли Вавилово, судя по картам, часть поселения и земли к западу, большая дорога пересекала их. Владения Базилевского острым клином разрезали владения старых помещиков. С севера находились угодья казачьего урядника Ивана Даниловича Вавилова, с юга – хозяйства Протопоповых.

Самый конец треугольника с частью сельца И.Ф. Базилевский уступил крестьянам, которых сюда подселил. Мужикам достались земли под усадьбою и выгоном – 2388 саж., пашня – 5 дес. 12 саж., ещё 1480 саж. находились под оврагом, а 1 дес. 140 саж. под большой дорогой. Итого – 7 дес. 1620 саж.

¹ НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2840. Л. 14 об., 15 об., 20 об. – 21, 23 об. – 24.

² См.: Черников-Анушин А.В. Протоиерей Фёдор Иванович Базилевский // «Новые» имена: историко-литературные и краеведческие исследования на Южном Урале в XIX – начале XX вв. / сост. М.И. Роднов. Уфа, 2015; др.

При разверстании угодий в августе 1865 года указывались границы: «от столба с признаками, что находится на горе близ речки Безымянной, с левой её стороны» идти межью «вниз ската горы, вправо по переходе помянутой речки, усадьба и выгон крестьян деревни Вавиловой, а влево земля помещицы Протопоповой». В конце маршрута, «по направлению на починный пункт, где вправо, до перехода почтовой дороги, пашня крестьян, а влево такое же качество земли Гг. Вавиловых, далее за дорогою до конца этой линии, вправо усадьбы и выгон крестьянского надела, а влево усадьбы Гг. Вавиловых».

План надела Герасимовых. Вавилово (НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 10823)

В Вавилово за Базилевским числились 3 души крестьян. Один отказался от надела, две души подлежали обеспечению землёй. Это были уроженцы деревни Панково, водворённые «в деревне Вавиловой». Две души являли собой одну семью крепостного крестьянина Максима Герасимова, за которого «по безграмотству» его подписал документы Дмитриевский волостной писарь Николай Борисов¹. В июне 1867 года Базилевский согласовал выкуп с крестьянами дер. Вавиловой (2 ревизских души Герасимовых) за 171 руб. 48 коп.²

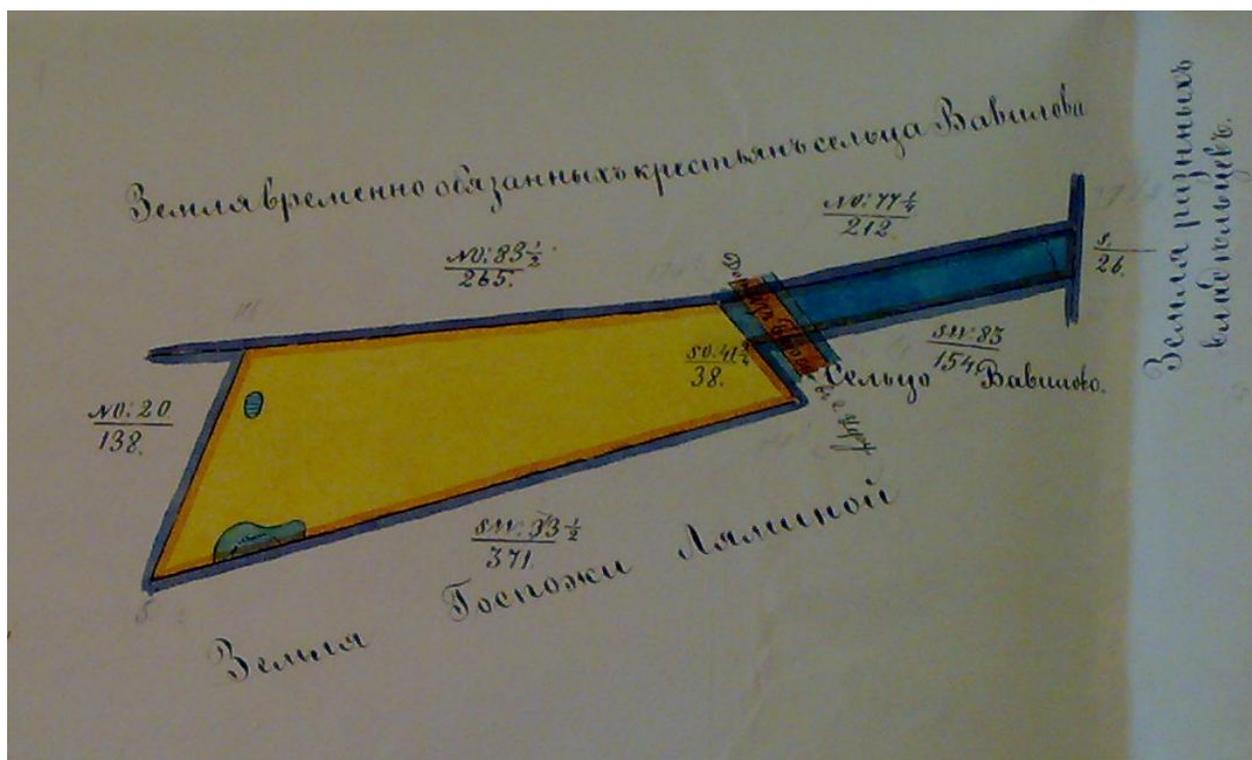
Кроме того, небольшое число крепостных принадлежало Протопоповым. Имение по духовному завещанию перешло к дочери Алексея Павловича Протопопова Екатерине Алексеевне Протопоповой (мать Харитинья Андреевна³ вторично вышла за-

¹ НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 10823, 10824; Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2652. Л. 3, 12.

² Уфимские губернские ведомости. 1867. 12 августа.

³ 26 июля 1849 года в Ильинской церкви Уфы крестили девочку Марию (родилась 16 июля), матерью которой являлась деревни Вавиловой вдова коллежская регистраторша Христина Андреевна Протопопова (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 29. Л. 15 об. – 16). Про отца нет сведений, священник так-

муж за чиновника Ельшина, жила в Уфе). На 1863 год в имении оставалась 1 рев. душа крепостных, двое умерли в 1861 и 1862 годах, не оставив наследников мужского пола, дворовые не упоминаются. Имение было принято в казну в октябре 1863 года с выплатой помещице 450 руб. (исключая долги, в том числе уфимскому купцу 2-й гильдии Фёдору Аверьяновичу Бельшеву за приобретённые Е.А. Протопоповой лисий мех, куний воротник и атлас). Затем Екатерина Алексеевна вышла замуж за канцелярского служителя Лямина¹.

План надела крестьян Ляминоей (НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 10825)

же не сделал записи, что ребёнок незаконнорождённый. А 18 января 1859 года появилась на свет девочка Анна (незаконнорождённая). Мать – вдова губернская секретарша Харитина Андреевна Протопопова. Восприемницей выступила дочь умершего губернского секретаря Алексея Протопопова девица Екатерина (Там же. Д. 42. Л. 577 об.). Затем вдова Х.А. Протопопова 1 декабря 1860 года родила мальчика Николая (Там же. Оп. 2. Д. 1. Л. 23 об.).

¹ Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 847. Л. 2, 6, 7, 10 и об., 22, 23, 32, 34.

Одним из самых крупных душевладельцев в округе являлся хозяин *Михайловки* подполковник Михаил Никифорович Падейский. Сохранившаяся подробная документация позволяет увидеть жизнь сельца¹. В Михайловке по X ревизии 1858 года насчитывалось 18 мужских душ крестьян и 4 души дворовых. Стояла барская усадьба. Но трое дворовых пользовались наделом, то есть вели обычное хозяйство, лишь время от времени присматривая за подворьем Падейского. Сам помещик, значит, не жил постоянно в Михайловке². Эти трое дворовых пожелали перейти в крестьяне и получить землю. Лишь единственный дворовый отказался от земли, оставшись служить Падейскому на прежних условиях ещё два года до 19 февраля 1863 года. После чего получал свободу без всяких условий и выкупа.

Таким образом, наделению землёй подлежала в Михайловке 21 ревизская (мужская) душа. Дворов было меньше.

Порядок законом устанавливался такой. Сначала в течение двух лет все крепостные обязательно (даже без их согласия) переводились в состояние временнообязанных крестьян. Они получали личную свободу, но продолжали временно исполнять чётко определённые повинности своему бывшему помещику. Всё это оформлялось в особом документе – уставной грамоте.

Затем крестьяне договаривались с помещиком о выкупе. Согласовав все условия, они становились крестьянами собственниками со своей землёй и никаких больше обязанностей к барину не имели. За это должны были выплатить определённую сумму, но не барину, государству. А уже казна рассчитывалась с помещиком. Власть понимала, что со свободных мужиков бывшие господа с трудом смогут получить деньги. Поэтому дворянам они были сразу начислены, а сельчане постепенно и с процентами выплачивали долг государству.

Временнообязанные крестьяне могли находиться в таком статусе сколь угодно долго, десятилетиями, но в Уфимском уезде все перешли на выкуп очень быстро. Местные дворяне были заинтересованы в скорейшем выкупе, так как земель свободных вокруг было огромное количество, цены упали и крепостные могли просто уйти, бросив барина с пустой землёй (через 9 лет после указа 19 февраля 1861 г.).

¹ РГИА. Ф. 577. Оп. 44. Д. 241. Л. 1–36 (далее все сведения приводятся отсюда без выделения новых сносок). Уставная грамота также хранится в Уфе: НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 581. См. также: Оренбургские губернские ведомости. 1863. 1 июня.

² В июле 1862 года М.Н. Падейский назван жителем первой части города Уфы (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 669. Л. 2).

М.Н. Падейский не стал тянуть время, тут же взялся за составление документации. Однако первый вариант сделки не прошёл, «крестьяне согласия своего на принятие грамоты не изъявили» из-за земли, и 11 января 1862 года первый вариант уставной грамоты возвратили. Падейскому пришлось пойти на уступки, отдать мужикам те угодья, которые они просили.

Дело в том, что при переходе на выкуп казна выплачивала только 80% суммы, остальные 20% помещику непосредственно должны были внести крестьяне. Но только в случае добровольного соглашения. Если договориться полюбовно не удавалось, пятой части выкупной суммы помещик лишался.

В результате 11 июля 1862 года М.Н. Падейский собрал крестьян Михайловки, объявил, что заменил участок земли «другим». Мужики согласились, утвердив уставную грамоту при шести свидетелях из окрестных селений. Её за неграмотных михайловцев подписал уфимский мещанин Михаил Викентьев.

На деревенском сходе в этот же день крестьяне решили перейти на выкуп, доверив подписание выкупного договора соседу, неслужащему дворянину Петру Андреевичу Вавилову. Падейский торопился и решил сразу оформить все документы. Обычно, между составлением уставной грамоты и выкупного договора проходили годы. В ближнем Вавилово единственная семья крепостных перешла на выкуп только в 1867 году.

А 11 июля 1862 года в Михайловку съехалось много народа: сам Падейский, Вавилов, 6 добросовестных свидетелей¹, чиновник занимавшийся отменой крепостного права – мировой посредник Березовский, а также из Дмитриевки прибыл волостной писарь Ипполит Козлов с печатью и книгой для записи постановлений (приговоров – говорили тогда). За день всё утвердили.

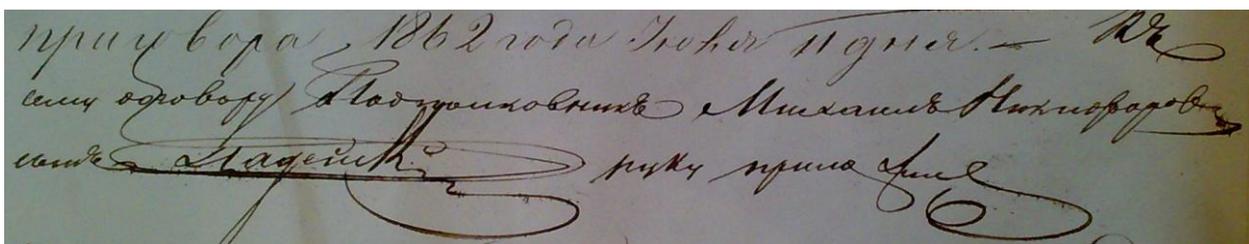
Мировой посредник увёз пакет документов в Уфу, где 27 июля 1862 года Уфимский уездный мировой съезд их рассмотрел, всё оказалось правильно. Затем бумаги легли на стол самому Оренбургскому (в Уфе) гражданскому губернатору Григорию Сергеевичу Аксакову, сыну знаменитого писателя. Он наложил резолюцию: «верно». И сразу почтой документы ушли в Петербург. Там специальный орган – Главное выкупное учреждение при Санкт-Петербургской сохранный казне в марте 1863 года оперативно рассмотрело дело о выкупе крестьян Михайловки.

В столице проштамповали сделку и издали распоряжение, что с 1 февраля 1863 года крестьяне Михайловки переходят на

¹ «При сем свидетелями были добросовестные крестьяне деревень Дмитриевки Иван Петров, Арефий Мартынов, Василий Максимов, Миловки Николай Никифоров, Андрей Григорьев и Ивано-Ключевской – Николай Степанов». Все неграмотные. За них расписался М. Викентьев.

выкуп. Падейский получал деньги (2520 руб.), за ним оставалась большая часть поместья, мужикам досталась своя земля, за которую они должны были вносить в казну выкупные платежи частями в течение 49 лет. Крестьяне получили как бы долгосрочный кредит с рассрочкой. И пока всю выкупную сумму не выплатят, Государственный банк 28 марта 1863 года наложил запрещение «на землю крестьян-собственников» Михайловки. До окончательного расчёта с казной крестьяне не имели права продавать землю. Об этом было опубликовано в Сенатских объявлениях, официальном правительственном издании.

Отмена крепостного права в Михайловке произошла стремительно. 11 июля 1862 года утвердили уставную грамоту и бывшие крепостные Падейского стали лично свободными временнообязанными крестьянами, пробыв в этом статусе всего несколько месяцев. С 1 февраля 1863 года они стали крестьянами-собственниками со своей землёй.

Образец подписи М.Н. Падейского. 1863 год
(НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2359. Л. 26 об.)

Михайловка начала 1860-х годов состояла из 11 дворов. Уставную грамоту подписали 11 домохозяев, глав семейств (ревизских мужских душ было больше – 21): Алексей Леонтьев, Пётр Минеев, Кузьма Петров, Кузьма Осипов, Нефёд Иванов, Степан Иванов, Сергей Евдокимов, Михайло Иванов, Фёдор Фёдоров, Николай Иванов и Мосей (Моисей) Киреев. Точнее, «вместо их за неумением грамоте по личной просьбе руку приложил неслужащий дворянин Пётр Андреев Вавилов».

Так как в уставной грамоте оговаривались временные условия до перехода на выкуп, можно узнать об обязанностях михайловцев ранее, при крепостном праве. Все были на барщине. То есть бесплатно со своим рабочим скотом и инвентарём трудились на Падейского.

С каждой мужской души полагалось в год 24 летних рабочих дня и 16 зимних, с женской души – 18 летних и 12 зимних. Итого муж с женой должны были отработать на барина 70 дней в году. А со всех мужских душ (21) Михайловки причиталось 504 летних и 336 зимних рабочих дней, женских (тоже 21) – 378 летних и 252 зимних. Итого барщина в Михайловке составляла

1470 рабочих дней. Расчёт производился с 21 ревизской души, включая малолетних и стариков. Реальное число женщин не учитывалось.

В 1862 году барщину отменили и заменили оброком, но так как поля были уже засеяны, то переход на оброк назначили с 15 апреля и 15 октября. Каждый раз михайловцы должны были вносить Падейскому по 94 руб. 50 коп.¹ «За исправное отбывание повинностей отвечает круговою порукою всё общество». Как и по всей стране, в Михайловке была круговая порука. Если Мосей заболел и не мог работать на барщине или уплатить оброк, за него скидывалась вся деревня. С переходом на выкуп выплата оброка прекращалась.

Оброк был не легче барщины. Отработать всегда можно, а вот где деньги взять? Крестьянское хозяйство было полунатуральное, продавали немного, наличности всегда не хватало.

Главный вопрос, волновавший деревню после 1861 года, это земля. До реформы в пользовании михайловцев находилось до 80 дес. земли (десятина казённая = 2400 квадр. сажень = 1,09 гектара, казённая сажень = 213,36 см) «в общих полях с владельцем». Под оседлостью и выгоном было ещё до 5 дес.

Реформа разрывала существовавшую систему землепользования. Барские и мужицкие поля ранее лежали вперемежку, крепостные фактически пользовались частью помещичьей земли (например, выгоняли скот на поля после жатвы хлеба). Чёткой границы не имелось, не случайно дореформенный надел михайловцев указан приблизительно.

Теперь устанавливалась юридическая точность. Крестьянам Михайловки полагался по реформе 1861 года высший душевой надел – 4,5 дес. (всех удобных земель, включая усадьбу) на каждую ревизскую душу. Итого на 21 душу – 94 дес. 1200 саж.

Читаем уставную грамоту, в которой указаны границы Михайловки (Падеевки), что ныне часть сельца Вавилово. «Так как крестьяне пользуются ныне чрезполосностью земли в меньшем количестве противу высшего размера, – то им предоставляется сплошное поле хорошо обработанной новой земли² в высший душевой надел из общей их с владельцем лучшей пашни и при ней сеной покос. – А потому в число 94 десят. 1200 кв. сажень отводится им под усадьбы, огороды, конопляники и выгон по

¹ В сумму оброка включали стоимость усадьбы. В Михайловке была оценена в 1 руб. 50 коп. по низшему первому разряду, «потому что она не представляет крестьянам никакой особенной выгоды». За всю усадебную оседлость полагалось 31 руб. 50 коп. (с 21 души) в год.

² Из-за этого спорили мужики с Падейским. Тот сначала хотел им передать разбросанные участки (чересполосно). Землю выбрали сами крестьяне.

межам: к западу с южной оконечности деревни на север до столба Алексеевской Границы – длиной 120 сажень; к северу, по меже от того Алексеевского столба лесным просеком 125 саж.; к востоку просеком на 118» саж. [здесь и далее пропущены цифры прописью] «и наконец к югу просеком до первой вышепомянутой южной оконечности деревни при меже Миловской или Щиголевых 156» саж. «и потом от этого южного конца деревни или от конца улицы по направлению к мостику, чрез речку Сухую, от Миловской или Щиголевской межи» [не ясно] «лентою в параллель к этой миловской меже прогон, не в шесть, как бы следовало по правилам, а в 10» саж. «шириною вплоть до слияния этой десятисаженной ленты, чрез почтовый тракт с отведенным участком пахотной и покосной земли, – на протяжении от помянутого конца деревни или улицы десяти саженьной лентою в длину на 205» «сажен, что и составит всего за исключением улицы, проулка и указного прогона около 8» дес. «удобной усадебной земли, полагая все это в указной усадебной пропорции 6» дес. 1800 саж., «затем пашни и покосов с лесом кроме дорог, моховых водопойных болот и ямок с водою и раскосов между кустарником, – исчислено одной удобной земли по направлению от западной стороны почтовой дороги к меже Дмитриевской следующим образом: С северу от граней Щиголевых, или иначе говоря с мельничного северного угла, на юг, по межам и ромбам от того углового северного Дмитриевского столба, до пересечения [не ясно] на Дмитриевской меже в [не ясно] 86 и $\frac{1}{2}$ » саж., «где назначено место нашего граничного столба и повернув на восток под углом с северной $90\frac{1}{2}$ », «а с южной стороны на $89\frac{1}{2}$ » «градусов, – идти прямою линией на 400» саж. «до Киржацкой межи или иначе оврага безымянного, серединою его дна, изображающего живое генеральное урочище, – затопленного весеннею Бельскою водою, – что и составит одной удобной пашни и доброго поемного покосу до 88» дес. «лучшей земли, из всего помещельного владения при сельце Михайловском».

В этих границах находилось до 96 дес. земли, «если ещё не более»¹. За М.Н. Падейским оставалось всех угодий до 210 дес. Но так как крестьянам выделили единый участок, ранее их земли были разбросаны, к ним отходили 30 дес. под озимым и яровым посевом «владельца». Специально оговаривалось, что они отойдут мужикам лишь «по окончательной уборке этого хлеба в текущем году» (1862).

¹ Количество земли определялось по плану, составленному частным землемером на средства Падейского и три раза проверенному «в натуре». Помещик ручался за точность сведений.

С другой стороны, к Падейскому переходила земля, на июль 1862 года запаханная крестьянами «под их пары». Михайловцы получали право осенью по парам посеять озимую рожь, снять её в следующем, 1863, году, и только после этого Падейский вступал во владение участком.

Итак, крестьяне Михайловки (ныне часть Вавилово) получили землю в одной меже, единым участком, что было очень выгодно. В уставной грамоте оговаривались прочие условия.

БУХГАЛТЕРСКИЙ РАСЧЕТЪ		
по выкупной сдѣлкѣ помѣщ <i>иже Подполковника Михайлова</i>		
<i>Александровича Падейскаго</i> съ обществомъ временно-обязанныхъ		
крестьянъ <i>Среднеуральской</i>	губерніи <i>Уральскаго</i>	уѣзда,
<i>села Михайловскаго</i>		
<i>(Мое. свѣд. ст. 66 п. 1 и ст. 70)</i>		
Высшій	душевой надѣль въ мѣстности	4 дес. 1200 саж.
Низшій	— — — — —	— дес. — саж.
При высшемъ надѣлѣ оброка	съ души въ годъ по	9 руб.

Бухгалтерский расчёт по сделке М.Н. Падейского. 1863 год
(НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2359. Л. 11)

«Из числа крестьянской усадебной оседлости, общественные гумны и овин¹ всех крестьян находились вне черты их усадебной земли, и именно в лесу владельца; а потому согласно нынешним правилам и лесным законам они должны перенести их на отведенное им выгонное место к банному водомойному озеру или на место прежней барской риги – с употреблением, если будет нужно лесу, растущего по их выгону и при их покосах в отведенной им земли без особенного участия владельца, который делая крестьянам всевозможное угождение, отдал под выгон излишнее пространство и некоторую часть густо растущего леса».

Обязательно в уставной грамоте разбиралась ситуация с водопоем и выгоном. В Михайловке «водопой при деревне в

¹ Гумно – площадка для молотбы хлеба, ток. Молотили тогда вручную цепями. Овин – строение или конструкция (печь в яме, над ней ярус для снопов) для сушки снопов хлеба перед молотбой. Разновидность овина – рига – изба с печью, где сушили хлеб (типична в нечерноземье). На небольшое население Михайловки гумно и овины располагались вместе, в лесу, в отдалении от жилья из-за опасности пожара.

дождливые годы бывает в большом обилии в банном озере находящемся на крестьянском выгоне, а потому и предоставляется исключительному их пользованию. При пастьбе же скота на крестьянских полях¹ водопой находился всюду по яминам и моховым озерам в отведенном им участке пахотной земли.

Выгоном всегда пользовались одни крестьяне без участия владельца; а потому он предоставлен им одним в черте вышепомянутого надела усадебной их оседлости».

Всею этой землёй отныне крестьяне Михайловки распоряжались по своему усмотрению, но оставался финансовый вопрос. Мужикам землю не подарили, а отдали за деньги.

Эти деньги должен был получить Михаил Никифорович Падейский. Расчёт был таков. Всех крепостных не случайно переводили с барщины на оброк. Барщина – натуральная повинность, которую невозможно измерить в деньгах. Сколько стоит один рабочий день? Оброк же исчислялся в рублях. Его брали за основу при определении суммы выкупных платежей.

Итак, для Михайловки по уставной грамоте годовой оброк был определён в 189 руб. (смотри выше – два платежа по 94 руб. 50 коп.). Капитализируем² этот оброк из 6% годовых, то есть 189 руб. = 6%, значит один процент равнялся 31 руб. 50 коп., а вся сумма выкупа составляет 3150 руб. Но казна компенсировала помещику только 80% выкупа или 2520 руб., они выдавались дворянину. Это и была выкупная сумма за землю, которую бывшие крепостные Падейского должны были возратить государству в течение 49 лет.

Выкупные платежи просто прибавлялись к ежегодным государственным налогам и собирались вместе с ними. А что получал Михаил Никифорович? Государство не обманешь, поэтому была придумана хитрая схема. Поэт (Некрасов сам был помещиком) выразился предельно точно:

Распалась цепь великая,
Распалась и ударила, –
Одним концом по барину,
Другим – по мужику.

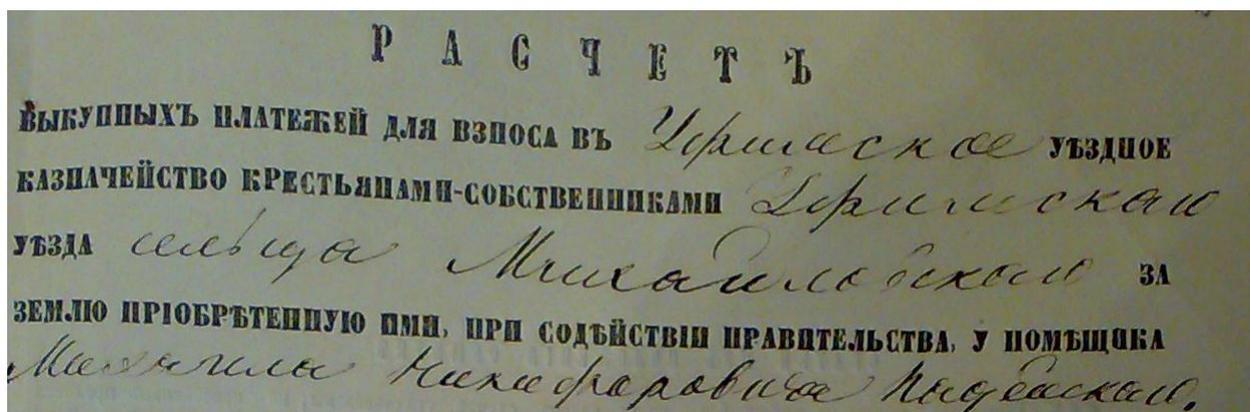
Выкупные ссуды выдавались помещикам не наличными, а ценными бумагами: 5%-ми банковскими билетами второго вы-

¹ После уборки хлеба на озимое и яровое поля выгонялся скот. Тогда хлеб жали серпами, косили косой редко, остававшаяся растительность на полях была хорошим кормом для скота.

² Капитализация – стоимость объекта, в данном случае земли, той части поместья М.Н. Падейского, которая отходила крестьянам.

пуска и 5%-ми выкупными свидетельствами, в том числе ссуды свыше 1 тыс. руб. Выкупные свидетельства были именными и принимались Казначейством в уплату по платежам. Погашение свидетельств проходило посредством обмена их на банковские билеты. Срок полного погашения составлял 15 лет. Каждые пять лет погашалась треть суммы¹.

Если бы все дворяне получили за выкуп наличные рубли, на рынок обрушилась огромная масса денег, что вызвало инфляцию и прочие потрясения. Наличку получали только самые мелкопоместные. М.Н. Падейскому должны были (его 2520 руб.) выдать билеты и выкупные свидетельства.

Расчёт выкупных платежей крестьян Падейского (заголовок). 1863 год
(НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2359. Л. 22)

Но михайловский барин отличался энергией и предприимчивостью. Он не захотел выкупных свидетельств, по которым первые деньги он бы получил только через пять лет, а через 15 лет, в 1878 году с ним полностью рассчитались. Не нравились ему и 5%-ные банковские билеты. Они свободно обращались на финансовом рынке, хотя в магазин с ними не пойдёшь, на них даже начислялись проценты. Но эти ценные бумаги зависели от колебаний рынка, цена их менялась на Петербургской бирже. Ценные бумаги в 1860-е годы принимали с дисконтом примерно в 18%, продавец терял почти пятую часть стоимости.

И уже 30 июля 1862 года Падейский заявил, что «желает получить выкупную ссуду не билетами и свидетельствами, но непрерывным доходом 5½%». То есть Михаил Никифорович пожелал на всю сумму бумаги стабильной государственной 5½%-ной ренты (его соседям Воскобойниковым этими бумагами дали только небольшую часть выкупной суммы). Видимо, такие льготные условия выкупа предоставлялись дворянам, в числе

¹ См.: Роднов М.И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. Уфа, 2017. С. 20.

первых договорившихся с крестьянами.

Ежегодный доход от этих бумаг для М.Н. Падейского составлял 138 руб. 60 коп. Много это или мало? Около 12 руб. в месяц, это зарплата мелкого чиновника в Уфе в то время. На такие деньги барскую усадьбу не содержать (Падейский как подполковник получал ещё пенсию).

Впрочем, оставался дополнительный платёж – те самые 20% от общей стоимости земли, которые мужики должны были заплатить напрямую бывшему барину: 630 руб. Уфимские помещики, лишь бы быстрее уговорить крестьян согласиться на выкуп, очень часто отказывались от дополнительного платежа или дарили крестьянам часть суммы.

Вот и М.Н. Падейский подарил михайловцам 20 руб. на каждую ревизскую душу (21 x 20 = 420 руб.). Оставшуюся сумму в 210 руб. разбил на половины. По 5 руб. с души (всего 105 руб.) мужики платят ему сразу после заключения выкупного договора, то есть в июле 1862 года. А вот остальные 105 руб. крестьяне «зарабатывают в лето 1862 г. на господских работах по особо условленной плате». С 11 июля, вспомним, михайловцы перешли на оброк, барщина отменялась, но кто будет работать на полях у Падейского? Найти и нанять батраков в разгар страды? Где их искать и сколько это будет стоить?

Летом 1862 года Падейский выработал собственные расценки (таксу), по которым крестьяне Михайловки обязывались за оставшиеся 105 руб. выполнить следующие работы: «жнитво 28 хозяйств.¹ дес. хлеба, перевозку его на господское гумно, укладку в клад и покрывку надлежащим образом соломой, по 3 р. с каждой десятины, что и составит всего 28 дес. 84 р. сер[ебром]. За посев и распашку ржаного хлеба 19 дес. 1200 саж. по 1 р. 50 коп. за каждую из них, что составит всего 18 р. 75 к. За всю эту уборку хлеба [в] настоящее лето 102 р., а осталь[ные] затем 2 р. 25 к. обязуемся доставить помещику после уборки хлеба настоящего года».

М.Н. Падейский сам занимался сельским хозяйством, считал каждую копейку, даже 2 руб. 25 коп. не забыл включить в соглашение. Так что уборочная 1862 года у него прошла успешно. А вот дальше ему пришлось платить из своего кармана. Не трудно подсчитать, если к расходам (по расценкам самого Падейского) на жатву и озимый посев добавить яровой посев, то стоимость сельскохозяйственных работ практически равна до-

¹ Значит в Михайловке использовалась более крупная хозяйственная десятина. Они были разные, в 2800, 3200 и свыше квадр. саженой. Но все официальные измерения площадей выполнялись только в казённых десятинах (= 2400 кв. саж.).

ходу по 5½%-ым бумагам. Приблизительно примем валовой сбор зерновых в 2 тыс. пуд., при цене ржи в 50 коп. за пуд, годовой доход Падейского составит около 500 руб. Плюс пенсия военного (с различными выплатами около 600 руб. в год). Скромный уфимский помещик.

Правда, в июне 1863 года, когда уже приняли в Петербурге постановление о выкупе, Оренбургская (в Уфе) палата государственных имуществ обратилась в столицу с заявлением. В связи с растратой мензелинским лесничим Осиповым казённых денег, «следует с подполковника Падейского взыскать 1411 р. 13 коп.» Вспомним, что Падейский одно время служил лесничим¹. Но в январе 1864 года из Питера ответили, что это взыскание «не зависит от них». Мол, сами требуйте деньги через суд.

Михаил Никифорович Падейский быстро «провернул» отмену крепостного права в Михайловке с наибольшей выгодой для себя, хотя мужики тоже в накладе не остались, забрав часть лучших земель возле сельца и получив большую скидку с дополнительного платежа. Но далее наступила эпоха рыночных отношений. Нужны работники? Плати барин, ответствовали теперь бывшие крепостные крестьяне.

Ликвидация крепостных отношений в небольшом сельце *Ивано-Ключевское* происходила на фоне судебных тяжб. Покойный помещик и врач И.Т. Воскобойников брал в долг у соседа, подполковника Падейского². На 11 декабря 1861 года Уфимский уездный суд назначил торги на имение наследников коллежского советника Ивана Воскобойникова при сельце Ивано-Ключевском (50 дес., оценка в 500 руб.) за долг в 200 руб., а также на соседнее имение дочери Воскобойникова коллежской

¹ Это было скандальное дело о злоупотреблениях «при заготовке шадрика [прокалённая зола, неочищенный поташ, сырьё для мыловаренных и кожевенных заводов] и золы из казённых дач», в которое было вовлечено даже руководство во главе с управляющим палатой государственных имуществ Страковским. В 1856 году император подписал распоряжение о взысканиях. Осипова разжаловали в рядовые (он умер к началу 1860-х годов). «Другого подсудимого, подполковника Падейского хотя бы и следовало за его проступки выдержать на гаубтвахте один месяц и уволить от службы без преимуществ, но как за проступки свои он не подвергался лишению всех прав состояния, [...] от суда освободить [...] другой половины жалованья ему не выдавать [за службу лесничим]. Эти деньги (1400 руб.) всё-таки удержали с Падейского из выкупной суммы в 2500 руб. (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2359. Л. 43, 48–51, 66, 68).

² Но и ему были должны. В 1861 и 1862 г. коллежский советник Иван Воскобойников требовал вернуть долг с губернского секретаря Петра Спиридоновича Брудинского и сына его Николая (Оренбургские губернские ведомости. 1862. 6 января).

секретарши Шукевич (30 дес. и 300 руб.), которая была обязана заплатить Падейскому 285 руб. 81,5 коп. с процентами¹.

В 1862 году состоялся аукцион и Падейский выкупил 30 дес. Однако все долги не удалось уплатить и подполковник в июле 1862 г., боясь, что земля отойдёт освобождаемым крестьянам, подал жалобу. Он заявил, что чиновница Шукевич не полностью рассчиталась с ним «чрез аукционную продажу земли, состоящей в общем плане и неотмежеванной еще в натуре из общей земли покойного отца ее» коллежского советника Воскобойникова. 25-го числа Падейский подал судебный иск, требуя выплатить деньги или отдать в виде компенсации 10 дес. земли. Предъявил иск Падейский и капитану Воскобойникову².

К началу Великой реформы 1861 года наследники И.Т. Воскобойникова землю ещё не размежевали. Основную часть поместья с усадьбой наследовали вдова и сын, за дочерью числилась часть земли и, видимо, какая-то маленькая часть усадьбы.

Овдовевшая дочь Воскобойникова Мария Ивановна Шукевич умерла в начале 1860-х годов. Наследницами были её дочери из дворян девица Антонина Францевна Шукевич и вышедшая замуж губернская секретарша Юлия Францевна Яковлева. Сначала их опекуницей являлась бабушка Дарья Ивановна Воскобойникова, но к 1862 году сёстры выросли и «управляют имением сами»³.

Обе помещицы (Шукевич и Яковлева) унаследовали по Х ревизии одного дворового и три ревизских души крестьян. Но двое уволились, получили свободу. Единственный «дворовый человек Фёдор Егоров, землею не наделён и от пользования таковой отказался». Так что имение сестёр попадало в разряд мелкопоместных, его в 1863 году выкупила казна (единственную ревизскую душу крестьянина и причитавшиеся на неё 4,5 дес. земли) за 1501 руб., вычитая долги и недоимки⁴. Существовавшие, видимо, какие-то жилые постройки, где обитал Фёдор Егоров, тоже отошли в казну.

Основная часть поместья при Ивано-Ключевском находилась в руках коллежской советницы Дарьи Ивановны и сына её капитана Николая Ивановича Воскобойниковых⁵. Стояла усадьба, которую обслуживали 7 ревизских душ дворовых (все остались до 1863 года), на площади (с выгоном) в 6 дес. 1400 саж.

¹ Там же. 1861. 30 сентября.

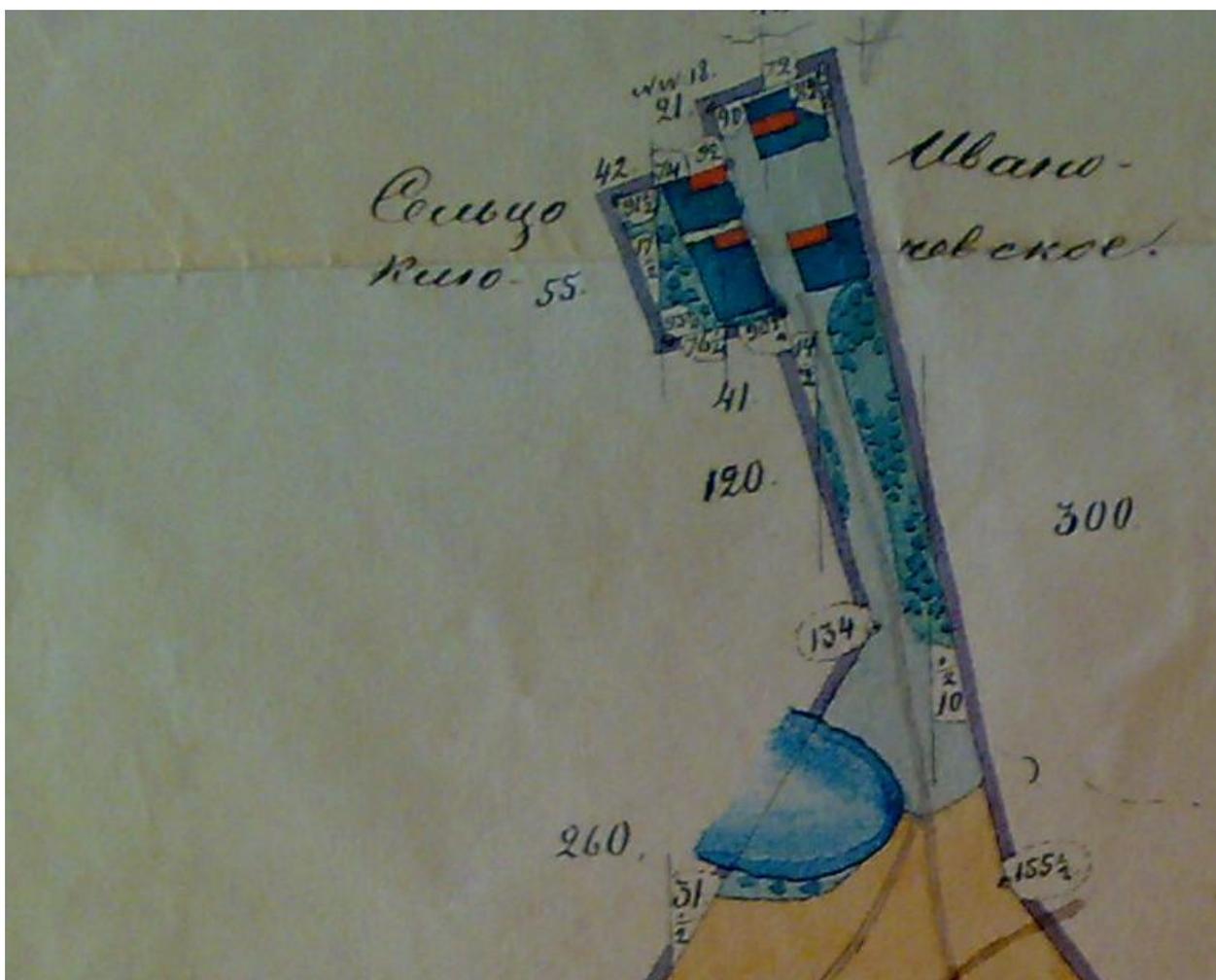
² НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 669. Л. 2.

³ Там же. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 176. Л. 45 об., 60, 78, 86–87.

⁴ Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 669. Л. 1а, 2, 5, 6, 11 и об.

⁵ РГИА. Ф. 577. Оп. 44. Д. 184. Л. 1–30 об. (далее сведения взяты отсюда без выделения новых сносок). Уставная грамота: НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 668.

Рядом лежало маленькое селение, крестьянские усадьбы и выгон занимали 3 дес. 1400 саж. Самых крепостных крестьян за Воскобойниковыми по X ревизии 1858 года числилось 16 мужских душ. Но в Ивано-Ключевском четверо крестьян ранее «не пользовались наделом и отказались от оно́го». Состоявшие официально (по ревизии) в крестьянах, они являлись фактически тоже дворовой прислугой. Наконец, один крестьянин (Иван Степанов) помер, остальные землепашцы категорически отказались получать его надел, обещая даже платить за него все повинности до следующей ревизии (но они после 1858 года не проводились). Земля в Ивано-Ключевском не ценилась.

План надела крестьян Ивано-Ключевского 1860-е годы. Сельцо (НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 11560)

Земли полагалось на 11 ревизских душ (по 4,5 дес.), но в Ивано-Ключевском стояло всего четыре двора. Четверо домохозяев подписывали документы: Андрей Иванов, Николай Степанов, Борис Степанов и Михаил Егоров. При этом М. Егоров с сыном получал 9 дес. земли от Дарьи Ивановны Воскобойниковой, остальные трое ранее числились крепостными её сына Ни-

колая Ивановича Воскобойникова.

Всего крестьянам полагалось 49 дес. 1200 саж., оброк исчислили в 99 руб. (по 9 руб. с души), исходя из 6% капитализации, выкупная сумма составила 1320 руб. Раньше крестьянская земля была чересполосно разбросана небольшими участками, теперь сводилась в одно место.

Крестьяне Ивано-Ключевского получали: под поселение и выгон 3 дес. 1400 саж., пашни – 34 дес. 1422 саж., луговой – 7 дес. 1187 саж., «сенокосу по косогору по которому растёт дровяной лес» – 2 дес. 700 саж., леса – 1 дес. 1297 саж., неудобий «под дорогами, озёрками и болотами» – 3 дес. 1242 саж., всего – 53 дес. 48 саж. Излишек передан крестьянам «безмездно».

Общий план надела крестьян Ивано-Ключевского 1860-е годы

На сохранившемся плане хорошо видны все четыре крестьянских двора с огородами, от которых шла узкая полоса их земли к краю озера и далее к югу лежал выделенный жителям Ивано-Ключевского участок¹.

За матерью и сыном Воскобойниковых в свою очередь оставалось земли под усадьбой и выгоном – 6 дес. 1400 саж., па-

¹ НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 11560 (план).

хотной – 50 дес., луговой – 20 дес., лесу – 84 дес. 1240 саж., неудобий – 6 дес. 2160 саж., всего – 168 дес. Половину оставшейся у Воскобойниковых части поместья составлял лес.

Были оговорены дополнения. «Находящиеся на земле владельцев крестьянские гумна и овины должны быть перенесены ими на их усадьбу без пособия со стороны владельцев». А водопоем из ключа, «резервуар которого находится на господской усадьбе», продолжали пользоваться с условием, «чтобы крестьяне содержали оный в чистоте и опрятности, в противном случае они должны сделать бассейн ниже на расстоянии около 15» сажень «из того же источника на своей уже усадьбе». То есть барское подворье и крестьянские дворы стояли поблизости.

Другой водопой в безымянном озере «вблизи самого жительства» крестьян, переходил в их исключительное пользование. Условия для временнообязанных крестьян (барщина и сроки внесения оброка) были такие же как в Михайловке.

Всё это обсудили на сходе в Ивано-Ключевском 30 августа 1862 года. Четверо домохозяев согласились, вместо них подписался волостной писарь Ипполит Козлов. Свидетели из Миловки (Николай Никифоров и Андрей Григорьев), Волковой (Николай Степанов и Пётр Фёдоров), Брюховой (Иван Петров) и Михайловки (Кузьма Осипов) подтвердили законность соглашения. Подписали и помещики, мать расписалась по-старинному.

Четыре двора (11 ревизских душ) Ивано-Ключевского 30 августа 1862 года стали временнообязанными крестьянами, исполняя помещикам сначала работы на барщине, затем перешли на оброк. В таком статусе жители сельца прожили более года.

Обременённые долгами Воскобойниковы затем предложили крестьянам взять четвертной дарственный надел. По закону сельчане могли получить $\frac{1}{4}$ от высшего надела (от 4,5 дес.) бесплатно и никаких выкупных платежей не платить. Помещики хотели удержать всю землю и выгодно её продать.

Это требование 30 января 1864 года мировой посредник Березовский предъявил крестьянам, те «не согласились», тогда чиновник дал им месячный срок до 1 марта, определиться – желают ли переходить на выкуп?

9 или 10 марта 1864 года состоялся сход в Ивано-Ключевском. Четверо домохозяев согласились приобрести (выкупить) землю в собственность, в течение 49 лет ежегодно они будут вносить по 7 руб. 20 коп. за каждый душевой надел, а всего за 11 наделов полагалось 79 руб. 20 коп. За неграмотных расписался житель Миловки Архип Родионов, в волостном правлении в Дмитриевке в тот же день заверили решение крестьян.

В отличие от Михайловки жители Ивано-Ключевского не

торопились выкупать землю. Мировой посредник Березовский изучил ситуацию: «Из собранных мною сведений оказалось, что крестьяне сельца Ивано-Ключевского, настолько состоятельны, что выкупной платеж могут вносить бездоимочно».

Дворянам оставалось согласиться. Бумаги подписывал сын Николай Иванович. От матери пришла доверенность, в конце которой говорилось: «Остаюсь любящая тебя мать Коллежская Советница Дарья Иванова Воскобойникова. Апреля 6 дня 1864 года. Город Вятка. Сия доверенность принадлежит Капитану Линейного Оренбургского батальона № 10 Николаю Иванову Воскобойникову». Заверили доверенность в Вятской полиции.

Если сын, Н.И. Воскобойников, нёс службу в расквартированном в Уфе на улице Александровской (совр. ул. К. Маркса) 10-м батальоне, то матушка проживала далеко, в Вятке (совр. город Киров). Она, видимо, была оттуда родом, вспомним, что покойный супруг врач И.Т. Воскобойников долго служил в Вятской губернии. Барская усадьба в Ивано-Ключевском приходила в запустение, временно наезжал сын-офицер.

А в Петербурге Главное выкупное учреждение при Санкт-Петербургской сохранной казне 24 сентября 1864 года разрешило выкуп с 1 ноября 1864 года¹. Выкупная сумма, которую получали Воскобойниковы и которую 49 лет будут выплачивать казне четыре семьи, устанавливалась в 1320 руб. Это были деньги, «за вычетом 1/5 части», видимо, дополнительного платежа помещики не получили. Дарья Ивановна просила деньги доставить ей «в г. Вятку». На старости лет она переехала туда насовсем.

Мать и сын Воскобойниковы в Уфимском казначействе получили 1050 руб. 5%-ными банковыми билетами, наличными – всего 70 руб. «и свидетельствами на получение с остальных по ссуде 200 руб. 5½% непрерывного дохода из казны по одиннадцать руб. в год».

В отличие от энергичного М.Н. Падейского Воскобойниковы почти всю сумму получили ценными бумагами. 5%-ные банковые билеты принимались к оплате при крупных сделках, они официально обращались наравне с деньгами, но для розничных покупок разменивались на наличные рубли. А биржевой курс не был постоянным, поэтому билеты принимали с дисконтом (ниже цены по номиналу, указанной на самом билете). Конечно, в конце года на них выдавали 5% дохода – с 1020 руб. причиталось 51 руб. Если банковые билеты не тратить вообще.

Последние крепостные в нашей округе были в сельце *Куровское*, Волково тож. В 1861 году здесь находились владения

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1864. 20 июня; 1865. 25 января.

дворян Волковых, которые проживали в деревне. Числились три помещика с числом прислуги в 7 чел. (5 муж., 2 жен.), 6 чел. (2 муж., 4 жен.) и 11 чел. (4 муж., 7 жен.). У первых владельцев имелись только дворовые, без крестьян (смотри выше).

Такая запутанная картина была связана с семейными разделами. Дети Виктора Ивановича Волкова от первой жены получили доли в поместье, видимо, из-за второго брака отца (детей там не было). Если сын Николай фактически не имел сначала отношения к имению (но именно ему отец потом завещает землю), то дочь Александра управляла своей частью поместья.

Александра Викторовна Левкович была замужем за ветеринарным врачом Оренбургской удельной конторы¹, в октябре 1865 года проживала в городе Златоусте. По X ревизии 1858 года за отцом, В.И. Волковым, числились 2 рев. души дворовых и 13 крестьян, за дочерью, А.В. Левкович, – 4 дворовых и 15 крестьян. Угодья не были разграничены.

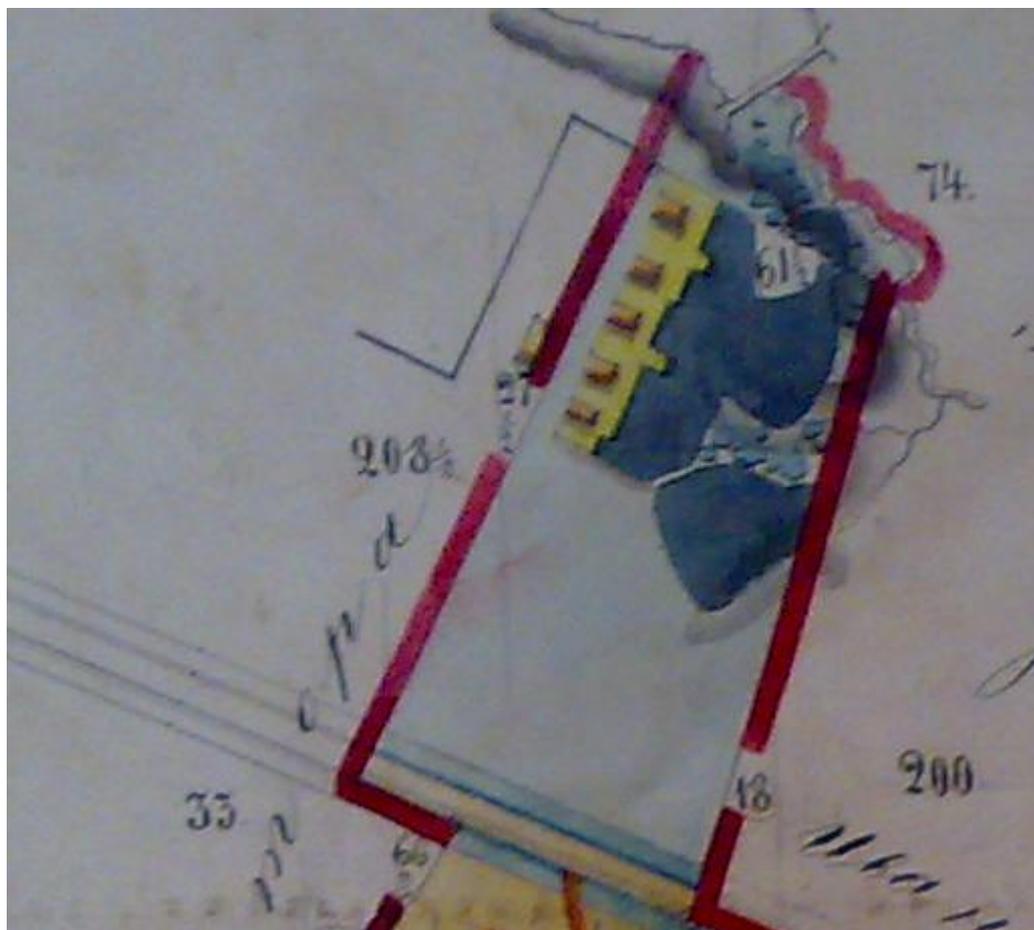
При этом земля досталась ей не отца, «а по духовному завещанию от матери её Татьяны Михайловны Волковой». Левкович назвала в документе мамой свою мачеху, вторую жену отца, которая воспитывала приёмную дочь. А родная мать (первая жена В.И. Волкова) Анисья (или Анастасия) Петровна Волкова завещала дочери «деревянный дом с таковым же флигелем и надворными строениями в г. Уфе», место под усадьбой и 1/14 долю «всех этих строений». Остальные 13/14 частей мать отписала сыну Николаю, который продал их сестре «по купчей крепости, совершённой в Бирском Уездном суде». К 1866 году вся уфимская усадьба принадлежала дочери, А.В. Левкович.

Семейство Волковых являлось людьми среднего достатка, за недвижимостью держались крепко. Проживали они в самом сельце Куровском. После реформы 1861 года все дворовые (6 рев. душ у отца и дочери) остались служить ещё на два года, до 19 февраля 1863 года. Более того, один крепостной крестьянин Левкович – Семён Васильев – ранее не пользовался землёй и от надела отказался, видимо, состоял при барской усадьбе.

Общее хозяйство послужило причиной, почему к августу 1862 года была составлена единая уставная грамота на всех крепостных (27 ревизских душ) В.И. Волкова и А.В. Левкович.

¹ Венчание состоялось 1 ноября 1859 г. в Ильинской церкви Уфы. Жених: старший ветеринарный врач Оренбургской палаты государственных имуществ 27-летний Валериан Левкович, католик. Невеста: 20-летняя дочь отставного надворного советника В.И. Волкова Александра Викторовна. Среди поручителей по невесте выступал брат Николай Викторович Волков. Родившаяся дочь Елена прожила только 3 года и умерла 1 декабря 1866 г. (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 42. Л. 407 об. – 408; Оп. 2. Д. 7. Л. 410 об.).

Всего в поместье было 1141 дес. 1258 саж. земли, в том числе лесу и кустарника – 831 дес. 1258 саж., под большой почтовой дорогой – 40 дес., лугов и сенокосов – 70 дес., пашни – 200 дес. Бывшим крепостным полагалось (по 4,5 дес. на ревизскую душу) 121,5 дес. (без 4,5 дес. Семёна Васильева).

План надела крестьян Волкова и Левкович. Селение Куровское. 1860-е годы (НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 12226)

Но в реальной жизни крестьяне имели земли «в разных местах разбросанных небольшими участками по всей даче» до 213 дес. Излишек в 91,5 дес. отрезался в пользу помещиков. Однако, крепостные из-за этого «не сделали возражений, потому что в их надел поступила одна только пахатная земля». Обменом угодий крестьяне остались довольны.

Жители деревни Куровской получили землю в одном месте, «начиная с окружной межи Пустоши помещицы Дмитриевой и пройдя» 378 саж., «повернуть влево прямою линиею» 140 саж., затем «сшед с канавы большой дороги сделать поворот по большой дороге тож влево и на» 33 саж. «повернуть вправо через большую дорогу, пройдя выгоном между поселением с правой стороны крестьянским в» 8 саж., а с левой помещичьим в 23 саж. «на угол крестьянского двора Константина Петрова» 208,5

саж., «улица же эта остаётся в общем пользовании как крестьян, так и владельцев, далее повернуть вправо вниз по речке Виловой, которая по этой линии должна служить границею, пройдя оною» 74 саж., «сделать поворот к большой дороге, а потом большою дорогою с окружной межи Пустоши Сухой речки, далее по ходу окружной линии настоящей дороги от выше писанной Пустоши и не доходя ямы, которая находится у лесу в» 63 саж., «сделать поворот вправо и одною прямою линиею примкнуться к столбу Пустоши помещицы Дмитриевой и на конец межею означенной Пустоши с первоначального пункта». Обмен угодьями с дворянами должен был завершиться «по окончании уборки» хлебов в 1862 году. План поместья был заказан помещиками.

Общий план надела крестьян Волкова и Левкович. 1860-е годы

Так как дворяне жили в Куровском очень давно, то постепенно застройка в сельце уплотнилась. Поэтому в уставной грамоте особо оговаривалось, что «подлежат перенесению усадьбы со всеми пристройками крестьян Николая и Виктора Степановых, Василия Васильева и Константина Петрова, так как они находятся на земле владельцев, а из числа строений владельцев подлежат перенесению: скотный двор, баня, овин и гуменник».

Водопой «в пруду, устроенном на Сухой речке», оставался

общим, если же Волковы «предполагают устроить на этом пруде мельницу или же по протяжению Сухой речки на другом новом пруде», крестьяне согласны, а сами не имеют права что-либо возводить. Выпас делится надвое, оброк по 9 руб., с барщины переходят на оброк 1 апреля и 1 октября, годовой платёж 243 рублей серебром. Крестьяне отвечают круговой порукой.

Это всё обсуждали в Куровском на сельском сходе 3 февраля 1862 года. Все согласились, оба помещика подписали уставную грамоту, значит зимой жили в деревне. Все домохозяева, а теперь временнообязанные крестьяне были неграмотные. За них расписался уфимский мещанин Ипполит Александрович Козлов. Всего в сельце Куровское (Волково тож) стояло восемь подворий, восемь глав семейств выходили из крепостного права: Николай Степанов, Леонтий Васильев, Сидор Никифоров, Пётр Фёдоров, Константин Петров, Василий Васильев, Виктор Степанов и Никонор Осипов. Присутствовали свидетели¹.

Далее бумаги успешно прошли все бюрократические процедуры. В июне 1862 года было добавлено приложение, крестьяне по-прежнему могли добывать в дворянских лесах отопление «из валежника, хвороста и сучьев, но отнюдь не на продажу», осенью и «с платою за каждую однополенную сажень» по 70 копеек, за сырорастущую уже по рублю. На каждый из восьми дворов полагалось по 80 саж. дров в год. Бумаги пошли в Петербург, но тут ситуация в Куровском поменялась.

Дочь и совладелица, А.В. Левкович, решила сдать свою часть имения в казну, как мелкопоместная дворянка (отец имел большое количество земли). Дело в том, что батюшка, Виктор Иванович Волков, был чересчур обременён долгами и судебными исками кредиторов. Дочь не пожелала платить за родителя из своего имущества (выкупных платежей с крестьян и недвижимости). На отце висели два старых дела².

Вторая супруга В.И. Волкова – Татьяна Михайловна (по первому мужу жена поручика Евграфа Алфёрова) с 1847 года пользовалась землёй (лугами, лесами) при сельце Ивановке (Атаево) к югу от Уфы. В мае 1850 года ей выделили угодья, но она продолжала косить сено, рубила дрова на чужих 300 дес. И в марте 1853 года титулярный советник Николай Дмитриевич Королёв с прочими родственниками подали на неё иск. За Т.М. Волковой при Атаево сохранялся участок до 1870-х годов.

Кроме того, за В.И. Волковым числилась земля к востоку от

¹ В том числе из Падейской (Михайловки) – Кузьма Осипов и Пётр Минаев.

² Шло также судебное разбирательство о спорных 18 дес., «принадлежавших будто-бы Г. Куровской, сестре Волкова», но в 1865 году оно было решено в его пользу.

Уфы, за речкой Уфимкой, южнее деревни Бурцево¹. Там уже не существовало поселения и землю (106 дес.) Волков продал жене надворного советника Марье Азиковой (жила в Бугурусланском уезде). Сделка оказалась неправильной, в сентябре 1856 года суд её отменил, а с Волкова постановили взыскать 677 руб. 27 коп.

Денег у Виктора Ивановича Волкова почему-то не оказалось. В октябре 1862 года даже вычли из его пенсии 228 руб. 58 коп. в уплату этого долга, остальные он просил взять из крестьянского выкупа, так как «уплатить не в состоянии по неимению у себя ни каких к тому средств». В январе 1863 года на торги были выставлены 70 дес. надворного советника В.И. Волкова при дер. Бурцево (Ивановка тож) за долг дворянам Азиковым. Дело тянулось до 1869 года.

Мудрая дочь, А.В. Левкович, чтобы не разделить с родителем выплату его долгов, решила отмежевать свою долю поместья. Тем более, что дети сами являлись кредиторами папы. Ещё 11 декабря 1861 года в Уфе отец взял займы у дочери 5 тыс. руб. на один год под залог 250 дес. земли при Куровском. А через несколько деньков, 19 декабря 1861 года, заложил всё своё остальное имущество сыну, коллежскому секретарю Николаю Викторовичу Волкову аж за 7 тыс. руб. серебряной монетой.

Анализ документов показывает, что вряд ли в руки отца перешли столь огромные суммы. По всей видимости, это были фиктивные закладные, дети подстраховались, чтобы папа не спустил всё имение, и уговорили / заставили того подписать бумаги². Когда стали оформлять выкуп за папиных крепостных, оба кредитора (дочь и сын) «изъявили согласие на утверждение выкупной сделки», то есть денег не требовали.

К тому времени, доченька, Александра Викторовна Левкович, благополучно в 1866 году сдала своих крепостных в казну за 2400 руб. (на 14 душ полагалось 63 дес.). Так население сельца Куровское разделилось, бывшие крепостные Левкович стали числиться государственными крестьянами (домохозяева на июнь 1866 года: Василий Васильев, Виктор Степанов, Николай Степанов, Евграф Николаев, Леонтий Васильев, Сидор Никоноров), а временнообязанными помещика В.И. Волкова числились Константин Петров, Пётр Фёдоров, Никонор и Егор Осиповы. Число дворов в Куровском с 1862 по 1866 годы выросло с 8 до 11. На общем сходе 15 июня 1866 года крестьяне согласились разделить землю. За неграмотных подписался П.А. Вавилов.

¹ См.: *Роднов М.И.* Указ. соч. С. 90.

² Правда, в 1866 году А.В. Левкович заявляла, что в 1861 году отец занял у неё наличных 5 тыс. руб. «и в обеспечение этой суммы дал ей» 205 дес.

Оставшиеся крестьяне перешли на выкуп в 1867 году, В.И. Волкову начисляли 1560 руб. Землю получали 13 рев. душ крестьян (58,5 дес., в том числе 1,5 дес. под оседлостью, остальное выгон и пашня). При этом В.И. Волков остался без дополнительного платежа (20% выкупной суммы), «не причитается, так как выкуп делается по требованию владельца».

Квитанция о переводе денег Волкову (НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2364. Л. 55)

В январе 1867 году в Петербурге утвердили выкуп за 1560 руб. крестьян сельца Куровского, бывших крепостных надворного советника Виктора Ивановича Волкова¹. На плане видно, что крестьяне (13 душ) получали землю в сельце справа от тракта, если ехать из Уфы, а пашня (57 дес.) лежала по другую сторону большой дороги. Рядом были угодья государственных крестьян. При этом отвели «под усадьбою 1 д. 1200 сажень», но «усадьбою пользуются как Госуд. крестьяне так равно В.-О. [вольноотпущенные] крестьяне, почему и выделена половина усадьбы, которая содержит в себе полторы десятины»².

Изучим теперь бухгалтерию выкупной сделки по сельцу Куровское. Из всей суммы в 1560 руб. В.И. Волков получил 5%-ными банковыми билетами 1100 руб. (один билет № 19248 в 1000 руб. и один сторублёвый билет № 99587). Ещё 400 руб. Волкову выдали свидетельством на получение 5½%-ной государ-

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1862. 22 сентября; Уфимские губернские ведомости. 1866. 1 января; 1867. 6 мая; НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 12226; Ф. И-10. Оп. 1. Д. 658. Л. 2-15, 19, 21; Д. 2364. Л. 2, 4-5 об., 9, 16, 38, 48, 57-58, 62, 81-82, 87.

² НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 12222.

ственной ренты, по которой помещику причитался непрерывный доход по 22 руб. ежегодно. И, наконец, оставшиеся 60 руб. Волков получил наличными, точнее 50 руб. 83 коп., ему уже начислили с 1 марта по 1 мая 1867 года 9 руб. 17 коп. процентов.

Если Волков просто хранил ценные бумаги у себя, в конце года он получал доход в 77 руб. (55 + 22). На такие барыши поместье содержать невозможно. Волков мог продать ценные бумаги, хотя бы и с дисконтом в 18% (меньше, чем по номиналу), их рыночная цена колебалась. Тогда он сразу выручил бы существенную сумму, но лишился при этом пусть скромного, но стабильного ежегодного дохода.

На получавшиеся помещиками выкупные платежи прожить было нельзя. Кто-то из дворян сразу обналичивал ценные бумаги, недолго купался в роскоши, а потом проваливался в бедность. Для большинства помещиков скромные поступления от выкупной сделки стали лишь подспорьем, главным становилось умелое, рациональное, предпринимательское ведение хозяйства. А господа были приучены к бесплатному труду крепостных...

Бывшие крепостные В.И. Волкова – 13 ревизских душ крестьян сельца Куровское – барину ничего уже не должны, все расчёты они вели с казной. Первый выкупной платёж за три месяца был в размере 15 руб. 60 коп., его требовалось внести до января 1868 года.

Все последующие платежи с 1 июля 1867 по 1 января 1916 года, то есть за 48,5 лет (или 97 полугодий) уплачивались в казну «вместе с податями» по 46 руб. 80 коп. за каждое полугодие. К 1 мая 1916 года государство должно было получить последний перевод в 31 руб. 20 коп. И всё. Крестьяне становились полноправными собственниками своей земли и могли с ней делать что угодно, продавать, дарить и пр.

Этот бухгалтерский расчёт действовал, однако, только в том случае, если жители Куровского «не делают особых взносов»¹. Крестьяне могли досрочно выкупить землю, когда жители рассчитались с казной, не известно. Всё зависело от материального положения хозяев. Судя по сделкам с наделной землёй, крестьяне примерно к 1908 году всё выплатили казне.

А в целом, именно в 1867 году все бывшие крепостные крестьяне округи стали собственниками своих угодий. Крепостная эпоха ушла в историю.

¹ Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2364. Л. 49, 52, 56.

§ 2. Судьбы дворянские

Единственными дворянами, на которых реформа 1861 года никак не повлияла, были Вавиловы. Крепостных у них не имелось. Зато оставались большие земельные владения. Вавиловы занимали своеобразное промежуточное положение, не случайно, именно Петру Андреевичу Вавилову крестьяне Михайловки доверили подписание и оформление выкупной сделки.

Сельцо *Вавилово* и окрестные земли делились на два полсельца – Вавиловское и Протопоповское. Многолюдность семейства дворян Вавиловых приводила к дальнейшему дроблению их владений. Кто-то продавал земли, кто-то, наоборот, увеличивал свои угодья. Часть Вавиловых жила в деревне, фактически занимаясь крестьянским трудом.

Территория самой деревни являлась бывшим владением коллежского секретаря Григория Тимофеевича Вавилова, а в июне 1865 года, когда землемер устанавливал границу (межу), собственниками считались Фиёна (Фиона) Семёновна Вавилова, неслужащие дворяне Андрей Гаврилович, Михайла, Ефим, Алексей, Василий и сёстры Устинья и Прасковья Ивановичи Вавиловы, а также дворянка Настасья Алексеевна Сокурова.

Их участок на берегу речки Сухой имел площадь в 4 дес. 178 саж., в том числе сенных покосов – 2 дес. 1258 саж., под речкою – 40 саж., и, самое главное, «под поселением, огородами, гуменниками и коноплянниками» было 1 дес. 1280 саж. Заметим, отсутствовала пашня.

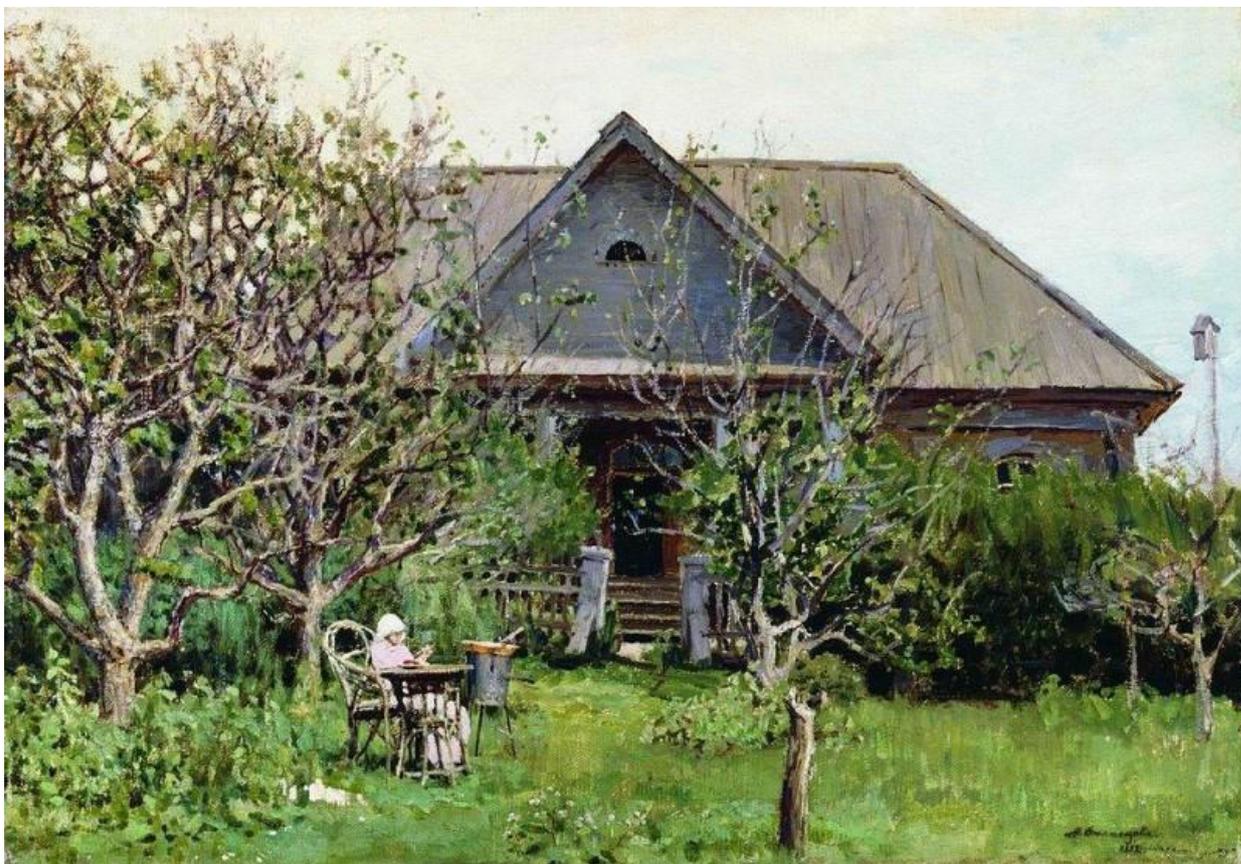
Землемер добавил, что на этом участке «в поселении стояло часть полсельца Вавилова, в коей крестьянских дворов нет, а жительствоуют сами владельцы». Эти Вавиловы постоянно обитали в деревне, наверняка, многие отличались скромным достатком.

Не случайно, при подписании плана межевания «вместо владельцев неслужащих дворян настоящей дачи Василья Иванова Вавилова и смежной Ефима Иванова Вавилова за неумением грамоте по личной их просьбе неслужащий дворянин Петр Андреев Вавилов руку приложил»¹. Дворяне были неграмотные, причём не женщины, которых учили дома, а мужчины. Яркое свидетельство «омужичивания» дворян.

Другая доля деревни входила в состав 2-й части полсельца, которая в июне 1865 года по-прежнему принадлежала неслу-

¹ НА РБ. Ф. И-351. Оп. 2. Д. 3102. Л. 1, 3–4. Свидетелями выступали крестьяне Михайловки (Пётр Минеев, Иван Ильин, Сергей Евдокимов), сельца Воскобойникова (Прокопий Андреев, Иван Николаев), Куровского (Сидор Никифоров, Леонтий Васильев).

жащему дворянину Василию Ивановичу Вавилову (скорее всего, это полный тёзка вышеназванному В.И. Вавилову). Его собственностью считалась 1 дес. под поселением, огородами и пр., вероятно, это была его усадьба. Землемер добавил, что внутри межи «крестьянских дворов не имеется, а живут сами владельцы».

Ап.М. Васнецов. За варкой варенья. 1892 год

Кроме того, второй В.И. Вавилов владел пашней (14 дес. 308 саж.), санными покосами (1 дес. 1380 саж.), часть земли лежала под просёлочной дорогой (1080 саж.) и речкой Виловатой (100 саж.), итого – 17 дес. 468 саж. И снова за неграмотных владельца и свидетелей расписался П.А. Вавилов¹.

3-я часть полсельца Вавилова в июне 1865 года также оставалась за дворянкой Настасьей Алексеевной Сокуровой. Видимо, она проживала в деревне вместе с другими Вавиловыми (см. выше), но дополнительно имела отдельный ненаселённый участок в 17 дес. 524 саж. Он состоял из пашни (11 дес. 610 саж.), сенокосов (100 саж.), дровяного лесу (4 дес. 1384 саж.), столбовой дороги из Уфы в Бирск (1 дес. 360 саж.), просёлочной дороги из Красного Яра в Уфу (270 саж.) и речки Виловатой (200

¹ Там же. Д. 3103. Л. 1, 3 об. – 5.

саж.)¹. Скорее всего, хозяйка сдавала пашню в аренду окрестным крестьянам, а может и родственникам Вавиловым.

В 1874 году в Уфимской губернии вводилось земство – местное самоуправление, в состав избирателей включали только по имущественному цензу (определённое количество земли или иной недвижимости). В списке крупных (свыше 250 дес.) частных землевладельцев по Уфимскому уезду встречаем лишь Татьяну Даниловну Вавилову. У неё оказалось несколько участков в разных волостях, в том числе 18 дес. 134 саж. при деревне Вавиловой² (8-я часть полсельца).

К 1862 году в её собственности оказалось также поместье в деревне Бурцево, к востоку от города, в Зауфимье. Дела вёл её супруг титулярный советник Иван Фёдорович Вавилов. Это имение семья сохранила за собой до Первой мировой войны, затем владельцем был коллежский ассесор М.И. Вавилов³.

В избирательном списке за 1881 год⁴ Т.Д. Вавилова значится только как собственница 659 дес. 104 саж. в Нагаевской волости Уфимского уезда (земли к западу от Уфы у неё уже не было). Зато среди мелких землевладельцев, избравших депутатов по отдельному списку, состояли:

Вавилов Алексей Семёнович – 216 дес. 2348 саж. в Дмитриевской и Богородской волостях;

Вавилова Елена Петровна – 100 дес. при с. Куровском;

Вавилов Никон Александрович – 32 дес. 2377 саж. при дер. Якшивановой и Вавиловой;

Вавилова Петра наследники – 17 дес. 1944 саж. при дер. Вавиловой.

Во второй половине XIX столетия некоторые Вавиловы продолжали оставаться в рядах мелких помещиков, остальные либо совсем «омужичились», либо переехали в город. Так, по данным городской переписи 1879 года в Уфе в собственности Вавиловых находилось 12 домовладений (дворян и возможных однофамильцев из других сословий).

Причём чётко видна концентрация Вавиловых в районе улиц Малой Вавиловской, потом просто Вавиловской (ныне Зенцова), она начиналась возле Белой, а также Большой Вавиловской. На 1879 года это было продолжение улицы Голубиной

¹ Там же. Д. 3104. Л. 1–2, 4 и об.

² Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 72.

³ Роднов М.И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север. Уфа, 2017. С. 90–91.

⁴ Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение.

(Пушкина) после Верхне-Торговой площади. Видимо, перебившиеся в город дворяне Вавиловы издревле селились здесь (на Вавиловской горе, если подниматься из Нижегородки), куда шла дорога с Вавиловской переправы.

По переписи 1879 году в Уфе проживали домовладельцы Прасковья Вавилова (угол улиц Тюремной и Малой Вавиловской), наследники Екатерины Вавиловой на Старой Жандармской, Христинья Вавилова имела два обширных участка (дом и флигель) почти во весь квартал по улице Тюремной (от Никольской до Малой Вавиловской), Анна Вавилова и Фёдор Вавилов на улице Каретной, Алексей Вавилов на улице Никольской, Елена Вавилова (две усадьбы на углу Почтовой и Малой Вавиловской), Анна Вавилова (угловая усадьба на Малой и Большой Вавиловской). Рядом в Нижегородке проживала Екатерина Вавилова. Лишь Михаил Вавилов обосновался в престижном районе на улице Большой Казанской (выше перекрёстка со Спасской)¹.

Отдельные представители рода Вавиловых занимали должности в среднем звене управленческого аппарата. Наибольших успехов добился коллежский ассесор Михаил Иванович Вавилов. На 1883 год он являлся секретарём Дворянского депутатского собрания и заседателем в Дворянской опеке, почётным мировым судьёй Уфимского уезда, избирался депутатом (гласным) Уфимского уездного земства.

Кроме того, в 1883 году в палате уголовного и гражданского суда помощником прихода-расходчика работал канцелярский служитель Александр Иванович Вавилов, исполняющим должность судебного следователя 2-го участка Уфимского уезда был надворный советник Иван Михайлович Вавилов, архивариусом Уфимской духовной консистории (орган управления православной церкви) служил коллежский регистратор Павел Михайлович Вавилов. Наконец, в членах благотворительниц дамского отделения Уфимского попечительного о бедных комитета состояла Калерия Петровна Вавилова². В каких отношениях они были с родственниками из полсельца Вавилово, не известно.

Вавиловы как мелкие частные землевладельцы не часто попадали на страницы документов. Но в 1895–1896 годах прошла

¹ Гурвич Н.А. Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа, 1883. Отдел IV. С. 46, 51, 61, 78, 93, 122, 133, 138–139, 239 (Тюремная – совр. Достоевская, Старо-Жандармская – Крупская, Никольская – М. Гафури, Каретная – Аксакова, Почтовая была возле спуска у совр. памятника С. Юлаеву).

² Там же. Отдел I. С. 10, 30, 32, 40, 83, 110–111.

первая земская перепись, из которой узнаём про абсолютно всех собственников в Дмитриевской волости Уфимского уезда. Тут все Вавиловы и предстали (н-ки: наследники)¹:

№	Владелец земли	Сословие	Угодья (дес.)
1	Вавилова н-ки: Пугина В.Ф., Попова Е.Ф.	крестьяне ²	25 пашни, 5,14 кустарника, 1,26 неудобий, итого 31,4
2	Вавилов А.С. (Алексей Семёнович?)	дворянин	8 усадьба, 63 пашни, 15 покоса, 25 дровяного леса, 68 кустарника, 10,18 неудобий, итого 189,18
3	Вавиловы Г. и Н., Алеманова А. и Халтурина Т.	дворяне, мещане	0,15 усадьба, 0,85 выгона, 4,5 пашни, 3,5 кустарника, итого 9
4	Вавилов Н.А.	дворянин	8 пашни, 0,53 неудобий, итого 8,53
5	Вавиловы А. и П.В-чи	дворяне	2 усадьба, 15 пашни, 0,2 неудобий, итого 17,2
6	Вавилов А.Н.	дворянин	0,5 усадьба
7	Вавиловы А.В., П.А. и Ф.Е.	дворяне	9 пашни, 0,03 дровяного леса, 4,49 кустарника, 1,1 неудобий, итого 14,62
8	Вавилова Д.А.	дворянка	1 усадьба
9	Вавилова С.Д. н-ки	дворяне	0,98 выгона, 2,77 пашни, 0,02 неудобий, итого 3,77
10	Вавилова О.П.	дворянка	58 пашни, 38 кустарника, 4 неудобий, итого 100
11	Вавилова Н.С. н-ки	дворяне	0,5 усадьба, 1,5 пашни, 2 дровяного леса, итого 4
12	Вавиловы М., П., П., П., Ф. и Галкин-Врасский М.Н. (владелец Алексеевки)	дворяне	0,54 усадьба, 3,52 выгона, 0,01 неудобий, итого 4,07
13	Вавиловы М., П., П.А-чи	дворяне	8,52 пашни, 2 дровяного леса, 1,76 неудобий, итого 12,28
14	Вавилов П.А.	дворянин	17,58 пашни, 0,23 неудобий, итого 17,81
15	Вавилова Е.А.	дворянка	39 покоса, 1 неудобий,

¹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Свод экономических данных по губернии. Часть II-я. Список земельных владений губернии. Уфа, 1901. С. 66–67.

² Дочери-дворянки вышли замуж за крестьян.

			итого 40
16	Вавиловой С.С. н-ки	дворяне	16 пашни, 18 кустарника, 0,53 неудобий, итого 34,53

В этой таблице показаны все дворяне землевладельцы Вавиловы Дмитриевской волости, но многие из них имели землю возле деревень Начапкино и Ветошниково, а не при Вавилово.

Хотя некоторые Вавиловы смешивались с крестьянами и мещанами, большинство сохранило принадлежность к дворянскому сословию. У семерых имелась усадьба, значит они здесь проживали. Двое обладали только усадьбой, видимо, уже летняя загородная дача. Серьёзных землевладельцев (свыше 100 дес.) всего двое, пятеро имели немало пашни.

Мелкопоместные дворяне Вавиловы цепко держались за свои небольшие земельные владения, сокращавшиеся и дробившиеся между наследниками. Но вблизи города земля росла в цене, деревушка лежала на оживлённом тракте, по которому за несколько часов можно было легко доехать до Уфы.

Рядом с ними обосновались, видимо, породнившиеся дворяне Сокуровы. В 1865 году Н.А. Сокуровой принадлежало свыше 17 дес. земли. Многочисленное и в общем преуспевавшее семейство во второй половине XIX века скупало здесь уголья и на 1895–1896 годы в Дмитриевской волости находились уже шесть владений Сокуровых¹.

Судя по всему их земли раскинулись от Вавилово до Якшиваново. Так, в 1881 году участок в 29 дес. 1899 саж. при Якшивановой имел Михаил Андреевич Сокуров². Мелкое частное землевладение в пореформенный период в окрестностях Уфы успешно развивалось, строились новые усадьбы.

Вторая часть сельца Вавилово находилась в руках семейства Протопоповых, трёх братьев, из которых лишь одному принадлежало ранее немного крепостных людей. Владения Протопоповых представляли из себя лежавшие рядом вытянутые участки земли к западу от сельца Вавилово, за трактом в Бирск³.

Они (Николай⁴, Алексей и Иван Павловичи Протопоповы)

¹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Часть II-я. С. 72–73.

² Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение.

³ См. напр. планы участков братьев Протопоповых за 1859 год (НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 13572, 13573, 13575–13577). Земля под самим поселением (выгон и усадьба) в сельце Вавилово находилась в общем владении.

⁴ Возможно, «нашему» Николаю Павловичу Протопопову также принадлежал небольшой участок земли в Зауфимье, при дер. Калтыманово, который он унаследовал от жены Раисы Дмитриевны, урождённой Ахмаметовой

указывались собственниками земли при межевых измерениях до 1875 года¹, но в реальности произошли большие перемены. Уже к 1863 году имение А.П. Протопопова отошло к его дочери Екатерине Алексеевне, в замужестве Ляминой. Ей также принадлежала часть самого сельца с огородами. К 1872 году своему единственному бывшему крепостному она отдала эти огороды в Вавилово с пашней и болотцем. За самой Ляминой оставалась земля южнее². По списку землевладельцев-избирателей за 1874 год значатся другие дворяне Протопоповы, потомков наших, включая Лямину, нет. Они исчезают из истории.

Иная ситуация была в соседнем сельце *Куровское*, название которого постепенно заменялось на Волково, по фамилии обосновавшихся там дворян. Надворный советник Виктор Иванович Волков выделил своим детям (Николаю и Александре) землю.

В начале 1870-х годов в сельце Куровском проходило размежевание земли, которая подразделялась на три части³. 1-я часть по-прежнему находилась в руках надворного советника Виктора Ивановича Волкова и жены его (третьей по счёту) Александры Васильевны Волковой. В Ильинской церкви Уфы 19 января 1862 года 60-летний надворный советник Виктор Иванович Волков обвенчался с 29-летней вдовой подпоручика Александрой Васильевной Неводчиковой⁴.

Им принадлежала западная доля бывшего обширного владения Куровского вплоть до речки Васильевки, владений деревень Брюховой (Дмитриевки) и Рысаевки (Николаевки), к северу граничили угодья крестьян Подымалово и Красного Яра.

Женившийся на старости лет В.И. Волков, видимо, столкнулся с недовольством детей, в первую очередь сына, в связи с появлением новой наследницы. Поэтому 20 ноября 1869 года муж, В.И. Волков, продал жене, А.В. Волковой, 250 дес. земли при сельце Куровском за 5 тыс. руб. Скорее всего, сделка была фиктивной ради передачи имущества третьей жене при жизни престарелого супруга.

Хотя 27 апреля 1870 года по суду А.В. Волкову ввели во

(Роднов М.И. Указ. соч. С. 62, 64). В семье титулярного советника Николая Павловича Протопопова и Елизаветы Петровны 21 ноября 1863 г. родилась дочь Екатерина (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 4. Л. 375 об.). Крестили малышку 26-го в Спасской церкви Уфы. Возможно, Протопоповы жили в Вавилово, откуда через пять дней после родов привезли девочку в храм.

¹ НА РБ. Ф. И-351. Оп. 2. Д. 3544. Л. 1 об., 3.

² Там же. Оп. 1. Д. 10825 (план).

³ Здесь и далее: Там же. Оп. 2. Д. 3542. Л. 1–8 (поняты были из Подымалово, из Старо-Вавилово – только Максим Герасимов). Сохранился план межевания (Там же. Оп. 1. Д. 12228).

⁴ Там же. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 3. Л. 117 об.

владение, но землемеры никак не могли установить точные границы, отмежевать её уголья от соседнего поместья сына старого супруга – коллежского секретаря Н.В. Волкова, который, жаловалась мачеха, «причиняет мне разные помешательства в хозяйстве». В результате новая помещица обратилась к царю.

Ап.М. Васнецов. Абрамцевские дали. 1880-е

В своём прошении от 19 апреля 1871 года она указывала, что надворный советник Виктор Волков (муж) «крепко болен, восемь месяцев не встаёт с постели от паралитического припад-ка, лишившего его владения правой руки и ноги, находится в преклонных летах». Подписавшись, А.В. Волкова добавила, что «жительство имею на Ильинской улице в доме чиновника Кини-шенцова в 1-й части г. Уфы»¹. А 7 ноября 1871 г. в возрасте 72 лет надворный советник и кавалер Виктор Иванович Волков скончался от паралича. Отпевали девятого в Ильинской церкви². Согласно городской переписи 1879 года Волковой Александре принадлежало домовладение по улице Большой Ильинской (Ва-лиди) в квартале от Малой Ильинской (Воровского) до Спасской³.

¹ Там же. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 241. Л. 1-2, 4-5, 7.

² Там же. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 12. Л. 144 об.

³ Гурвич Н.А. Указ. соч. Отдел IV. С. 149.

Судя по всему, справиться с противодействием сына, Николая Викторовича Волкова, очередная мачеха не сумела. По данным за 1881 год за Александрой Васильевной Волковой состояла лишь земля (69 дес. 148 саж.) в Зауфимье, при деревне Куяново¹. Имение при Куровском продано.

Хозяином родовой усадьбы остаётся Николай Викторович Волков с семейством. Его жена, Евфимия Андреевна Волкова, 17 декабря 1869 года покупает у сестры мужа Левкович 10 дес. земли под усадьбой и выгоном² (видимо, её доля в самом сельце).

На 13 июня 1875 года в хозяйстве Волковых числилось под пашней 73 дес. 400 саж., сенокосом – 200 дес. 276 саж. и ещё 27 дес. 1400 саж. занимал сенокос с дровяным лесом. Большую часть поместья занимал строевой и дровяной лес (685 дес. 1074 саж.), под просёлочными дорогами находилось 4 дес. 1200 саж., под большой дорогой в Бирск – 20 дес. 1200 саж., под речками и полуречками ещё 1 дес. 1650 саж. Наконец, одну десятину занимало поселение. Всего имение Волковых охватывало площадь в 1014 дес. (по другим сведениям, в двух участках насчитывалось 1128 дес. 452 саж.).

Стояла барская усадьба, но межевой план подписал только коллежский секретарь Николай Викторович Волков за себя и за свою супругу Афимью Андреевну. На плане в сельце Куровском выделяются два г-образных строения, одно большое в центре, второе на краю поселения, возле речки Виловатой. Возможно, это усадебный комплекс Волковых.

По городской переписи 1879 года Виктору Волкову в Уфе принадлежала усадьба в престижном районе на улице Большой Казанской (Окт. революции), в квартале между улицами Спасской (Новомостовой) и Телеграфной (Цюрупа), ниже здания пожарной части, в самой середине квартала³. По сведениям уфимских краеведов дом В.И. Волкова, ориентировочно 1870-х годов постройки, это современное сохранившееся кирпичное двухэтажное здание по адресу: улица Октябрьской революции, 28. В конце XIX века здесь размещалась фотография Ф. Анисимова, куда в начале 1891 года заглянул молодой и тогда никому не известный Фёдор Шаляпин, чтобы заказать свой портрет⁴.

На 1881 год собственником 629 дес. 1200 саж. земли при Куровском был один Николай Викторович Волков, ещё Афимье

¹ Здесь и далее сведения о количестве земли на 1881 год: Уфимские губернские ведомости. 1881. 21 марта. Приложение.

² НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 508. Л. 4 об. – 5.

³ Гурвич Н.А. Указ. соч. Отдел IV. С. 129.

⁴ Егоров П., Чечуха А. Путеводитель по исторической части Уфы. Уфа, 2017. С. 139.

Андреевне Волковой при Куровском принадлежало 200 дес.

По переписи 1895–1896 годов дворянину Н.В. Волкову принадлежал в Дмитриевской волости один участок, а жене коллежского советника Е.А. (Евфимии Андреевне) Волковой – два. Супруги юридически разбили свои владения. Видимо, муж, Н.В. Волков, имел проблемы со здоровьем и заранее самые дорогие земли – основную часть пашни со старинной родовой усадьбой перевели на имя жены.

За Н.В. Волковым числилась большая часть поместья – 585,46 дес. (пашни – 40, покоса – 10, леса строевого – 170, леса дровяного – 250, кустарника и зарослей – 103, неудобий – 12,46 дес.). Первый участок супруги был площадью в 151 дес. и только пашни. Ей же принадлежал третий участок в 10 дес. (усадебная – 2,67, выгон – 2, пашни – 4,06, неудобий – 1,27 дес.).

В Куровском сохранялся комплекс барского поместья с жилыми и хозяйственными строениями, возможным садово-парковым ансамблем¹. При этом, площадь пахотных земель у Волковых увеличилась по сравнению с 1875 годом. Были приобретены дополнительно земли (возможно, сестры).

В 1882 году в Куровском случился очень сильный пожар. Сгорели крестьянские и дворянские постройки, погибли документы. В июне 1883 года с просьбой о выдаче копий поступило заявление от «опекунши над именем малолетних детей Коллежского Секретаря Николая Викторовича Волкова, вдовы Афимии Андреевны Волковой». Значит, Николай Викторович Волков скончался к началу 1880-х годов. Семья жила в деревне, в 1883 году помещица Волкова спорила с мужиками «о водопое»². К началу XX века была продана городская усадьба Волковых на улице Большой Казанской (Окт. революции). Поместье оставалось во владении наследников, почему в 1890-е годы продолжало числиться за умершим Н.В. Волковым.

По всей видимости, Николай Викторович Волков не оставил (или не сохранились, сгорели?) документы на поместье. Только 17 / 31 мая 1911 года суд выдал крепостное свидетельство «о признании за ними права собственности по давности владения». Только таким образом сыновья Пётр, Андрей и Иван Николаевичи и вдова Евфимья Андреевна Волковы были признаны хозяевами земли (507 дес. стоимостью 10 265 руб.)³.

После наделения крестьян землёй за дочерью В.И. Волкова

¹ Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Указ. соч. С. 195; Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Часть II-я. С. 66–67.

² НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2364. Л. 122, 123.

³ Там же. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 508. Л. 1 об. – 2.

Александрой Викторовной Левкович числилась пустошь Сухоречка, к югу от сельца за большой дорогой¹. На 1874 год при дер. Волковой (Куровское) за Левкович и Волковым состояло 1020 дес. 58 саж. Но затем дочь уже не фигурирует среди местных землевладельцев, так как 30 марта 1867 года коллежская ассесорша Александра Викторовна Левкович в возрасте 29 лет скончалась от чахотки². Земля, возможно, перешла брату.

Наконец, возле Куровского лежало ненаселённое владение площадью 102 дес. 75 саж. На июнь 1875 года оно по-прежнему числилось за губернской секретаршей Олимпиадой Ивановной Куровской. Её земли выходили к речке Васильевке в сторону Дмитриевки. Через них пролегли просёлочные дороги отсюда в Вавилово и Куровское, а также бывший тракт из Уфы в Бирск.

Освоенных угодий было немного: пашня (2 дес. 2000 саж.), сенокосы (7 дес. 1300 саж.), покосы с дровяным лесом (11 дес. 1950 саж.). Основную часть занимал дровяной лес по суходолу (77 дес.) и болоту (1 дес.), под просёлками было 1 дес. 1275 саж., под половиной речки Васильевки 750 саж. При подписании межевого плана владелица не присутствовала, за неё расписался сосед Н.В. Волков³. Затем землю она продала (большую часть соседке Дмитриевой, у которой потом купил купец Ф.Е. Чижов⁴). На 1881 год среди собственников О.И. Куровской не было.

Возле сельца *Михайловки* (Падеевки), что лежало рядышком с Вавилово, раскинулось имение самого энергичного помещика округа Михаила Никифоровича Падейского. Барин быстро сориентировался в новой обстановке, понял, что в условиях рыночной экономики его ждёт крах. Не забудем, за М.Н. Падейским числилось более крупное имение возле Стерлитамака⁵.

И в 1862 году в газете появилось объявление о продаже имения подполковника Падейского в сельце Михайловка на 9-й версте от Уфы по Сибирскому тракту. Поместье продавалось с «господским деревянным домом и всею в нём мебелью и зеркалами, со столовою и чайною – каменною⁶ и стеклянной посудой; с кухонной металлической посудой; с двумя отдельными избами со всеми хозяйственными принадлежностями и посудой; с банею; с зерновыми в двойной связи и отдельным мучным амбарами, с двухгодовым в них урожаем хлеба; с двумя погребями и

¹ Там же. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 12226 (план).

² Там же. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 8. Л. 382 об.

³ Там же. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 12229 (план); также: Оп. 2. Д. 3544. Л. 1–10.

⁴ Там же. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 508. Л. 6 об.

⁵ Падейскому ещё принадлежала доля в небольшом поместье при сельце Борисово, Кособрюхово, к северу от Уфы (*Роднов М.И.* Указ. соч. С. 143).

⁶ Фарфоровой, фаянсовой.

со всею в них хозяйственной каменной и деревянной посудой, со скотною избой в общей связи с сараем. [...] Каретник в общей связи с двумя конюшнями; три отдельных сарая; рига и деревянный близ неё ток. Все помянутые строения из соснового и елового леса. – Все выездные и хозяйственные экипажи как зимние, так и летние. – Фруктовый сад с двумя грунтовыми сараями, парниками, теплицей, со всеми садовыми орудиями и небольшим пчельником»¹.

Сделку провернули быстро. Уже в августе 1862 года в межевой книге записали о земле: «на которой в поселении состоит деревня Михайловка бывшего владения Полковника Михаила Никифоровича Падейского, а ныне кандидата комерции Михаила Петрова Кекишева»². Землю при Михайловке приобрёл известный уфимский купец М. Кекишев.

Крестьяне, видимо, зная, что барин избавляется от поместья и уезжает насовсем, задержали уплату дополнительного платежа в 105 руб., «за неимением налицо денег». Падейский жаловался, требуя в феврале 1863 года также вернуть «занимавшими у меня хлеб: Моисеем Киреевым 10 пуд. полбы, а Фёдором Фёдоровым 6 пуд. гречи, 10 пуд. полбы и 11 пуд. ржи»³.

Падейский в канун отмены крепостного права обустроивался в Михайловке основательно. Видимо, здесь планировалась главная семейная усадьба. Создавалось всё на пустом месте, ранее ничего не было. В результате возник маленький шедевр, много говоривший о самом владельце, его культурном уровне, интересах и предприимчивости барина.

Судя по плану, составленному уже в ноябре 1862 года, когда имение Падейского перешло к купцу М.П. Кекишеву, барская усадьба располагалась южнее самого сельца Михайловки, ближе к тракту: «в поселении состоит деревня Михайловка в коей в поселении состоит один Господский дом».

Барский жилой дом был выстроен «покоем», в форме буквы «п» и окружён двумя вытянутыми строениями явно хозяйственного назначения. Сзади (на восток) раскинулся обширный сад, в котором не указаны водоёмы⁴.

Даже после продажи поместья, усадебный комплекс сохра-

¹ Оренбургские губернские ведомости. 1862. 7 апреля. Падейский также продавал 30 дес. незаселённой лесной земли на правом берегу Белой близ дер. Непейцевой. А в Уфе – «каменный дом со всею мебелью, зеркалами и стенными украшениями; со всеми городскими экипажами, тремя лошадьми и с простой и наборной сбруей». За всё просил 10 тыс. руб. Без долгов.

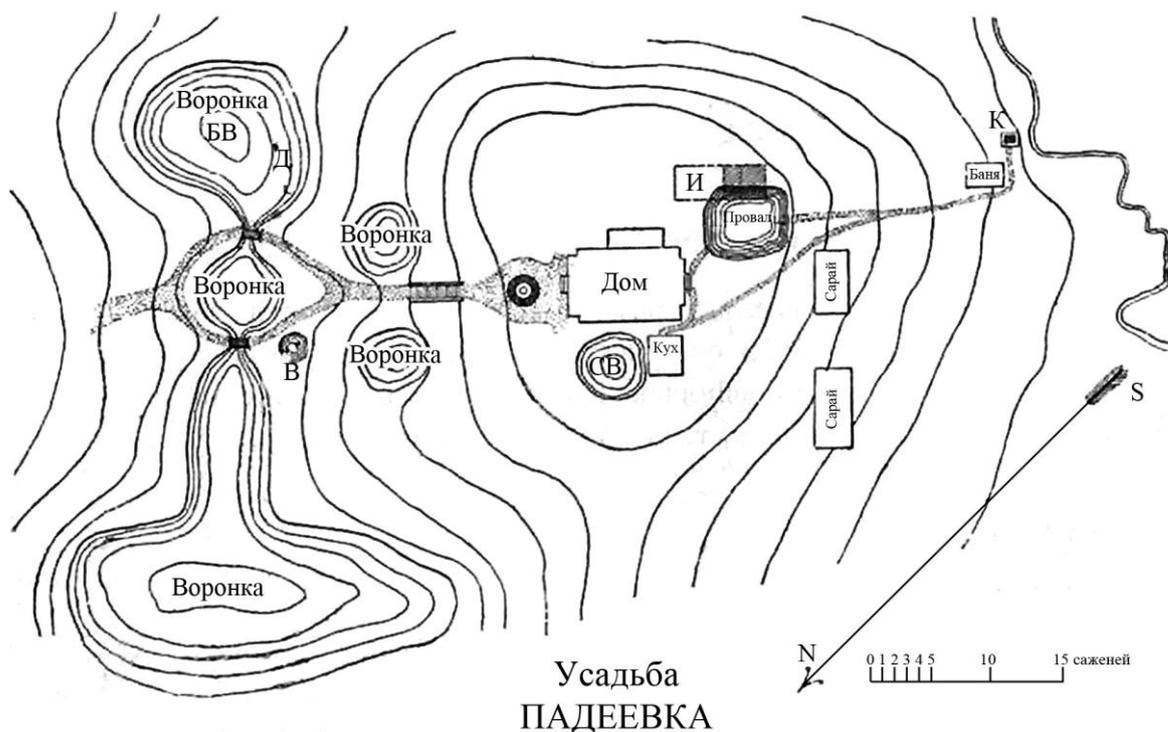
² НА РБ. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 142. Л. 62.

³ Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2359. Л. 35–36.

⁴ Там же. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 142. Л. 75.

нялся долгие десятилетия, переходя из рук в руки. Спустя 30 лет творчество Михаила Никифоровича Падейского привлекло внимание современников, как один из уникальных образцов садово-паркового дизайна в окрестностях Уфы. Можно предположить, именно благодаря этому маленькая уютная усадебка Падейских прожила столь долго и не была разрушена.

Сохранилось подробное описание бывшего имения Падейского¹. В 1890-е годы два инженера-путейца Д.А. Иванов и К.В. Лавров совершили поездку с целью изучить карстовые воронки или так называемый «падеевский провал». Проследуем вслед за ними: «По Бирскому тракту от плашкоутного моста на Белой² надо ехать речными террасами по левому берегу реки и вдоль её прежней протоки лукою (ныне зимняя стоянка речных судов), подаваясь на NW от г. Уфы. Проехав небольшой выселок в один ряд домов на большой дороге, именуемый Киржацким, хотя в нём нет ни одного старовера, едем всё старинным трактом, усаженным по сторонам берёзами, в общем не более 7–8 вёрст от ст. Уфы, поднимаемся над низиной и у самого тракта справа достигаем бывшего поместья Падеевки, с часовней³ у самого свертка [поворота].

¹ Роднов М.И. Усадебный мир помещиков Уфимского уезда в 1861 году // Река времени. 2012: Мир южноуральской усадьбы / Отв. ред. Ю.М. Абсаямов, М.И. Роднов. Уфа, 2012. С. 124–126.

² Вавиловская переправа, дорога шла по совр. улице Ахметова.

³ Скорее всего, простой деревянный поминальный крест.

через много лет, именице в Михайловке (Падеевке) состояло из сравнительно небольшого деревянного дома, хозяйственных построек крестьянского типа, маленьких сада и парка.

Две схемы показывают расположение построек. На первой схеме видны слева три соединённых мостиками воронки, заполненные водой, – падеевское «Монрепо»¹. От него дорога вела на холм, перед подъёмом к барскому дому был разбит садик. Возле дома располагалось отдельное здание кухни, сзади изба (на схеме обозначена буквой «И») и два сарая. В самом конце усадьбы, на спуске с холма находились колодец («К») и рядышком небольшая баня. Внешний вид мелкопоместной усадьбы, как её увидели инженеры-путейцы, показан на второй схеме.

В южной части современной деревни Вавилово, около переплетений улицы Первомайской существует озеро. Возможно, это остатки бывшего «Монрепо» М.Н. Падейского.

Путейцы упомянули следующих владельцев «Монрепо» – какого-то немца и Мартемьяна Васильева. Действительно, в январе 1875 года Кекишев продал землю дворянину Брейдигаму (он купил ещё участок леса у Воскобойниковых), а тот в октябре 1887 года перепродал поместье уфимскому купцу 2-й гильдии Мартемьяну Степановичу Васильеву. Владение включало два участка – в 124 дес. 981 саж. одного леса, а на следующем в 240 дес. имелись усадьба в 1 дес., пашни 82 дес., 4 дес. сенокосов и лес., всего – 364 дес. 981 саж. Эти угодья в январе 1915 года унаследовала по духовному завещанию дочь купца жена уфимского мещанина Елена Мартемьяновна Алексеева². То есть падеевское «Монрепо» просуществовало до начала XX века.

Причудливое поместье свидетельствовало о незаурядном характере владельца, который пытался приспособиться к новым условиям рыночной экономики. Вероятно, он основное внимание сосредоточил на южных землях³. В 1868 году М. Падейский вместе со стерлитамакским помещиком А. Левашёвым открыл в

дороге. СПб., 1899. С. 35–37.

¹ Монрепо – знаменитая усадьба баронов Николаи под Выборгом (см.: Монрепо: Альманах / ред.-сост. Ефимов М.В., Мошник Ю.И. Выборг, 2010).

² НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 483. Л. 8 об. – 9.

³ Остатками владений семьи были земли в Стерлитамакском уезде, сохранившиеся за ними в 1897 году. Так, М.Я. Падейской принадлежало 500 дес. леса в Кальчир-Табынской волости. А за наследниками М.М. Падейского числились 40,88 дес. в Кармышевской волости, 202,8 дес. (усадьба – 0,2) в Куганакской и 21,27 дес. в Резановской волостях (Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Часть II-я. С. 220–221, 228–229, 232–233, 262–263). Участок земли в Стерлитамакском уезде числился за дворянкой Надеждой Васильевной Падейской до 1900 года (см.: НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 3072).

Стерлитамаке кумысолечебное заведение. Правда, они быстро разорились, так как не было притока отдыхающих. Надежды на открытие движения дилижансов от Набережных Челнов до Уфы и Стерлитамака, а также рейсов двух пароходов от Челнов до Уфы в 1868 году не оправдались¹. Столь необычная идея показывает незаурядный характер бывшего михайловского барина.

Судьба семейства восстанавливается в общих чертах. Немало материалов о них собрали уфимские краеведы Г.Ф. и З.И. Гудковы в своей картотеке², обратив внимание на родство Падейских с известной уфимской фамилией Барсовых, из которой происходил краевед Николай Николаевич Барсов (1901–1981).

М.Н. Падейский женился вторично. 19 апреля 1859 года в Покровской церкви Уфы 48-летний уволенный из корпуса лесничих подполковник Михаил Никифорович Падейский венчался с 20-летней и уже вдовой губернской секретаршей Варварой Гавриловной Пироговской³.

Родились дети: Надежда (24 января 1860 года), Андрей (26 ноября 1862 года), восприемниками при крещении которых в уфимских Сергиевской и Троицкой церквях выступали старшие сестра и брат Наталья и Михаил (дети от первого брака).

17-летняя Наталья Михайловна 14 февраля 1864 года венчалась в Троицкой церкви Уфы, жених – 28-летний дворянин вдовец Виталий Андреевич Ястребов (10 февраля 1865 года у них родилась дочь Анна, 1 февраля 1866 г. – сын Андрей).

Когда появились на свет младшие дети, Михаил Михайлович Падейский уже служил подпоручиком 3-го сапёрного батальона (в 1862 г. поручик в отставке). Затем перешёл на гражданскую службу. По данным за 1876 и 1878 годы в Стерлитамакском уезде мировым посредником 4-го участка служил отставной поручик Михаил Михайлович Падейский⁴. Затем должность ликвидировали (мировые посредники регулировали отношения крестьян с помещиками). Именно М.М. Падейский наследовал земли в Стерлитамакском уезде.

Вероятно, в 1872 году отец, Михаил Никифорович Падейский, скончался. В газете появилась краткая заметка, что конце 1872 года дворянин Падейский исключён из штата канцелярии

¹ Уфимские губернские ведомости. 1869. 12 апреля. Падейский упоминается вместе с Левашёвым (приезжали в Уфу) (Там же. 1872. 29 апреля).

² Картотека Гудковых // НА РБ (Источник: НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 1. Л. 335 об.; Д. 3. Л. 403 об.; Д. 5. Л. 556 об.; Д. 6. Л. 433 об.; Д. 7. Л. 355 об.).

³ НА РБ. Ф. И-294. Оп. 1. Д. 42. Л. 550 об.

⁴ Уфимский календарь на 1876 год (високосный) / под ред. В.А. Новикова и Н.А. Гурвича. Уфа, 1876. Вып. 1. С. 80; Памятная книжка Уфимской губернии на 1878 год / Сост. В.А. Новиков и Н.А. Гурвич. Уфа, б. г. С. 37.

Стерлитамакского уездного предводителя дворянства за смертью¹. По всей видимости, это михайловский барин. Вдова же подполковника Варвара Гаврииловна Падейская проживёт длинную жизнь. Она скончалась в Уфе 28 сентября 1908 г. в возрасте 70 лет, «от гангрены» – запишет священник, отпевали бывшую барыню в Ильинском храме².

Можно предположить, что из-за кончины отца старший сын ушёл с военной службы и обосновался в Уфе. К началу 1870-х годов Михайловка была продана, но сохранялись земли в Стерлитамакском уезде. Имение при селе Александровском, Асаф-тамак, принадлежало М.Н. Падейскому с детьми Михаилом, Натальей и Николаем (судьба последнего брата не известна). Стояла небольшая усадьба (2 души дворовых, 123 крестьянина). Южным имением управлял уже в 1862 году отставной инженер-поручик М.М. Падейский, на 1872 год он числится полноправным собственником имения (упоминался до 1882 года)³.

Он, видимо, умер в 1886 г. Земля в Куганакской волости Стерлитамакского уезда от сапёр-поручика Михаила Михайловича Падейского 28 ноября 1886 г. перешла к наследникам: Надежде Васильевне, а также Валентине и Василию Михайловичам Падейским (дети). При помощи Крестьянского банка они 3 марта 1900 г. продали 159 дес. 464 саж. крестьянам за 2158 руб.⁴

Семейство не пропало. К 1881 году к югу от Уфы, на речке Уршак, возле дер. Балагушиной Надежда Васильевна Падейская (вероятно, супруга М.М. Падейского) приобрела имение в 398 дес. 652 саж.⁵, принадлежавшее ранее дворянам Гирш, кстати, владельцам соседнего села Лавочное.

По сведениям городской переписи 1879 года Надежде Падейской принадлежало домовладение в Уфе по улице Лазаретной (совр. Ленина) в квартале от улиц Тюремной (Достоевской) до Приютской (Кирова) по нечётной стороне⁶. Сейчас здесь возвышается многоэтажный жилой дом по ул. Ленина 31/33. Известно также, что подполковник Падейский внёс крупное по-

¹ Уфимские губернские ведомости. 1872. 18 ноября.

² НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 18. Ильинская церковь. Л. 32 об.

³ Там же. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 530. Л. 2, 4, 14, 32 и др.

⁴ Там же. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 401. Л. 87 и об.

⁵ Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Указ. соч. С. 200.

⁶ Гурвич Н.А. Указ. соч. Отдел IV. С. 67. По сведениям Гудковых, фамильная усадьба Падейских располагалась в переулке от Большой Казанской (Окт. революции) в Большую Кладбищенскую улицу (Коммунистическую), рядом с домом купца Кузнецова.

жертвование в 200 руб., положил капитал, проценты с которого поступали в пользу Сергиевской церкви¹ в Старой Уфе.

Уже после кончины отца Надежда Михайловна Падейская в возрасте 18,5 лет 20 октября 1878 г. обвенчалась в Успенской церкви Уфы с младшим фейерверкером из вольноопределяющихся 1-го разряда 6-й батареи 14-й артиллерийской бригады Григорием Владимировичем Гутопом (25,5 лет). Муж унаследовал большую усадьбу на углу улиц Ленина и Валиди (Лазаретной и Ильинской, где в советское время было построено одно из первых высотных зданий, так называемый «дом специалистов»).

На фотографии из коллекции краеведа Т.В. Тарасовой слева – Г.В. Гутоп

Супруг – Григорий Владимирович Гутоп (1853 г. р.) был известным общественным деятелем в Уфе, окончил Казанский университет, юрист со степенью, трижды избирался депутатом Государственной думы Российской империи². После свержения самодержавия Г.В. Гутоп по поручению Временного правитель-

¹ *Игнатъев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. IV: 1873 год. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 123. Пожертвование не означало, что Падейские проживали поблизости. Святой Сергей считается покровителем артиллеристов (военных), видимо, поэтому М.Н. Падейский и внёс деньги именно в этот храм.

² См.: Википедия; *Полянина О.А.* Григорий Владимирович Гутоп – общественный и политический деятель Уфимской губернии // Государственное управление и местное самоуправление на Южном Урале XVIII – начало XX вв.): персонально-биографический аспект. Уфа, 2013; *Роднов М.И.* Дворянская усадьба Южного Предуфимья (вторая половина XIX в.). «ЛитРес: Самиздат», 2018. 108 с. (<https://www.litres.ru/selfpub/>).

ства вывез великого князя Николая Николаевича в Крым, где у того было знаменитое имение «Чаир», чем спас бывшего главнокомандующего всеми армиями и флотами Империи во время Первой мировой войны.

Младший сын Михаила Никифоровича А.М. Падейский взял в жёны Марию Яковлевну Барсову. На 1895 год в Богородской волости Уфимского уезда (в районе совр. проспекта Октября) жена дворянина М.Я. Падейская имела поместье в 434,13 дес. с усадьбой в 2 дес. А в 1917 году дворянке Марии Яковлевне Падейской принадлежало при деревне Глумилино 58,5 дес.¹

В руки Падейских перешла часть прежнего поместья дворян Глумилиных, которое купил священник Яков Барсов. Рядом с главным домом он выстроил жильё для детей. «Один из этих домов, – вспоминал его внук известный уфимский краевед Н.Н. Барсов, – был предназначен для его дочери Марии, вышедшей замуж за Андрея Падейского. Однако Падейские почти всегда зимами жили в Петербурге, а летом иногда приезжали отдохнуть на свою дачу, расположенную на горе над рекой Уфой в 2 верстах от основной усадьбы Барсовых, так что их дом на дедовской усадьбе всегда пустовал. Его-то и снимали в аренду желающие, в том числе Л.И. Бойкова», большевичка.

Из семьи Барсовых вышла Елена Яковлевна Цветкова (1871–1929, фото из Википедии ниже) – известная русская певица, «хорошей пианисткой была Мария Падейская».

«После революции А.М. Падейский вместе с женой и детьми

¹ Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Указ. соч. С. 112, 136.

эмигрировал в США»¹, сказано его племянником Н.Н. Барсовым в частном письме, сохранившемся в архиве.

Краеведы Гудковы вспоминали, что в Тужиловке Н.Н. Барсов им «показал место, где раньше находилась дача другой его тётки, М.Я. Падейской, – вблизи обрыва, у беговой дорожки ипподрома, там, где открывался вид на реку и деревню»².

Гудковы изучили биографию младшего сына Михаила Никифоровича Андрея Михайловича Падейского (1862 г. р.). Образование получил в 1-й Казанской (1879–1880 годы) и Уфимской гимназиях, аттестат зрелости от 6 июня 1882 года. Видимо, вдова М.Н. Падейского Варвара Гавриловна была связана с Казанью, где они проживали.

В 1882 году А.М. Падейский поступил на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, но в ноябре того же года отчислен за участие в студенческих беспорядках. Пытался поступить в Московский и Новороссийский университеты, в 1883 году восстановился в Казанском, уже на юридическом факультете³. Прослушал полный курс и был исключён в октябре 1887 года «за участие в недозволенных землячествах» с запрещением жить в Казани. При университете существовало уфимское землячество, в тех беспорядках «засветился» В.И. Ульянов (будущий Ленин).

В 1888–1893 годах А.М. Падейский проживал в Уфе, присяжный поверенный, избирался гласным (депутатом) в земство от Стерлитамакского уезда, значит часть земель унаследовал⁴. В Уфе у него родился сын Георгий Андреевич Падейский (15 января 1892 года), который в ноябре 1908 года поступил в уфимскую гимназию, окончил в 1910 году, получив аттестат зрелости.

Семья в целом процветала, проживали в самом престижном центре города. На 1904 год на улице Губернаторской (ныне Со-

¹ НА РБ. Ф. Р-1943. Оп. 1. Д. 40. Л. 2–3; см. также: *Краснова Рашида*. И воспоминаний золотая пыль // Уфа (журнал). 2011. № 9 (118).

² *Гудковы Георгий и Зинаида*. Тужиловка // Уфа: страницы истории. Книга первая. Изд. испр. и доп. / Сост. М.В. Агеева. Уфа, 2015. С. 212.

³ Андрей Михайлович Падейский окончил Уфимскую гимназию, поступил в Казанский университет, где с 26 августа по 27 ноября 1882 г. учился на естественном отделении физико-математического факультета. Со 2 октября 1883 г. восстановился уже на юридическом факультете Казанского университета (Список студентов, посторонних слушателей и учениц повивальных курсов Императорского Казанского университета за 1885–1886 год. Казань, 1885. С. 126).

⁴ К началу XX века эта ветвь Падейских свои земли все продала. На 1912 год в Стерлитамакском уезде только М.Я. Падейская владела 500 дес. возле дер. Ишимбетово Калчир-Табынской волости (Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 60–63).

ветская) домовладение № 1 принадлежало дворянину Андрею Михайловичу Падейскому. Это перекрёсток улиц Большой Ильинской (Валиди) и Губернаторской, где в советское время возвели один из первых высотных домов (ныне Ленина, 2). В 1908 году домовладение принадлежало уже наследникам А.М. Падейского, к 1911 году было продано¹.

На 1899 год А.М. Падейский являлся членом от земства в Уфимском отделении Крестьянского поземельного банка² (находился напротив, ныне музей). В 1909–1912 годах коллежский ассесор Андрей Михайлович Падейский служил земским начальником (примерно глава современной районной администрации) сначала 7-го участка (квартира в Булгаково), а со следующего года – 1-го участка (Уфа). С 1912 по 1917 годы избирался гласным (депутатом) Стерлитамакского уездного земского собрания, с 1913 года от последнего попал в гласные Губернского земского собрания (совр. регионального парламента). Кроме того, в 1914–1916 годах А.М. Падейский являлся присяжным поверенным³, видимо, занимался адвокатской практикой.

Вероятно, в годы революции и Гражданской войны семья Падейских уезжает из Уфы. В советское время Андрей Михайлович Падейский оказался в Крыму, где в 1928 году был репрессирован⁴. Дальнейшая судьба не известна. Уфимский краевед Н.Н. Барсов или не знал о судьбе семьи своей тётушки, или не хотел упоминать о репрессированных родственниках, заявив в письме об отъезде Падейских в Америку (см. выше). Информацию об усадьбе Барсовых / Падейских краевед сообщал на вопрос о ре-

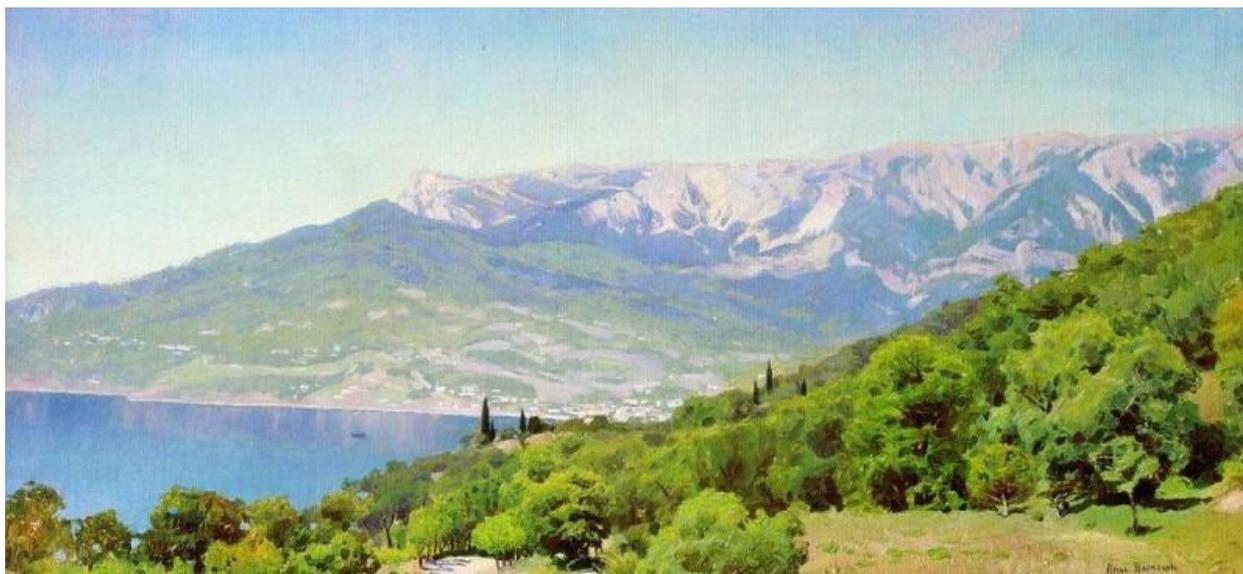
¹ Список улиц и домовладений города Уфы, а также адреса должностных лиц и общественных деятелей / сост. А.Ф. Сильвестров, В.А. Ошурко. Уфа, 1904. С. 92; Справочная книга г. Уфы с приложением плана. Уфа, 1908. С. 42; То же за 1911 год.

² Адрес-календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1899 год. Уфа, 1899. С. 88.

³ Там же на 1909 год. Уфа, 1909. С. 47; там же до 1917 года.

⁴ «Дата народження: 1861 р. Місце народження: г. Уфа, Башкирия. Національність: русский. Соціальне походження: из чиновников. Освіта: обр. высшее. Професія / місце роботи: / делопроизводитель Лидвидкома по делам товарищества «Друг-книга». Місце проживання: АР Крим г. Ялта. Де і ким заарештований: арест. 13.06.1927 г. Ялтинским погранотрядом ГПУ Крыма, ст. 58-10, 13 УК РСФСР: распространил провокационные слухи, извращение смысла советских сообщений власти. Дата арешту: 13 червень 1927 р. Орган, що засудив: 08.08.1927 г. ОСО при Коллегии ОГПУ лишен права проживания в 6 крупных городах, Крыму сроком на 3 года с освобождением из-под стражи, 24.03.1928 г. срок наказания сокращен на 1. Реабілітуючий орган: реабилитир. 05.06.1997 г. Прокуратурой АРК. Архівна справа: ГААРК, ф. р-4808, оп. 1, д. 08586» ([https://ua.openlist.wiki/Падейский_Андрей_Михайлович_\(1861\)](https://ua.openlist.wiki/Падейский_Андрей_Михайлович_(1861))).

волюционерах, проживавших на даче А.М. Падейского.

Ап.М. Васнецов. Крым. 1890 год

Дела последних помещиков при сельце *Ивано-Ключевское* Воскобойниковых шли плохо. Так, в октябре 1860 г. Н.И. Воскобойников занял 900 руб. серебряной монетой на три года под 9% годовых у частных лиц под залог 300 дес. земли¹. Им принадлежала 1-я часть имения общего владения коллежской советницы Дарьи Ивановны (жила в Вятке) и капитана Николая Ивановича Воскобойникова (служил в Уфе в 10-м батальоне)², а также коллежской секретарши Марьи Ивановны Шукевич. При этом 30 дес., принадлежавших «умершей чиновнице Шукевич», находились в залоге у соседа М.Н. Падейского. Но брат покойной Воскобойников стал захватывать землю, вырубал лес, раздавал пашню крестьянам. Весной 1862 года Падейский подал жалобу и с публичного торга (аукциона) выкупил эти 30 дес.

Воскобойниковы начинают распродавать земли. После Петра Ивановича Брейтигама (см. выше), к 1862 году часть

¹ Санктпетербургские сенатские объявления о запрещениях на имения. 1860. № 96. 30 ноября. С. 5652.

² Воскобойников женился на Варваре Иосифовне и 2 апреля 1860 года у них родился сын Николай. Восприемником пригласили командира батальона полковника Е.Е. Афанасьева. А 7 марта 1864 г. появился на свет сын Иоанн (Иван умер 11 июля 1868 г. от воспаления лёгких). Но 28 апреля 1866 г. Варвара Иосифовна Воскобойникова скончалась от воспаления лёгких в возрасте 28 лет (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 1. Л. 177 об.; Д. 5. Л. 214 об.; Д. 7. Л. 215 об.; Д. 9. Л. 194 об.).

А 18 октября 1867 года в Спасской церкви Уфы 48-летний майор Николай Иванович Воскобойников вторым браком венчался с 21-летней Екатериной, дочерью коллежского ассесора Алексея Григорьева (Там же. Оп. 2. Д. 8. Л. 372 об.).

имения оказалась в руках кандидата коммерции Михаила Петровича Кекишева (уфимский купец), а 21 августа 1862 года купчиха 3-й (затем 2-й) гильдии Авдотья Федотовна Мыльниковна купила у капитана Воскобойникова за 7700 руб. серебром 700 дес. земли «с принадлежащим ему Воскобойникову господским деревянным домом и надворным строением в том сельце имеющимся». С молотка ушла отцовская усадьба. При этом с Н.И. Воскобойникова суд взыскал немалые долги и недоимки (Падейскому и др., только жене губернского секретаря Софье Карелиной причиталось 1163 руб.).

Остатки поместья дробились и распродавались. Часть земли досталась сестре Н.И. Воскобойникова жене штабс-капитана Анне Ивановне Бурбо, урождённой Воскобойниковой¹. Она в июле 1870 году продала свою долю жене капитана Клавдии Васильевне Дудкиной, которая перепродавала уголья крестьянам.

На 1870–1871 годы окрестные земли находились в собственности К.В. Дудкиной, различных крестьян, удельного ведомства, уфимского купца 2-й гильдии Павла Степановича Калмацкого, Кекишева, Брейтигама, а также капитана Николая Ивановича Воскобойникова².

Сельцо Ивано-Ключевское. Увеличенный план

Барская усадьба закончила свою историю. Видимо, дом был небольшой. На плане сельца Ивано-Ключевского никакой

¹ Муж служил в стоявшем в Уфе Оренбургском № 10 батальоне (поручик в 1861 г.). Анна Ивановна Бурбо имела в Уфе деревянный дом с усадьбой и строениями (2-я часть, № 428), застрахованный в С.-Петербургском обществе. Под этот дом в январе 1860 г. она взяла ссуду 200 руб. на один год в Уфимском сиротском суде (Санктпетербургские сенатские объявления о запрещениях на имения. 1861. № 17. 1 марта. С. 885).

² НА РБ. Ф. И-338. Оп. 1. Д. 142. Л. 2 об., 21, 62; Д. 176. Л. 60, 78, 86–89, 91–92, 110, 138, 173.

отдельной барской усадьбы не видно¹. Небольшая часть земли осталась в семье. На 1874 год при соседней деревне Сосновке за Воскобойниковыми числилось 168 дес. Но в списке землевладельцев на 1881 год Воскобойниковы уже не упоминаются².

Бывшие дворянские земли переходили из рук в руки. Например, в межевых документах за 1880-е годы встречается упоминание о землях «деревни Михайловки крестьян Удельного ведомства»³. Здесь, видимо, имелась в виду уже Ново-Михайловка. Большие территории в Дмитриевской волости во второй половине XIX века купило у помещиков Удельное ведомство (доходы шли на содержание императорской фамилии, великих князей и пр.). На 1895 год ему принадлежало 4 участка, в том числе самый крупный в 1577,45 дес. с усадьбой на площади в 0,62 дес.⁴

Начиная с 1860-х годов формируется рынок частной собственности на землю. Близость к городу, транспортная доступность повышали ценность имений, которые приобретались для строительства загородных усадеб (летних дач), организации коммерческого производства, но также с целью спекулятивной перепродажи, дождавшись повышения стоимости земли. Среди новых собственников появился и Павел Павлович Подашевский.

Сначала возле селца Ивано-Ключевского он стал владельцем небольшого участка в 27 дес. (усадьба – 1 дес., пашни – 8 дес., остальное под лесом), который унаследовал от матери в августе 1887 года и выкупил долю брата Петра в июне 1892 года. В сентябре 1897 года дворянка Анна Михайловна Подашевская (жена) купила рядом ещё 5 дес. у мещанина Горюхина⁵.

По переписи 1895–1896 годов в Дмитриевской волости П.П. Подашевскому принадлежал этот участок в 27 дес., преимущественно строевого леса (20 дес.), имелось немного пашни (5 дес.), но существовала довольно обширная усадьба на площади в 2 дес.⁶ В 1890-е годы П.П. Подашевский также начал скупать участки в Зауфимье, где его отец Павел Иванович Подашевский (мать урождённая дворянка Шахурина) уже имел землю⁷. Семей-

¹ Там же. Д. 142. Л. 50. Лишь судя по размеру огородов можно предположить, что одна из усадеб принадлежала Воскобойниковым (одно небольшое подворье стояло отдельно).

² Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Указ. соч. С. 75 и др.

³ НА РБ. Ф. И-351. Оп. 2. Д. 5446. Л. 2 об.

⁴ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Часть II-я. С. 74–75.

⁵ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 483. Л. 6 об. – 7.

⁶ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Часть II-я. С. 70–71.

⁷ Роднов М.И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в.

ство Подашевских серьёзно интересовалось инвестициями в данной местности и в 1900-е годы здесь они создадут крупное сельскохозяйственное производство.

В 1899 году дворянин, отставной коллежский регистратор Павел Павлович Подашевский являлся избранным депутатом от дворянства Уфимского уезда, состоял членом Губернского присутствия по государственному квартирному налогу, почётным членом благотворительного Губернского попечительства о детских приютах, а в Уфимском городском общественном банке был членом учётного комитета¹.

П.П. Подашевский нигде не служил, оставался в невысоком чине коллежского регистратора, но при этом его выбирали на общественные должности, а в важнейший учётный комитет приглашали только опытных и известных предпринимателей. Основным родом деятельности Подашевского являлось, видимо, управление семейной собственностью в виде поместий и др.

Немногочисленную информацию о П.П. Подашевском разыскал краевед Ю.В. Ергин, объявленное имущество его к 1901 году оценивалось в 7350 руб., в Нижегородке у Подашевского действовал небольшой кирпичный завод (30 рабочих, выпускалось продукции на 9900 руб. в год). В 1906 году дворянин П.П. Подашевский предложил перевести в Уфу Варшавский университет, но идея осталась только на бумаге².

Лежавшее прямо напротив города Забелье оставалось привлекательным для усадебной застройки и развития бизнеса.

Восток. Север. С. 49, 76–77. Коллежский ассесор Павел Иванович Подашевский был женат на Евгении Егоровне, урождённой Шахуриной. Когда у них 23 декабря 1862 г. родилась дочь Евгения, восприемниками стали канцелярский служитель Сергей Егорович Шахурин и надворная советница Ольга Ивановна Шахурин (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 2. Д. 3. Л. 348 об.).

¹ Адрес-календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1899 год. С. 64, 88, 110, 122.

² *Ергин Ю.В.* О неудавшейся попытке перевода в Уфу Варшавского университета в годы первой русской революции // Вестник Башкирского университета. 2011. Вып. 2, т. 16. С. 627–629.

§ 3. Рождение большой Михайловки

Наступившая в 1860-х годах эпоха Великих реформ повлияла на жизнь всего крестьянства. Вслед за крепостными, 18 января 1866 года император Александр II утвердил мнение Государственного совета «О преобразовании общественного управления государственных крестьян и о передаче сих крестьян в ведение общих губернских и уездных, а также местных по крестьянским делам учреждений». Государственные крестьяне (жители Суровки) приравнивались ко всем остальным и входили в общую волость (Дмитриевскую).

А 24 ноября 1866 года царь подписал закон «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36 губерниях». В отличие от бывших крепостных государственные получали всю ту землю, которой уже пользовались, за неё они должны были платить налоги (оброчная подать и лесной налог). То есть в жизни государственных крестьян мало что изменилось.

Но затем власть решила их также перевести на выкуп с 1 января 1887 года. Рассчитавшись с казной, государственные крестьяне становились крестьянами собственниками.

На каждую деревню государственных крестьян составлялась, так называемая, «владенная запись», где перечислялись все права и обязанности. Это была отпечатанная в типографии книжечка, куда от руки добавлялись местные сведения.

«Владенная запись

Уфимской губернии, Уфимского уезда Дмитриевской волости. Деревни Суровки.

I.

К 1-му числу Января месяца 1872 г. в селении числится ревизских 10-й народной переписи мужского пола душ крестьян 73

II.

Означенное селение лежит в трех дачах значащейся по генеральному межеванию под №№ 117, 52 и 121 под названием дача деревни Суровки.

III.

Во владении этого селения имеется земли:

а) Под угодьями, составляющими крестьянский надел:

удобной – 436,9 десятин

неудобной – 32,9 десятин

б) Под лесом, назначенным для продовольствия крестьян лесным материалом:

удобной – 91,5 десятин

неудобной – 5,9 десятин

Всего во владении крестьян пятьсот шестьдесят семь и две десятиных десятин различного качества земли

Приложение Лит. Г к ст. IX владенной записи селения Су-
ровки волости Дмитриевской, уезда Уфимского губернии Уфим-
ской

О правах крестьян по владению отведенным им лесным наделом
и о лесном с них налоге.

1) В лесной надел отведено девяноста одна и пять десятиных десятин удобной и пять и девять десятиных десятин неудобной почвы и, по владению сим пространством, крестьяне пользуются правами крестьян собственников, с соблюдением нижеуказанных условий.

Высоч. утв. 13-го (25-го) Июня 1873 г. мн. Гос. Сов., ст. 1.

2) За пользование лесным материалом крестьяне обязаны, согласно данному ими приговору, платить в казну ежегодно два руб. двадцать коп. лесного налога и этот налог остается неизменным в течении 20 лет, со дня издания Высочайшего Указа 24-го Ноября 1866 года, т. е. по 24-е Ноября 1886 г.; последующие же изменения в размере сего налога могут быть произведены не иначе, как законодательным порядком.

Там же, ст. 15.

3) Сельским обществам и владельцам посемейных лесных

участков предоставляется освобождаться, посредством взноса государственных процентных бумаг, от платежа всего или части лесного налога, тем же порядком, какой указан в ст. 13 и 14 Высочайшего Указа 24-го Ноября 1866 года; но освобождение общественного лесного надела от лесного налога не уничтожает тех ограничений, какие установлены ниже относительно отчуждения лесного надела и раздела его на посемейные участки.

Там же, ст. 16.

4) Пространства, отведенные в обеспечение крестьян лесным материалом и составляющие общественный их лесной надел, не могут быть отчуждаемы крестьянскими обществами, ни в полном составе, ни по частям, за исключением следующих случаев: а) семейные лесные участки, предоставленные в наследственное пользование отдельным домохозяевам, могут быть отчуждаемы сими домохозяевами, с соблюдением правил, изъясненных в пунктах г и д ст. 4 Высочайшего Указа 24-го Ноября 1866 года и с переводом на приобретателей участков обязанности уплачивать причитающийся с оных лесной налог; б) если бы целое крестьянское общество, по истечении 3-х лет после получения владенной записи, пожелало продать весь вошедший в запись надел, по случаю выселения всех членов общества в другую местность, и на таковое переселение последовало установленное разрешение, в таком случае допускается отчуждение лесного надела в общей совокупности с земельным наделом, но не иначе, как по предварительном освобождении общества, согласно ст. 13 Высочайшего Указа 24-го Ноября 1866 г., от платежа всей оброчной подати и всего лесного налога, коими то общество обложено и в) в тех случаях, когда в лесной надел войдут расположенные среди земельных угодий, не отграниченные от них, мелкие лесные куртины, сии последние хотя и не могут быть отчуждаемы отдельно от земельных угодий, среди коих они расположены, но, при отчуждении, на основании ст. 4 Высочайшего Указа 24-го Ноября 1866 г., означенных земельных угодий, куртины эти не исключаются из общего состава отчуждаемых земель.

Там же, ст. 2, 3, 4 и 6.

5) Общественный лесной надел не может подлежать разделу на семейные или подворные наследственные участки, за исключением лишь упомянутых в предыдущей статье мелких лесных куртин, расположенных среди крестьянских земельных угодий. Эти последние не воспрещается однакож, по желанию двух третей членов общества, имеющих право голоса на сходе, удержать в общественном владении и по разделе на подворные участки окружающих их земельных угодий.

Там же, ст. 5 и 6.

6) Продажа крестьянскими обществами леса на сруб с их лесного надела воспрещается и всякие акты и условия, заключенные крестьянами на таковую продажу, признаются ничтожными и недействительными и нигде к засвидетельствованию и утверждению не принимаются.

Там же, ст. 7.

7) В случае, если часть вошедшего во владенную запись лесного надела будет подлежать отчуждению для какой либо государственной или общественной надобности, к таковому отчуждению применяются правила, указанные в Высочайше утвержденном, 31-го Октября 1886 года, положении Главного Комитета об устройстве сельского состояния, с обращением в казну одной трети следующего крестьянам вознаграждения и с уменьшением причитающегося с крестьян лесного налога на 5 к. с каждого рубля поступившей в казну суммы.

Там же, ст. 8.

8) С лесного ведомства слагается обязанность наблюдения за пользованием крестьянами лесом из участков их лесного надела и охранение сего надела возлагается на попечение непосредственно крестьянских обществ, которые, относительно распоряжения сими наделами, подчиняются тем лишь ограничениям, кои указаны выше и, кроме того, теряют право на получение из казенных дач лесных материалов на каких либо особых, льготных условиях, но могут покупать лес из сих дач лишь на общем основании.

Там же, ст. 14.

Младший Таксатор Цыви́льский.

IV¹

Все показанное пространство угодий заключается в трех смежных дачах Генерального межевания.

1-я Дача № 117 что при селении в количестве 258,8 удобных и 4,5 неудобных десятин земли. Она граничит с Северо-Запада и Севера [с] дачею селения Алексеевки владения Г-на Моисеева [устаревшие сведения времени Генерального межевания], с Юго-Востока дачею пустоши Никольской (Пекарская тож) владения крестьян селения сей записи, с Юга землею Г-на Моисеева и Податным лесным участком селения сей записи.

2-я Дача № 52 под названием пустошь Никольская (Пекарская тож) в количестве 149,3 удобных и 26,2 неудобных десятин земли, граничит с Северо-Запада [с] дачею № 117 селения сей

¹ Четвёртый раздел полностью написан от руки, видимо, данным младшим таксатором. Текст приводится с сохранением орфографии. Автор использовал ряд устаревших сведений.

записи, с Севера землею сельца Алексеевки владения Г-на Моисеева и Податным лесным участком селения сей записи, с Востока землею Г-на Дмитриева, с Юга дачею сенных покосов владения крестьян сельца сей записи и землею деревни Михайловки крестьян Удельного ведомства где приделом межи служит озеро Ольховое, с Запада землею деревни Михайловки крестьян Удельного ведомства и землею Г-на Моисеева, пустошь эта одною частию своей примыкает к селению сей записи.

3-я Дача № 121 под названием Сенные покосы в количестве 28,8 удобных и 2,[?] неудобных десятин земли, граничит с севера [с] дачей пустоши Никольской (Пекарская тож) владения крестьян селения сей записи, с Юго-Востока [с] землею Г-на Дмитриева и с Юга землею деревни Михайловки крестьян удельного ведомства, эта дача находится в Юго-Восточной части дачи сей записи при озере Кривом в 1 ½ верстах от селения Суровки.

Лес назначенный для продовольствия крестьян лесным материалом находится в трех местах вышеупомянутых дач.

1-е Место в количестве 32,0 удобных и 0,0 неудобных десятин земли находится в Южной части дачи № 117-м лежит на Запад от селения, граничит с Юга [с] землею сельца Алексеевки владения Г-на Моисеева с прочих же сторон землею крестьян селения сей записи.

2-е Место в количестве 39,5 удобных и 0,0 неудобных десятин земли, лежит на Восток от селения, окружено со всех сторон крестьянскими угодьями сей записи.

3-е Место в количестве 19,1 удобных и 5,9 неудобных десятин земли находится в даче № 52. Пустоши Никольской (Пекарская тож) при озере Грязное, граничит с Севера [с] землею сельца Алексеевки владения Г-на Моисеева с прочих же сторон угодьями крестьян сей записи.

Вышеупомянутые лесные участки от крестьянских угодий отграничены ясными признаками просеками, ямами и столбами.

V.

Земли сего владения состоят в общинном уравнительном по числу ревизских душ, пользовании селения.

VI.

В черте земель крестьянского владения не имеются неземельные оброчные статьи [то есть иная собственность, приносящая доход].

VII.

VIII.

За предоставленный в постоянное пользование крестьян

земельный надел, они обязаны вносить, в узаконенные сроки, государственной оброчной подати со всего селения 277 р. 43 коп.

IX.

Относительно как уплаты лесного налога за пользование лесом в отведенном крестьянам участке, так и пользования лесами и охранения оных, крестьяне подчиняются существующим о сем узаконениям (означенных в особом к сей записи приложении). В лесной надел отведено девяносто семь и четыре десятых десятины, в том числе пять и девять десятых десятин неудобной почвы. Ежегодно лесного налога два руб. двадцать коп. (2 р. 20 коп.).

X.

Крестьяне селения Суровки участвующие в общинном владении землею, ответственуют круговую порукою в исправном взносе причитающейся с них оброчной подати.

Помощник производителя работ (подпись)

Мировой посредник (подпись)

Запасный лесничий (подпись)

Волостной старшина Григорий Черепанов (подпись, печать)

Уполномоченные от государственных крестьян дер. Суровки Ермолай Александров, Егор Матвеев, Лаврентий Матвеев, Сергей Клементьев, Филип Ефремов. Вместо упомянутых уполномоченных расписался отставной межевщик (подпись)

Сельский староста Денис Николаев (печать)

Сторонние добросовестные крестьяне дер. Кержацкой Михай Исаев и Иван Михайлов, за неумением грамоте сторонних понятых по личной их просьбе расписался отставной межевщик (подпись) Печать

По Высочайшему повелению 12 Июня 1886 г. означенные в ст. VIII и п. 2 прил. Г. к ст. IV настоящей владенной записи оброчная подать и лесной налог заменены с 1 Января 1887 г. выкупными платежами, в сумме четырех сот тридцати трех руб. шестидесяти четырех копеек в год, взимаемых на указанных в особом к сей записи прибавлении основаниях.

Печати, подписи (служащих Уфимско-Оренбургского управления государственных имуществ)

Прибавление к владенной записи.

Означенная в надписи на владенной записи сумма выкупных платежей, – за временным исключением из нее окладов с льготных участков (по расчету 85,6 копеек на десятину удобной земли в год), – должна быть вносима в узаконенные сроки и установленным порядком, с 1-го января 1887 года по 1-е января 1931 г., после чего взимание выкупных платежей окончательно

прекращается. Сельским обществам и владельцам подворных участков предоставляется уменьшать или совершенно погасить выкупные платежи и ранее указанного срока, посредством взноса в местное казначейство, сверх годового оклада, части или всего соответствующего этим платежам капитала, размер которого определяется помножением означенных платежей на двадцать. Сверхсрочные взносы могут быть производимы или наличными деньгами, в размере не менее 10 руб. и во всяком случае целыми десятками рублей, или государственными процентными бумагами, принимаемыми по цене, устанавливаемой Министром Финансов. Годовой оклад выкупных платежей, в случае досрочного взноса, уменьшается, в определенные для сего сроки, соразмерно сумме, зачтенной в погашение капитала.

(Взамен ст. IX владенной записи и п. 3 прил. 1 к ст. IX).

В отношении пользования лесом на отведенном лесном наделе и охранения его, крестьяне подчиняются узаконениям, означенным в особом к сей записи приложении. С прекращением, указанным выше порядком, уплаты выкупных платежей, установленные законом правила отчуждения общественного лесного надела и раздела его на посемейные участки остаются в силе – с теми лишь изменениями, которые определяются заменою лесного налога выкупным платежом».

Председатель Павловский (не ясно). Печать

Члены Базилев и (не ясно). Подписи¹.

Жители Суровки получили во владение 567,2 дес. земли, включая лес, в трёх смежных участках. За эту землю они до 1887 года платили оброчной подати 273 руб. 43 коп. и ещё лесного налога 2 руб. 20 коп. ежегодно. А с 1887 года суровцы обязаны были вносить выкупные платежи в сумме 433 руб. 64 коп., пока полностью не выкупят землю (до 1931 года).

Фактически у жителей Суровки лишь поменялся статус их владения, в реальном пользовании находились одни и те же угодья, которые они обрабатывали с конца XVIII века.

Такая же владенная запись была составлена на единственного государственного крестьянина сельца Вавилово. Это бывший крепостной Протопоповой / Ляминой, выкупленные казной у мелкопоместных дворян крестьяне перечислялись в государственные. Его надел на две ревизские души включал 14,5 дес. земли (включая десятину неудобий).

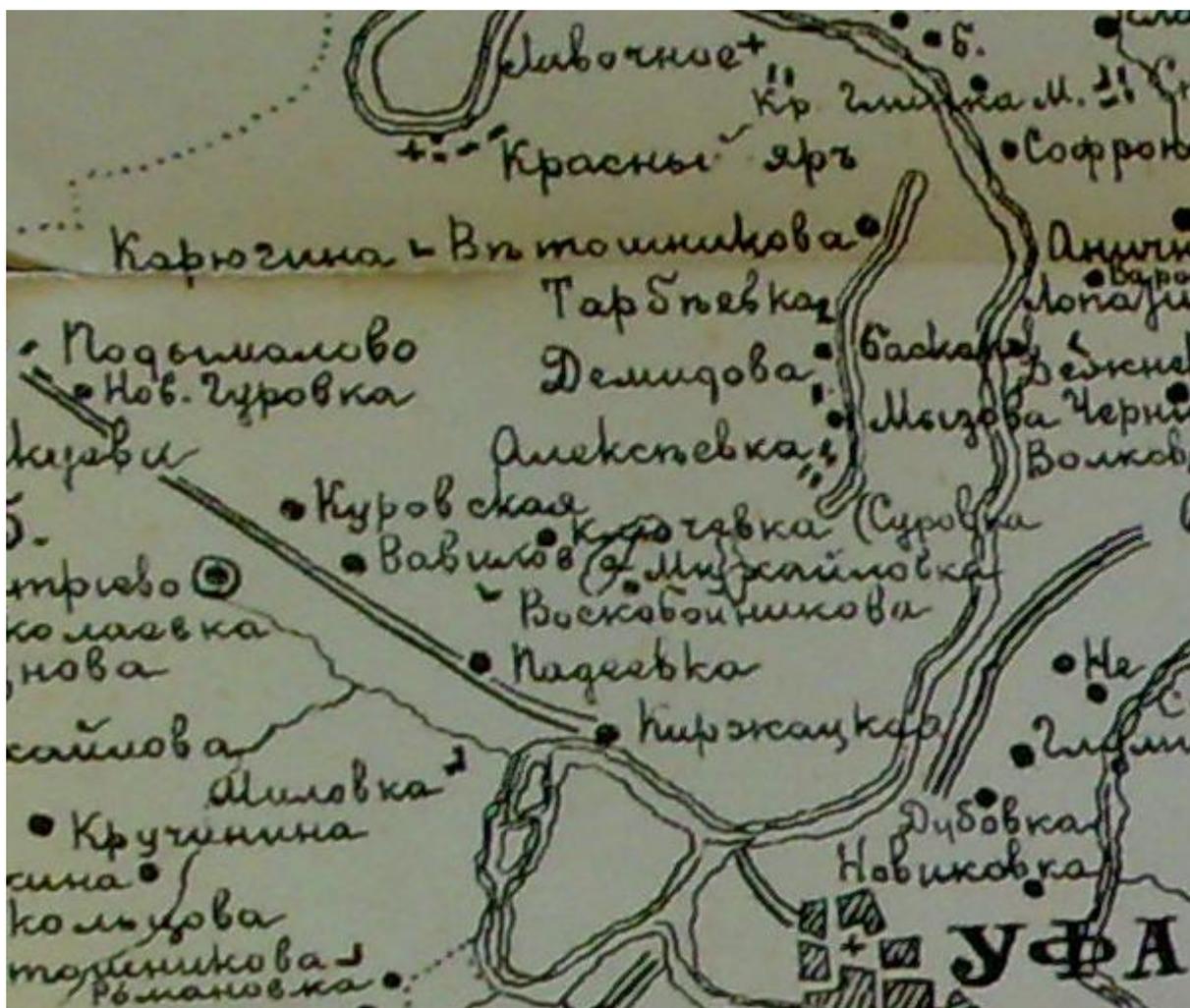
«Показанное пространство земли крестьянина Афонасия Романова заключается в одной сплошной площади и граничит

¹ НА РБ. Ф. И-351. Оп. 2. Д. 5446.

межниками специального межевания с севера [с] землею временнообязанных крестьян селца Вавилова, с востока [с] большою дорогою идущею из г. Уфы в г. Бирск, с юга и запада владениями Г. Лямина».

Неграмотный А. Романов до 1887 года уплачивал оброчную подать в размере 9 руб. 17 коп. в год, теперь же должен был вносить выкупные платежи в сумме 11 руб. 52 коп.¹

Но после 1861 года крестьяне могли свободно покупать землю на стороне, стало формироваться крестьянское частное землевладение. Это уже была не общинная, а индивидуальная собственность, аналогичная дворянской.

Фрагмент карты конца XIX века. Западные окрестности Уфы

К примеру, во 2-й части селца Куровского по купчей крепости приобрёл 3 дес. земли крестьянин-собственник Яков Андреевич Елхин (Ялхин). Его участок граничил с поместьями Волковых и Дмитриевых, проходила просёлочная дорога из Куровского в Брюхову (Дмитриевку). Под дорогой было занято 126 кв.

¹ Там же. Д. 5400.

саж., вся остальная земля являла собой покосы – 2 дес. 824 саж. чистого сенокоса и 1450 саж. сенокоса с дровяным лесом¹. Пашня отсутствовала. Видимо, сельчанин прикупил недостающих покосов. Эта земля в состав общинной не входила.

К концу XIX века крестьянские частные покупки становились массовыми. Подобным образом возникает посёлок Ново-Михайловка, ставший сейчас «просто» Михайловкой.

Уфимский губернатор Николай Модестович Богданович в 1890-е годы решил выяснить ситуацию с переселением крестьян в край, как раз наблюдался пик миграционной активности. Его чиновники отправились по уездам и коллежский советник Владимир Анемподистович Абрютин обследовал Дмитриевскую волость Уфимского уезда.

Дмитриевская волость.

Починокъ Ново-Михайловскій. Переселенцы крестьяне Уфимской губерніи въ 1878 году купили на наличныя деньги землю у Колмацкаго по 5 руб. 75 коп., въ 1871 году у него же по 19 руб. и въ 1884 году у Штехера по 40 р. за десятину. Повинности, кромѣ церковныхъ, платять съ земли; церковныя съ вѣнца. Общество не образовано, магазина нѣтъ. Живуть богато.

Среди новых посёлков указан:

«*Починок Ново-Михайловский.* Переселенцы крестьяне Уфимской губернии в 1878 году купили на наличные деньги землю у Колмацкого по 5 руб. 75 коп., в 1871 [1881?] году у него же по 19 руб. и в 1884 году у Штехера по 40 р. за десятину. Повинности, кроме церковных, платят с земли; церковные с венца. Общество не образовано, магазина нет. Живут богато»².

Современная Михайловка (Ново-Михайловка) возникла как группа поселившихся рядом крестьян – частных собственников. Абрютин посетил Ново-Михайловский починок (так именовали вновь возникшее поселение) почти через 40 лет после покупки земли. Но жители продолжали жить обособленно, сельское общество (местное самоуправление со старостой во главе, юридиче-

¹ Там же. Д. 3543. Л. 1, 3 об.

² *Абрютин В.А.* Переселенцы и переселенческое дело в Уфимском уезде Уфимской губернии. Уфа, 1898. С. 53.

ское лицо) не образовали, хлебозапасный магазин (склад), где держали зерно на случай недорода тоже не выстроили. Налоги каждый платил за себя, только православному священнику вносили деньги со двора (с венца).

Отметим, как росли цены на землю. В 1878 году десятина стоила всего 5 руб. 75 коп., через три года, в 1881 году стоимость подскочила почти в 4 раза – до 19 руб., а всего лишь спустя три года она снова удвоилась – до 40 руб.! Ново-Михайловку образовали сельчане, у кого водились денежки. Чиновник не случайно отметил: «живут богато»!

Землю крестьяне в основном приобрели у одного из крупных уфимских купцов Колмацкого, вспомним, что Павел Степанович Колмацкий ещё в 1860-е годы купил часть поместья Воскобойниковых. А на 1881 год возле сельца Куровское 250 дес. земли принадлежали Александре Павловне Штехер, землевладельцем в Уфимском уезде являлся её супруг Генрих Михайлович Штехер¹. Краткую характеристику дал писатель Н.В. Ремезов: «Штехер, Генрих Михайлович, фармацевт; он имеет в Уфе большую аптеку»², занимался в том числе скупкой земли.

В Ново-Михайловском стояло 8 деревянных домов, проживало 53 чел. (27 муж., 26 жен.). Всей земли имелось 803,5 дес. (пашни – 163, покосов – 70, леса – 300). В одной семье на мужскую душу приходилось 5 дес. земли, в остальных семи – по 22 дес. Народ, действительно, не бедствовал.

В посёлке держали 43 лошади, 59 голов крупного рогатого и 28 мелкого скота. Один новомихайловец владел двумя лошадьми, у всех прочих коней имелось более двух. Средняя урожайность с десятины составляла 60 пудов. На весь посёлок было 10 грамотных (18,8% от всего числа жителей)³.

Сведения В.А. Абрютина подтверждают материалы переписи 1895–1896 годов. Среди селений Дмитриевской волости выселок Ново-Михайловский⁴, действительно, отличался. Это товарищество собственников, русские, по сведениям страхового земского отдела включало 9 дворов (было 9 наделных ревизских

¹ Абсалямов Ю.М., Азаматова Г.Б., Гайнуллина А.В., Роднов М.И., Тагирова Л.Ф. Уфимские помещики: типы источников, виды документации. Уфа, 2013. С. 202.

² Ремезов Н.В. Очерки из жизни дикой Башкирии. Быль в сказочной стране. М., 1889. С. 253. Генрих Штехер, землевладелец и хозяин аптечного бизнеса, по воспоминаниям родственников, уехал из Уфы в 1881 году (Штехер Светлана. Хроника нашей семьи. Уфа, 2007. С. 9).

³ Абрютин В.А. Указ. соч. С. 30–31.

⁴ Была ещё небольшая деревня Ново-Михайловка, она же Баскакова, входившая в Гиршинское сельское общество (около Лавочного).

душ). Число жителей не известно. И хотя Ново-Михайловский был приписан к Падейскому сельскому обществу (Михайловка / Падеевка), на деле состоял из пяти отдельных частных владений.

Самое большое имело площадь в 250 дес. (133,08 дес. пашни, 40 строевого леса, 54,61 дровяного леса, 10,25 неудобий) и здесь находилась самая крупная площадь под выгоном – 12,06 дес. Территория под усадьбами вообще не показана ни в одном из пяти частных владений. Видимо, крестьяне юридически не приобретали усадебную землю, а строились на выгонной земле.

Остальные земельные участки (юридически отдельная собственность) были меньше: 2-й: 10,56 дес. (вся пашня), 3-й: 28,04 дес. (выгона – 1 дес., остальное пашня), 4-й: 12,27 дес. (5,33 пашни, 5,36 дровяного леса, 1,58 неудобий) и 5-й: 3 дес. пашни¹. То есть, Ново-Михайловский выселок представлял просто поселившихся рядом крестьян, купивших землю по соседству.

Итак, в 1870-е годы Ново-Михайловка, а ныне просто Михайловка, уже существовала. Но когда и кто первым заложил здесь жильё? Это показывают особые поземельные книги.

Два поместья Воскобойниковых и Падейского после отмены крепостного права были выставлены на продажу. Но новые собственники в большинстве случаев не собирались заводить здесь хозяйство. Землю покупали с целью спекулятивной перепродажи. Рядом с городом цены всегда выше и спрос больше.

Горожане приобретали небольшие участки, устраивая загородные «фазенды». Например, из бывших земель Воскобойниковых уфимский мещанин Горюхин, владелец общественной бани, приобрёл 5 дес. земли (усадьба – 1 дес., 4 дес. леса). Затем, 25 сентября 1897 года он продаёт свою дачу «с постройками за 1200 руб.» дворянке Анне Михайловне Подашевской².

Но основными покупателями земли были сельчане. Сначала группа крестьян: Андрей и Назар Егоровичи Беляевы, Гаврила Иванович Кузнецов, уроженец деревни Кириновой Михаил Власович Гагин и житель Суровки Василий Алексеевич Николаев купили у купца Калмацкого 695 дес. Купчая крепость была утверждена 29 января 1870 года. В основном приобрели лесные угодья под будущую расчистку, но также имелись усадебная и выгонная земля (5 дес.), 140 дес. пашни, 60 дес. покосов.

Как сказано выше, часть поместья Воскобойниковых приобрела в 1870 году дворянка К.В. Дудкина и уже 14 января 1871 года была утверждена купчая крепость на покупку у неё 117

¹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Свод экономических данных по губернии. Часть II-я. Список земельных владений губернии. Уфа, 1901. С. 60–61.

² НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 483. Л. 6 об. – 7.

дес. группой крестьян из деревни Михайловки, «Новосёлова тож», вышеназванных Г.И. Кузнецова, братьев Беляевых, М.В. Гагина, к которым присоединились Ольга и Пелагея Васильевны Соколовы, Василий Алексеевич Николаев и Егор Евдокимович Якин. После эти же крестьяне по купчей крепости от 21 сентября 1878 года у Дудкиной приобрели ещё 14 дес. 1200 саж.

Сохранились сведения по купчей крепости за тот же день, 21 сентября 1878 года, о приобретении у Дудкиной группой крестьян уже 10 дес. 1345 саж. Или это часть в вышеназванной покупке, или в один день были утверждены сразу две сделки.

Из общего количества в 10 дес. 1345 саж. причиталось (в зависимости от внесённого количества денег) по 2 дес. 269 саж. Гавриле Кузнецову, Егору Якину, Назару Беляеву и Андрею Беляеву. Доля Гагиных была разбита: Михаил Гагин получил 1 дес. 269 саж., а Яков Гагин – только одну десятину¹.

Как видим, в 1878 году крестьяне покупали сравнительно небольшие участки, скорее всего, под усадьбы. Видимо, сначала они купили лесные и пахотные угодья для хозяйственного использования. Потом увидели, что далеко постоянно ездить на новые земли, легче перенести избы и заложить деревню. Почему, предположим, в 1878 году они дополнительно приобретают небольшие участки, пригодные для возведения жилья.

Перечисленные покупатели и были первыми жителями новой Михайловки, а дату утверждения в Уфе документов на приобретение усадебной земли – 21 сентября 1878 года – можно условно считать днём рождения современной Михайловки. По имени соседнего сельца Михайловки (Падейской) вновь возникшее поселение стали именовать Ново-Михайловка, увековечив имя Михаила Никифоровича Падейского.

Почему закрепилось именно это название? Переселенцы прибыли с запада. Если ехать по тракту из Подымалово, то по очереди проезжаем деревни Куровская, Вавилово и Михайловка (Падеевка), после которой сворачиваем на просёлочную дорогу в Суровку. Здесь и была заложена Новая Михайловка, после «Михайловского поворота», только не из Уфы, а, наоборот, с запада.

Новопоселенцы стали активно скупать земли в окрестностях. 17 января 1884 года они заключили сделку с аптекарем Штехером, по которой приобрели 28 дес. 100 саж. (усадьба – 1 дес., пашни – 27, неудобий – 100 саж.). Это была часть земель полсельца Старого Вавилово, которые ранее принадлежали Базилевскому. В тот же день, 17 января, эти же крестьяне оформили вторую купчую крепость со Штехером на покупку ещё 12

¹ Там же. Л. 1 об. – 2, 7 об. – 8.

дес. 660 саж. (6 пашни, 5 леса, остальное неудобья). Угодья лежали по соседству в 5-й части полсельца Ст. Вавилово ближе к деревне помещиков Воскобойниковых.

Землю купили крестьяне уже обосновавшиеся в дер. Михайловке (Ново-Михайловке) – Гавриил Иванович Кузнецов (5 дес. 2021 саж. по первой сделке и 2 дес. 1200 саж. по второй), уроженец Суровки Гавриил Петрович Николаев (4 дес. 1717 саж. и 2 дес.), михайловец Егор Евдокимович Якин (4 дес. 1617 саж. и 2 дес.), столько же выходец из дер. Куровской Егор Осипович Зубарев, остальные из (Ново) Михайловки: Михаил Васильевич Николаев (1 дес. 965 саж. и 1440 саж.), Евстигней Васильевич Николаев (столько же), Никита Михайлович Гагин (1 дес. 2086 саж. и 1920 саж.), Назар Егорович Беляев (2 дес. 808 саж. и 1 дес.) и Макар (или Мирон) Григорьевич Гагин (1 дес. 404 саж. и 1200 саж.)¹. Всего крестьяне приобрели у аптекаря Штехера по трём сделкам 250 дес., 28,04 и 12,27 дес. Да Михаил Гаврилович Кузнецов единолично купил у медика 3 дес.²

При изучении истории второй половины XIX века сказывается смена источников, прекращается проведение ревизий-переписей. Взамен стала появляться новая статистика, составляются списки населённых мест. Так, на 1870 год по Сибирскому почтовому тракту из Уфы (дорога шла в Бирск, откуда один маршрут уходил на север, в сторону совр. Караидели, и далее за Урал и в Сибирь) по правую сторону дороги лежали:

Михайловка (Падейская), деревня, при оз. Банном, 10 дворов, 67 чел. жителей (31 муж. и 36 жен.), русские, мельница ветряная; *Ивано-Ключевская*, деревня, при безымянном озере, 6 дворов, 27 жителей (13 муж., 14 жен.), русские; *Суровка*, деревня, при безымянном озере, 32 двора, 153 жителя (78 муж., 75 жен.), русские; *Вавилова*, деревня, при речке Велевке [надо: Виловатой], 11 дворов, 49 жителей (27 муж., 22 жен.), русские; *Волкова* (Куровская), деревня, при речке Сухой, 11 дворов, 76 жителей (37 муж., 39 жен.), русские³.

За прошедшие со времени отмены крепостного права годы численность жителей оставалась стабильной. Так, в Куровском насчитывалось по-прежнему 11 дворов. Бывшие государственные и помещичьи крестьяне жили единым сельским обществом. Когда в 1882 году сильный пожар уничтожил сельцо и сгорели документы на землю, жители выбрали поверенного Евграфа Николаева. Он получил копии уставной грамоты (для собственни-

¹ Там же. Д. 510. Л. 2 об. – 3; Д. 511. Л. 3 об. – 5.

² Там же. Д. 508. Л. 6 об.; Д. 737. Л. 156 об. – 157, 159 об. – 160.

³ Список населённых мест по сведениям 1870 года. XLV. Уфимская губерния / ред. В. Зверинский. СПб., 1877. С. 11.

ков, бывших крепостных Волкова) и владенной записи (для государственных, бывших Левкович). За неграмотного поверенного расписался отставной унтер-офицер Николай Николаев¹.

В каждой деревне существовало своё сельское общество (а то и не одно), к которому были приписаны жители, имевшие право на землю (прообраз будущей советской прописки). Все главы семейств – домохозяева имели право голоса и на сельском сходе выбирали руководителя общества – сельского старосту. Все постановления принимались большинством в 2/3 голосов и назывались «приговор». То есть общество приговорило / постановило. Приведём образец такого постановления.

«Приговор.

Куровского сельского общества Дмитриевской волости
Уфимского уезда.
От 23 Августа 1886 г.

Мы нижеподписавшиеся крестьяне бывшие Государственные и собственники, быв сего числа на сельском сходе, в присутствии сельского старосты Егора Зубарева, имели суждение о том, что в бывший в Августе 1882 года пожар, сгорели у собственников – копия с уставной грамоты, а у государственных – владенная записка, а потому единогласно определили: избрать из своей среды поверенного Евграфа Николаева, которому поручаем немедленно войти с ходатайством в надлежащее место, о выдаче копий с помянутых документов; в том и подписуемся: Михайла Викторов, Николай Петров, Максим Евграфов, Гаврила Васильев, Василий Васильев, Леонтий Васильев, Виктор Степанов, Сидор Никифоров, Леонтий Петров, Пётр Николаев, Григорий Константинов, Ермолай Николаев и Сергей Е[к?]ин, а вместо их неграмотных по просьбе расписался отставной Унтер-офицер Н. Николаев.

Настоящий приговор действительно постановлен в присутствии моём, в том с приложением должностной печати свидетельствую

Сельский Староста Е. Зубарев [печать]

1886 года августа 30 дня Настоящий приговор в Дмитриевском волостном Правлении к свидетельству явлен и в книгу приговоров подлинником под № 39 записан в том Волостное Правление и свидетельствует с приложением казённой печати

Волостной Старшина Иванов [печать]²».

¹ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 658. Л. 27–28.

² Там же. Л. 28 и об., 32.

В 1886 году в Куровском стояло уже не менее 14 изб, проживало 14 семейств, включая старосту (часть домохозяев могла не явиться на сход, если 2/3 присутствовало, приговор считался законным). С документом староста из Куровского отправлялся в Дмитриевку, где волостной старшина заверял решение сельчан, а сам приговор записывался в особую книгу.

В 1895–1896 годах провели подробное исследование, собрали сведения о всех селениях (Ново-Михайловский выше):

Вавилова (Волковское сельское общество), две поземельные общины в одном селении, русские, бывшие помещичьи. По данным страхового отдела в 1900 году было 2 двора, по данным губернского статистического комитета – 11 дворов. Всё население двух общин составляло 60 чел. (31 муж. и 29 жен.). Земля первой общины (3 наделных ревизских души): усадьба – 0,15 дес., выгон – 1,35, пашня – 11,79, кустарник и заросли – 0,08, неудобья – 1,15, всего – 14,52 дес.). Земля второй общины (2 наделных ревизских души): усадьба – 0,15 дес., выгон – 0,85, пашня – 4,5, неудобья – 0,83, всего – 6,33 дес.

Куровская, Волкова (Куровское сельское общество), русские, бывшие государственные, 14 дворов, жителей 51 муж. и 59 жен. 27 наделных ревизских душ. Земли: усадьба – 2,25 дес., выгон – 2,75, пашня – 118,9, неудобья – 0,6, всего – 124,5 дес.

Михайловка, Падейская (Падейское сельское общество), русские, бывшие помещичьи, 16 дворов (55 муж., 49 жен.), 21 наделная ревизская душа. Земли: усадьба – 2,45, пашня – 88, дровяной лес – 5,55, неудобья – 4, всего – 100 дес.

Ново-Ключевская, Воскобойникова (Падейское сельское общество), русские, бывшие помещичьи, 6 или 7 дворов (22 муж. и 17 жен.), 11 наделных ревизских душ. Земля: усадьба – 0,79 дес., выгон – 4, пашня – 40,98, заросли и кустарник – 4,23, неудобья – 3,02, всего – 53,02 дес.

Суровка (Суровское сельское общество), русские, бывшие государственные, 44 или 45 дворов, 123 мужчины и 127 женщин, 73 наделных ревизских души. Земля: усадьба – 8,04 дес., выгон – 24,52, пашня – 211,81, поёмный покос – 40, суходольный покос – 60, болотный покос – 25,77, строевой лес – 20, дровяной лес – 40, кустарники и заросли – 98,44, неудобья – 38,77, всего – 567,35 дес¹.

Во время обследования 1895–1896 годов земские статистики составили также краткие описания населённых пунктов:

¹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т. VII. Часть II. С. 58–63.

«*Выселок Ново-Михайловский* – в равнине; р. Сухая; в лесу несколько озер, в выгоне болото. Участок в 2-х местах. Изменения в угодьях: из под леса отведено под выгон 5 дес., под пашню – 7 дес.; сенокос также распахан. Поля по склонам в разные стороны, до 2-х верст от селения. Почва – чернозем, местами с примесью известкового камня – до 3 дес. В селении имеются веялки и 1 молотилка. Лес в одном участке, по болотистой местности. Промыслы: рыболовство в лежащих по близости озерах».

«*Суровка* – по скату на ЮВ, при р. Ключевке; в полях несколько озер и болот. Надел в 3-х участках; селение на Ю надела. Изменения в угодьях: усадьба увеличилась на счет выгона, а пашня – на счет леса; 6 дес. пашни выделены причту. Передел был в 1892 году, по ревизским душам. Поля по холмистому месту, возле селения. Почва – чернозем, на холмах – песок и отчасти глина. В полях около 10 оврагов, все глинисты. В селении 8 веялок. Лес в 3-х участках, частью в низине, частью на горе.

Воскобойниково – по скату на ЮЗ, при небольшой р. Сухая; в полях 2 больших болота. Надел в одном месте; селение на С надела. Изменения в угодьях: пашня увеличилась на счет сенокоса. Поля по ровному месту, возле селения. Почва: 2/3 пашни – чистый чернозем и 1/3 – суглинистый. В селении 2 веялки. Огородов нет».

«*Михайловское (Падеевка)* – на возвышенном месте. Изменения в угодьях: пашня увеличилась на счет сенокоса. Поля по ровному месту. Почва – чернозем. В полях 2 оврага. В селении 5 веялок.

Вавилова – по слабому скату на ЮВ, при р. Веселовке; в полях одно болото. Надел в одном участке. Изменения в угодьях: пашня увеличилась на счет кустарника. Поля по скату на ЮВ, возле селения. Почва – чернозем с незначительной примесью песка. В полях имеется небольшая котловина. В селении 1 веялка.

Вавилова – на ровном месте, при р. Веселовке. Надел в одном участке; селение на В надела. Изменения в угодьях: часть земли отошла под большую дорогу. Землю владеет 1 крестьянин. Поля по слабому склону на В. Почва – 1 дес. супесчаного чернозема, а остальная чистый чернозем. Система полеводства двухпольная.

Куровское, (Волкова тож) – в равнине с легким скатом на С. Надел в одном месте; селение на С надела. Переделов не было. Поля по ровному месту с сильными склонами на С и Ю. Почва – чернозем. В селении 4 веялки»¹.

¹ Сборник статистических сведений по Уфимскому уезду. Т. I. Уфимский

Одновременно, по этим же материалам в 1896 году выходит подробный список населённых мест Уфимской губернии, где есть информация по нашим деревням:

Суровка, деревня, при озере Ольховом, 43 двора (123 муж., 127 жен.), хлебозапасный магазин; *Воскобойникова* (Ново-Ключевка), деревня, на Елабужском почтовом тракте и колодце (роднике), 7 дворов (22 муж., 17 жен.), хлебозапасный магазин; *Михайловка*, деревня, при озере Ольховом, 9 дворов (42 муж., 36 жен.)¹; *Падеевка* (Михайловка), деревня, при Елабужском почтовом тракте и ключе, 16 дворов (55 муж., 49 жен.), хлебозапасный магазин; *Базилевского* усадьба, при ключе, 1 двор (3 муж., 3 жен.); *Вавилова*, деревня, при Елабужском почтовом тракте и при ключе, 11 дворов (31 муж., 29 жен.); *Куровская* (Волкова), деревня, при Елабужском почтовом тракте и при ключе, 14 дворов (51 муж., 59 жен.), хлебозапасный магазин; *Волковой* пчельник, при колодце, 1 двор (1 муж.)².

Материалы новой статистики, которую организовало земство (местное самоуправление), приоткрывают забытые страницы прошлого. В четырёх селениях стояли хлебозапасные магазины. Словом «магазин» тогда обозначали склад, торговое заведение именовалось лавкой. Термин «магазин» в русский язык проник из французского (*magasin*) – склад, хранилище, первоначальные корни слова в персидском языке.

Для предотвращения возможных голодовок в каждом сельском обществе выстраивали амбар, куда сельчане сдавали зерно по установленным нормам (один пуд озимого хлеба и пол пуда ярового на каждую ревизскую душу). Этот хлеб хранился целый год и после уборки следующего урожая заменялся новым. В общине выбирался специальный смотритель хлебозапасного магазина, у кого были ключи от амбара. Если случался неурожай и наступал голод, по распоряжению властей крестьянам выдавался этот хлеб для пропитания или на семена. Самовольно жители не имели права вскрывать хлебозапасный магазин.

Крестьяне часто пренебрегали этой возложенной на них го-

уезд. Оценочно-статистические материалы по данным местных исследований 1895–96 годов / под ред. С.Н. Велецкого. Уфа, 1898. С. 673–675.

¹ Затем в сторону дер. Киржацкой (совр. Затон) стояли в лесу пчельники Назарова (1 двор, 1 муж.) и Гаврилова (то же), а «при истоке» караульная изба Глухова (1 двор, 1 муж., 1 жен.).

² Полный список населённых мест Уфимской губернии, с подразделением на волости и участки земских начальников, становых приставов и полицейских урядников, с указанием числа дворов, численности населения, молитвенных и общественных зданий, училищ и школ, торгово-промышленных заведений, ярмарок, базаров, мельниц, хлебозапасных магазинов и проч. / под ред. Н.А. Озерова. Уфа, 1896. С. 32, 34.

сударством обязанностью. Так, к 1 сентября 1880 года в Суровке в хлебозапасном магазине хранилось на лицо лишь 18 пуд. озимой ржи, в недоимке числилось 54 пуда озимого и 36 пудов ярового. В Суровке числились 73 ревизских души.

В Падеевском хлебозапасном магазине (на 21 душу) осенью 1880 года лежало озимого даже немного больше – 29 пуд., но ярового не имелось. Маленькая деревня Воскобойниково (11 душ) была единственной, где «план» полностью выполнили: хранилось 11 пуд. озимого и 5 пуд. ярового. В Куровском (32 души) народ отлынивал и хлебозапасный магазин стоял абсолютно пустой (в недоимке числилось 32 пуда озимого и 16 пудов ярового)¹.

Большое влияние на жизнь народную оказывал пролегавший почтовый тракт. На всех сельчанах лежали две натуральные повинности: дорожная и подводная. Все жители Дмитриевской волости своими силами обязаны были содержать участок (полотно) Сибирского почтового тракта в 17 вёрст 134 сажени, а также сами ремонтировать, поддерживать в исправном состоянии просёлочные дороги. В 1869 года на волостном сходе постановили перевести натуральную повинность в денежную, «отбывая её наймом подрядчиков». С каждой ревизской души собирали по 40 копеек (с 3156 душ Дмитриевской волости получалось 1262 руб. 40 коп.) и нанимали частного подрядчика, который ремонтировал дорожное полотно. Впоследствии земство взяло на себя содержание почтовых трактов, но сельские просёлки жители по прежнему приводили в порядок сами.

Вторая, «натуральная подводная повинность заключается, во первых, в выставке лошадей на пункты, и во вторых, в поставке очередных (обывательских) подвод проезжающим должностным лицам». Все деревни Дмитриевской волости отправляли лошадей в два пункта – в Подымалово и Падеевку, по 4 лошади с двумя проводниками. Ежедневно дежурила конская пара².

На этих лошадях бесплатно должностные лица (волостная и уездная администрация, судебные и полицейские чиновники, православное и мусульманское духовенство, др.) совершали поездки от одной станции до другой, где пересаживались на следующие крестьянские подводы.

Закончился XIX век, век великих реформ, на пороге стоял следующий. Двадцатый.

¹ Вестник Уфимского земства. 1881 г. Вып. 5 и 6. Уфа, 1881. Отдел II. С. 170–171 (показатели округлены, без фунтов).

² Ревизия Дмитриевской волости, произведенная членом уфимской уездной земской управы М.А. Топорниным 17 июня 1879 года // Вестник Уфимского земства 1881 г. Вып. 3. Уфа, 1881. Отдел III. С. 19–20.

Глава IV. Жизнь сельская (начало XX столетия)

Многочисленные документы конца 1890-х и 1900-х годов позволяют рассмотреть историю Михайловки и соседних деревень весьма подробно. Это была эпоха больших перемен, Уфа стремительно развивалась, мимо по железнодорожному пути мчались бесконечные составы в Сибирь и на Урал. По-соседству, в Киржацком затоне зимовали десятки пароходов и баржей, вырос целый промышленный посёлок.

Примерно через каждые десять лет население Уфы удваивалось, городу требовалось больше и больше сельскохозяйственной продукции, стабильным оставался спрос на пригородные земли. Ближние к Уфе селения также пожинали плоды хозяйственного подъёма.

По-прежнему оставался шумным большой гужевой тракт из Уфы на запад, до Подымалово и далее. К длинным обозам и изящным пролёткам, которые тянули или мчали уставшие крестьянские лошади или лихие рысаки в яблоках, добавились механические экипажи.

В августе 1894 году жители придорожных деревень (Вавилово, Михайловка-Падеевка и Куровское) впервые увидели... велосипед. Шестеро уфимцев совершили туристическую поездку из Уфы в Бирск. Участник первого в истории Башкирии велопробега оставил воспоминания:

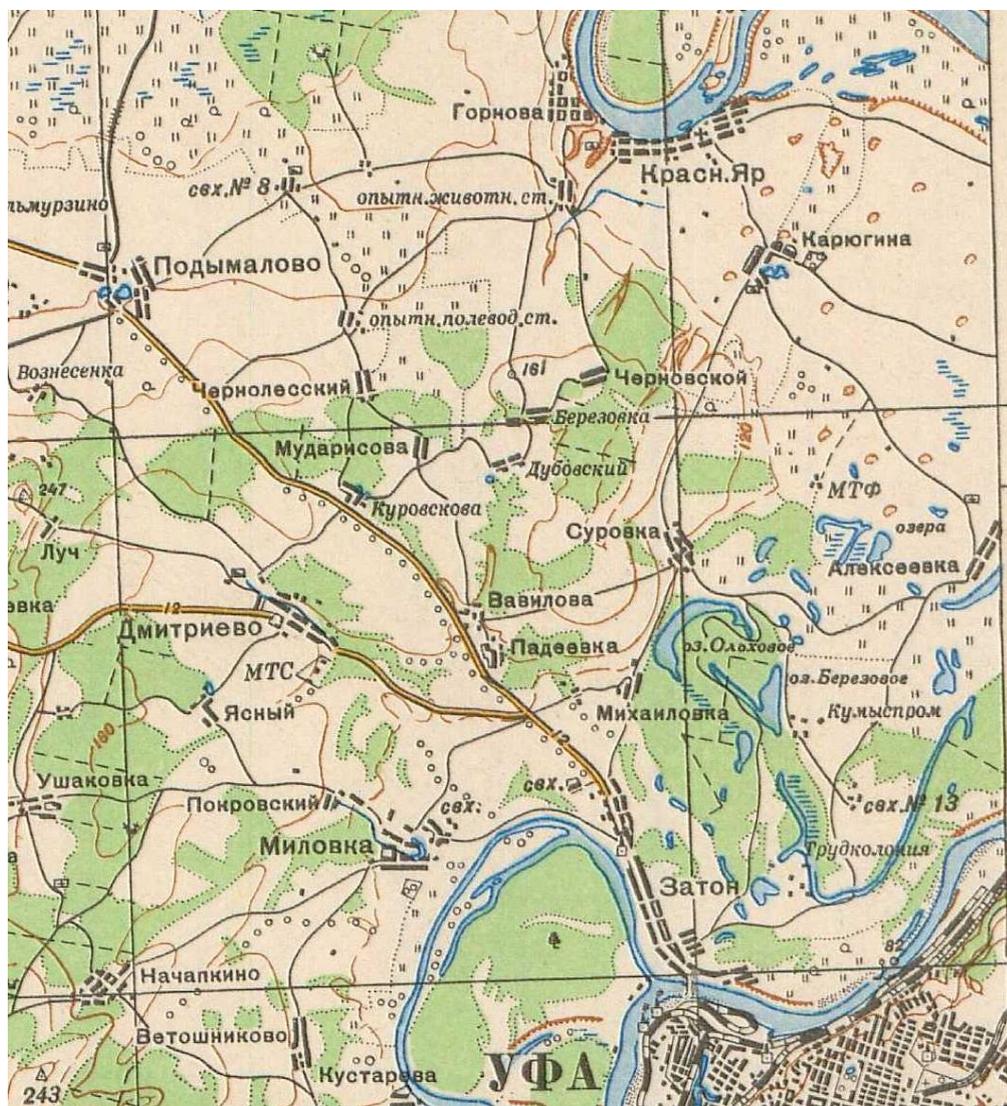
«Выяснив, что у нас взято с собою на дорогу, мы тронулись в путь в 5 ч. вечера по бирскому почтовому тракту. Первая станция – ст. Подымалова в 21 в[ерсте] от Уфы. Станция эта вполне оправдывала своё название, потому что дорога всё время идёт в гору, хотя подъём очень отлогий. Бежали мы довольно бойко и свободно, но не гнали, стараясь беречь силы, так как не знали: хватит-ли их до конца, на все 103 в. Это было для всех нас первое, а следовательно очень интересное испытание, в котором мы познакомились с собственной выносливостью и качествами наших машин.

В двух, расположенных на тракте, деревеньках мы останавливались утолить жажду. Был довольно жаркий вечер, так что для облегчения некоторые из нас надели рубашки с поясами.

В Подымаловой мы пили молоко на крыльце почтовой станции»¹. То есть, ещё до Подымалово велосипедисты задерживались в двух придорожных «деревеньках» утолить жажду. Наверняка, сто лет назад сельчане торговали возле тракта своей

¹ Роднов М.И. История уфимского велосипеда. Начало (1890–1917 годы). Уфа, 2017. С. 11–12.

продукцией. Автор употребил уменьшительное название: «деревенька», а по дороге от Затона до Подымалово стоят только три маленькие деревни Куровское, Михайловка (Падеевка) и Вавилово. Других просто нет. Поэтому можно абсолютно точно утверждать, что в 1894 году здесь проехал первый велосипед.

Фрагмент карты 1944 года. Дорога на Подымалово

Через десятилетие по тракту и дороге на Михайловку помчатся автомобили. Хозяин здешнего поместья П.П. Подашевский числился среди владельцев первых уфимских автомобилей (марка машины не известна).

С большой дорогой были связаны судьбы трёх «деревенок» – Вавилово, «старой» Михайловки, которую также звали Падеевка и которую ныне поглотило Вавилово, а также сельца Куровское, ныне промзона «Курасково».

§ 1. У тракта (с инструкцией)

Проехав большое село Подымалово все путешествовавшие предвкушали встречу с Уфой, вглядывались в высокие холмы на горизонте и, наверное, не очень обращали внимание на лежащие слева у дороги небольшие деревни.

Маленькое *Вавилово* оставалось необычным селением. Большинство жителей составляли дворяне, осевшие на земле и занимавшиеся хлебопашеством, их ещё именовали надельными дворянами по примеру крестьян с надельной землёй. В 1902 году собирались сведения о всех дворянах Уфимского уезда, в Вавилово проживали двое домохозяев из крестьян и восемь дворянских семейств.

Правда, у всех вавиловских дворян документов о принадлежности к благородному сословию на руках не оказалось, однако, это не вызвало никаких сомнений в их статусе. Кроме дворян, других Вавиловых тут не имелось.

В 1902 году в Вавилово размещались три группы собственников, имевших землю в совместном владении, результат наследственных разделов и переходов. Так, 14 дес. находились в общем пользовании Петра Васильевича и Сергея Алексеевича Вавиловых, у первого также было своих единоличных 17 дес.

Василий Алексеевич, Пётр Гаврилович и Порфирий Алексеевич Вавиловы также в общем пользовании имели 14 дес., а 12 дес. находились в руках Павла Алексеевича, Григория Михайловича и Николая Михайловича Вавиловых.

Кроме того, мелкопоместные дворяне Вавиловы проживали в различных частях Уфимского уезда. К примеру, Алексей Михайлович Вавилов из дер. Вавиловой Дмитриевской волости оказался в деревне Шакша к востоку от города, «живёт на арендованной усадьбе», своей земли не имелось. А возле Якшиваново 8,5 дес. принадлежали Николаю Алексеевичу Вавилову¹.

Чтобы разобраться в хитросплетениях мелких собственников Вавиловых, надо вспомнить материалы главы II § 1 и главы III § 2 и сравнить их со сведениями поземельной книги Дмитриевской волости, составленной около 1912 года.

Первый усадебный участок в 4 дес. 178 саж. (усадебка – 1, сенокосы – 3 дес., прочее неудобья) юридически числился в совместной собственности Фиёны Семёновны Вавиловой, Алексея Васильевича, Порфирия Алексеевича, Фёдора Ефимовича Вавиловых вкуче с Михаилом, Петром и Павлом Алексеевичами Вавиловыми и даже владельцем соседней Миловки миллионером

¹ НА РБ. Ф. И-10. Оп. 1. Д. 2472. Л. 27 об. – 29, 3 об. – 4, 24 об. – 25.

Виктором Ивановичем Базилевским. Это само сельцо.

Рядом лежала 1-я часть полсельца Старого Вавилово в 14 дес. 1478 саж. (пашни – 6 дес. 1242 саж., 7 дес. леса, остальное неудобья). В 1910-е годы она принадлежала Алексею Васильевичу, Порфирию Алексеевичу и Фёдору Ефимовичу Вавиловым как единое наследство. Усадьбы здесь не имелось, трое собственников имели также долю в вышеназванном участке.

2-я часть полсельца Старого Вавилово по наследству перешла к Алексею и Петру Васильевичам Вавиловым (усадьба – 1 дес., пашни – 16 дес. и неудобья, всего – 17 дес. 468 саж.).

3-я часть полсельца Старого Вавилово, которым в середине XIX века владела Н.А. Сокурова, площадью 17 дес. 524 саж. было поделено. Половину в 8 дес. 1267 саж. (пашни – 8 дес., неудобья, усадьбы нет) унаследовал Никон Александрович Вавилов¹. Вторая половина оказалась у мещан Павловых.

4-ю часть полсельца в 12 дес. 660 саж. (пашни – 7, леса – 4 дес., неудобья) унаследовали Михаил, Пётр и Павел Андреевичи Вавиловы. Пятую часть в 12 дес. 660 саж. купили мужики из Михайловки и Суровки. С молотка пошла и большая шестая часть полсельца Вавилово в 31 дес. 960 саж.

Дочери Фёдора Семёновича Вавилова – солдатка Вера Фёдоровна Пугина и белебеевская мещанка Елизавета Фёдоровна Попова собрали в своих руках всю шестую часть (пашня, лес, неудобья – 31 дес. 960 саж.), скупив участки оказавшиеся в руках Ивановой, Дарьи и Аграфены Васильевых, а также в 1888 году получили землю от братьев Василия и Александра Фёдоровичей Вавиловых.

В 1908 году В.Ф. Пугина скончалась и по духовному завещанию в феврале 1909 года её доля в 19 дес. досталась целой куче наследников, в основном крестьянам дер. Фёдоровки. По духовному завещанию от 21 октября 1909 года доля Е.Ф. Поповой в 12 дес. 960 саж. также ушла разнообразным наследникам. Судя по документам, никто из них в Вавилово не проживал. От Поповой земля досталась коллежской секретарше Татьяне Фёдоровне Мурашевой, а та продала угодья крестьянам из Падеевки Тимофею и Александру Фёдоровичам Калентьевым и Андрею Филипповичу Петрову.

7-я часть полсельца Старого Вавилово в 17 дес. 1944 саж. ещё 20 февраля 1863 года была приобретена неслужащим дворянином Петром Андреевичем Вавиловым (пашни – 17 дес. 1404

¹ На 1895 год Никон Александрович Вавилов «живёт в Якшиваново», он сын и наследник дворянки Надежды Николаевны Вавиловой, которая уже «померла» (Там же. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 863. Л. 33, 35).

саж., остальное неудобья). На 1895 год неслужащий дворянин П.А. Вавилов «живёт в Уфе»¹.

Последнюю 8-ю часть Татьяна Вавилова ещё 15 мая 1873 года продала жителям села Дмитриевки Ивану и Фёдору Федотовичам Букаревым (18 дес. 134 саж., из них 18 дес. пашни)². Землицу они обрабатывали, но в Вавилово усадьбу не возвели.

Кроме названных восьми семейств дворян Вавиловых, проживавших непосредственно в деревне Вавилово, вокруг лежали многочисленные частные владения других Вавиловых, но без жилья. На этих участках велось хозяйство или они оставались заброшенными, в лучшем случае могли находиться летние дачи. Историю каждого мелкого «поместья» Вавиловых можно восстановить лишь приблизительно.

Уже в 1860-е годы хозяйка ненаселённой пустоши Сухая речка Авдотья Васильевна Куровская стала распродавать землю. У Плотниковой часть пустоши в 100 дес. (без усадьбы) купила 27 февраля 1868 года дворянка Ольга Петровна Вавилова³. Земля затем перешла по наследству Ефросинье Алексеевне Вавиловой, у которой 26 июня 1907 года приобрела угодья дворянка Екатерина Никитична Вавилова⁴.

Земля названного выше Петра Андреевича Вавилова по духовному завещанию от 12 ноября 1904 года досталась его сыну Константину Петровичу Вавилову. Когда же и он скончался, по духовному завещанию от 23 октября 1912 года участок оказался в руках его вдовы Олимпиады Мироновны Вавиловой. При этом, ранее отец и сын Вавиловы скупали рядом (вблизи Ново-Михайловки) участки земли у крестьян Медведева и Кузина (в 1901, 1902 и 1904 годах), видимо, хотели «округлить» имение⁵.

Наконец, рядом с дворянами Вавиловыми в сельце Вавилово владел землёй крестьянин Максим Герасимов (усадьба – 1 дес., пашни – 5, неудобий – 800 кв. саж.), получивший от бывшего помещика Базилевского «данную» на землю 11 января 1868 года. Проживал крестьянин Афонасий Романов, имевший по дарственной записи от 21 августа 1872 года от Ляминой 2 дес.

¹ Там же. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 863. Л. 28.

² Там же. Д. 511. Л. 1 об. – 6. Эти Букаревы происходили из крестьян села Дмитриевки, земля (18,05 дес.) находилась вблизи дер. Вавилово (Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 512). Сами они в Вавилово не жили.

³ По другим сведениям 100 дес. близ дер. Куровской купили Ольга Петровна и Екатерина Никитична Вавиловы от дворянки Новиковой. Затем право почти на 93 дес. получил Александр Николаевич Вавилов (Там же. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 738. Л. 3 об. – 4).

⁴ Там же. Д. 512. Л. 1 об. – 2; Д. 737. Л. 162 об. – 168.

⁵ Там же. Д. 483. Л. 17 об. – 18, 19 об. – 20.

2100 саж. под усадьбой и 1232 кв. саж. неудобий¹ (потом Степан Афанасьевич Романов имел право более чем на 7 дес.). Затем подселились мещане Павловы, купившую половину 3-й части полсельца Старого Вавилово. У Александры Павловой эти 8 дес. 1267 саж. (8 пашни) по купчей крепости от 7 марта 1894 года приобрёл уфимский мещанин Александр Константинович Павлов (у него ещё был участок при Якшиваново в 16,27 дес.)².

Эта путаница, когда в небольшой деревне рядом проживали крестьяне и дворяне, причём последние мало чем отличались от мужиков, создавала проблемы для проводившихся статистических исследований. Изучать требовалось только крестьян, но их в Вавилово было мало, как случилось в 1895 году.

Приехавшие тогда в Вавилово статистики подробно переписали только две крестьянские семьи. Первый был Афанасий Романов, государственный крестьянин, бывший крепостной помещиков Протопоповых (Е.А. Ляминой, урождённой Протопоповой). Он получил землю на 3 ревизские (мужские) души, надел в одном месте, «на юго-восточном от селения слабом скате». Рядом протекала речка и было «одно болото, вдающееся с юга своим краем в землю кр. д. Вавиловой».

Всего у крестьян имелось 14,52 дес. земли, в том числе под постройками – 0,08 дес., под огородом и садом – 0,01, выгоном – 1,35, пашней – 11,74, кустарником – 0,08 дес. Неудобья занимали 1 дес. 360 кв. саж. (болото – 250 саж., дороги – 1 дес. 110 саж.). «Из под кустарника распахано 460 с.»

Всею землёй владел один Афанасий Романов, «остальные души вымерли». Пашня лежала возле Вавилово, в конце поля на юго-западе от селения провал в 100 саженей «в окружности в виде котловины». Почва – «чернозём с незначительною примесью песка; толщина чернозёма около $\frac{3}{4}$ арш.» В полях сорные травы – в озимом «пестики» и лебеда, в яровом – жабрей, лебеда, осот.

Пашню Романов не удобрял навозом³, под паром было от 5 до 6,5 дес., высевал рожь, гречиху, овёс, просо. За 16 рублей купил веялку. Держал немало скота: 4 рабочих лошади, 3 лошади подростка, 2 коровы, подтёлку и 2 телят, 18 овец и 7 свиней.

Скотина паслась «по выгону и по парам», а «2 подростка (кобыла и жеребёнок) отдаются на выпас татарам в д. Кумлюкуль с 1 апр. – 1 октября за 2 руб.» Романов нанимал пастуха, которому платил за 5,5 череда 2 руб. 75 коп.

¹ Там же. Д. 510. Л. 1 об. – 2, 3 об. – 4; Д. 737. Л. 143 об. – 145.

² Там же. Д. 511. Л. 3 об. – 4; Д. 737. Л. 164 об. – 165; Д. 738. Л. 3 об. – 4.

³ Но в 1917 году про хозяйство Романовых отметили, что навоз вывозится в междупарье, по 27,6 возов на загон площадью 80 на 40 сажен (Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 512).

Для отопления пользовался «правом рубить на дрова мелкий лес, растущий на болотистой местности» за 3 руб. 50 коп. в год.

Жила семья за счёт продажи гречихи, гороха и картофеля. Осенью и зимой 1894 года Романов продал гречу по 94 коп. за пуд, во время великого поста сбывал горох по 20 коп. и картофель по 10 коп. за пуд. А вот сено «покупают у помещ. Глухова; пай (4 д.) 26 руб.» То есть Романов платил деньги за право самому накосить сена с 4 дес.

В неурожаи приходилось покупать хлеб, благо Уфа под боком. В засушливом 1891 году в городе приобретали ржаную муку по 1 руб. 20 коп. – 1 руб. 30 коп. за пуд. В том году случилось также сильное градобитие, погиб «весь яровой хлеб».

Своей земли не хватало и Романов снимал в краткосрочную аренду (на один посев) пашню у помещицы Ольги Петровны Вавиловой по 10 руб. за десятину озимого, а у Волковой – озимое по 15 руб. и яровое по 10 руб. Последняя помещица также сдавала землю «за отработки: обработать, засеять своими семенами и свезти помещице $\frac{1}{2}$ снопов». Волкова отдавала в аренду землю исполу, за половину урожая¹.

Вторая крестьянская семья в Вавилово – это Герасимовы, бывшие крепостные, которых поселил здесь Базилевский. Они получили надел в одном участке на 2 души «с краю на восточной стороне» деревни.

Всей земли у них имелось 6,33 дес. (усадыба под постройками – 0,08 дес. (180 кв. саж.), под огородом и садом было 0,07 дес., выгоном – 0,85, пашней – 4,5, неудобьями – 0,5 дес.). Под неудобьями понимался тракт (200 кв. саж.), «вследствие расширения столбовой дороги» неудобья увеличились.

Эта единственная крестьянская семья также сеяла овёс, гречу, рожь, в огороде выращивали овощи только для себя, не на продажу. Не мало было скота: 3 рабочих лошади, лошадь-подросток, 3 коровы, подтёлка, 2 телят, 8 овец, 3 свиньи.

Но «своего выгона не хватает, на полях после снятия хлеба» приходилось пасти скотину. Коров и овец пас пастух, получая по 50 коп. с череда. Для выпаса крестьянин также арендовал пары в Миловке за 2 руб. на лето. Кроме того «покупает луга за 6 $\frac{1}{2}$ руб. за казён. десят. Собирается сена 100 пуд. На год хватает сена с 4 десят.», добавил хозяин.

Второй раз упоминается слово «черед». Это народный расчёт для пастуха, скот разный, поэтому в деревне придумали средний показатель: черед. В Вавилово черед равнялся 1 корове или 2 подтёлкам или 6 овцам.

¹ Там же. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 813. Л. 26–29.

«Лес на дрова достают из чищоб в даче г. Волковой, с условием: с вычищенного участка лес крестьянину, а землю помещице, лес разных пород».

Как и Романовы, Герасимовы прибегали к краткосрочной аренде, у помещицы из дер. Куровской Е.А. Волковой брали пашню под озимое за 10 руб., яровое за 6 руб., а также исполу. Половина урожая шла барыне, а крестьянин её землю обрабатывал и засеивал своими семенами. «На тех же условиях» брал землю в аренду и у А.С. Вавилова.

В августе 1891 года побило весь яровой хлеб «на чисто», а в 1895 году всходы гороха поела земляная блоха и они погибли, грустно закончил свой рассказ житель Вавилово¹.

Сохранились сведения и об отдельных дворянских хозяйствах. Регистратор В. Яковлев (фамилия не ясна) 28 августа 1895 года обследовал хозяйство Вавиловых при усадьбе при селении Волково, вероятно, оно лежало в сторону дер. Куровской (Волково). Это 4-я часть полсельца Старого Вавилово площадью 12 дес. 660 саж., принадлежавшая тогда четырём владельцам, но поделённая только на три равные доли.

По 4 дес. 220 саж. досталось по наследству Николаю Михайловичу и Григорию Михайловичу Вавиловым каждому, столько же числилось за Петром Андреевичем и Павлом Андреевичем Вавиловыми, но уже вместе. Хозяйство велось единое.

С запада участок граничил с землями дер. Михайловки. Имелись два пахотных поля, не удобрялись, высевалось 5,5 дес. ржи, 1 дес. гречихи, 1,25 дес. проса и 0,75 дес. гороха. Имелся редкий лес (осина, берёза, дуб, липа), по которому пасётся скот. Скотину также выгоняли на пары, но число живности не указано. Лес «вырубают изредка по домашности»².

Вероятно, в подобных совместных хозяйствах кто-то из совладельцев проявлял интерес к земледелию и проживал в деревне Вавилово, остальные получали долю дохода. Из последующих данных известно, что в сельце постоянно находился Николай Михайлович Вавилов (примерно 1857 г. р.).

Скорее всего, аналогичная ситуация была с усадебным участком (под постройками – 0,12, огород и сад – 0,42, выгон – 3,52, неудобья – 0,4 дес.) в дер. Вавилово. На 1895 год это родовое владение, которое по наследству досталось Алексею Васильевичу, Порфирию Алексеевичу, Фёдору Ефимовичу, а также Петру и Павлу Вавиловым.

Располагалось оно на небольшой горе, рядом речка и озеро,

¹ Там же. Л. 30–33.

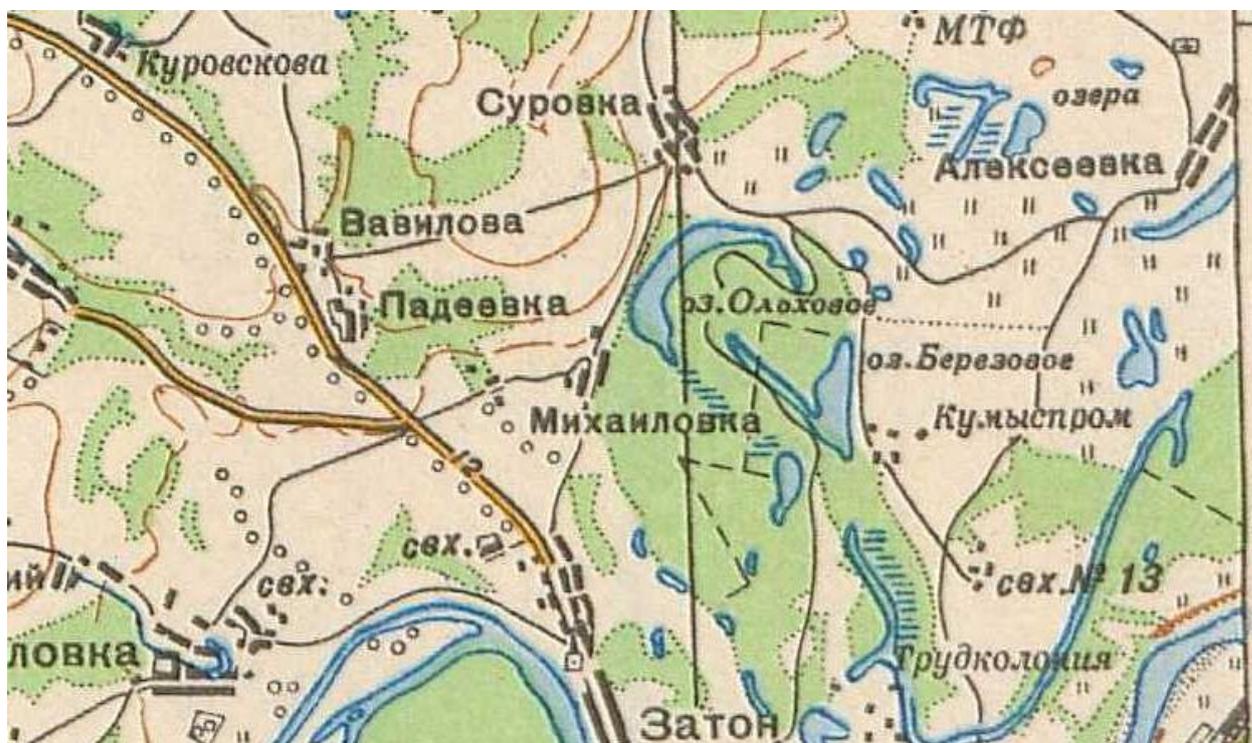
² Там же. Д. 863. Л. 30–31 об.

земля бедная – песок с галькой и красная глина. Земледелия не существовало, зато держали скотину (рабочая и нерабочая лошади, 2 коровы, 2 подтёлки, 9 овец), её пасли на совместном с крестьянами выгоне. Имелись пасека на 8 пеньков, соха, деревянная борона и телега¹.

Также и 1-я часть полсельца в 1895 году в 14,62 дес., что при речке Сухой, была юридически разделена на три одинаковые участка в 4 дес. 1292 1/3 саж. каждый. Собственники – Алексей Васильевич, Порфирий Алексеевич и Фёдор Ефимович Вавиловы. Велось хозяйство, засевалось 9 дес. ржи, по 3 гречихи и полбы, 2 проса и 1 дес. гороха². Опять видно единое хозяйство на несколько совладельцев.

Аналогичная картина была во 2-й части полсельца, которая в 1895 году принадлежала Алексею и Петру Васильевичам Вавиловым, а также Агафье Васильевне Вавиловой. За братьями юридически числилось по 6 дес., за Агафьей – пять.

Велось единое хозяйство. Засевалось по десятине ржи и полбы, 3,5 гречихи, 2 гороха и 1,5 проса, 6 дес. отдыхали под паром. Держали много скота: 8 рабочих лошадей и 3 нерабочих, 3 коровы, 4 подтёлки, 4 телёнка, 36 овец и 14 свиней. Инвентарь включал 6 сох, 5 деревянных борон, 6 телег и веялку³.

Вавилова и окрестности. 1944 год

¹ Там же. Д. 1096. Л. 58–60.

² Там же. Д. 1098. Л. 54–55.

³ Там же. Л. 65–67.

Вавилово представляло из себя сложное переплетение обычных крестьянских подворий и частных совладений. Но в целом сельцо здравствовало, видимо, во многом благодаря проходившему рядом большому торговому тракту. И в 1910-е годы в Вавилово открывается первый магазин (лавка).

Собиравший сведения о торговых заведениях Дмитриевской волости ради точного налогообложения земский статистик Я. Сальников 24 июня 1914 года оказался в Вавилово. Здесь (при доме) действовала бакалейная лавка, оформленная по 3-му разряду (мелочная торговля), имелся патент на продажу табака.

Хозяйкой являлась крестьянка Александра Егоровна Елаженкова, помещение принадлежало ей, землю арендовала у Вавиловского сельского общества. «Лавка с кварт[ирой] заним[ает] около 100 кв. с[аженой], плата за зем[лю] 7 руб. в год».

Само торговое помещение – лавка – имело 0,7 саж. в ширину, 1,15 в длину и 0,9 в высоту, с объёмом 0,7 куб. саж. Стены бревенчатые, крыша покрыта тёмом. «Товару в лавке очень мало», добавил земский служащий и определил доходность бизнеса А.Е. Елаженковой в 7 руб.¹ Из-за наступившего в годы Первой мировой войны кризиса (инфляция, дефицит товаров) бакалейная лавка А.Е. Елаженковой в 1915 году была прикрыта².

Незадолго до Первой мировой в Уфимской губернии прошло два статистических исследования, когда составлялись карточки на каждое крестьянское и частновладельческое хозяйство, а не на общину целиком. Первая перепись состоялась в 1912–1913 годах, материалы были опубликованы.

Возле деревни Вавилово существовало единственное помещичье (частновладельческое – по терминологии той эпохи) хозяйство О.П. и Е.Н. Вавиловых площадью 100,03 дес. (пашни – 84, сенокоса – 4,03, леса – 10 дес.). Имение целиком (84 дес. пашни) сдавалось в аренду³. Это упоминавшиеся выше Ольга Петровна и Екатерина Никитична Вавиловы.

Уже неоднократно говорилось о сложном составе жителей сельца Вавилово, что сказалось при обследовании крестьянских хозяйств. Деревня Вавиловка в 1912–1913 годах почему-то числилась в Куровском сельском обществе, население указано – помещичьи крестьяне, русские, всего – 11 дворов и 75 жителей (39 мужчин и 36 женщин). Но крестьян по сословию столько здесь не имелось, переписчики присоединили к ним дворян. Это доказывают сведения о землевладении.

¹ Там же. Д. 2419. Л. 52 и об.

² Там же. Д. 2543. Л. 11 об. – 12.

³ Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 82–85.

Надельная земля в Вавилово, которую крестьяне получили в результате реформ 1860-х годов, числилась на 5 ревизских душ (по ним начисляли налоги), но в реальности делилась на две части. Итого наделной земли в Вавилово было 20,9 дес. (усадебная – 2, пашня – 16,5, выгон – 1,5, неудобья – 0,9 дес.). Очевидно, что 20 десятин на 11 дворов ничтожно мало. Надельную землю имели только Романовы и Герасимовы, бывшие крепостные.

Зато у 10 хозяев в Вавилово была зафиксирована купчая единоличная земля (45,36 дес.), это уже владения местных дворян и девять из них вообще не имели наделной земли. А в целом по сельцу из 11 семейств в двух было до 3 дес. всей земли, четверо имели от 3 до 5 дес., трое – по 5–10 дес. и двое от 10 до 15 дес. Участки у всех (крестьян и дворян) были небольшие, поэтому семеро вавиловских обитателей арендовали землю единолично (пятеро у крестьян: 20 дес.). Всего арендовали 23,5 дес., то есть без аренды малоземельным вавиловцам прожить было уже невозможно.

Хозяйство. Всё вавиловское стадо на 1912–1913 год насчитывало 15 жеребцов и мерин, 15 маток (кобыл), 9 подростков (жеребят), 24 коровы и нетели, 13 (коровьих) подростков от одного до двух лет, 21 телёнок, 124 овцы и 50 свиней, итого – 271. Большинство вавиловцев держали по две и более рабочих лошадей (учтём близость тракта) и столько же коров.

Общая площадь посева в Вавилово: 31,35 дес. озимой ржи, 1 дес. овса, 5,65 дес. проса, 20,8 дес. гречихи, 0,25 дес. гороха и 0,55 дес. было под картошкой, всего – 59,5 дес. Один вавиловец держал 50 ульев пчёл.

Размер посевной площади в зерновых регионах как Уфимская губерния позволяет примерно установить социальную структуру деревни. В Вавилово в 1912–1913 годах одна семья засеивала до 2 дес., две – от 2 до 4 дес., это бедняки. Пятеро сеяли от 4 до 6 и двое – от 6 до 10 дес., это середняки. И единственный вавиловец имел крупное посевное хозяйство размером свыше 10 дес.: предприниматель, кулак, фермер¹. Однако, для сельца Вавилово нужно вспомнить, что большинство жителей являлись дворянами, могли иметь дополнительные доходы.

Прошло ещё пять лет. Мир содрогался от ужасов Первой мировой войны, в Российской империи с 1916 года обострился продовольственный вопрос, в городах привычными стали очереди за хлебом. Чтобы узнать каково состояние сельского хозяйства, велики ли запасы продовольствия власти летом 1916 года

¹ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 630–637.

организовали впервые в масштабах всей страны особую сельскохозяйственную перепись. Сохранились только обобщённые итоги этой переписи по волостям и уездам. Да и сама перепись была плохо организована. Поэтому в конце 1916 года научная общественность выдвинула идею второй такой же переписи.

И уже после свержения самодержавия, летом 1917 года по всей стране проходит вторая сельскохозяйственная перепись. К величайшему нашему счастью, в Уфе сохранились первичные документы этого обследования – подворные карточки. Буквально единицы архивов РФ могут похвастаться подобной удачей.

Подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года, так она официально именовалась, содержат уникальную информацию о жизни каждой крестьянской (и помещичьей) семьи. Мы можем как бы заглянуть в каждое хозяйство. Но сначала нужно понять особенности этих документов.

Инструкция

как работать с подворной карточкой сельскохозяйственной переписи 1917 года

С последних чисел мая 1917 года подготовленные переписчики начали разъезжаться по всей Уфимской губернии. Приехав в деревню статистик обходил все дворы или вызывал к сельскому старосте домохозяев – глав семейств – «на запись». Сам документ – подворная карточка – был специально отпечатан размером с планшет, чтобы статистик в полевых условиях мог вписать сведения. Записи производились карандашом (чернила использовались крайне редко).

Почти все сведения в карточку заносились со слов самого домохозяина – главы семьи. В случае его отсутствия информацию сообщала жена (муж был призван в армию) или иной взрослый член семейства. В очень редких случаях сведения в карточку записывались со слов сельского старосты (когда семья отсутствовала в деревне), или брались из официальной документации (поземельных книг), нередко часть записей статистик заранее вносил в подворную карточку, так называемые, дежурно-обязательные сведения: название деревни, общества, сословие, национальность, чтобы не спрашивать каждый раз десятки людей одно и то же – каково название вашего села?

С подворной карточкой, судя по различающимся почеркам, могли работать несколько человек, на них нередко добавления, исправления. Это обычно наблюдалось в крупных селениях, куда приезжала «бригада» переписчиков. Осенью 1917 года все кар-

точки были свезены в Уфу, где их обсчитывали и тоже делали разные пометки.

Подворная карточка примерно имеет размер в современный формат А-4 и заполнялась с двух сторон. Статистик вписывал ответы домохозяев в заранее отпечатанные графы карточки. В каждой губернии карточка могла немного отличаться.

На лицевой стороне подворной карточки указывались название деревни (Вавилово), сельского общества – низшей административно-территориальной единицы в России той эпохи (общество Волковское, сельцо Вавилово в административном отношении было объединено с Куровским, Волково тож).

Подворная карточка имела порядковый номер. Далее все карточки Вавилово распределены по проставленным на них порядковым номерам: 1-я С.А. Романов, 2-я М.А. Романов и т. д. Номера подворных карточек, возможно, отражают характер расселения в деревне. Скорее всего, статистики использовали официальные списки домохозяев у сельских старост.

Фамилия, имя, отчество указывались только у одного человека – домохозяина, всех остальных членов семьи записывали по отношению к нему (сын домохозяина, жена домохозяина, тёща домохозяина и т. п.). Также только у домохозяина указывались сословие (государственный крестьянин, дворянин, мещанин, пр.) и национальность (русский). Перепись не учитывала смешанные браки, когда национальность жены отличалась. Но в то время они были большой редкостью, погрешность крайне мала.

Также у домохозяина указывалась, говоря по современному, «прописка». Всё население делилось на 1) приписных, 2) посторонних и 3) отсутствующих жителей.

«Приписной» – это постоянный житель данной деревни, приписанный к местному сельскому обществу, член общины, имеющий право на землю. Прообраз советской прописки, слово немного лишь изменили.

Но в деревне могли проживать пришлые, переселившиеся сюда семьи, которые прав на землю не имели, членами здешнего сельского общества не являлись (не участвовали в сельских сходах, не голосовали и пр.). Таких именовали «посторонние». В годы Первой мировой войны число посторонних резко возросло за счёт беженцев, прибывших из занятых германцем губерний.

Наконец, крестьяне могли уезжать из села на заработки. Часто случалось, что сельчанин с семьёй годами жил в городе, но продолжал формально оставаться членом местного сельского общества, сохранять юридическое право на земельный надел. В документах сельского старосты такой домохозяин присутствовал, но в реальности его не было. В подобных случаях в подвор-

ной карточке ставилась отметка «отс.» – отсутствующий. Отсутствующим считался домохозяин, которого не было в деревне более одного месяца.

Уйти из общины было не просто, требовалось специальное решение сельского схода. С другой стороны, многие уехавшие в города сельчане специально сохраняли за собой дом и землю в деревне, планируя туда вернуться на старости лет с заработанными в городе деньгами (пенсий не существовало). Поэтому «отсутствовавших» было не мало.

У всех членов семьи указан возраст – число лет. Если стоит запись «0» лет, это совсем маленький ребёнок в несколько месяцев, а то и неделя, только что родившийся в 1917 году.

Обращаю внимание, возраст записывался со слов домохозяина, а мужчины иногда не могли точно вспомнить сколько кому лет, поэтому сведения о возрасте надо принимать с поправкой в один – два года. Возраст отсчитывается от 1917-го года.

В деревню Вавилово статистик Афанасьев приехал 28 августа 1917 года (он также заполнял отдельный общинный бланк, где проставлялись дата и подпись, на подворной карточке статистики не расписывались). Поэтому даты рождения жителей отсчитываются от 1917 года (августа).

Например, по карточке № 1, домохозяин С.А. Романов родился в 1869 году (48 лет на конец августа 1917 года), сыновья у него имелись 1893 года рождения, 1904, 1909 и 1910 годов. Супруга была 1872 года рождения, дочери появились на свет в 1899, 1901, 1912 годах (с поправкой на один – два года).

Обязательно в карточке отмечался призыв мужчин в армию, не забудем, шёл четвёртый год войны: «взятые по наборам и мобилизациям (кроме освобожд. от военной службы)». Иногда встречались записи о ранении, солдат долечивался дома.

Также изредка проставлялось какое-либо особое занятие жителей – промыслы, работа по найму и пр., а также серьёзные физические недостатки, приводившие к потере трудоспособности. Вообще по программе переписи требовалось отмечать трудоспособность членов семьи, в карточке есть графы об участии в пахоте, косьбе, уборке, а также графа о нетрудоспособности. Эту информацию пришлось пропустить. Переписчики не всегда проставляли такие отметки, да и вообще в деревне с малых лет все были заняты трудом.

На лицевой стороне подворной карточки указывался сельскохозяйственный инвентарь (плуги, веялки и пр.), но только железный! Деревянные сохи, бороны и др. не учитывались во время переписи, но в большинстве случаев у крестьян они имелись. Далее везде показан собственный инвентарь, если был

арендованный, это специально оговаривается. Если в карточке записано, например, $\frac{1}{2}$ веялки, это значит совместное владение двумя (или более) домохозяевами. Отмечалось наличие ульев, садов, мельниц, иных торгово-промышленных заведений.

Затем на лицевой стороне подворной карточки статистик вписывал сведения о найме. Указывалось лишь на каких условиях данный домохозяин нанимал работников (годовых, срочных, сдельных или подённых), количество батраков не приводили. Найм был широко распространён в деревне, соседи часто подрабатывали друг у друга.

А почти всю нижнюю часть лицевой стороны подворной карточки занимали графы по животноводству. В ту эпоху сельское население чётко разбиралось в домашних животных, поэтому в 1917 году были собраны очень подробные сведения. Чтобы каждый раз не повторяться, используем сокращения:

Название в подворной карточке	Название в данной книге
Рабочая лошадь старше 4-х лет	рабочая лошадь
Рабочая лошадь до 4-х лет	рабочая лошадь до 4-х лет
Лошадь от 1 года до рабочего возраста	нерабочая лошадь
Жеребята до 1 года	жеребята
Коровы	коровы
Нетели старше 1 $\frac{1}{2}$ лет	нетели
Бычки от 1 $\frac{1}{2}$ до 2 лет	бычки
Подтёлки и бычки от 1 до 1 $\frac{1}{2}$ лет	подтёлки
Телята до 1 года	телята
Овцы и бараны взрослые	овцы
Ягнята	ягнята
Свиньи и борова старше 1 года	свиньи
Подсвинки от 4 месяцев до 1 года	подсвинки
Поросята до 4 месяцев	поросята

Далее в списке жителей не приводится суммарное количество скотины в хозяйстве, не все переписчики это делали.

Обилие информации имеется на оборотной стороне подворной карточки. Здесь показаны землевладение и посев.

В отличие от предыдущей переписи 1916 года в 1917-м собрали данные об обеспеченности землёй. Временное правительство объявило о подготовке земельной реформы, переделе всех угодий, поэтому и собиралась информация. В этих графах часты исправления, дополнения, возможны ошибки. Далее приводится цифровой материал без проверки, как он был записан.

Главный вопрос семнадцатого года – вопрос о земле – был весьма сложный и требует внимания. Землевладение имело разные юридические формы. У крестьян в основном была «надель-

ная» земля, которую они получили (были наделены) во время реформ 1860-х годов. Надельная земля делилась по «душам», которые сохранялись с отмены крепостного права.

Но с 1906 года началась Столыпинская реформа, когда все крестьяне получили право приватизировать надельную землю, как тогда говорили «укрепить» в частную личную собственность, от названия документа – «купчей крепости». Вокруг Михайловки очень многие укрепили / приватизировали свои наделы, но в основном «чересполосно». То есть полосы пашни не соединялись в один участок (отруб или хутор), а оставались разбросанными по трём полям, но уже считались личной собственностью и не подлежали переделу.

Сельчанин мог купить такие укрепленные земли, или приобрести землю единолично (участками), или войти в состав товарищества для совместной (оптовой и более дешёвой) покупки. В Вавилово у дворян их родовые владения записывали как купчие единоличные земли.

Очень широко была распространена аренда земли. Её арендовали в своём или чужом обществах / деревнях у крестьян, у частных лиц (помещиков), учреждений (удела или казны). В основном практиковалась краткосрочная аренда на один год, точнее на один посев / укос. Далее это указывается: (1Д), то есть земля арендована на один год / посев за денежную плату. Если были иные условия аренды (за отработки), они указываются. Пашню арендовали под озимый или яровой посев, или под пар.

Вся земля была разбита на усадьбу, пашню, покосы и остальные угодья. Под «остальными угодьями» понимается доля крестьянина в общественных землях – лесе, выгоне, пр., чем сельчане пользовались сообща. В карточках часты исправления в графах о землевладении, поэтому не приводятся итоговые результаты, возможны ошибки и несовпадения.

В конце даны сведения о посеве в казённых десятинах (= 2400 квадр. саженой = 1,09 гектаров), паровой земле, итоговом количестве пашни.

Если каких-то сведений нет, значит в графах подворной карточки ничего не записано. Все особые примечания обязательно приводятся.

В отличие от предыдущей переписи 1916 года материалы сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года имеют достаточно высокую степень достоверности. Временное правительство открыто объявило о предстоящей всеобщей земельной реформе, крестьянство ждало «чёрного передела», статистики убеждали домохозяев говорить правду, не скрывать ничего, чтобы новая демократическая власть могла честно между всеми всё

поделить. Случаев отказов крестьян сообщать сведения о своих хозяйствах по Уфимской губернии очень мало (ряд домохозяев в соседнем селе Красный Яр не стали говорить). Но, конечно, при этом нельзя не учитывать традиционную крестьянскую недоверчивость к власти, поэтому поправку на сокрытие информации надо обязательно делать.

Материалы переписи 1917 года, к счастью сохранились в уфимском архиве (есть различные подсчёты, общинные бланки), итоговые данные по всем селениям Уфимского уезда уже опубликованы (таблица, фрагмент)¹. Эти подсчёты несколько отличаются от последующих списков домохозяев, исключены отсутствовавшие дворы.

Селение	Хозяйств	Жителей	Посев (дес.)	Раб. лошадей	Группировка по посеву		
					до 4 дес.	4–10 дес.	свыше 10 дес.
Вавилово русские	14	90	79,37	23	2	11	1
Куровское русские	12	76	115,8	24	2	6	4
украинцы	1	6	–	–	1	–	–
Ново-Михайловка русские	16	108	177,57	41	3	4	9
белорусы	8	47	–	–	8	–	–
Падеевка русские	22	171	181,89	47	1	17	4
украинцы	13	72	5,55	–	4	9	–
Суровка русские	49	303	205,11	81	31	15	3
белорусы	3	19	–	–	3	–	–

Ценность, уникальность переписи 1917 года в том, что это **ЕДИНСТВЕННЫЙ** исторический источник показывающий как жила каждая сельская семья, богатая была или бедная, сколько сеяли хлеба и держали скотины, помимо генеалогического материала, который позволяет установить родословную.

Далее приводится полный список жителей Вавилово на август 1917 года (порядковые номера – это номера подворных карточек). Впервые узнаём реальных жителей деревни, а не юридических собственников земли, которые могли здесь не проживать вообще.

¹ Роднов М.И. Крестьянство Уфимского уезда по переписи 1917 года. Уфа, 1997. С. 71–73; см. также: Роднов М.И. Население Уфимского уезда по переписи 1920 года: справочник / Отв. ред. А.Д. Коростелёв. СПб., 2014.

Население деревни Вавилово в 1917 году¹

1) **Романов Степан Афанасьевич**, государственный крестьянин, русский, приписной, 48 лет.

Семья: сыновья 24 (в армии), 13, 8, 7, жена 45, дочери 18, 16, 5 лет.

Нанимались подённые и сдельные работники. Многолемешный плуг, телега на железном ходу.

Скот: 3 рабочих лошади, нерабочая лошадь, жеребёнок, 2 коровы, нетель, 2 телёнка, 14 овец, 10 ягнят, свинья, 9 подсвинков, 3 поросёнка.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 1 душу – усадьба 0,5 дес., пашни – 5,6, остальное – 0,5, всего – 6,7 дес.

купчая единолично участками – 0,83 дес. пашни

арендует в своём обществе – 1,75 дес. озимого (1Д), 2,47 пара

арендует у частных лиц – 1,25 озимого, 5,5 ярового (1Д)

Посев: 5 дес. озимой ржи, 1,5 овса, 1 проса, 3 гречихи, 0,25 картофеля «на усадьбе», всего – 10,75 дес., пара – 5,3, итого – 16,05 дес.

2) **Романов Михаил Афанасьевич**, государственный крестьянин, русский, отсутствующий. «Семья проживает на ж. д. станц. С.-З. ж. д.» [Самаро-Златоустовской железной дороги]

Скот: нетель, 2 овцы, ягнёнок. «Скотина находится у брата Степана Романова».

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 1 душу – 4 дес. пашни, 0,5 дес. остальные угодья, итого 4,5 дес.

купчая участками – 0,83 дес. пашни

сдаёт в аренду в своём обществе – 1,75 дес. под озимое (1Д) и 2,25 дес. пара (1Д)

3) **Романов Николай Афанасьевич**, крестьянин, русский, 41 год.

Семья: сыновья 7, 0, мать 90, жена 35, дочь 3 года.

Нанимались подённые и сдельные работники. Многолемешный плуг, улей.

Скот: 2 рабочих лошади, жеребёнок, 2 коровы, 2 подтёлки, 3 телёнка, 10 овец, 8 ягнят, 5 свиней, 6 поросят.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 1 душу – усадьба 0,5 дес., пашни – 5,6

купчая единолично участками – 0,8 пашни

арендует в чужом обществе – 2 дес. озимого, 1,2 ярового, 1 пара (все 1Д)

¹ НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 4749.

Посев: 4 дес. озимой ржи, 0,5 овса, 0,5 проса, 2 гречихи, 0,1 картофеля «на усадьбе», всего – 7,1 дес., пара – 2, итого – 9,1 дес.

4) **Герасимов Михаил Максимович**, крестьянин, русский, 63 года.

Семья: сыновья 33 (в армии), 30 (в армии), 21 (в армии), внуки 3, 0, жена 48, снохи 31, 28, внучка 3 года.

Нанимались подёнщики. Многолемешный плуг, веялка.

Скот: 3 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 2 коровы, 6 овец, 6 ягнят.

Земля: наделная укрепленная чересполосно на 1 душу – усадьба 0,5 дес., пашни – 5,6, остальное – 0,5, всего – 6,7 дес.

наделная купленная в чужом обществе – 4,5 пашни

арендует у частных лиц – 1,5 ярового (1Д), 1,33 пара

Посев: 4 дес. озимой ржи, 0,5 проса, 2,5 гречихи, всего – 7 дес., залежь – 5,33 дес., итого – 12,33 дес.

5) **Вавилова Федосья Петровна** (вдова), дворянка, русская, приписная, 51 год.

Семья: сыновья 24 (в армии), 13, внук 2, сноха 23 года.

Нанимались подённые и сдельные работники, многолемешный плуг, веялка.

Скот: 2 рабочих лошади, 2 коровы, бычок, подтёлка, 2 телёнка, 8 овец, 7 ягнят, 2 свиньи.

Земля: купчая единолично участками – усадьба 0,15 дес., пашни – 1, всего – 1,15 дес.

арендует у частных лиц 3 дес. озимого, 1,25 ярового, 3 пара (все 1Д)

Посев: 3 дес. озимой ржи, 0,25 проса, 2 гречихи, 0,05 картофеля, всего – 5,3 дес., пара – 3, итого – 8,3 дес.

6) **Вавилов Алексей Петрович**, дворянин, русский, приписной, 59 лет.

Семья: сыновья 26 (отсутствующий), 8, [ещё один сын зачёркнут] жена 51, сноха – зачёркнута, дочери 16 и 13 лет.

Многолемешный плуг, веялка.

Скот: рабочая лошадь.

Земля: купчая единолично участками – усадьба 0,2 дес., пашни – 29,8, всего – 30 дес.

сдаёт в аренду частным лицам 9,5 дес. озимого, 11,8 ярового, 2 пара (все 1Д)

Посев: 3,5 дес. озимой ржи, 0,5 проса, 0,5 гречихи, всего – 4,5 дес., пара – 2, итого – 6,5 дес.

7) **Вавилова Екатерина Фирсовна** (вдова), дворянка, русская, приписная, 60 лет.

Семья: сын 33 (в армии), внук 5, сноха 28, внучка 3 года

Нанимались подённые, сдельные работники. Веялка.

Скот: рабочая лошадь, 2 коровы, бычок, подтёлка, 2 телёнка, 9 овец, 9 ягнят, 4 свиньи, 7 поросят.

Земля: купчая единолично участками – усадьба 0,15 дес., пашни – 8, остальное – 1,33, всего – 9,48 дес.

Посев: 4 дес. озимой ржи, 0,67 овса, 0,33 проса, 2 гречихи, 0,1 картофеля, всего – 7,1 дес., пара – 1, итого – 8,1 дес.

8) **Вавилова Анна Сидоровна** (вдова), дворянка, русская, приписная, 65 лет

Семья: сыновья 42 (в армии), 24 (в армии), внуки 14, 8 лет, сноха 38, внучки 9, 5, 3 года.

Нанимались подённые и сдельные работники. Многолемешный железный плуг, 1/3 веялки, скота нет.

Земля: купчая единолично участками – усадьба 0,15 дес., пашни – 2 дес.

арендует у частных лиц 0,75 дес. озимого, 4 дес. ярового, 1,25 дес. пара (все 1Д)

Посев: 1,75 дес. озимой ржи, 1 проса, 3 гречихи, 0,25 картофеля, всего – 5,9 дес., пара – 2 дес., итого – 7,9 дес.

9) **Вавилов Николай Михайлович**, дворянин, русский, приписной, 60 лет.

Семья: сыновья 36 (в армии), [один сын зачёркнут], 29 (в армии), [внук зачёркнут], тёща 77, жена 56, снохи 26, 24, дочь 16, внучки 3, 10 лет.

Многолемешный плуг, телега на железном ходу.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 2 коровы, нетель, бычок, 2 подтёлки, 2 телёнка, 14 овец, 10 ягнят, 5 свиней, 6 поросят.

Земля: купчая единолично участками – 3,5 дес. пашни

арендует у частных лиц – 2 дес. озимого, 4 ярового, 2 пара (все 1Д)

Посев: 3 дес. озимой ржи, 1 овса, 1 проса, 3 гречихи, всего – 8 дес., пара – 3,5, итого – 11,5 дес.

10) **Вавилов Василий Алексеевич**, дворянин, русский, приписной, 52 года.

Семья: жена 35, дочери 18, 14, 7, 5 лет. 1/3 веялки.

Скот: рабочая лошадь, корова, подтёлка, 2 свиньи.

Земля: купчая единолично участками – усадьба 0,2 дес., пашни – 7,42, остальное – 1, всего – 8,62 дес. в двух участках.

Посев: 2 дес. озимой ржи, 1 овса, 1 проса, 0,42 гречихи, всего – 4,82 дес., пара – 3, итого – 7,42 дес.

11) **Вавилов Сергей Алексеевич**, дворянин, русский, приписной, 60 лет (нанимается на сельхоз. работы).

Семья: сын 18, внук 7, жена 60, дочь 30, внучка 3 года.

Многолемешный плуг, 1/3 веялки, телега на железном ходу.

Скот: 2 рабочих лошади, рабочая лошадь до 4-х лет, нерабочая лошадь, 2 коровы, 2 подтёлки, 2 телёнка, 4 овцы, 3 ягнёнка, 2 свиньи, подсвинок, 3 поросёнка.

Земля: купчая единолично участками – усадьба 0,15 дес., пашни – 9, остальное – 1, всего – 10,15 дес. в двух участках.

аренда у частных лиц – запись стёрта

Посев: 3 дес. озимой ржи, 0,25 овса, 0,25 проса, 2 гречихи, 0,1 картофеля, всего – 5,6 дес., пара – 3,5, итого – 10,1 дес.

12) **Павлов Николай Дмитриевич**, мещанин, русский, посторонний, 27 лет.

Семья: жена 28, дочь 2 года.

Улей, телега на железном ходу.

Скот: рабочая лошадь, нетель, подтёлок, подсвинок.

Земля: арендует у частных лиц 1 дес. озимого и 1 ярового (1Д)

Посев: 1 дес. озимой ржи, 0,75 овса, 0,25 картофеля, всего – 2 дес.

13) **Решетников Д.И.** [сначала была другая запись], крестьянин, русский, 23 года.

Жена 20 лет. 100 ульев.

14) **Вавилов Пётр Васильевич**, дворянин, русский, приписной, 93 года.

Семья: пасынок 40 (мясник), родной внук 12, жена 75, сноха 38, внучка 10 лет.

Нанимались сроковые [в составе семьи была указан работник, потом зачёркнут] и подённые работники. 10 ульев, многолемешный плуг, веялка, 3 телеги на железном ходу.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 2 коровы, бычок, 2 телёнка, 9 овец, 8 ягнят, 3 свиньи, 6 поросят.

Земля: купчая единолично участками – 0,25 дес. усадьба, пашни – 6, всего – 6,25 дес. в одном участке

арендует в чужом обществе 1,5 дес. под яровое

Посев: 3 дес. озимой ржи, 1,25 овса, 0,25 проса, 0,1 картофеля, всего – 4,6 дес., пара – 3, итого – 7,6 дес.

15) **Калганов Фёдор Николаевич** [сначала было указано: Николай Леонтьевич, зачёркнуто, сверху вписан сын], крестьянин-собственник, русский, приписной, 23 года (в армии) [сначала возраст был указан – 48 лет, зачёркнут]

Семья: внук 3, жена 45, сноха 23, внучка 3 года [возраст членов семьи указан по отношению к первому домохозяину – Николаю Леонтьевичу]

Нанимал подённых и сдельных работников, 10 ульев, многолемешный плуг, веялка, телега на железном ходу.

Скот: 2 рабочих лошади, жеребёнок, 2 коровы, 2 подтёлки, 3 овцы, 2 ягнят, 3 свиньи, 2 подсвинка.

Земля: наделная куплено укреплённых наделов в чужом обществе на 2 души – 9 дес. пашни

купчая единолично участками – 0,2 дес. усадьбы, пашни – 7 дес.

Посев: 3 дес. озимой ржи, 1 овса, 0,5 проса, 2,5 гречихи, 0,1 картофеля, всего – 7,1 дес., пара – 9 дес., итого – 16,1 дес.

Таким образом, в 1917 году население Вавилово состояло из двух групп – крестьян и дворян. Первые, потомки бывших крепостных: Афанасия Романова – Степан, Михаил и Николай (сыновья унаследовали по одному душевому наделу), а также М.М. Герасимова. Это были в общем зажиточные хозяева, лишь М.А. Романов стал железнодорожником и землю сдавал в аренду.

Кроме того, в Вавилово обосновались новые жители. Мещане Павловы покупали дворянскую землю, но в 1917 году у Н.Д. Павлова имелись только арендованные угодья. Некий Решетников завёл здесь большую пасеку, а из соседнего сельца Куровское переселились Калгановы, купившие в Вавилово укреплённую в годы Столыпинской реформы землю. В Куровском в 1917 году числилось хозяйство Ненилы Петровны Колгановой, про которую отметили: «Семья проживает в д. Вавиловой».

Статистик Афанасьев в августе 1917 г. добавил, что в Вавилово «большая часть населения имеют отдельные земельные участки частновладельческого характера». Действительно, из 15 числившихся семей в деревне жили восемь дворян Вавиловых.

Сравнение со списком дворян Вавиловых за 1902 год показывает присутствие в 1917 году четырёх домохозяев. Патриархом сельца был 93-хлетний Пётр Васильевич Вавилов (около 1824 года рождения). Вместе с ним на общем земельном участке вёл хозяйство Сергей Алексеевич Вавилов (карточка № 11) и, видимо, его брат Василий Алексеевич Вавилов (№ 10). Это бывшая 2-я часть полсельца Вавилово, где хозяйничал патриарх с двумя племянниками, сыновьями Алексея Васильевича.

Николай Михайлович Вавилов (№ 9) состоял соседом Алексею Петровичу Вавилову (№ 6). Это бывшая 4-я часть полсельца, хозяева – двоюродные братья, сыновья Михаила и Петра Андреевичей Вавиловых. А вот доля третьего брата Павла Андреевича была продана. В 1917 году ею владел (4 дес. пашни) житель соседней дер. Падеевки (старой Михайловки) Григорий Николаевич Иванов (подворная карточка № 1 той деревни, где он указан отсутствующим, возможно жил в Вавилово).

Остались три дворянки Вавиловы. Под номером семь зна-

чится вдова Е.Ф. Вавилова. Она пользовалась землёй Фионии Семёновны Вавиловой с прочими (1-е полсельца), чьи были две прочие вдовы Вавиловы не ясно.

Почти у всех Вавиловых остались совсем небольшие участки земли, многим приходилось арендовать угодья. Лишь Алексей Петрович Вавилов (№ 6) был обладателем существенного «поместья» в 30 дес. Ему достались два участка в 11,4 дес. от отца Петра Андреевича Вавилова, который приобрёл их у крестьянина Михаила Медведева и дворянки Вавиловой. Эти земли лежали вблизи дер. Ново-Михайловки. Также А.П. Вавилов наследовал три участка (15,3 дес.) от Олимпиады Мироновны Вавиловой (она их получила от И.И. Вавилова)¹. Это был единственный из местных дворян Вавиловых, к которому можно применить термин «помещик», правда, имевший скромное, «средняяцкое» хозяйство (одна лошадь, 4,5 дес. посева). Материалы переписи 1917 года показывают, что Вавиловы вели обычное крестьянское хозяйство, сами занимались земледелием.

Дворянская деревня Вавилово плавно переходила в соседнюю *Падеевку*, такое название стало укореняться за *Михайловкой*, первоначальной, старой Михайловкой.

Информации об этой деревне меньше. В 1898 году сельский писарь в Падеевке согласился стать добровольным корреспондентом уфимской земской статистики² и посылать сведения о жизни крестьянской, но, видимо, быстро передумал.

В отличие от Вавилово с многочисленными частными собственниками, в Михайловке (Падеевке) лишь крестьянин Павел Фёдорович Калентьев 22 января 1913 года приобрёл у Якова Ларионовича Галанова 2 дес. 1400 саж. за 600 руб., да Алексей Павлович Минеев 1 февраля 1914 года купил 1800 кв. саж. полевой земли у односельчанина Ивана Михайловича Ильина за 120 руб.³ Возле сельца сохранялось владение купца М.С. Васильева (бывшее поместье Падейского, см. выше) площадью 364,41 дес. Имелась усадьба (2/3 дес.), 87 дес. было под пашней, 20,33 занимал сенокос, 212 дес. – лес⁴.

Выручают материалы переписей. Летом 1895 года Михай-

¹ НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 512.

² Обзор Уфимской губернии в сельско-хозяйственном отношении за 1898–99 год (лето – осень). Уфа, 1900. С. 258. Далее он не упоминался.

³ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 483. Л. 7 об., 12 об.

⁴ Там же. Д. 1096. Л. 61. К 1912 году все сельскохозяйственные угодья в имении М.С. Васильева сдавались в аренду (Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. С. 82–85). В материалах переписи 1917 года сказано про купца Мартемьяна Степановича Васильева, что вся «земля сдана в аренду, владелец проживает в г. Уфе» (НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 512).

ловку (Падеевку) подробно обследовали уфимские земские статистики. Деревня стояла на возвышенном месте – 14 дворов (21 ревизская душа). Жители помнили, что «пришли из Стерлитамам. уезда в 1848 году от помещика Зубова, как приданое его за дочерью помещ. Падееву».

Фрагмент советской карты. Падеевка и окрестности

Всей земли у здешнего сельского общества (общины) насчитывалось 100 дес. (усадыбы под постройками – 0,7, огороды и сады – 1,75, «выгон под леском», пашни – 88 дес., зарослей – 4,55, неудобий – 5 дес.). В числе последних 1 дес. 1250 саж. находилась под болотами, 2 дес. 150 саж. – под дорогами, 1000 саж. – под горами, 1 дес. занимали пересыхающие озёра. Имевшиеся 18 дес. сенокосов было «обращено в пашню», земли не хватало, почему есть «2 овражка, но пашутся».

Хозяйство велось по трёхпольному севообороту, под паром было 30 дес. Сеяли рожь, гречу, просо, полбу (норма высева – по 10 пуд. семян на десятину ржи, гречи, гороха, 15 пудов под полбу и два пуда проса). Сельчане приобрели 5 веялок по цене от 14 до 20 руб. Урожайность в 1894 году была в Михайловке (Падеевке) с казённой десятины (= 2400 кв. саж.) – 56 пуд. ржи, 20 гречи, 70 проса и по 50 полбы и гороха.

Статистики заметили, что «площадь под посевами точно не возможно определить, потому что они не размерены в засев, а ещё бывают перепашки на другой хлеб, вследствие чего число десят. разного хлеба меняются самопроизвольно». На огородах

михайловцы растили огурцы, капусту, картофель «для себя».

Держали много скотины: 31 рабочую лошадь, 4 лошадей подростков и 4 жеребят, 22 коровы, 18 подтёлок, 12 телят, 135 овец и 39 свиней. Лишь одна семья не имела рабочего скота.

Как всегда, проблема была с пастбищами. Деревенское стадо пасли «по всему лесу» и парам, арендовали у соседнего помещика Базилевского «полянку» в 8 дес., «за что засевают и вспахивают» ему 20 дес. Рабочих лошадей на день выпускали в свой лесок, а свиней отдавали на выпас в дер. Дмитриевку по 50 коп. с головы, конский молодняк также отдавали на выпас татарам в деревню Кумлюкуль по 1 руб. с головы (с 1 апреля по 1 октября).

Своё стадо пас один пастух, которому платили 20 руб. и 12 пуд. муки. Питался пастух у каждого домохозяина по очереди. Плату распределяли по дворам «соответственно количеству чередов» (сколько у домохозяина было скота в стаде, черед – 1 корова = 1 телёнку = 6 овцам).

Лесом пользуются «без дележа», каждый по надобности вырубал «сколько нужно». Крестьянам принадлежали всего лишь заросли (4 дес. 1390 саж.) дубняка 8-летнего возраста. Поэтому для отопления жители брали у соседних помещиков (Галкина, Базилевского, Волкова) «лес, который вырубают для расчистки под луга, за что им пользуются», а также покупали дрова по рублю за сажень (кубическую).

Основной доход сельчане получали от продажи ржи, гречи, гороха зерном или мукой, торговля шла осенью и зимой. Цены были не постоянны, так рожь в засушливом 1891 году михайловцы сбывали по 1 руб. 30 коп. – 1 руб. 40 коп. за пуд. В 1892 году рожь стоила уже 70–80 коп., в 1893 году – 36 коп., а в 1894 и 1895 годах – всего-навсего 25 коп. Гречиха в последние два года продавалась по 37 коп., горох – по 25 коп.

Большую роль в жизни крестьян играла аренда. Во-первых, приходилось покупать сено паями, по 25 руб. за пай в 4 дес., то есть снимали покосы и выкашивали.

Трое михайловцев с 1894 по 1899 год взяли в долгосрочную аренду 26 дес. пашни в соседней деревне Сосновке, землю и плату разделили поровну. Всего за пять лет пришлось отдать 552 руб. 50 коп. Такую внушительную сумму могли осилить только крепкие хозяева.

Большинство михайловцев прибегали к краткосрочной аренде (на один посев). За деньги снимали под яровое 6 дес. у соседа купца М.С. Васильева, по 8 дес. у Алексея Вавилова и помещицы Волковой, платили по 8, 10 и 12 руб. за дес. соответственно. Арендованные поля лежали в разных местах.

У Волковой михайловцы также арендовали пашню исполу.

Крестьяне обрабатывали и засеивали своими семенами её землю, а урожаем делили пополам снопами, да ещё обязаны были привезти снопы с поля на барский двор¹.

Следующая перепись прошла в 1912–1913 годах. Деревня Падейская (Михайловка) составляла отдельное Падейское сельское общество (общину) из бывших помещичьих крестьян: 21 двор (один безземельный, 8 чел.), 153 жителя (77 мужчин и 76 женщин). Надельная земля (100 дес.) изначально была поделена на 21 ревизскую душу, но затем михайловцы стали делить свои угодья на 18 душ.

В Столыпинскую реформу землю не приватизировали (не укрепляли), но купили три укрепленных надела (15,9 дес.). Никто в округе михайловцам землю так и не продал, приходилось арендовать у соседних помещиков свыше 67 дес. Поэтому в 17 дворах из 21 дес. всей земли (своей и арендованной) имелось не более 10 дес. собственной, немного.

Держали достаточно скота, но главным занятием оставалось земледелие. Высеивали 65,35 дес. ржи, 12,3 овса, 1,5 пшеницы, 9,3 проса, 45,3 гречихи, 0,85 гороха, 1,55 картофеля, всего – 136,55 дес. Четверо михайловцев завели крупные пасеки (160 ульев)². В общем обычная деревня.

Через пять лет, в разгар войны и революции, летом 1917 года Падеевка (общество Падеевское) было обследовано статистиками, благодаря чему можно заглянуть в каждый двор. Все домохозяева по сословию – бывшие помещичьи крестьяне (иногда просто крестьяне), приписные, русские. Это не станем повторять, лишь исключения указываются. Все пояснения приведены выше в инструкции по дер. Вавилово.

Население деревни Михайловки (Падеевки) в 1917 году³

1) **Иванов Григорий Николаевич**, 42 года, отсутствующий. Семья: сын 11, жена 40, дочь 13 лет.

Многолемешный плуг, веялка, телега на железном ходу.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, корова, телёнок, 5 овец, 6 ягнят, 3 свиньи, 2 поросёнка.

Земля: надельная общинная на 1 душу – усадьба 0,15 дес., 4,65 пашни, 0,05 остальные угодья.

купчая единолично участками – 7 дес. пашни, 1 дес. остальные, в двух участках.

¹ Там же. Д. 813. Л. 98–100.

² Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. С. 638–645.

³ НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 4770.

Посев: 4 дес. озимой ржи, 1 овса, 2 проса, 1 гречихи, 0,05 картофеля, всего – 3,65 дес.

2) **Кузин Алексей Прокопьевич**, 38 лет.

Семья: сыновья 13, 9, 2, 0, мать 70, жена 36, дочь 6 лет.

Нанимались подённые и сдельные работники. Многолемешный плуг, веялка, телега на железном ходу.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 2 коровы, 2 бычка, подтёлка, телёнок, 11 овец, 7 ягнят, 2 свиньи, 5 поросят.

Земля: надельная общинная на 2 души – 0,15 усадьба, 9,3 пашни, 0,1 остальные угодья.

купчая товарищеская – 1,67 покосов, 3,33 остальные.

арендует у частных лиц – 1 озимого, 1,25 ярового, 1 покоса (все 1Д), 3,5 пара.

Посев: 3,6 дес. озимой ржи, 1,5 овса, 0,75 проса, 2 гречи, 0,2 картофеля, всего – 8,05 дес., пара – 7, итого – 15,05 дес.

3) **Петров Андрей Филиппович**, 39 лет (в армии).

Семья: сыновья 10, 6, 3, жена 39, мать 75, дочь 8 лет.

Нанимались подённые и сдельные работники. Многолемешный плуг, веялка, телега на железном ходу.

Скот: 2 рабочих лошади, 3 коровы, 2 телёнка, 9 овец, 8 ягнят, 6 свиней, 9 поросят.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 2/3 души – 0,15 усадьба, 3,1 пашни, 0,37 остальные угодья.

купчая товарищеская – 2 покоса, 3,5 остальные, всего – 5,5 дес.

купчая единолично участками – 3 пашни, 3,25 остальные, всего – 6,25 дес.

арендует у частных лиц – 2 ярового, 1 покоса (1Д), 1,33 пара.

Посев: 2,5 дес. озимой ржи, 1 овса, 0,25 проса, 1,5 гречи, 0,18 картофеля, всего – 5,43 дес., пара – 4, итого – 9,43 дес.

4) **Калентьев Тимофей Феодорович**, 45 лет.

Семья: сыновья 16, 14, 12, 2, жена 44, дочери 18, 8, 5 лет.

Нанимались подённые и сдельные работники. Многолемешный плуг, веялка, 35 ульев.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, корова, бычок, телёнок, 9 овец, 8 ягнят, 2 свиньи, 2 поросёнка.

Земля: надельная общинная на 1/3 души – 0,15 усадьба, 1,55 пашни, 0,13 остальные.

купчая товарищеская – 1 покоса, 2 остальные.

купчая единолично участками – 3 пашни, 3,39 остальные.

арендует у частных лиц – 1,25 озимого, 5,25 ярового, 1 покоса, 3,2 пара (все 1Д)

Посев: 3,25 дес. озимой ржи, 1 овса, 0,25 проса, 4,5 гречи,

0,25 картофеля, всего – 9,25 дес., пара – 5, итого – 14,25 дес.

5) **Калентьев Александр Фёдорович**, 34 года (в армии).

Семья: сын 5, жена 33, дочь 3 года.

Нанимались подённые, сдельные работники. Многолемешный плуг, веялка, телега на железном ходу, 35 ульев.

Скот: 2 рабочих лошади, 2 коровы, 2 нетели, телёнок, 8 овец, 5 ягнят, 4 свиньи.

Земля: наделная общинная на 1/3 души – 0,15 усадьба, 1,55 пашни, 0,07 остальные.

купчая товарищеская – 0,67 покоса, 1,33 остальные.

купчая единолично участками – 3 пашни, 3,25 остальные.

арендует у частных лиц – 2 ярового, 1 покоса (все 1Д), 1 пара.

Посев: 2 дес. озимой ржи, 0,5 проса, 2 гречи, 0,1 картофеля, всего – 4,6 дес., пара – 3, итого – 7,6 дес.

6) **Иванов Пётр Нефёдович**, 37 лет.

Семья: сыновья 17, 15, 2, жена 36, дочери 13, 9, 5 лет.

Скот: 3 рабочих лошади, нерабочая лошадь, жеребёнок, 2 коровы, нетель, телёнок, 10 овец, 9 ягнят, 6 свиней, 7 поросят.

Земля: наделная общинная на 2/3 души – 0,15 дес. усадьба, 3 пашни, 0,34 остальные.

купчая единолично участками – 3 пашни, 1 остальной.

арендует в своём обществе – 0,5 озимого, 0,5 ярового, 0,75 пара (все 1Д)

арендует в чужом обществе – 1,33 ярового (1Д)

арендует у частных лиц – 1,75 озимого, 6 ярового, 1 покоса, 5,5 пара (все 1Д)

Посев: 4,5 дес. озимой ржи, 1,67 овса, 2,13 проса, 5,5 гречи, 0,13 картофеля, всего – 13,93 дес., пара – 8,5, итого – 22,43 дес.

7) **Иванова Соломонида Анисимовна**, 62 года, вдова.

Семья: сыновья 37 (в армии), 34 (в армии), 28 (в армии), внуки 8, 4, сноха 27, внучка 4 года.

Нанимались подёнщики. Многолемешный плуг, веялка.

Скот: 2 рабочих лошади, 2 коровы, бычок, 8 овец, 6 ягнят, 4 свиньи, 12 поросят.

Земля: наделная общинная на 2/3 души – 0,15 усадьба, 1,55 пашни, 0,17 остальные.

куплено укрепленных наделов в чужом обществе на 3 души – 9 дес. пашни, 2,5 покоса, всего – 11,5 дес.

купчая единолично участками – 3 пашни, 1 остальные.

арендует в своём обществе – 0,25 ярового.

арендует в чужом обществе – 1,33 ярового (1Д)

арендует у частных лиц – 0,67 ярового (1Д)

Посев: 4,5 дес. озимой ржи, 1,5 овса, 1 проса, 4 гречи, 0,3 картофеля, всего – 11,3 дес., пара – 4,5, итого – 15,8 дес.

8) **Иванов Виктор Нефёдович**, 41 год.

Семья: жена 37, дочери 18, 12, 6, 3 года.

Нанимались подённые и сдельные работники.

Скот: рабочая лошадь, корова, нетель, бычок, телёнок, 7 овец, 7 ягнят, 2 свиньи.

Земля: надельная общинная на 1/3 души – 0,15 дес. усадьба, 1,55 пашни, 0,17 остальные угодья.

арендует у частных лиц – 1 озимого, 1 ярового, 1 покоса, 1 пара (все 1Д)

Посев: 3 дес. озимой ржи, 1 овса, 1 проса, 2 гречи, 0,05 картофеля, всего – 7,05 дес., пара – 3,7, итого – 10,75 дес.

9) **Евдокимов Иван Сергеевич**, 32 года (в армии).

Семья: мать 75, жена 22, дочь 3 года.

Нанимались подённые и сдельные работники. Многолемешный плуг, ½ косилки.

Скот: 2 рабочих лошади, корова, телёнок, 9 овец, 11 ягнят, 4 свиньи, 3 подсвинка, 7 поросят.

Земля: надельная общинная на ½ души – 0,15 усадьба, 2,33 пашни, 0,25 остальные.

куплено укрепленных наделов в чужом обществе на ½ души – 2 пашни, 0,5 покосов.

арендует у частных лиц – 1 озимого, 1 ярового, 1 покоса, 3 пара (все 1Д)

Посев: 2,65 дес. озимой ржи, 1 овса, 0,25 проса, 1,55 гречи, 0,33 картофеля, всего – 5,78 дес., пара – 3,55, итого – 9,33 дес.

10) **Евдокимов Василий Сергеевич**, 37 лет (в армии).

Семья: сын 4, жена 32, дочери 12, 11, 7, 5, 0 лет.

Многолемешный плуг, ½ веялки, 60 ульев.

Скот: 2 рабочих лошади, 2 коровы, нетель, 2 телёнка, 7 овец, 7 ягнят, 5 свиней.

Земля: надельная общинная на ½ души – 0,15 усадьба, 2,33 пашни, 0,25 остальные.

куплено укрепленных наделов в чужом обществе на ½ души – 2 пашни, 0,5 покосов.

арендует у частных лиц – 4 озимого, 3,67 ярового, 3 пара (все 1Д)

Посев: 4,67 дес. озимой ржи, 1 овса, 0,5 проса, 3,25 гречи, 0,33 картофеля, всего – 9,75 дес., пара – 5,25, итого – 15 дес.

11) **Евдокимов Максим Сергеевич**, 66 лет.

Семья: сыновья 32 (в армии), 19, жена 62, сноха 28, внучка 2 года.

Нанимались подённые и сдельные работники. Многоле-

мешный плуг, веялка.

Скот: 2 рабочих лошади, 2 жеребёнка, 2 коровы, подтёлка, телёнок, 11 овец, 12 ягнят, 6 свиней.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – усадьба 0,15 дес., 4,65 пашни, 0,05 остальные.

арендует у частных лиц – 2,5 озимого, 2,25 ярового, 1 покоса, 4,33 пара (все 1Д)

Посев: 3,8 дес. озимой ржи, 0,5 овса, 0,33 проса, 2,8 гречи, 0,3 картофеля, всего – 7,73 дес., пара – 6, итого – 13,73 дес.

12) **Киреев Николай Михайлович** (сначала было записано: Моисеев Ник.), 63 года.

Семья: внук 9, брат 41 (в армии), жена 62, сноха 26, внучки 8, 1 год.

Нанимались годовой (работник – 15 лет), подённые и сдельные работники. Многолемешный плуг, ½ веялки, телега.

Скот: 3 рабочих лошади, 2 коровы, 9 овец, 9 ягнят, 4 свиньи, подсвинок, 4 поросёнка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – [плохо видно], 0,5 остальные.

арендует у частных лиц – 2,25 озимого, 2,5 ярового, 1 покоса, 3 пара (все 1Д)

Посев: 3,55 дес. озимой ржи, 1 овса, 0,75 проса, 2,1 гречи, 0,25 картофеля, всего – 7,65 дес., пара – 4,75, итого – 12,4 дес.

13) **Минеев Пётр Петрович**, 67 лет (слепой).

Семья: сыновья 38, 32 (оба в плену), хозяйка 65, снохи 37, 24, внучки 17, 14, 6, 3, 4 года.

Нанимались сроковые, подённые, сдельные работники. Многолемешный плуг, веялка.

Скот: 2 рабочих лошади, 3 коровы, нетель, телёнок, 8 овец, 6 ягнят, 4 свиньи, подсвинок, 5 поросят.

Земля: надельная общинная на ½ души – 0,15 усадьба, 6,2 пашни, 0,67 остальное.

арендует у частных лиц – 4,33 озимого, 2,33 ярового, 1 покоса, 2 пара (все 1Д)

Посев: 6 дес. озимой ржи, 1 проса, 3,25 гречи, 0,11 картофеля, всего – 10,36 дес., пара – 4,5, итого – 14,26 дес.

14) **Рябчиков Алексей Михайлович**, 63 года.

Семья: сыновья 33 (хромой), 27 (раненый), 39 (мастеровой в Симском ор[ужейном?] заводе), жена 63, сноха 27 лет.

Многолемешный плуг, веялка, 2 телеги на железном ходу.

Скот: 2 рабочих лошади, жеребёнок, 2 коровы, телёнок, 11 овец, 12 ягнят, 4 свиньи, подсвинок, 3 поросёнка.

Земля: надельная общинная на 1 душу – [плохо видно]

арендует у частных лиц – 2,5 озимого, 4 ярового, 1 покоса,

4,25 пара (все 1Д)

Посев: 3,8 дес. озимой ржи, 1,25 овса, 0,75 проса, 3,33 гречи, 0,27 картофеля, всего – 9,4 дес., пара – 6, итого – 15,4 дес.

15) **Рябчиков Михаил Алексеевич**, 43 года (нанимался на сельскохозяйственные работы в частных хозяйствах).

Семья: сыновья 23 (в армии), 19 (конторщик в Москве), жена 43, дочери 14, 10, 8, 6, 2, 24 (солдатка), внучка 2 года.

Многолемешный плуг, телега на железном ходу.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 2 коровы, 5 овец, 4 ягнёнка, 2 свиньи, 3 поросёнка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно – 0,15 дес. усадьбы

арендует у частных лиц – 2 дес. озимого, 3,75 ярового, 1 покоса, 3,5 пара (все 1Д), возможно, ещё 3,75 пара.

Посев: 2 дес. озимой ржи, 1 овса, 0,25 проса, 0,25 гречи, 0,25 картофеля, всего – 5,75 дес., пара – 3,5, итого – 9,25 дес.

16) **Кузьмин Степан Кузьмич**, 74 года.

Семья: сыновья 43, «иван» 35 (в армии), внуки 10, 7, 3, жена 70, снохи 30, 29 лет.

Нанимались подённые и сдельные работники. Многолемешный плуг, веялка.

Скот: 3 рабочих лошади, жеребёнок, 2 коровы, 3 подтёлки, 2 телёнка, 10 овец, 8 ягнят, 5 свиней, подсвинок, 3 поросёнка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 2 души – 0,15 дес. усадьбы, 9,36 пашни, остальные – 0,1.

арендует у частных лиц – 1 дес. озимого, 2,23 ярового, 1 покоса, 1 пара (все 1Д)

Посев: 3,6 дес. озимой ржи, 2,25 овса, 0,75 проса, 2,25 гречи, 0,2 картофеля, 0,08 льна, всего – 9,13 дес., пара – 4,5, итого – 13,63 дес.

17) **Минеев Павел Петрович**, 60 лет.

Семья: сыновья 38 (в армии), 36 (зачёркнут), 27 (безрукий, ранен), «иван» 24, 21, 19, 15, внук 0, жена 60, снохи 23, 22, 20, внуки 7, 5, 3 года.

2 многолемешных плуга, веялка.

Скот: 4 рабочих лошади, 3 коровы, 2 подтёлки, 8 овец, 8 ягнят, 5 свиней, 7 подсвинков.

Земля: надельная общинная на 1 1/3 души – 0,15 усадьба, 6,2 пашни, 0,67 остальные угодья.

арендует у частных лиц – 4,27 озимого, 5,33 ярового, 1 покоса, 3,67 пара (все 1Д)

Посев: 6 дес. озимой ржи, 1,5 овса, 0,5 проса, 5,25 гречи, 0,22 картофеля, всего – 13,47 дес., пара – 6, итого – 19,47 дес.

18) **Минеева Авдотья Гавриловна**, 31 год, солдатка.

Семья: сыновья 11, 9, 2, муж 56 (в плену), дочери 12, 4 года.

Нанимались подённые и сдельные работники.

Скот: рабочая лошадь, жеребёнок, 2 коровы, подтёлка, телёнок, 7 овец, 5 ягнят, 2 свиньи, подсвинок, 5 поросят.

Земля: наделная общинная – 0,15 дес. усадьба.

арендует у частных лиц – 1,75 озимого, 2 ярового, 1 покоса, 3 пара (все 1Д)

Посев: 1,33 дес. озимой ржи, 0,85 проса, 1,75 гречи, 0,05 картофеля, всего – 3,8 дес., пара – 3, итого – 6,8 дес.

19) **Иванов Пётр Михайлович**, 18 лет.

Семья: братья 35 (в армии), 20 (в армии), племянник 5, сноха 37 лет.

Нанимались подённые работники. Многолемешный плуг, веялка.

Скот: 2 рабочих лошади, 2 коровы, бычок, подтёлка, телёнок, 8 овец, 6 ягнят, 6 свиней, 5 поросят.

Земля: наделная общинная на 2 души – 0,15 усадьба, 4,65 пашни, 0,5 остальные.

арендует у частных лиц – 2,45 озимого, 2,33 ярового, 1 покоса, 3 пара (все 1Д)

Посев: 3,75 дес. озимой ржи, 0,75 овса, 0,75 проса, 2 гречи, 0,31 картофеля, 0,12 конопли, всего – 7,68 дес., пара – 4,75, итого – 12,43 дес.

20) **Ильин Иван Михайлович**, 55 лет.

Семья: сыновья 28 (раненый), 20 (в армии), 14, жена 59, дочь 18 лет.

Нанимались подённые работники. Многолемешный плуг, ½ веялки.

Скот: 2 рабочих лошади, 2 коровы, бычок, телёнок, 3 овцы, 2 ягнят, 3 свиньи, 5 поросят.

Земля: наделная общинная на 1 душу – 0,15 усадьба, 4,65 пашни, 0,5 остальные.

арендует у частных лиц – 1,33 озимого, 5 ярового, 1 покоса, 4 пара (все 1Д)

Посев: 2,63 дес. озимой ржи, 1,25 овса, 1,75 проса, 3,5 гречи, 0,1 картофеля, всего – 9,23 дес., пара – 5,75, итого – 14,98 дес.

21) **Минеев Александр Филипович**, 47 лет.

Семья: сыновья 20 «полоумный», 19 (раненый), 11, жена 42, дочери 18, 15, 7, 3 года.

Нанимались подёнщики. Многолемешный плуг.

Скот: 2 рабочих лошади, 3 коровы, нетель, 2 бычка, 2 телёнка, 16 овец, 15 ягнят, 7 свиней, 5 поросят.

Земля: наделная общинная на 2/3 души – 0,15 усадьба, 3,1 пашни, 0,36 остальные.

арендует у частных лиц – 3,5 озимого, 4 ярового, 1 покоса, 5,67 пара (все 1Д)

Посев: 4,37 дес. озимой ржи, 1,67 овса, 1 проса, 2,33 гречи, 0,23 картофеля, всего – 9,6 дес., пара – 6,67, итого – 16,27 дес.

22) **Киреев Степан Моисеевич**, 55 лет.

Семья: сыновья 22 (в армии), 16, 9, жена 55, дочь 17 лет.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, корова, подтёлка, телёнок, 7 овец, 5 ягнят, 4 подсвинка.

Земля: наделная общинная на 1 душу – [не читается], 0,5 остальные угодья.

арендует у частных лиц – 1 озимого, 1 ярового, 1 покоса и 1 пара (все 1Д)

Посев: 2,3 дес. озимой ржи, 0,5 проса, 2 гречи, 0,1 картофеля, всего – 4,9 дес., пара – 2,75, итого – 7,65 дес.

Хутор М.С. Васильева при дер. Падеевке:

1) **Кухтар Мария Леонтьевна**, беженка¹, малороска (украинка), 48 лет.

Семья: сын 6, дочери 18, 13, 7, 23 года.

Скот: корова, свинья.

Земля: арендует у частных лиц – 0,75 дес. ярового.

Посев: 0,25 дес. проса, 0,25 гречи, 0,25 картофеля, всего – 0,75 дес.

2) **Жук Константин Григорьевич**, беженец, малорос, 47 лет, чернорабочий.

Семья: сыновья 10, 1, мать 60, жена 43 чернорабочая, дочери 15, 9, 5 лет.

Скот: подсвинок.

Посев: 0,15 дес. картофеля.

3) **Ткачук Антон Моисеевич**, беженец, малорос, 37 лет, отсутствующий.

Семья: сын 12, жена 33, дочь 10 лет.

Скот: подсвинок.

Посев: 0,25 дес. картофеля.

4) **Якамчук Василий Васильевич**, беженец, малорос, 54 года.

Семья: сыновья 28, 17, жена 55, дочери 13, 10 лет.

Скот: корова, телёнок, 2 подсвинка.

Посев: 0,25 дес. картофеля.

¹ У беженцев по аналогии указано сословие – помещичьи крестьяне.

5) **Марчук Екатерина Оттоновна**, беженка, малороска, 25 лет, сельскохозяйственная работница в частновладельческом хозяйстве. Дочь 5 лет.

6) **Сергявич Антон Иванович**, беженец, малорос, 54 года. Семья: сын 12, отец 84, дочери 21, 15, 9 лет (все подёнщики).

Скот: корова, 2 свиньи.

Земля: арендует у частных лиц – 1 дес. ярового (1Д)

Посев: 0,75 дес. проса, 0,25 гречи, 0,25 картофеля.

7) **Магер Феодор Лаврентьевич**, беженец, малорос, 47 лет, чернорабочий.

Семья: сыновья 20 (в армии), 17, 9, 7, 4, жена 47, дочь 22 года (чернорабочая).

Скот: корова, 2 свиньи.

Посев: 0,1 дес. картофеля.

8) **Проневич Григорий Максимович**, беженец, малорос, 45 лет.

Семья: сыновья 13, 5, тёща 61, жена 40, дочери 16, 3 года.

Скот: корова, свинья.

Земля: арендует у частных лиц – 0,75 дес. ярового (1Д)

Посев: 0,25 дес. проса, 0,25 гречи, 0,25 картофеля.

9) **Васкевич Иосиф Григорьевич**, беженец, малорос, 65 лет.

Семья: сын 42, жена 65, сноха 40, дочь 20 лет.

Скот: корова, свинья.

Земля: арендует у частных лиц – 0,75 дес. ярового.

Посев: 0,25 проса, 0,25 гречи, 0,25 картофеля.

10) **Яназайко Ульяна Леонтьевна**, беженка, малороска, 44 года, чернорабочая.

Семья: муж 48 «в Америке» отсутствующий, сын 11, дочери 15, 12 лет.

Скот: 2 поросёнка.

Земля: арендует у частных лиц – 1 дес. ярового (1Д)

Посев: 0,5 проса, 0,5 картофеля.

11) **Осовец Тимофей Якимович**, беженец, малорос, 48 лет, чернорабочий.

Семья: сын 15, жена 48 чернорабочая, дочь 11 лет.

Скот: корова, 2 поросёнка.

Земля: арендует в своём обществе – 0,05 дес. за «отработки»

Посев: 0,05 дес. картофеля.

12) **Рожебич Даниил Францевич**, беженец, малорос, 58 лет, чернорабочий.

Семья: сын 6, жена 48, дочери 13, 3 года.

Земля: арендует в своём обществе – 0,25 дес. (на 1 посев за

отработки)

Посев: 0,25 картофеля.

13) **Фильков Александр Игнатьевич**, беженец из Гродненской губернии Кобринского уезда¹, 50 лет, работает в частновладельческом хозяйстве.

Семья: сын 16, жена 49, дочери 17, 11, 9 лет.

Скот: поросёнок.

Земля: арендует в своём обществе – 0,25 дес.

Посев: 0,25 дес. картофеля.

Материалы переписи 1917 года подтверждают, что бывшая усадьба М.Н. Падейского продолжала существовать. Когда в 1915 году сюда прибыла большая партия беженцев с запада современной Беларуси (звались «малороссами»), их разместили в оставшихся постройках старинной барской усадьбы, принадлежавшей семье купца Мартемьяна Васильева.

Беженцы уже более-менее обосновались, многие обзавелись скотиной, арендовали землю, сажали картошку, а немногие и зерновые. Это было редкостью в то время. Значит, поселившиеся в Падеевке беженцы прибыли в наш край в числе первых.

Сама же деревня Михайловка (Падеевка) оставалась обычным сельским (аграрным) поселением, заметим, что немногие приватизировали (укрепили) свои наделы в годы Столыпинской реформы. Своей земли не хватало, почти каждый арендовал пашню и сенокос на стороне. Обычно арендный договор заключали от имени всего сельского общества.

Падеевка была крепкой, самой середнячком, пожалуй, в округе деревней. У сельчан имелось много скота, достаточно дорогого фабричного (железного) инвентаря. Обращает внимание присутствие многолемешных плугов, своеобразного конского «предтечи» трактора. Важнейшим условием сравнительного процветания местных жителей было удобное географическое положение на большом тракте и совсем рядом с городом. Сельчане продавали свой хлеб непосредственно в Уфе, минуя посредников – перекупщиков, спекулянтов, по розничным ценам.

За полвека после отмены крепостного права Михайловка (Падеевка) выросла вдвое, с 11 до 22 дворов. В начале 1860-х годов домохозяевами были: Алексей Леонтьев, Пётр Минеев, Кузьма Петров, Кузьма Осипов, Нефёд Иванов, Степан Иванов, Сергей Евдокимов, Михайло Иванов, Фёдор Фёдоров, Николай

¹ В подворной карточке также указано село, откуда он приехал, но запись читается плохо, ясно видно только начало: Ель... Среди селений Кобринского уезда сходное название имеет деревня Ялочь Осовецкой волости.

Иванов и Мосей (Моисей) Киреев.

В 1917 году в деревне жили Ивановы и Петровы, Евдокимовы, Киреевы, Минеевы. Но появились и новые фамилии. Видимо, в нескольких семьях старые патронимические фамилии-полуотчества были заменены на другие: Кузьмин (от Кузьмы Осипова?), исчезли Алексей Леонтьев и Фёдор Фёдоров, зато появились Калентьевы (они Фёдоровичи) и Рябчиковы (они Алексеевичи). Есть совсем новые фамилии – Кузин, Ильин.

Сельское общество само решало: принимать или нет новых жителей, наделяя их угодьями. Но, учитывая что надельной земли самим не хватало, в Падеевке был стабильный состав жителей. Не случайно, что сельчане вспомнили свою историю, о прибытии из Стерлитамакского уезда в 1848 году.

В Михайловке (Падеевке) сохранялись крепкие общинные традиции. По первоначальному наделению вся земля (100 дес.) делилась на 21 душевой надел, потом стали делить на 18 душ. Последний передел произошёл более 20 лет назад, сообщили в 1917 году. Из 18 наделов четыре были укреплены (приватизированы) во время Столыпинской реформы, но чересполосно. То есть разбросанные полосы не соединялись в единый участок, а оставались в трёх полях. Только теперь их можно было продавать, закладывать, они считались личной собственностью. Все укрепления происходили с согласия общины, споров из-за приватизации в Михайловке не случилось, «была покупка наделов».

Вся пахотная земля в Михайловке (Падеевке) на 1917 год состояла из трёх полей: парового (31,5 дес.), озимого (23,4 дес.) и ярового (28,8 дес.). На один душевой надел приходилось в паровом поле 1,75 дес. (60 x 70 = 4200 кв. саж.), в озимом – 1,3 дес. (60 x 53 = 3150 кв. саж.) и яровом – 1,6 дес. (60 x 63 = 3780 кв. саж.). А всего один душевой надел в Михайловке составлял 4,65 дес. пашни. У домохозяина могла быть половина, две трети и менее надела, это результат семейных разделов.

Пашня унавоживалась. Земли было немного, крестьяне понимали важность удобрения, повышения плодородия почвы, не случайно паровое поле в Падеевке было самым большим (искажённое трёхполье). Ежегодно около 60 возов навоза вывозилось на поля в междупарье.

Кроме пашни у Падеевского общества имелся выгон (9 дес.) и 4 дес. неудобий. На каждую душу приходилось по 0,5 дес. прочих (остальных) угодий. Это доля семьи в общественном выгоне, которым пользовались сообща. «Усадебных мест числится всего 22», размер усадьбы в деревне был в 0,15 дес. Усадебный

участок считался семейной собственностью¹.

Нехватка своей земли в Михайловке (Падеевке) приводила к покупкам. На землях недалеко от Михайловки большой участок в 493 дес. 934 саж. был приобретён Быховецким товариществом из 76 (или 69) участников, получивших землю в зависимости от внесённого количества денег. Большинство в товариществе составляли жители Дмитриевки, но в него также вошли жители деревень Куровская, Суровка и Падеевка.

Из Падеевки по 2 дес. приобрели Павел и Александр Фёдоровичи Калентьевы, 3 дес. – Тимофей Фёдорович Калентьев, одну – Зиновия Фёдоровна Кузнецова, 5 дес. – Алексей Прокопьевич Кузин и 5 дес. 1600 саж. – Андрей Филиппович Минеев². Заметим, что кроме трёх домохозяев (А.Ф. и Т.Ф. Калентьевы, А.П. Кузин), они есть в списке жителей за 1917 год, остальные среди постоянных жителей Падеевки не значатся.

Кроме того, в соседнем Вавилово распродавали землю обедневшие дворяне и михайловские крестьяне приобрели угодья в 6-й части полсельца Вавилово. В подворных карточках они значатся как купчие единолично.

Участок в 19 дес. В.Ф. Пугиной унаследовали С.А. Нефёдова и А.Н. Иванова, которые продали её соседним жителям Падеевки. Угодья купили и поделили четверо Ивановых. Соломонида, Григорию и Петру досталось по 4 дес., Никите – 5,7 дес., итого – 14,7 дес. пашни, 3 дес. зарослей (остальное, видимо, неудобья). Другие 19,75 дес. у Т.Ф. Мурашёвой купили оба Калентьева и Андрей Филиппович Петров (по 3,25 и 3,39 дес.)³.

Далее по тракту, за Падеевкой и Вавилово лежало сельцо *Куровское*. Помещиков с такой фамилией давно уже не было и название стали искажать. Между дер. Вавилово и Куровское у дворянина Волкова группа крестьян купила 50 дес., составив товарищество «Курасковское». В товариществе состояли семь жителей Миловки, один из Дмитриевки и получивший 5 дес. Николай Хохлов из «дер. Курасковой»⁴. Укоренившееся в советское время имя «Курасково» восходит к дореволюционной эпохе.

Судьба исчезнувшего сельца Куровское сложилась своеобразно. Вокруг небольшой деревни лежали обширные земли бывшего дворянского поместья, которые продавались, перепродавались, делились, меняли своих владельцев. Начнём с деревни.

В 1895 году в Уфимском уезде прошло подробное исследование, материалы которого приоткрывают нам сельскую жизнь.

¹ НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 512. Л. 68–69 об.

² Там же. Л. 102.

³ Там же. Без пагинации.

⁴ Там же. Л. 90.

Жители деревни Волково (Куровское) составляли единое Волковское сельское общество, куда вошли бывшие крепостные Левкович и Волкова. Земли было 66 дес. у первых и 58,5 дес. у вторых, итого – 124,5 дес., пашня и совсем мало покосов¹.

План сельца Куровское, 1875 год

2 июня 1895 года в Куровское приехала целая бригада статистиков во главе с агрономом Н.Г. Овчинниковым, который с января 1895 по февраль 1896 года руководил только что созданным статистическим бюро Уфимского земства. Вместе с ним изучали деревню Фролов, Астахов и Пермьяков.

Крестьяне надел получили на 13 и 14 ревизских душ в одной меже, селение лежало «на северной границе надела». Под постройками находилась 1 дес., под огородами и садами – 1,25, выгона имелось 2,75, пашни – 118,9, дороги занимали 0,6 дес.

Спустя десятилетия крестьяне также делили землю на 27 душ, «владеют без передела с ревизии». То есть, несмотря на прирост населения, общего передела пашни не было. Кроме наделной, «купленная земля есть у двух собственников: у одного 50 десятин, у другого 5 десятин».

Пашня занимала поле «ровное с значительным уклоном» на север. Очевидец в 1895 году добавлял: «поля тянутся вдоль большой полевой дороги на 580 сажень». В мокрые годы собирали до 10 телег хлеба на десятину, в сухие – до четырёх. С 1861 года

¹ Там же. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 737. Л. 17 об. – 18.

крестьяне «на десятину кладут 3–4 воза; в возу 20 пудов. Удобрение практикуется не всеми домохозяевами». Но «удобрение навозом увеличивает урожайность на десятине в 10 пуд.»

Система земледелия – трёхполье, под паром – 27 дес. В Куровском в 1895 году имелось 4 веялки, которые приобретали в Уфе от 14 до 25 руб. за штуку.

Высев семян составлял в среднем по 8 пуд. ржи и семь – овса и гречи. В 1894-м году в Куровском собрали по 42 пуда с десятины ржи, 100 пудов овса, по 30 – гречихи и проса. В 1895 году площадь посева составляла ржи – 38 дес., овса – 2,3 дес., 26 дес. гречи и 9 дес. проса, немного выращивали гороха и полбы.

Влияли капризы природы. В августе 1891 года яровые побил сильный град, а весной 1895 года «горох истреблён чёрной мошкой», пересеяли гречиху. «В огородах растут: капуста, картофель, огурцы» для себя, овощами сельчане мало торговали.

Практически все держали скот, лишь в двух дворах не имелось коров. Всего в 1895 году в Куровском насчитывалось 31 рабочая лошадь, 12 подростков и 2 жеребёнка, 18 коров, 13 подтёлков, 7 телят, 174 овцы и 51 свинья.

Пасли стадо на выгоне, а также «на пару и по жнивью», то есть после уборки урожая на освободившиеся поля перегоняли стадо. Нанимали пастуха за 20 руб. в сезон. «Черед» в Куровском был такой: 1 корова = 2 подтёлкам = 6 овцам. Своих кормов не хватало и сено «покупают возами» в среднем по 1,5 – 2 руб. за 10-пудовый воз. В 1894 году сено подорожало до 4 руб. за воз.

Основной доход крестьяне получали от продажи хлеба, преимущественно ржи зерном и мукой, реже продавали картошку. В 1894 году рожь сбывали в Уфу по 25–30 коп. за пуд.

Своей земли не хватало и жители Куровского в большой степени зависели от аренды у соседних помещиков. Так, в 1895 году «помещицей г. Волковой предоставлено право совместного пользования выгоном за полную уборку 5 д. гречи». Пашню сельчане брали в краткосрочную (на один посев) аренду у Волковой, Чижевца и других по 18 руб. за десятину под озимый посев и по 10–14 руб. под яровые хлеба. Таким же образом жители обеспечивали отопление. «Чистят у Волковой за право пользования дровами (липняк)». То есть крестьяне вырубали лес, расчищали землю помещице, а древесину забирали себе.

Куровское отличалось от соседних Вавилово и Падеевки в сдаче самими крестьянами земли в аренду. Уже в 1890-е годы из Куровского народ уезжал и наделы сдавали просто за уплату податей от 4 руб. 40 коп. до 6 руб. 40 коп. Крестьяне не хотели совсем потерять землю, но за не обрабатывавшиеся наделы надо было платить налоги. Поэтому отдавали землю фактически бес-

платно, лишь с условием уплаты всех податей¹.

Куровское стояло на большом тракте и в начале XX века здесь открывается первый магазин – бакалейная лавка. Владельцем являлся местный уроженец Николай Левонтьевич Калганов. Рядом со своей деревянной жилой избой размером (ширина x длина x высота) 9 x 9 x 2,5 сажень он пристроил лавку (3 x 6 x 2,5) также из дерева. В год в среднем тратил на ремонт помещения до 15 руб. Хозяин был грамотным, 6 июня 1907 года он лично расписался².

Следующие подворные переписи прошли в Куровском в 1912–1913 и 1917 годах. Особый интерес имеют сохранившиеся материалы последнего исследования, которое 29 мая 1917 года провёл статистик Афанасьев. В Куровском (19 дворов, но усадебных мест 16) по прежнему за крестьянами числилось 124,5 дес. земли, с 1860-х годов пашня делилась на 27 душ. Во время Столыпинской реформы всей деревней жители приватизировали (укрепили) семейные наделы в личную собственность.

На один душевой надел приходилось по 1,5 дес. в паровом, озимом и яровом полях, или 4,5 дес. всего. Размер усадьбы тоже был единым – 0,15 дес., а из остальных угодий (выгон и поскотина) на душу приходилось 0,02 дес.³

Ещё более интересные сведения показывают подворные карточки на каждую семью / домохозяйство в Куровском в 1917 году. Все местные жители – приписные (то есть члены здешней общины / общества), крестьяне-собственники, русские.

Из приведённого выше материала известно, что в 1862 году в сельце Куровское (Волково тож) восемь глав семейств выходили из крепостного права: Николай Степанов, Леонтий Васильев, Сидор Никифоров, Пётр Фёдоров, Константин Петров, Василий Васильев, Виктор Степанов и Никонор Осипов. В 1866 году было уже 10 семейств во главе которых стояли домохозяева: Василий Васильев, Виктор Степанов, Николай Степанов, Евграф Николаев, Леонтий Васильев, Сидор Никоноров, Константин Петров, Пётр Фёдоров, Никонор и Егор Осиповы.

Сравним со списком жителей на май 1917 года (см. инструкцию по деревне Вавилово).

¹ Там же. Д. 813. Л. 66 – 69 об.

² Там же. Д. 2420. Л. 131.

³ Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 512. Л. 10–11.

Население деревни Куровской в 1917 году¹

1) **Елкин Николай Хрисанович**, 19 лет.

Семья: братья 24 (в армии), 16, мать 50, жена 18, сноха 21 год.

Нанимались сроковые, подённые работники. Многолемешный плуг, $\frac{1}{2}$ веялки.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 6 овец, 7 ягнят, 2 свиньи, подсвинок.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – усадьба 0,15 дес., 4,5 пашни, 0,02 остальные угодья

арендует в чужом обществе – 2,25 озимого, 2 ярового, 2,5 пара (все 1Д).

Посев: 3,75 дес. озимой ржи, 0,75 овса, 0,75 проса, 2 гречи, 0,05 картофеля, всего – 7,3 дес., пара – 4, итого – 11,3 дес.

2) **Елкин Александр Ермолаевич**, возраст не указан.

«Семья проживает в д. Быковой».

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – 0,15 усадьба, 4,5 пашни, 0,02 остальные.

Посев: 1,5 дес. озимой ржи, 0,5 проса, 1 гречи, всего – 3 дес., пара – 1,5, итого – 4,5 дес.

3) **Елкин Пётр Николаевич**, 90 лет.

Семья: сын 32 (в армии), жена 75, сноха 29, внучки 12, 10 лет.

Нанимались сроковые, подённые работники. Многолемешный плуг, веялка.

Скот: рабочая лошадь, нерабочая лошадь, 2 коровы, нетель, бычок, 2 телёнка, 7 овец, 2 ягнёнка, свинья, 2 поросёнка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1,5 души – 0,15 усадьба, 6,75 пашни, 0,03 остальные

куплено укреплённых наделов в чужом обществе на 1 душу – 4,5 пашни

сдаёт в аренду в своём обществе – 0,7 пара.

Посев: 3,75 дес. озимой ржи, 1 овса, 0,75 проса, 2 гречи, всего – 7,75 дес., пара – 3,5, итого – 11,25 дес.

4) **Герасимов Пётр Михайлович**, отсутствующий.

«Семья проживает в д. Вавиловой» [см. подворную карточку № 4 по дер. Вавилово].

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – 4,5 пашни, 0,03 остальные.

Посев: 1,5 дес. озимой ржи, 1,5 гречи, всего – 3 дес., пара – 1,5, итого – 4,5 дес.

¹ Там же. Д. 4761.

5) **Хохлова Матрёна Терентьевна**, 67 лет.

Семья: сыновья 24, 24 («близнецы», оба отсутствующие более 1 месяца), сноха 21 год.

Нанимались подёнщики. Многолемешный плуг, веялка.

Скот: рабочая лошадь, нерабочая лошадь, жеребёнок, корова, нетель, телёнок, 7 овец, 5 ягнят.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 1,5 души – 0,15 усадьба, 6,75 пашни, 0,03 остальные.

Посев: 2,25 дес. озимой ржи, 0,8 овса, 0,8 проса, 1,2 гречи, 0,25 картофеля, всего – 5,3 дес., пара – 2,25, итого – 7,55 дес.

6) **Елхин Феодор Михайлович**, 44 года.

Семья: сыновья 21, 13, 6, 3, жена 44, сноха 21, дочь 18 лет.

Многолемешный плуг, веялка.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 2 коровы, 2 нетели, 2 телёнка, 18 овец, 15 ягнят, 5 свиней, 6 поросят.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 3 души – 0,15 усадьба, 13,5 пашни, 0,06 другое

арендует в своём обществе – 1,5 озимого, 3 ярового, 1 пара (все 1Д)

Посев: 6 дес. озимой ржи, 1,5 овса, 1 проса, 5 гречи, 0,25 картофеля, всего – 13,75 дес., пара – 5,25, итого – 19 дес.

7) **Колганова Ненила Петровна**, отсутствующая.

«Семья проживает в д. Вавиловой» [см. подворную карточку № 15 по дер. Вавилово].

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 2,5 души – 0,15 усадьба, 11,25 пашни, 0,05 другое.

Посев: 3,75 дес. озимой ржи, 0,75 проса, 3 гречи, всего – 7,5 дес., пара – 3,75, итого – 11,25 дес.

8) **Елхин Николай Ермо[ла]евич**, отсутствующий.

«Семья прожив. в Уфе на ж. дорог[е].»

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 1,5 души – 0,15 усадьба, 6,75 пашни, 0,03 другое.

Посев: 2,25 дес. озимой ржи, 0,5 проса, 1,75 гречи, 0,1 картофеля, всего – 4,6 дес., пара – 2,15, итого – 6,75 дес.

9) **Елхин Александр Максимович**, отсутствующий.

«Семья проживает в г. Уфе на ж. дор.»

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 1 душу – 0,15 усадьба, 4,5 пашни, 0,03 другое

сдаёт в аренду в своём обществе – 1,5 озимого, 1,5 ярового, 1,5 пара (все 1Д).

10) **Хохлов Феодор Николаевич**, 51 год.

Семья: сыновья 21 (в армии), 19, 14, 5, 4, внук 1, жена 42, сноха 20 лет.

Многолемешный плуг, ½ молотилки, веялка, телега на же-

лезном ходу.

Скот: 2 рабочих лошади, жеребёнок, 2 коровы, 2 нетели, бычок, 3 подтёлки, 2 телёнка, 12 овец, 13 ягнят, 3 свиньи, 4 подсвинка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – 0,15 усадьба, 4,5 пашни, 0,02 остальное
купчая товарищеская – 1 покоса, 1,5 остальное
купчая единолично участками – 2 пашни
арендует у частных лиц – 3,5 озимого, 3 ярового, 5,75 пара (все 1Д)

Посев: 5,5 дес. озимой ржи, 1,75 овса, 1,75 проса, 1 гречи, 0,15 картофеля, всего – 13,05 дес., пара – 5,75, итого – 18,8 дес.

11) **Громова Матрёна Ермолаевна**, вдова, 31 год.

Семья: сыновья 13, 10, 0 лет.

Нанимались сдельные работники. Однолемешный плуг.

Скот: рабочая лошадь, корова.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – 0,15 усадьба, 4,5 пашни, 0,02 остальное
куплено укреплённых наделов в чужом обществе на 1 душу – 4,5 пашни, 1 покоса

сдаёт в аренду в своём обществе – 2,5 озимого, 2 ярового, 1 покоса, 1,5 пара (все 1Д)

Посев: 1,5 дес. озимой ржи, 0,5 проса, 0,5 гречи, 0,05 картофеля, всего – 2,55 дес., пара – 1,25, итого – 3,8 дес.

12) **Сончик Аксинья Фёдоровна**, крестьянка, беженка, «мало-русская», 54 года.

Семья: сын 32 (котельщик на пароходе, отсутствующий), дочери 17, 14, сноха 24, внучка 0 лет.

13) **Лис Софья Франсовна**, крестьянка, беженка.

Семья: сын 4, хозяин 42 (чернорабочий на железной дороге, отсутствующий), отец 57, братья 15, 12, 6, **жена** 25, сестра 21 (кухарка у частного лица), мать 45 лет.

14) **Хохлов Иван Николаевич**, 39 лет.

Семья: сыновья 8, 6, жена 36, дочь 4 года.

Нанимались подённые, сдельные работники. ½ молотилки, телега на железном ходу.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, жеребёнок, 2 коровы, нетель, бычок, телёнок, 6 овец, 7 ягнят, 2 свиньи, 2 поросёнка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1,5 души – 0,15 усадьба, 6,75 пашни, 0,03 остальные
купчая товарищеская – 0,75 пашни, 1,75 остальные
купчая единолично участками – 1,5 пашни
арендует у частных лиц – 9,5 озимого, 1,25 ярового, 1,5 па-

ра (все 1Д)

Посев: 3,5 дес. озимой ржи, 0,5 овса, 1,5 проса, 3 гречи, 0,1 картофеля, всего – 7,6 дес., пара – 3,75, итого – 11,35 дес.

15) **Хохлов Павел Николаевич**, 55 лет.

Семья: сын 22 (в армии), внуки 3, 1, жена 54, сноха 21, внучка 5 лет.

Нанимались подённые, сдельные работники. 2 улья, молотилка, телега на железном ходу.

Скот: 3 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 2 коровы, 2 подтёлки, телёнок, 6 овец, 8 ягнят.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – 0,15 усадьба, 4,5 пашни, 0,02 остальные

купчая единолично участками – 1,5 пашни

арендует у частных лиц – 1,25 ярового, 1,5 пара (все 1Д)

Посев: 2 дес. озимой ржи, 1,25 проса, 2 гречи, всего – 5,25 дес., пара – 3,5, итого – 8,75 дес.

16) **Колганов Алексей Гаврилович**, 46 лет.

Семья: сыновья 10, 0, жена 43, дочери 18, 8, 5, 3, мать 75 лет.

Нанимались подённые, сдельные работники. Многолемешный плуг, веялка, телега на железном ходу.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 2 коровы, 2 телёнка, 10 овец, 11 ягнят, 2 свиньи.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 3,5 души – 0,15 усадьба, 15,75 пашни, 0,07 остальное

купчая товарищеская – 2 покосов, 4 остальное

арендует в своём обществе – 1,5 озимого, 1,5 ярового, 1,5 пара (все 1Д)

Посев: 6,75 дес. озимой ржи, 1,75 овса, 1 проса, 4 гречи, 0,25 картофеля, всего – 13,75 дес., пара – 6,5, итого – 20,25 дес.

17) **Колганов Егор Гаврилович**, отсутствующий.

«Семья проживает в г. Уфе».

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – 0,15 усадьба, 4,5 пашни, 0,02 остальное

сдаёт в аренду в своём обществе – 1,5 озимого, 1,5 ярового, 1,5 пара (все 1Д) – «сдана брату».

Посев зачёркнут.

18) **Зубарева Наталия Артемьевна**, 48 лет.

Семья: сын 17, дочери 21, 12 лет.

Работники 40, 24 лет, нанимались подёнщики. Однолемешный плуг, 2 многолемешных плуга, молотилка, веялка, телега на железном ходу, 7 ульев.

Скот: 6 рабочих лошадей, нерабочая лошадь, жеребёнок, 3 коровы, подтёлка, 3 телёнка, 18 овец, 14 ягнят, 2 свиньи, 4 по-

росёнка.

Земля: наделная укрепленная чересполосно на 3 души – 0,15 усадьба, 13,5 пашни, 0,06 остальное

куплено укрепленных наделов в чужом обществе на 1 душу – 0,75 пашни, 2,25 остальное

купчая товарищеская – 31 пашни, 4 покосов, 25 остальное

купчая единолично участками – 10 пашни.

Посев: 18 дес. озимой ржи, 6 овса, 1,75 яровой пшеницы, 1,5 проса, 4,75 гречи, 0,25 картофеля, всего – 31,25 дес., пара – 14, итого – 45,25 дес.

19) **Елхин Дмитрий Евграфович**, 51 год.

Семья: сыновья 15, 8, 6, жена 45 лет.

Нанимались сдельные работники. Многолемешный плуг.

Скот: 2 рабочих лошади, корова, 2 нетели, 2 телёнка, 4 овцы, 3 ягнёнка, 5 свиней, 3 поросёнка.

Земля: наделная укрепленная чересполосно на 1 душу – 0,15 усадьба, 4,5 пашни, 0,02 остальное

арендует в своём обществе – 2 озимого, 2 ярового, 1,5 пара (все 1Д)

арендует у частных лиц – 1 озимого, 2 пара (все 1Д)

Посев: 4,5 дес. озимой ржи, 1 овса, 0,5 проса, 2 гречи, 0,25 картофеля, всего – 8,25 дес., пара – 4,75, итого – 13 дес.

Сравнение списка жителей деревни Куровской (Волково) с домохозяевами 1860-х годов показывает, что современные фамилии у местных обитателей появились только во второй половине XIX века. Старостой в Куровском в 1886 году был Егор Зубарев, чьи потомки проживали в 1917 году.

Исключив две семьи беженцев, окажется, что в Куровском жили семь семей Елхиных, четверо Хохловых, трое Колгановых, по одному Герасимовы, Громы и Зубаревы.

Ещё более интересен социальный состав небольшой деревни. Из 17 местных семейств Куровское покинули шесть, или 35% жителей, они в карточках указаны как «отсутствующие». Причём двое (№ 9 и 17) не имели ни посевов, ни скота и, видимо, давно уже проживали в Уфе. Четверо (№ 2, 4, 7, 8) сеяли на своих наделах, но покинули Куровское, проживая в деревнях Быковой, Вавиловой и Уфе. Они по весне приезжали, обрабатывали землю (или нанимали), а затем осенью убирали урожай. Куровское покинуло более 1/3 жителей! Причём даже направленные сюда беженцы тоже работали на стороне, далеко от сельца.

В мае 1917 года в деревне постоянно обитали лишь 11 семейств, из которых было одно бедняцкое вдовы Громовой (№ 11), ещё шесть дворов середняцких с посевом от 4 до 10 дес. и

насчитывалось 4 из 11 зажиточных (кулацких, фермерских) хозяйств. Из последних выделялась Наталия Артемьевна Зубарева: огромное количество земли, 6 рабочих коней, дорогая молотилка, 31,25 дес. посева. Настоящая фермерша.

Благосостояние семьи заложил Егор Осипович Зубарев, купивший 17 января 1884 года у Штехера 42 дес. 400 саж. Он вошёл в долю с крестьянами Ново-Михайловки для оптовой покупки земли. В июне 1903 года уже Осип Егорович Зубарев приобрёл у крестьян Василия, Захара и Герасима Гавриловичей Кузнецовых (жителей Ново-Михайловки) 10 дес. 2000 саж.

Вообще, в Куровском все крестьяне стали единоличными частными собственниками своей пашни и внутри деревни началась торговля землёй. За 220 руб. Фёдор Михайлович Елхин купил 1 душевой надел (4 дес. 80 саж. пашни и право на пользование долей в общих угодьях). Сделку совершили 17 октября 1908 года, от надела избавился Сергей Елхин.

Братья Фёдор, Иван и Павел Николаевичи Хохловы 7 мая 1910 года приобрели в равных долях душевой надел (4 дес. 600 саж. пашни и пр.) у Ефима Леонтьевича Хохлова за 300 руб. Земля переходила внутри семейных кланов от одной семьи родственникам к другим. Также и Николай Леонтьевич Колганов за 120 руб. купил половину душевого надела (2 дес. 880 саж. пашни) у однодеревенца Василия Колганова 4 августа 1910 года¹.

Буржуазные нравы укоренялись и в начале XX века бедное, не имевшее склонности к занятию сельским хозяйством, население мигрировало из Куровского. Видимо, многие уже полностью покинули деревню и их не зафиксировала перепись 1917 года. Так, в составе Быховецкого товарищества числились уроженцы Куровской – Гавриил Васильевич Калганов (6 дес. купил), Герман Николаевич Елхин (8 дес.), Феодор и Иван Николаевичи Хохловы (по 2 дес. 1600 саж.), Николай Леонтьевич Калганов (4 дес.)².

Оставались в Куровском люди предприимчивые, способные организовать крупное товарное производство (каждый третий), вплоть до семейства бывшего сельского старосты Зубарева.

Возможно, на такую необычную ситуацию влияло наличие рядом остатков обширного дворянского поместья Волковых. Пустые помещичьи земли вокруг Куровского активно распродавались, само же дворянское гнездо «сжималось».

Владелец старинного имения Николай Викторович Волков скончался к началу 1880-х годов. Хозяйкой стала вдова Евфимия (Афимия) Андреевна Волкова, одновременно являвшаяся

¹ Там же. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 508. Л. 3 об. – 6.

² Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 512. Л. 100 об., 102.

опекуншей малолетних детей, трёх сыновей – Петра, Андрея и Ивана. Видимо, семейство постоянно проживало в Куровском, здесь выросли мальчишки. Имевшаяся городская усадьба была продана к началу 1900-х годов.

Биографические сведения о семействе дворян Волковых самые скудные. В уфимских справочниках они не упоминаются (не служили), в Куровском с матерью, видимо, проживал один из братьев – Пётр. Когда в 1896 году созданная уфимская земская статистика приглашала сельских жителей стать добровольными корреспондентами, собирать информацию на местах, откликнулся землевладелец из дес. Куровской Пётр Николаевич Волков. Он числился добровольным корреспондентом по 1900 год¹.

Потомственный дворянин Пётр Николаевич Волков был женат на Ольге Григорьевне. 11 июня 1909 г. у них родился сын Константин, крестили 19 июня, в крёстные (восприемники) пригласили титулярного советника Николая Александровича Комарова и уфимскую мещанскую девицу Александру Григорьевну Вавилову², возможно сестру роженицы.

П.Н. Волков постоянно находился в своём имении. Так, 16 мая 1913 года он был избран заведующим 25-м военно-конским участком в Дмитриевской волости³. Армия в то время в основном базировалась на конской тяге и с началом войны лошади подлежали мобилизации. Вся страна была разбита на военно-конские участки, где призывались не люди, а кони.

Наверняка, П.Н. Волков занимался хозяйством, братья только числились собственниками земли, здесь не жили, возможно, вообще находились далеко от Уфы. Ситуация с наследством была следующая.

Троим сыновьям и вдове Н.В. Волкова досталось 494,46 дес. земли. Но матушка, Евфимия Андреевна, имела ещё в собственном единоличном владении 72,13 дес., да прикупила у Левкович 133 дес. (два участка в 10 и 123 дес.). Вдова умерла где-то после 1912 года. По записям в инвентарно-окладной кни-

¹ Обзор Уфимской губернии в сельско-хозяйственном отношении. Материалы по текущей сельско-хозяйственной статистике за 1895–6 и 1896–7-ой хозяйственные годы. Самара, 1898. Ч. II. 1896–97-ой сельско-хозяйственный год. С. 518; Обзор Уфимской губернии в сельско-хозяйственном отношении за 1899–1900 год. (Лето – осень). Вып. II. Уфа, 1901. С. 320.

² НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 24, файл 0070. Комаровы, видимо, родственники. Николай Александрович Комаров был женат на Анастасии Николаевне (Там же. Д. 30. Ильинская церковь. Л. 10 об. – 11).

³ Сборник постановлений Уфимского уездного земского собрания XXXII и XXXIII чрезвычайных созывов 1913 года (30-го января и 16–17-го мая). Уфа, 1913. С. 106.

ге Дмитриевской волости накануне 1917 года сохранялись три поместья сыновей. Отцовское имение поделили поровну.

Андрей Николаевич Волков имел в собственности 139,18 дес. (усадыба и пашни – 7, суходольного сенокоса – 3,08, дровяного леса – 128,18, неудобий – 0,92 дес.). Ивану Николаевичу Волкову принадлежали 131,18 дес. (усадыба и пашни – 20,83, суходольного покоса – 24,64, дровяного леса – 86,79, неудобий – 0,92 дес.). Сельскохозяйственных угодий досталось немного, основную часть имений занимал лес.

А третий брат, Пётр Николаевич Волков, тоже унаследовал 131,33 дес., но уже усадыба и пашня охватывали 60,83 дес., суходольного сенокоса было 40,33 дес., дровяного леса – 30, неудобий – 0,17 дес.¹ Третий брат постоянно жил в Куровском, ему и перешли почти все освоенные земли (пашня и покосы).

Однако, в сумме три поместья братьев составляли всего 403,69 дес. В начале XX века их мать распродала земли, а после её кончины участок в 131,29 дес. юридически числился как совместное владение трёх сыновей. Именно на этом, последнем участке и стояла обширная барская усадыба. Здесь, наверняка, проживал единственный из сыновей, оставшийся в деревне и занимавшийся сельским хозяйством, Пётр.

Материалы трёх переписей позволяют увидеть внутреннюю жизнь последних дворян-помещиков Куровского. 26 апреля 1895 года по барской усадыбе ходили земские статистики, изучали имение наследников Волкова Николая Викторовича. Оно лежало: «на ровном месте большая часть, скат к югу. Овраги есть». Поместье было одним участком, с юга примыкали земли купца Чижёва, с запада и севера – владение Базилевских, Мисайлова², казны и крестьян Красного Яра, с востока лежали владения жителей Михайловки.

Земли по разным измерениям числилось 589,5 или 629,5 дес., в основном лес. Усадыбы и построек не имелось, семья жила рядом в усадыбе на земле матери, которая и вела все дела: «имением управляет опекуна наследников Г. Волкова».

Обширные лесные массивы сдавались под расчистку окрестным крестьянам, к 1892 году было «вычищено под пашню 40 дес.» Лес находился в одном участке, попорчен порубками, рубили делянками и выборочно, дрова и лесоматериал продавали по 30 коп. за сажень. Лес в имении не окарауливался.

Велось немалое хозяйство. Нанимались рабочие, на шесть

¹ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 737. Л. 152 об. – 153, 157 об. – 158.

² Мисайловы – помещики из Подымалово. Ещё 19 декабря 1840 года дворянин Алексей Андреевич Мисайлов купил у Волкова более 42 дес. одного леса (Там же. Д. 508. Л. 2 об. – 3).

летних месяцев приглашали двух мужчин. Они трудились с апреля по октябрь с оплатой в 24 руб. за всё лето на хозяйских харчах. Также были 20 подёнщиков, которым платили по 30–50 коп., 30 коп. в день получали на пахоте и по 40 коп. на жатве. «Полотье», жнитво и молотья обходились хозяевам приблизительно в 100 руб. Во время уборки хлеба приглашались женщины-подёнщицы, им платили по 35 коп.

Поля лежали в 3–4 верстах от имения, 35 дес. чернозёма глубиной 8 вершков, подпочва – бурая и красная глина, 5 дес. имелось песчаной земли. Пашня «не удобряется». Земледелие велось по примитивной двухпольной системе. По 20 дес. находилось под озимым и яровым посевом. Под озимую рожь делали две вспашки сохами, первая с 1 августа, вторая перед севом.

Имелся небольшой собственный инвентарь: 2 сохи (ценою по 3 руб.), 2 деревянных бороны (по 1,5 руб.), веялка (25 руб.), 4 телеги (по 7 руб.), 4 саней (по рублю). Столь малый и простенький инвентарь показывает, что в этом имении в основном использовали отработки или нанимали крестьян. Немолодая барыня, Евфимия Андреевна, лично агрономией не увлекалась, ограничивалась контролем.

Расценки в имении на 1895 год стояли следующие (за десятину): взметать (первая вспашка) – 2 руб., выбороновать – 50 коп., передвоить (вторая вспашка под озимую рожь) – 2,5 руб., посеять и заделать семена – 2 руб., сжать серпом (или скосить) рожь и овёс – 5 руб., скосить десятину гречи – 1,5 руб., сгрести десятину гречи – 50 коп. Молотья гречихи с одной десятины – 1,5 руб., ржи с одного пуда – две копейки.

Стоимость всех работ с 1 дес. на харчах рабочих показывает таблица (рублей):

	Обработка	Уборка и возка	Молотья	Итого
Озимого	6	6	3	15
Ярового	3	3	3	9
Гречи	5	1,5	1,5	8

В 1894 году урожай ржи составил 180 пуд., овса – 60, но сведения приведены с хозяйственной десятины = 3200 кв. саж., если пересчитать в официальную казённую десятину (= 2400 кв. саж.), всё равно собрали отличный урожай озимых. Но нередки были плохие урожаи, как в 1882, 1885 и 1886 годах. Вредили червяки и сорные травы.

Сено с 10 дес. суходольных покосов собирали от 90 до 120 пуд., как в 1894 году. «Травы высокие». Покос проводили «из половины», то есть окрестные крестьяне косили барские луга, ос-

тавляя хозяйке половину сена.

Своё стадо пасли по выгону и по полям, брали на выпас и чужой скот. В имении имелось 5 рабочих лошадей, 5 подростков, жеребёнок, 4 коровы, 3 нетели / бычка, телёнок, 2 свиньи общей стоимостью 110 руб. На подстилку скоту шло «сено дубровное и солома». Корма не покупали, хватало своих.

Основной доход Волковым приносила продажа хлеба на базарах в Уфе и на пристанях. Все эти сведения заверил своей подписью 26 апреля 1895 года наследник Пётр Николаевич Волков¹. Фактически он руководил семейным поместьем.

А рядом, близ сельца Куровского лежало ещё одно поместье Евфимии Андреевны Волковой площадью всего 10,06 дес. (куплено у Левкович в 1869 году). Именно здесь стояли постройки на площади в 1 дес., раскинулись сад и огород – 1,67 дес., 2 дес. занимал выгон, 4,06 пашня и 1,33 неудобья. Поля лежали на ровном месте, не удобрялись, сеяли просо и овёс². Это было дворянское гнездо Волковых, здесь жили мать и сын, отсюда управляли семейным имуществом.

Оба соседних поместья (матери и сыновей) дожили до следующей переписи 1912–1913 годов. При дер. Куровской зафиксировали поместье Е.А. Волковой (158 дес., 95 дес. посева, 110 голов скота) и наследников Н.В. Волкова (495,46 дес., 60 дес. посева, 103 головы скота)³.

И летом 1917 года статистики собрали краткие сведения о всех четырёх владениях дворян Волковых. Первый хутор при дер. Куровской принадлежал 40-летнему дворянину Андрею Николаевичу Волкову, который был призван в армию и сведений о его семье нет. Из поместья площадью 138,26 дес. пашня занимала 2 дес., сенокосы – 4, остальное – лес и неудобья. Велось маленькое хозяйство, засевалось 2 дес. гречихой.

Младшему из братьев, Ивану Николаевичу Волкову, исполнилось 38 лет и он тоже находился на военной службе. Семья: жена 23 года и 4-летний сын. В поместье – 132,26 дес. (пашни – 20,83, сенокосов – 24,64, прочее лес и неудобья) – ранее велось небольшое хозяйство. Летом 1917 года 15 дес. пашни отдыхали под паром, остальные 5,83 дес. были сданы в аренду на один посев «своему брату бесплатно». Имелись 3 коровы.

В общем совладении трёх братьев Волковых находилось имение умершей матери Евфимии Андреевны Волковой, наследники ещё не поделили имущество. Здесь земли числилось

¹ Там же. Д. 863. Л. 1–4 об.

² Там же. Л. 32 и об.

³ Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. С. 82–85.

131,29 дес. (пашни – 124,29), в числе которой была обширная усадьба на площади в 7 дес. «Земля находится в пользовании наследников». Велось крупное хозяйство, летом 1917 года под посевом находилось 89,65 дес. (15 овса, 2,67 проса, 66,65 гречи, 5 гороха, 0,33 картофеля), под паром было 34,64 дес. Но скота никакого не указано, скорее всего, весь посев производился крестьянами исполу или на иных условиях.

Так как два брата находились на Первой мировой войне, всеми этими поместьями, наверняка, управлял старший из братьев – 43-летний Пётр Николаевич Волков, видимо, проживавший в Куровском в родовой усадьбе¹. Перепись 1917 года показывает состав семьи: жена – 33 года, сыновья 11, 9 и 7 лет. В доме проживала прислуга (60-летняя женщина).

В этом имении существовало реальное агропроизводство, нанимались годовые (4 мужчин и 4 женщин) и сроковые, сдельные, подённые работники. В имении П.Н. Волкова летом 1917 года проживали 60-летний сторож, чернорабочий (33 года) и пастух (30 лет).

Стояла крупная пасека на 80 ульев, имелось много усовершенствованного инвентаря – 2 однолемешных и 34 многолемешных плугов, сеялка, жнейка, молотилка, 2 веялки, 4 телеги на железном ходу. Барское стадо включало: 16 рабочих лошадей, 3 нерабочих лошади, 4 быка, 4 коровы, 3 подтёлки, 4 телёнка, 40 овец, 25 ягнят, 4 подсвинка.

Из общей площади имения в 131,16 дес. удобной земли под пашней находилось 40 дес., сенокосом – 15 дес., леса тоже было много. Ещё 5,83 дес. арендовалось под яровой посев (у брата).

Засевалось в 1917 году 28 дес. озимой ржи, 5,83 дес. гречи, 0,2 картошки, всего – 34,03 дес., под паром было 12 дес., всей пашни – 46,03 дес.² Вплоть до революции 1917 года при Куровском сохранялось «живое» помещичье хозяйство П.Н. Волкова, центром которого оставалась старинная дворянская усадьба.

Когда-то отсюда управляли огромными землями по обе стороны большой дороги из Уфы в Бирск, затем лесные ненаселённые и неосвоенные угодья стали распродавать, особенно активно продажа развернулась во второй половине XIX века. Накануне Первой мировой войны размеры владений Волковых стабили-

¹ 31 июля 1907 г. в семье потомственного дворянина Петра Николаевича Волкова и Ольги Григорьевны родился сын Леонид, крестили лишь 5 августа. В крёстные пригласили уфимскую мещанскую девицу Варвару Григорьевну Вавилову (НА РБ. Ф. И-294. Оп. 5. Д. 16. Александро-Невская церковь. Л. 88 об. – 89). Справки о рождении Леонида в уфимском архиве брали в 1931 г. и 1 марта 1967 г.

² НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 4783.

зировались, но вокруг Куровского уже существовало множество разнообразных по величине частных земельных владений.

В большинстве случаев там не возникало новых поселений, землю покупали со спекулятивными целями (дождаться повышения цены из-за близости к городу и выгодно перепродать), начинали приобретать уголья под летние дачи, крестьяне из соседних деревень прикупали землю и ездили её обрабатывать.

Около Куровского свыше 91 дес. земли (пашни – 23 дес., сенокоса – 27 дес. 1800 саж., остальное лес и пр.) после смерти дворянки Александры Волковой (возможно, последняя жена В.И. Волкова) в 1895–1896 годах, «согласно частного условия между наследниками», перешли к врачу Павлу Александровичу Соколову¹. В феврале 1909 года «с торгов за 1910 руб.» эта земля досталась жене врача Евдокии Михайловне Соколовой.

Участки земли перепродавались. Так, купившие лес у Волкова Мисайловы продали площади в 1897 году В.И. Базилевскому, тот в 1906 году уступил уголья прусскому подданному Альфонсу Васильевичу Лангнеру (известный уфимский фотограф, владелец ателье), а тот мелкими участками стал перепродавать землю крестьянам из дер. Гуровки. Даже крупные уфимские купцы Блохины имели тут небольшой участок (усадьба в 3 дес.), возможно, хотели создать дачу, но продали землю Чижевской.

Одну десятину сенокоса зачем-то купил возле Куровской уфимский мещанин Тимофей Осипов, затем покос наследовал Фёдор Тимофеевич Осипов. Е.А. Волкова продала 100,13 дес. (два участка – 72,13 и 28) жене надворного советника Анастасии Николаевне Комаровой². Возможно, новые собственники и возводили какие-то постройки, но стабильного жилья не было.

Основными же покупателями владений Волковых вокруг Куровского являлись крестьяне. Часть пустоши Сухая речка купили жители Красного Яра³ и близ деревни Куровской располагались участки Сухаревых, Засыпкиных, Дулясовых, Смольниковых, Вязововых и иных красноярцев⁴. Жители Красного Яра и Миловки составляли товарищества и сообща (подешевле) приоб-

¹ По сведениям краеведа В.Н. Буравцова, начиная с 1897 года (не позднее) Павел Александрович Соколов – вольнопрактикующий врач в Уфе. По данным на 1900–1901 годы: П.А. Соколов, 1853 года рождения, лекарь с 1883 года, врач училищ и женского монастыря; на 1902, 1904, 1907, 1914 годы: врач дворянского пансиона, Духовной семинарии и училищ; на 1911 год – вольнопрактикующий врач; на 1917 год: специалист по внутренним болезням и хирург, надворный советник, врач Духовной семинарии.

² НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 508. Л. 1–3 об., 5 об. – 6; Д. 737. Л. 153 об. – 156.

³ Там же. Д. 512.

⁴ Там же. Д. 738. Л. 1 об. – 3.

ретали угодья. Так, в полутора верстах от Куровского лежали участки Букаревых, Зотовых, Шелкановых, других миловцев¹.

Крестьяне могли возводить на отдалённых своих владениях небольшие временные постройки, но постоянное жильё в своих деревнях не покидали. За одним исключением.

Летом 1917 года статистики обследовали хутор Якиных при деревне Куровской. Выходцы из Ново-Михайловки Александр Алексеевич Якин и Варвара (Аполлоновна?, отчество не видно) завели здесь крупное хозяйство. Семья включала отца (61 год), сам хозяин (34 года) был в армии, брата (35 лет, чиновник – записано в карточке), второго брата (32 года, тоже находился в армии), внуков (3 и 0 лет), мать (61 год), жену – хозяйку (39 лет), сноху (35 лет) и двух внучек 6 и 3 лет.

Хутор возник, видимо, недавно. В подворной карточке есть пометка: «В книге нет». В поземельной книге на Дмитриевскую волость это владение Якиных действительно не указано.

А хозяйство было весьма обширное. Нанимались годовые (5 мужчин), сроковые, подённые, сдельные работники. Свой инвентарь: однолемешный и 2 многолемешных плуга, сеялка, молотилка, веялка, косилка, сепаратор. Много скота: 6 рабочих лошадей, 2 нерабочих лошади, 2 быка, 8 коров, нетель, 4 подтёлки, 6 телят, 4 свиньи, 3 подсвинка.

Земля: купчая товарищеская – 90,99 дес. (усадыба – 6, пашни – 37,38, сенокоса – 32,66). Хутор раскинулся на площади в целых 6 десятин близ селения «д. Куросково», до которого всего 3 версты. Продукты сбывались в Уфу. А посеяно у Якиных в 1917 году было: 12 дес. озимой ржи, 5,66 овса, 1,33 яровой пшеницы, 1 проса, 2 гречи, 1,33 гороха, 1,33 картофеля, 4,33 вики, 0,33 репы, всего – 29, 31 дес., пара – 8,67, итого пашни – 37,98 дес.²

Хуторяне отличались культурой агротехники. Кроме редкой здесь яровой пшеницы высевали кормовое растение вику и репу (видимо, также на корм скоту), держали быков-производителей, купили дорогой сепаратор для выделки масла. Небольшое Куровское притягивало предпринимателей.

¹ Там же. Д. 1096. Л. 70 и др.; Д. 1097. Л. 22–23.

² Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 4783.

§ 2. Становление Михайловки (Ново-Михайловки)

Итак, ещё в 1870-е годы небольшая группа крестьян купила землю южнее озера Ольхового, но, когда началось хозяйственное освоение территории, выяснилось, что ездить к полям и покосам далеко. Сельчане решили выстроить жильё на новом месте. Так возникла современная Михайловка (сначала Ново-Михайловка, встречалось название Новосёлова).

Крестьянские избы появились вдоль просёлочной дороги с главного гужевого тракта в Суровку. Ново-Михайловка начала XX столетия – это вытянутая цепочка домов вдоль дороги, ныне улица Ленина, район остановки «Центр», где находится комплекс административных зданий и скверы.

Ново-Михайловка была необычным селением, объединившим несколько крестьянских родов, владельцев земли на праве частной собственности: Кузнецовых, Беляевых, Якиных, Гагиных, Николаевых и др., часто между которыми земля перепродавалась, переходила из рук в руки. В Ново-Михайловке обосновались предприимчивые, инициативные люди, решившие начать новую жизнь на новом месте.

Хронологию переходов участков показывают юридические документы. Так, 27 мая 1896 года уроженец Суровки Александр Гаврилович Николаев купил 30 дес. у Якова Михайловича Гагина. По купчей крепости от 5 октября 1898 года житель Михайловки Яков Никитич Гагин приобрёл 20 дес. у Якова Михайловича Гагина. Крестьяне из Суровки Иван и Яков Гавриловичи Николаевы 3 ноября 1899 года в равных долях купили 37 дес. 519 саж. у Константина Васильевича Соколова. А 16 мая 1902 года Никита Михайлович Гагин продал 9 дес. 2319 саж. крестьянину Ново-Михайловки Макару Григорьевичу Гагину. Право на участок в 1 дес. 768 и 1/8 саж. от Назара и Андрея Беляевых, одних из первопоселенцев Ново-Михайловки, по наследству перешло к Василию Беляеву, а тот 15 июня 1909 года уступил землю Андрею Егоровичу Якину.

Большинство сделок представляло собой перепродажу прав на землю в составе групповой частной собственности (товарищеской), что фиксировалось в купчих крепостях. Например, 16 октября 1908 года Михаил Васильевич Николаев за 720 руб. приобрёл у крестьянина Евдокима Егорова душевой надел в 2 дес. 2200 саж. «полевой земли» (пашни), 1635 саж. покосов и право на 1/11 долю в лесном наделе. Основатели Ново-Михайловки купили много лесов и пастбищ, которые не были разделены между дворами, а находились в совместном пользовании (общинная традиция).

Также крестьянин Семён Васильевич Соколов за 600 руб. купил 29 октября 1908 года у Матвея Николаева душевой надел (так по привычке сельчане именовали свои уже частные земли), включавший 2 дес. 2000 саж. пашни, 1635 саж. покосов, 3 дес. 1997 саж. леса. А братья Герасим и Захар Гавриловичи Кузнецовы 31 октября 1908 года приобрели у Кузьмы Николаева землю за 2880 руб. Герасиму досталось 2 ½ части, Захару – 1 ½ части душевого надела, включавшего 11 дес. 1600 саж. пашни, 2 дес. 1740 саж. покосов, 3 дес. 1997 саж. леса и право «пользования» общественным пастбищем (итого 18 дес. 537 саж.).

В подобных фермерских» посёлках, как в Северной Америке, происходило перераспределение земли между эффективными собственниками и семьями, по разным причинам не сумевшими наладить хозяйство. Михаил и другие Ивановы 20 ноября 1908 года продали свою землю (на 2 души) Никите Михайловичу Гагину: 5 дес. 2000 саж. пашни, право на 1 дес. 870 и 4/11 саж. покосов, право на 2/11 части леса, «ежегодно переделаемого, в праве пользования пастбищами и выгоном по числу голов скота и в праве на 2/11 части в других кроме пастбища и выгона угодьях», так подробно перечислялись юридические тонкости.

В сделках фигурировали крупные для крестьян суммы, жители Ново-Михайловки средства имели. За 1450 руб. Прокопий Иванов 14 января 1909 года продал в равных долях свою землю на 2 души Макару Григорьевичу Гагину и Пелагее Кузьминичне Якиной (5 дес. 2000 саж. пашни, 1 дес. 870 саж. покосов и лесного надела, «делимого обществом из 11 паев – 2 пая»).

Среди покупателей упоминается довольно узкий круг фамилий. Василий Михайлович Якин за 720 руб. купил у крестьянина Петра Егорова один надел (пашня, лес и др. угодья), сделку оформили 30 января 1909 года.

Операции с землёй в Ново-Михайловке были самые разнообразные. Местный житель Михаил Васильевич Якин купил усадебное место (1 дес.) за 125 руб. у Кузьмы Николаевича Николаева, купчую крепость совершили 12 декабря 1911 года. Полноправными собственниками являлись женщины. Мария Егоровна Якина из Ново-Михайловки 4 ноября 1913 года приобрела за 250 руб. 1 дес. земли у Василия Михайловича Якина.

Буржуазные, рыночные отношения глубоко проникли в нравы обитателей Ново-Михайловки. Внутрисемейные переходы недвижимости от родителей к детям часто тоже оформляли в виде покупок, подписывая официальный документ «купчую крепость». Например, 4 февраля 1916 года отец Никита Михайлович Гагин продал 5 дес. 2000 саж. сыну Якову Никитичу Гагину за 2000 руб. А соседка Мария Егоровна Якина за 720 руб. 4

ноября 1914 года купила 2 дес. 2200 саж. у Василия Михайловича Якина (какого-то родственника). Сделки совершались и на небольшие участки. Усадебное место всего в 680 саж. Макар Григорьевич Гагин за 25 руб. купил у Евдокима Егоровича Егорова¹. В Ново-Михайловке функционировал земельный рынок.

Не все из первопроходцев, «пионеров» Ново-Михайловки сохранили свои хозяйства. Важную роль среди основателей деревни сыграли братья Андрей и Назар Беляевы. В начале XX века жителями Ново-Михайловки и родоначальниками семейных кланов являлись крестьяне-собственники Гавриил Иванович Кузнецов (49 дес. 1700 саж.), Егор Евдокимович Якин (42 дес. 400 саж.), Михаил и Евстигней Васильевичи Николаевы (по 12 дес. 1560 саж.), Никита Михайлович (16 дес. 2080 саж.) и Макар Григорьевич (10 дес. 1300 саж.) Гагины, подселившийся из Суровки Гавриил Петрович Николаев (42 дес. 400 саж.), а также Назар Егорович Беляев (21 дес. 200 саж.).

Брата последнего уже не было в живых. Его сын Василий Андреевич Беляев ещё 19 декабря 1903 года продал 10 дес. 300 саж. Макару Григорьевичу Гагину, а в 1909 году избавился от остальной земли (см. выше). Дядя тоже стал продавать землю, его участок сократился до 10 дес. 2300 саж.² К 1917 году среди домохозяев Ново-Михайловки Беляевы уже не значились, лишь Анна Кузьминична Кирилова владела землёй, которая «считается за Беляевым Никол[аем] Андреян[овичем]». Возможно, не оказалось наследников по мужской линии.

Жители Ново-Михайловки продавали землю и «на сторону». Уже известный богатый фермер из дер. Куровской Осип Егорович Зубарев 6 июня 1903 года купил 10 дес. 2000 саж. от Василия, Захара и Герасима Гавриловичей Кузнецовых³.

Но жить в одиночку сложно и к концу XIX столетия новосёлы образуют единое поселение, а летом 1895 года выселок Ново-Михайловский был подробно обследован статистиками. Стоял он на равнине, рядом протекала «речка Сухая, в лугах мелкие озёра; в лесу озёра – Ольховое и Берёзовое; в выгоне болото».

Узнаём о происхождении первых новомихайловцев. Это бывшие удельные крестьяне села Медведерова Петропавловской волости (совр. Кушнаренковский район), «поселились на купленных землях; 4 двора из Медведерова, 2 двора из Суровки, 1 двор из Вольно-Сухаревой, 2 двора из с. Кириново, Покровской волости». Первопоселенцы прибыли с запада и соседней Суровки.

¹ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 483. Л. 1 об., 2 об., 3 об., 4 об., 5 об.

² Там же. Д. 508. Л. 4 об. – 6.

³ Там же. Л. 5 об. – 6.

Земля состояла из двух участков. Первый делился на шесть паёв, второй – на семь. Общая площадь – около 1144 дес. В результате нескольких покупок крестьяне обзавелись большим количеством угодий.

Первый участок возле поселения имел склон к югу, второй лежал на большом холме в двух верстах. Почва – чернозём, в первом участке на площади около 3 дес. местами встречались мелкие известковые камни. Чернозём глубиной до 1 аршина, мягкий и плотный во втором участке. От дождя «размокает скоро и делается мягкой; скоро сохнет и даёт трещины». Подпочва – красная глина, на первом участке – на 5 десятинах камень.

В полях немало сорняков. Среди яровых хлебов – молочай, осот, чернобыль, полынь, в паровом поле встречались красная трава, берёзка, осот. «Около леса [посев] вымокает, чем урожай уменьшается». «Удобрение введено лет 5-ть; земля жирна и удобрения не принимает; хлеб от удобрения вылегает; вывозится по 50 пудов на десятину, в 15–20 пуд. воз».

Жители придерживались традиционного трёхпольного севооборота, сеяли рожь, овёс, пшеницу, просо, гречу, полбу, горох, лён, коноплю, обходились своими семенами. В 1894 году урожайность составила 80 пуд. ржи, 70 овса, 20 пшеницы (неурожай), 40 гречи, 100 проса, 70 гороха, 80 льна и 60 пуд. с дес. конопли, впервые посеяли полбу. Очень хорошие сборы доходили до 150 пуд., плохие падали до 24 пуд. с дес.

Земледельческие орудия – «сохи с одним лемехом и у некоторых с железным отвалом». В Благовещенском заводе покупали веялки ценою до 25 руб. У Штехера приобрели одну молотилку за 40 руб., переделав её из ручной в конную.

На усадьбах «в огородах сеется картофель, капуста, лук, огурцы для своего потребления». Помидоры ещё были сельчанам не известны.

Много в Ново-Михайловке в 1895 году держали скота: 35 рабочих лошадей, 12 подростков, 3 жеребёнка, 28 коров и быков, 15 подтёлков и бычков, 20 телят, 180 овец, 30 свиней.

Богатые землёй михайловцы не испытывали проблем с пастбищами. Кроме выгона, пасли «на парах крупный рогатый и мелкий; лошадей пасут врозь. Пастуху платят 36 руб.; плата с череда; черед – 1 корова = 2 подтёл. = 6 овец, с череда 50 коп.»

Сенокос по чернозёму, «травы луговые», в 1894 году накопили в среднем по 200 пуд. сена с дес., хороший сбор был в текущем 1895 году (исследование прошло сразу после покоса) – от 150 до 200 пуд. Средние укусы (105–140 пуд.) случались в 1888–1890 годы, плохие (95–100 пуд.) – в 1891–1893 годы. «Сена хватает своего», корма не покупали.

В отличие от всех окрестных деревень, в Ново-Михайловке было много своего леса «в одном участке», одна часть в болоте, вторая – в сырой низменности. Бывший барский лес был «испорчен порубами», поэтому в первом участке было «заказано» 5 дес., во втором – 3 дес. В «заказанном» лесу вообще не рубили, берегли, чтобы вырос. «Охраняют сами». Остальной лес вырубался «выборочно», лес в 1895 году новомихайловцы ещё «не делают, но предполагается разделить» по семьям.

Жители отапливали дома «своим лесом». Более того, крестьяне даже «лес продают дровами, на месте по 1 р. 70 к. – 2 руб., с провозом в гор. Уфу по 2 р. 50 – 60 к.» за сажень кубическую.

Но главный доход новомихайловцам приносила продажа хлеба со своих полей, который возили в Уфу за 10 вёрст. Сельчане могли торговать на городских базарах по розничным ценам, были избавлены от перекупщиков-спекулянтов. Следующая таблица показывает зимние цены за пуд в копейках.

Год	Рожь	Пшеница	Овёс	Греча	Пшено	Горох
1890	60	80	50	60	70	70
1891	140	180	90	120	200	200
1892	70	80	50	50	70	150
1893	36	60	31	35	60	60
1894	25	40	18	40	40	20

Особенно выгодны были засушливые, неурожайные года (Ново-Михайловка лежит в весьма увлажнённой местности), когда цены резко вырастали и крестьяне хорошо зарабатывали.

Несмотря на обилие собственной земли, жители брали в краткосрочную подешадинную аренду (на один посев / укос) у соседнего купца Мартемьяна Васильева пашню под озимый (по 11–12 руб.) и яровой и под лён (по 3–5 руб.) посев, а также покосы от 6 до 7 руб.

Более того, в Ново-Михайловке была распространена внутридеревенская аренда. «Переселившиеся из Петропавл. волости сдали свои душевые наделы по 10 руб. за душу (7 душ. надел.) Медведеровским домохозяевам».

Рядом с Ново-Михайловкой раскинулись водоёмы. «В озёрах ловится рыба: лещ, щука; два озера – Ольховое и Берёзовое; из первого 2/3 части принадл[ежат] Михайловс[ким] и 1/3 – Суровским; из второго – 1/2 ч. Михайловс[ким] и 1/2 – Чижову; на первом ловят 4 тони вместе и 5-я – одни Михайловцы; на 2-м улов делится пополам между Михайловцами и Чижовым; вылавливается до 100 пуд.; продают в Уфе по 1 р. 60 к. – 2 р.»¹ Рыбал-

¹ Там же. Д. 813. Л. 12–15 об.

ка в Ново-Михайловке была знатная.

При изучении истории Ново-Михайловки в начале XX столетия встаёт вопрос – а что случилось с маленьким сельцом Ивано-Ключевским, жители которого по данной от 9 декабря 1864 года получили от дворян Воскобойниковых 53 дес. 48 саж. земли, включавшей усадьбу, выгон, пашню, сенокос и неудобья¹.

Сравнение старинных и современных карт показывает, что маленькое сельцо Ивано-Ключевское располагалось в конце совр. улицы Лесной, где вырос жилой комплекс «Родничок». В 1860-е годы здесь стояли четыре двора: Андрея Иванова, Николая и Бориса Степановых, Михаила Егорова. Из продавцов земли (см. выше) упоминаются только Егоровы.

Ап.М. Васнецов. Серый день (Серенький денёк). 1883 год

Последнее описание из шести дворов сельца Воскобойниково (Ивано-Ключевское тож), входившего в Падеевское сельское общество, относится к переписи 1895 года. Земля крестьян была в одном участке (делилась на 11 ревизских душ), сельцо лежало «на северном крае надела». Всех угодий было 53,02 дес., из них 0,42 дес. находилось под постройками, 0,37 дес. под садами и огородами, имелось 4 дес. выгона, 40,98 дес. пашни, 1,25 дес. занимал кустарник, 6 дес. неудобья (1 дес. под водою, 3 дес. под болотами, 1 дес. под дорогами). Земли своей не хватало, крестьяне распахали весь сенокос.

Занимались земледелием, года два тому назад начали

¹ Там же. Д. 483. Л. 3 об.

удобрять пашню навозом, сеяли рожь, полбу, просо. В Михайловке купили 2 старых веялки по 5 руб. Держали скотину, которую пасли «по своему выгону, парам и жнивью». Пастуху платили 14 руб., домохозяева вносили деньги по числу чередов (черед – 1 дойная корова = 6 овцам = 1 телёнку).

Кустарник свой (берёза, вяз, ольха, черёмуха, тальник, чернотал и пр.) не обеспечивал крестьян топливом и они «покупают дрова у Базилевского по 1 р. 20 к. за сажень». У него же снимали 4 дес. пойменных лугов за 36 руб. Осенью продавали муку в Уфе. В неурожайные годы сами приобретали муку в городе¹.

Но уже в списке деревень Уфимского уезда за 1906 год сельцо Ивано-Ключевское отсутствует. Земля перешла к жителям Ново-Михайловки. В материалах переписи 1917 года указано, что надел бывшей деревни Воскобойниковой в количестве 53,02 дес. весь оказался у михайловцев². Видимо, несколько семей местных разъехались, а надел был продан.

По переписи 1912–1913 годов в Дмитриевской волости существовала Ново-Михайловка (переселенцы-собственники, русские, своё сельское общество, имелась школа). Деревня состояла из 13 дворов с населением 98 чел. (45 мужчин, 53 женщины). Надельной земли не имелось, только купчая. В составе товарищества из 13 семей было приобретено 820 дес. (четверо приобрели от 30 до 40 дес., остальные свыше 40 дес. на двор). Земли хватало, к аренде не прибегали, один сам сдавал в аренду 15 дес. Держали много скота, безлошадных не имелось, лишь одна семья обходилась парой рабочих лошадей, три – тремя каждая, остальные держали по 4 и более коней.

Народ жил весьма зажиточно. Три середняка имели посевы от 6 до 10 дес., остальные относились к зажиточным предпринимательским хозяйствам с посевом свыше 10 дес. Сеяли всего: 73,25 дес. озимой ржи, 27,45 овса, 10,1 пшеницы, 10,95 проса, 43 гречи, 1,95 картофеля, итого – 166,7 дес. посева³.

Видимо, не случайно в процветавшей зажиточной, предпринимательской Ново-Михайловке местное самоуправление (земство) открывает школу. Осенью 1911 году распахнуло свои двери Ново-Михайловское земское училище. Дети учились три года, работала одна учительница, школа была смешанная, состояла из двух отделений. В первый 1911/12 учебный год было принято в первое отделение – 10 мальчиков и 5 девочек, во второе – 6 мальчиков и 2 девочки. Всего первый набор школьников

¹ Там же. Д. 813. Л. 121–123.

² Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 512. Л. 71.

³ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 638–645.

составил 23 чел., одному отказали в приёме «за опозданием». Все успешно доучились до конца года и весной 1912 года из первого отделения были переведены 7 мальчиков и 3 девочки, из второго – 6 и 2. На второй год остались в первом отделении 3 мальчика и 2 девочки.

В 1912 году, правда, возникла идея перенести школу в соседнюю Суровку. Но это, возражали, «нарушит закон о трёхвёрстном школьном радиусе: школа окажется не в центре школьного района, а на окраине его. Деревни Воскобойниковой ныне нет, [...] но остаётся хутор Подашевского, что был около Воскобойниковой и его нельзя не считать»¹. Так школа в Ново-Михайловке осталась.

Последний раз земские статистики (И. Остах[ов?], фамилия второго плохо видна) приехали в Ново-Михайловку 29 мая 1917 года. Проводилась Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись. Благодаря добросовестному труду переписчиков, сохранились подробные сведения о жизни сельчан.

Составлялись два типа документов: общинный бланк на всю деревню и подворные карточки на каждое домохозяйство (в Ново-Михайловке – 28 подворок). В 1917 году пришлось разбираться со сложными поземельными отношениями.

Основная часть земли – 840,1 дес. – была давно куплена группой крестьян во главе с Андреем и Назаром Егоровичами Беляевыми. В едином участке она включала 3 дес. под усадьбами, 120 пашни, 98 поёмного сенокоса, 22 выгона, 451 дес. леса, 69 кустарника и ещё 77,1 дес. разных неудобий.

Покупатели разделили пашню на 7 паёв. На одну душу (так по привычке именовали пай – долю в коллективной частной собственности, из которой любой всегда мог выйти) приходилось по 6 дес. пара и пашни под озимое (всего 43 и 42 дес.), а также по 5 дес. пашни под яровой посев (всего 35 дес.). Итого на одну душу (пай) приходилось 17 дес. пахотной земли, 17 умножаем на 7 (число паёв) и получаем (округлённо) 120 дес. Пойменных сенокосов на один пай считали по 14 дес.

За прошедшие десятилетия с момента поселения была только проверка меж (границ между участками, возможно 8 лет назад), земля же разделена была при покупке, полосы (участки пашни) раздавались по жребию. «Бывают отделы сыновьям из отцовского пая», добавили статистики.

Но предприимчивые новомихайловцы были жадными до

¹ Сборник постановлений Уфимского уездного земского собрания с приложениями. XXXVIII очередное уездное земское собрание 1912 года. Уфа, 1913. С. 203–205, 657, 663–664, 669, 673, 688–689, 727; Школьная статистика за 1911–12 учебный год / сост. С.Ф. Гарденин. Уфа, 1913. С. 40.

землицы, объединялись в товарищества для оптового, более дешёвого приобретения угодий. В результате почти все жители дополнительно купили товарищескую землю, её показывает следующая таблица (количество земли в дес., все угодья вместе, исправления не учитываются).

Домохозяин	Дудкины луга (10,56 дес.)	От Штехе- ра при Куровской	Надел деревни Воскобойни- ковой
Якин Михаил Сергеевич	1	25	4,5
Кузнецов Герасим Гаврилович	1	–	13,5
Кузнецова Варвара Герасимовна	1	16	–
Кузнецов Захар Гаврилович	1	–	7
Николаев Михаил Васильевич	–	15	4,5
Кузнецов Гавриил Захарович	–	8	–
Соколов Семён Васильевич	–	–	4,5
Николаев Филипп Евстигнеевич	–	5	–
Якин Андрей Егорович	1	25	4,5
Соколов Андриан Васильевич	–	–	–
Гагин Яков Николаевич	–	–	9
Николаев Яков Евстигнеевич	1	5	–
Кириллова Анна Кузьминична	1	12,5	

Как видим, домохозяева вступали в разные товарищества по покупке земли в зависимости от личных обстоятельств. В таблице присутствует А.В. Соколов, не имевший товарищеской земли (в документе есть также одна пустая строка). В реальности владения каждой семьи были раскиданы по разным местам.

Подворных карточек было заполнено 28, но усадебных участков в Ново-Михайловке летом 1917 года имелось только 16 площадью от 0,16 до 0,25 дес. В деревню подсеялись разные люди, которые, видимо, снимали углы (комнаты, отдельные строения) под жильё.

Переписчики также собрали дополнительную информацию об удобрении пашни. Каждый год унавоживалась 1/100 часть парового поля, на участок площадью в 1600 кв. саж. в между-парье вывозилось 70 возов навоза. Наконец, в деревне вес воза необмолоченной ржи составлял 25 пуд., овса и пшеницы – 18, проса – 17, сена – 20, ржаной и просяной соломы – 16, овсяной соломы – 14 пуд.¹ Для общей информации.

Но самыми интересными являются подворные карточки. Выше, в деревне Вавилово приведена инструкция, как правильно понимать сведения в подворках. В Ново-Михайловке по словию все крестьяне или крестьяне переселенцы-собственники,

¹ НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 512. Л. 70–72 об.

русские, приписные. Нет номера 16, под номером семь числится карточка на помещика Подашевского, а подворная карточка № 4 составлялась дважды.

Население деревни Ново-Михайлово в 1917 году¹

1) **Якин Михаил Егорович**, 63 года.

Семья: сын 31 (в армии), внуки 11, 8, жена 63, внучки 10, 1 год. В семье жила няня 70 лет.

Нанимались годовые, сдельные работники. 2 многолемешных плуга, молотилка, веялка, телега на железном ходу.

Скот: 3 рабочих лошади, 4 нерабочих лошади, 2 жеребёнка, 4 коровы, нетель, 3 подтёлки, 4 телёнка, 20 овец, 20 ягнят, 3 свиньи, 4 поросёнка.

Земля: купчая общественная на $\frac{1}{2}$ души – 0,25 дес. усадьба, 8,5 пашни, 7 покосов, 38 остальные угодья

купчая товарищеская – 22 пашни, 1 покосов, 7,5 остальные

Посев: 10 дес. озимой ржи, 4 овса, 2,7 яровой пшеницы, 1 проса, 4 гречихи, всего – 21,7 дес., пара – 9, итого – 30,7 дес.

2) **Кузнецов Герасим Гаврилович**, 54 года.

Семья: сын 17, жена 45, дочери 19, 10 лет.

Нанимались сдельные работники. 30 ульев, многолемешный плуг, сеялка, веялка, 2 телеги на железном ходу.

Скот: 3 рабочих лошади, 2 нерабочих лошади, 2 коровы, 2 нетели, 3 телёнка, 18 овец, 20 ягнят, 3 свиньи, 4 поросёнка.

Земля: купчая общественная на $\frac{1}{3}$ души – 0,25 усадьба, 6 пашни, 5 сенокосов, 25 остальные

купчая товарищеская – 11 пашни, 0,8 покосов, 1 остальные арендует у частных лиц – 0,5 озимого, 0,5 ярового, 3,5 пара (все 1Д)

Посев: 7 дес. озимой ржи, 3 овса, 7 яровой пшеницы, 0,35 проса, 0,15 картофеля, 0,15 льна, всего – 17,65 дес., пара – 4, итого – 21,65 дес.

3) **Кузнецова Варвара Герасимовна**, солдатка, 35 лет.

Семья: муж 35 (в армии), дочь 12, свекровь 72 года. При доме жил работник 35 лет.

Нанимались годовые, сроковые, сдельные работники. Многолемешный плуг, 2 телеги на железном ходу (молотилка и веялка – плохо видны).

Скот: 2 рабочих лошади, 2 нерабочих лошади, жеребёнок, 3 коровы, телёнок, 10 овец, 9 ягнят, 2 свиньи, 4 поросёнка.

Земля: купчая общественная на $\frac{1}{3}$ души – 0,25 усадьба, 6

¹ Там же. Д. 4769.

пашни, 5 покосов, 25 остальные

купчая товарищеская – 13 пашни, 0,8 сенокосов, 3 остальные

Посев: 6,5 дес. озимой ржи, 2 овса, 1,33 яровой пшеницы, 0,35 проса, 2 гречи, 0,1 картофеля, всего – 12,28 дес., пара – 7,75, итого – 20,03 дес.

4) **Кузнецов Захар Гаврилович**, 62 года.

Семья: сыновья 38, 23, 20, 19 (все четверо в армии), внук 8, жена 55, сноха 30, дочери 17, 14, 13 лет.

Нанимались подённые, сдельные работники. 8 ульев, многолемешный плуг, телега на железном ходу.

Скот: 3 рабочих лошади, 3 нерабочих лошади, 2 коровы, нетель, 2 бычка, 2 телёнка, 14 овец, 14 ягнят, 5 свиней.

Земля: купчая общественная на 1/3 души – 0,25 усадьба, 6 пашни, 5 покосов, 25 остальные

купчая товарищеская – 11 пашни, 0,8 покосов, 1 другое арендует у частных лиц – 0,5 озимого, 0,5 ярового, 3,5 пара (все 1Д)

Посев: 7 дес. озимой ржи, 3 овса, 7 яровой пшеницы, 0,35 проса, 0,15 картофеля, 0,15 льна, всего – 17,65 дес., пара – 4, итого – 21,65 дес.

На З.Г. Кузнецова была составлена вторая карточка № 4. Отличия от первой:

купчая товарищеская – 4,5 пашни

арендует у частных лиц – 1,33 озимого, 1,33 ярового (1Д)

арендует в чужом обществе – 1,33 пара (1Д)

Посев: 4,4 дес. озимой ржи, 2 овса, 1 яровой пшеницы, 0,67 проса, 1,5 гречи, 0,25 картофеля, 0,04 конопли, всего – 9,86 дес., пара – 3, итого – 12,86 дес.

5) **Николаев Михаил Васильевич**, 63 года.

Семья: сын 39 (в армии), внук 6, жена 60, сноха 35 (работает прислугой в частновладельческом хозяйстве), внучки 19, 16, 14, 12, мать 90, тёща 75 лет.

Нанимались годовые, сдельные работники. 12 ульев, однолемешный и многолемешный плуги (молотилка, веялка?)

Скот: 3 рабочих лошади, 4 коровы, 3 подтёлки, 2 телёнка, 18 овец, 20 ягнят, 2 свиньи, 2 поросёнка.

Земля: купчая общественная на ½ души – 0,25 усадьба, 8,5 пашни, 7 покосов, 38 остальные

купчая товарищеская – 16,5 пашни, 3 остальные

Посев: 8 дес. озимой ржи, 4 овса, 1,5 яровой пшеницы, 3,7 гречи, 0,15 картофеля, 0,08 льна, всего – 17,43 дес., пара – 8, итого – 25,43 дес.

6) **Кузнецов Гавриил Захарович**, 35 лет (в армии).

Семья: сыновья 13, 6, 4, жена 35, дочь 12 лет.

Многолемешный плуг.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, жеребёнок, 2 коровы, 2 бычка, 2 подтёлки, 2 телёнка, 6 овец, 3 ягнёнка, 2 свиньи, 2 поросёнка.

Земля: купчая общественная на $\frac{1}{4}$ души – 0,25 усадьба, 4 пашни, 3,5 покосов, 10 остальные

купчая товарищеская – 8 пашни

арендует у частных лиц – 1,7 озимого (1Д)

Посев: 4,5 дес. озимой ржи, 1,7 овса, 0,7 яровой пшеницы, 0,25 проса, 1,7 гречи, 0,15 картофеля, всего – 9 дес., пара – 2, итого – 11 дес.

7) **Подашевский Павел Павлович**, дворянин, русский, посторонний, отсутствующий (номер карточек виден плохо).

Земля: сдаёт в аренду в своём обществе – 3 озимого, 3 ярового, 3 пара (все 1Д). Больше ничего в карточке не указано.

8) **Николаев Филипп Евстигнеевич**, 30 лет (в армии).

Семья: жена 28, дочь 8, мать 55 лет. При доме жил работник 55 лет.

Нанимались годовые, подённые, сдельные работники. Многолемешный плуг, 2 телеги на железном ходу.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, жеребёнок, 3 коровы, 2 подтёлки, телёнок, 10 овец, 12 ягнят, 4 поросёнка.

Земля: купчая общественная на $\frac{1}{4}$ души – 0,25 усадьба, 4 пашни, 3,5 покосов, 19 остальные

купчая товарищеская – 4 пашни, 1 остальные

арендует в чужом обществе – 2,7 ярового (1Д)

сдаёт в аренду частным лицам – 2 пара (1Д)

Посев: 3 дес. озимой ржи, 2,7 овса, 1 яровой пшеницы, 2 гречи, 0,1 картофеля, всего – 8,8 дес., пара – 4, итого – 12,8 дес.

9) **Якин Андрей Егорович**, 75 лет.

Семья: сыновья 12, 10, жена 40, дочери 11, 8 лет. При доме жил 20-летний военнопленный австриец.

Нанимались годовые, подённые, сдельные работники. Однолемешный и многолемешный плуги, 12 ульев.

Скот: 4 рабочих лошади, рабочая лошадь до 4-х лет, 2 нерабочих лошади, 2 жеребёнка, 3 коровы, 2 подтёлки, 3 телёнка, 10 овец, 11 ягнят, свинья, 5 поросят.

Земля: купчая общественная на $\frac{1}{2}$ души – 0,25 усадьба, 8,5 пашни, 7 покосов, 38 остальные

купчая товарищеская – 26,5 пашни, 2 покосов, 3 остальные

Посева нет (не указан).

10) **Соколов Андриан Васильевич**, 52 года

Семья: сын 10, жена 47, дочери 20, 14 лет.

Нанимались сдельные работники. Многолемешный плуг (и веялка?).

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 2 коровы, 2 подтёлки, телёнок, 10 овец, 10 ягнят, свинья, 7 поросят.

Земля: купчая общественная на 1/3 души – 0,2 усадьба, 6 пашни, 5 покосов, 25 остальные

арендует у частных лиц – 1,3 озимого, 1,3 ярового, 2 пара (все 1Д)

Посев: 3 дес. озимой ржи, 1,6 овса, 0,4 проса, 1,4 гречи, 0,1 картофеля, 0,1 льна, всего – 6,6 дес., пара – 4, итого – 10,6 дес.

11) **Гагин Яков Никитич**, 42 года.

Семья: сыновья 12, 5, 1, жена 42, дочери 17, 16, 9 лет.

Нанимались подённые, сдельные работники. Многолемешный плуг, ½? молотилки, телега на железном ходу, 16 ульев.

Скот: 3 рабочих лошади, нерабочая лошадь, жеребёнок, 3 коровы, нетель, подтёлки, 2 телёнка, 17 овец, 18 ягнят, 2 поросёнка.

Земля: купчая общественная на 1/6 души – 0,25 усадьба, 3,5 пашни, 2,3 покосов, 14 остальные

купчая товарищеская – 9 пашни

арендует в своём обществе – 3 озимого, 3 ярового, 3 пара (все 1Д)

арендует у частных лиц – 2 пара (1Д)

Посев: 9 дес. озимой ржи, 3 овса, 2 яровой пшеницы, 0,3 проса, 3 гречи, 0,1 картофеля, 0,1 льна, всего – 17,5 дес., пара – 6, итого – 23,5 дес.

12) **Гагин Макар Григорьевич**, 53 года.

Семья: сыновья 26 и 20 (оба в армии), 16, жена 53, сноха 26, внуки 5, 4 года. При доме жил работник 27 лет.

Нанимались сроковые, подённые, сдельные работники.

Скот: 4 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 3 коровы, нетель, бычок, 2 подтёлки, 2 телёнка, 17 овец, 15 ягнят, 3 поросёнка.

Земля: купчая общественная на 3 души – 0,2 усадьба, 6 пашни, 5 покосов, 25 остальные

купчая товарищеская – 22 пашни, 1,5 покосов, 8 остальные сдаёт в аренду в своём обществе – 1 озимого (1Д)

Посев: 8 дес. озимой ржи, 4,5 овса, 3 яровой пшеницы, 0,25 проса, 4 гречи, 0,25 картофеля, 0,25 конопли, всего – 20,25 дес., пара – 7,5, итого – 27,75 дес.

13) **Гагин Никита Михайлович**, 78 лет, отсутствующий.

Семья: жена 55 лет, отсутствующая.

Земля: купчая общественная на ½ души – 0,08 усадьба, 8,5 пашни, 7 покосов, 38 остальные

сдаёт в аренду в своём обществе – 3 озимого, 3 ярового, 3 пара (1Д)

14) **Николаев Яков Евстигнеевич**, 39 лет.

Семья: жена 37, дочь 9 лет.

Нанимались подённые, сдельные работники.

Многолемешный плуг, веялка, $\frac{1}{2}$ молотилки?, плохо видно.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 3 коровы, 2 нетели, 2 телёнка, 10 овец, 8 ягнят, 5 свиней.

Земля: купчая общественная на $\frac{1}{4}$? души – 0,25 усадьба, 4,75 пашни, 4 покосов, 19 остальные

купчая товарищеская – 4 пашни, 1 остальные

арендует в своём обществе – 1,7 озимого, 1,7 ярового (1Д)

арендует в чужом обществе – 1,7 озимого, 1,7 ярового? (все 1Д)

Посев: 5 дес. озимой ржи, 2 овса, 1 яровой пшеницы, 0,15 проса, 2 гречи, 0,1 картофеля, всего – 10,25 дес., пара – 4, итого – 14,25 дес.

15) **Кирилова Анна Кузьминична**, 38 лет.

Семья: муж 41, сыновья 18, 16, 10, 7, 3, дочери 9, 5 лет.

Нанимались подённые, сдельные работники.

Многолемешный плуг, веялка.

Скот: 3 рабочих лошади, 2 нерабочих лошади, 4 коровы, 2 подтёлки, телёнок, 13 овец, 11 ягнят, 2 свиньи, 5 поросят.

Земля: «Земля считается за Беяевым Никол[аем] Андреян[овичем]»

купчая общественная на $\frac{1}{3}$ души – 0,25 усадьба, 6 пашни, 5 покосов, 25 остальные

купчая товарищеская – 10 пашни, 1 покоса, 2,5 остальные

Посев: 6 дес. озимой ржи, 2,5 овса, 1 яровой пшеницы, 0,7 проса, 1 гречи, 0,2 картофеля, 0,1 льна, всего – 11,5 дес., пара – 5, итого – 16,5 дес.

16) нет подворной карточки с этим номером.

17) **Ладыгин Алекс. Дем.**, мещанин, русский, посторонний, отсутствующий.

Земля: купчая общественная на $\frac{1}{16}$ души - ?

«Вся в аренде». Посева нет.

18) **Кочкин Степан Фёдорович**, мещанин, русский, посторонний. Состав семьи не указан.

Земля: купчая общественная на $\frac{1}{8}$ души – ?

сдаёт в аренду в своём обществе – 0,5 озимого, 0,5 ярового, 0,5 пара (1Д). «Вся в аренде». Посева нет.

Беженцы¹:

¹ Номера некоторых подворных карточек у беженцев плохо читаются, здесь

19) **Ермош(кин?) Василий Игнатьевич**, беженец, 38 лет, сельскохозяйственный рабочий.

Семья: сын 6 месяцев, жена 25, дочь 5, мать 56 лет.

20) **Федорчук Степан Ипатиевич**, беженец, 54 года, сельскохозяйственный рабочий.

Семья: сыновья 27 (в армии), 15, 9, 6, жена 48, дочь 13, племянница 18 лет.

21) **Тараданюк Никифор Климентович**, беженец, 50 лет, пастух.

Семья: сыновья 30 и 22 (оба в армии), 13 пастух, 10 подпасок, внук 1, жена 62, сноха 21 год.

22) **Барчук Анна Ивановна**, беженка, 28 лет.

Семья: сын 4 месяца, отец 90, муж (в армии), дочь 9, мать 60 лет.

23) **Барчук Демид Лаврентьевич**, беженец, 72 года.

Семья: сын 41 сельскохозяйственный рабочий, внуки 12, 10, 6, 1, жена 72, сноха 35, внучки 9, 3 года.

24) **Шереметева Федора Павловна**, беженка, 52 года.

Семья: внук 2, отец 90, дочь 21 год.

25) **Приткульская Александра Карповна** (сначала фамилия была записана Барчук, затем зачёркнуто), беженка, 49 лет.

Семья: дочь 12, мать 74, дочь 22 года.

26) **Барчук Марья Моисеевна**, беженка, 70 лет.

Семья: внук 4, дочь 26 лет.

27) **Барчук Степанида Игнатьевна**, беженка, 39 лет.

Семья: сын 12, дочь 5 лет.

28) **Шапошникова Александра Павловна**, посторонняя, 41 год.

Семья: муж 40 («в плену»), сыновья 6, 4, дочери 16, 10 лет.

Изучение подворных карточек показывает наличие пришлового населения. В годы Первой мировой войны прибыла большая партия беженцев, которых расселили, предположим, в постройки помещичьего имения Подашевских или они квартировали у коренных михайловцев. Но среди «посторонних» крестьян в Ново-Михайловке есть поселенцы местные (№ 17 и 18).

Хозяйство новомихайловцев имеет существенные отличия от окрестных селений. Кроме обилия земли, обращает внимание немалое количество усовершенствованного и дорогого сельскохозяйственного инвентаря, вплоть до молотилок, и наличие многолемешных плугов. Это были своеобразные предшественники тракторов, двух или трёхлемешный железный плуг тянула не

они указаны примерно.

менее чем пара коней. Один пахарь заменял нескольких.

По составу стада Ново-Михайловка выделяется очень большим поголовьем лошадей и, в частности, нерабочих лошадей. Обычно полностью в сельскую работу коня использовали с четырёхлетнего возраста. А выкормить жеребёнка весьма дорого, лошадь не корова – грубой ржаной соломой не прокормишь, нужен хороший уход. Только богатые хозяева могли себе позволить держать много нерабочих лошадей, бедные покупали.

В главной отрасли экономики – земледелии – Ново-Михайловка отличается посевами дорогой яровой пшеницы, которую практически не сеяли соседи. «Матушка рожь кормит всякого дурака сплошь, а пшеничка – по выбору», гласила поговорка. Дорогая пшеница требовала «свежих», мягких земель и предназначалась в основном на продажу.

По двум хозяйствам (А.Е. Якина и Н.М. Гагина) нет сведений о посеве, пришлые ничего не сеяли. Из остальных 12 семей было три середняцких: Г.З. Кузнецов – 9 дес., Ф.Е. Николаев – 8,8 дес., А.В. Соколов – 6,6 дес. Прочие девять дворов – это зажиточные, предпринимательские, фермерско-кулацкие хозяйства, вплоть до М.Е. Якина с 21,7 дес. и М.Г. Гагина с 20,25 дес. посева. При этом не забудем, что шёл четвёртый год страшной войны, инфляция, товарный дефицит, государственные обязательные закупки продовольствия по фиксированным ценам, отток большого числа мужских рабочих рук в армию, мобилизация лошадей приводили к сокращению посевных площадей. В довоенные мирные годы размеры производства в Ново-Михайловке были выше, что показывает сравнение обеспеченности рабочим скотом. По переписи 1912–1913 годов лишь в одной семье была пара рабочих лошадей, у всех остальных по три, четыре и более, а в 1917 году осталось два двора с 4 раб. лошадьми, четыре сохранили по три рабочих лошади, остальные держали по две.

Ново-Михайловка накануне Гражданской войны это зажиточный посёлок нескольких семейных кланов: Якиных, Кузнецовых, Николаевых, Гагиных, а также Соколова и Кириловой (наследница рода Беляевых).

Не зафиксирован посев у 75-летнего Андрея Егоровича Якина (примерно 1842 года рождения). Уже в преклонном возрасте он женился на молодой, обзавёлся детьми. А в 1901 году его включили в состав уроженцев Дмитриевской волости, имевших право занимать должность присяжных заседателей по Уфимскому уезду, указано: Якин Андрей Егорович, православный, грамотный, дер. Михайловка¹.

¹ Уфимские губернские ведомости. 1900. 3 ноября.

Без сомнения, большинство домохозяев Ново-Михайловки было грамотными, достаточно крупный бизнес требовал образованности. В 1917 году Ново-Михайловка, наверняка, была застроена 16 крепкими и обширными подворьями, среди которых даже присутствовало дворянское жильё. Раз Павел Петрович Подашевский оказался среди жителей Ново-Михайловки (подворка № 7), это доказывало, что поместье лежало буквально возле деревни, где ранее было сельцо Ивано-Ключевское. Поэтому имение Подашевских и звалось «Воскобойниково».

Фрагмент карты советского периода. Михайловка.
Слева – урочище «Патышевский Сад»

Земли семьи Подашевских юридически состояли из двух владений. От брата Петра на месте бывшего сельца Ивано-Ключевского 27 дес. получил коллежский регистратор Павел Павлович Подашевский. Затем его жена Анна Михайловна Подашевская (или на имя жены) покупает два участка у мещанина Горюхина и купчихи И.А. Чижёвой при дер. Воскобойниковой. Первый был небольшой, всего в 5 дес. (1 дес. под усадьбой и пашней, 4 дес. дровяного леса). Во втором участке насчитывалось 417,88 дес. (350 дес. пашни, 26 суходольного сенокоса, 41,4 дес. поёмного покоса и неудобья)¹.

Это было «молодое» поместье. Уфимцы Подашевские решили завести своё хозяйство, которое пытались расширять. Так, 18 мая 1915 года «с торгов» А.М. Подашевская купила право на 74

¹ НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 737. Л. 139 об. – 140.

дес. у Василия Андриановича Белова за 5060 руб.¹

Владельцы стремились организовать рентабельное производство, вкладывали капиталы. По переписи 1912–1913 годов при Ново-Михайловке было зафиксировано имение А.М. Подашевской в 417,85 дес. (346,35 дес. пашни, 67,5 покосов). Засеивалось 112 дес. (50 ржи, 27 овса), держали 28 голов скота².

Земли Подашевских лежали от усадьбы на месте совр. жилого комплекса «Родничок» на окраине Михайловки, далее к северу от совр. Южного кладбища и в сторону дер. Вавилово. На картах 1970-х годов местное урочище обозначалось как «Патышевский Сад».

Во время переписи 1917 года крупные пригородные хозяйства помещиков были обследованы по отдельной расширенной программе, благодаря чему есть подробное описание имения «Воскобойниково» дворянки Анны Михайловны Подашевской. В 1917 году супруг Павел Павлович по прежнему нигде не служил, занимая лишь выборную должность депутата (гласного) Уфимского уездного земского собрания³. Хозяйка же числилась по уфимскому адресу: угол улиц Большой Казанской и Телеграфной (Окт. революции и Цюрупы) по чётной стороне.

Приведены сведения о семье помещиков. На лето 1917 года П.П. Подашевскому исполнилось 49 лет (он примерно 1868 г. р.), супруге – 45 лет, указан взрослый сын 23-х лет.

Имение лежало в одной версте от деревни Михайловки, в одной меже (но три участка, видимо, соседних), было окружено крестьянскими землями. «Местность ровная с наклоном к югу, влажность выше средней, оврагов и болот нет». «Почва чернозём, подпочва суглинок; около 1/10 простран[ства] всего участка с почвой каменистой». «Прудов нет, колодец один с хорошей питьевой водой для нужд хозяйства хватающей».

Площадь поместья по исследованию (опросу) 1917 года составляла 422,88 дес., усадьба раскинулась на пространстве в 3 десятины, в том числе две десятины занимал сад «декоративный» и 0,25 дес. огород. По другим данным плодовый сад занимал 3 дес. и вдобавок имелась оранжерея на первом участке. На втором указано наличие 1,5 дес. плодового сада и парник.

Первый участок – хутор на 27 дес. (5 дес. усадьба, 7 пашни и 15 прочих угодий) юридически числился за П.П. Подашевским и находился в двух верстах от Ново-Михайловки, остальная земля – за супругой (второй участок – 5 дес., третий – 417,5, итого –

¹ Там же. Д. 483. Л. 1 об.

² Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа, 1915. С. 82–85.

³ Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1917 год. Уфа, 1917. С. 45.

422,5 дес.). Пашня занимала 225 дес., лес строевой – 120 дес., суходольный сенокос – 2 дес., неудобья – 0,38 дес. В 1917 году помещики сдавали в аренду частным лицам 34 дес. пара на один год за денежную плату.

Система полеводства оставалась традиционной – «трёхпольная»: пар – озимые – яровые чередовались в трёх полях. Высев из своих семян был по 7 пуд. на дес. ржи и 8 пуд. овса. В 1917 году было засеяно 45 дес. озимой ржи (в 1916 году – 93), 60 дес. овса и 10 дес. гречи. Озимые дали средний сбор в 70 пуд., а вот яровые в 1917 году «подкачали», всего 15 пуд. овса и 10 пуд. гречи. Урожай плохой, засушливым тот год выдался. По другим сведениям посев составлял 80 дес. озимой ржи, 44 овса, 16 гречи, всего – 140 дес. и ещё 7 дес. овса на первом участке.

Для своего хозяйства Подашевские накупили много инвентаря. В 1917 году взору статистиков предстали 4 двухконных плуга Эккерта¹ (по 30 руб. штука), по две бороны железные Зигзаг (по 25 руб.), местные деревянные (по 10 руб.) и железные (по 15 руб.), каток лёгкий местный для укатывания пашни за 20 руб., рядовая сеялка Дириг (за 380 руб.) и разбросная сеялка Эльворти (180 руб.), сноповязалка Маккормик (700 руб.), конные грабли Эльворти (75 руб.). Также имелись конная молотилка Липгарт производительностью 700 пуд. в день (за 800 руб.), две ручных веялки Благовещенского завода производительностью 400 пуд. в день (по 50 руб.), три местного изготовления возовые телеги (по 50 руб.), 8 также местных одиночных саней (по 15 руб.) и 4 парных саней. И вдобавок 8 комплектов рабочей сбруи (по 20 руб.) и 6 комплектов выездной сбруи (по 80 руб.). Всего инвентаря в имении Подашевских числилось на 3385 руб.

При обследовании поместья были собраны сведения о проведении сельскохозяйственных работ. С поправкой на более высокий уровень технического обеспечения, это позволяет увидеть ход полевых работ и у крестьянства.

Основной зерновой культурой оставалась озимая рожь, самая надёжная и засухоустойчивая. Серый ржаной хлеб являлся главным в питании народа, его всегда можно было выгодно продать. Высевали озимую рожь после пара, когда земля целый год отдыхала, восстанавливалось плодородие. Трёхпольный севооборот в хозяйстве Подашевских строго соблюдался:

Год	1-е поле	2-е поле	3-е поле
1917	пар	озимое	яровое
1916	яровое	пар	озимое

¹ По другим данным в имении Подашевской было 2 однолемешных и 5 многолемешных плугов.

1915	озимое	яровое	пар
1914	пар	озимое	яровое
1913	яровое	пар	озимое
1912	озимое	яровое	пар
1911	пар	озимое	яровое
1910	яровое	пар	озимое
1909	озимое	яровое	пар
1908	пар	озимое	яровое

Под озимую рожь пашню обрабатывали качественно: две вспашки и две бороновки. Первая вспашка (взмёт) начиналась примерно 20 мая, пахали железными плугами на глубину 3,5 вершка (вершок = 4,4 см). Затем вспаханная земля с месяц отдыхала и 1 июля (даты, естественно, приблизительно, зависели от погоды) начинали вторую более глубокую вспашку плугом на 4 вершка. Глубокая вспашка обеспечивала лучшее уничтожение сорняков. После этого 7–8 июля проводилась первая бороновка железными боронами, а 20 июля – вторая. И 5 августа начинали сеять, используя рядовую сеялку.

Если крестьяне сеяли вручную, разбрасывая семена из лукошка или мешка, то у помещиков применялся передовой рядовой посев, когда семена равномерно покрывали поле, что обеспечивало экономию посевного материала и лучшие условия для роста хлебов.

Выдавшие небольшие посевы к осени озимые уходили под снег, который укрывал растения зимой, не давал вымерзнуть (малоснежные зимы редкость). А весной, когда в почве обилие влаги, с первых тёплых дней озимые бурно шли в рост и мало зависели от весенних дождей, в отличие от яровых культур.

В июле следующего года наступала жатва. Уборка озимой ржи в имении Подашевских на 2/3 производилась ручная. Нанятые работницы в основном серпами жали рожь, а на 1/3 посевной площади работала жатка-самовязка, которая скашивала хлеб и перевязывала его в снопы шпагатом.

Всю привезённую в поместье рожь молотили на конной молотилке, машина приводилась в действие лошадьми. Полученное зерно два раза пропускали через веялку, сортировали, провеивали, удаляя полову (семенные плёнки, обломки листьев, колосья, семена сорных трав, частицы земли и других примесей), отбраковывая мелкое, щуплое, некачественное зерно.

Бизнес Подашевских держался на строгом учёте, что показывает урочное положение (величина затрат труда и времени). Так, взмёт (первая вспашка) одной десятины озимой ржи требовала на 1 лошадь 6 рабочих дней и трёх работников, первая бороновка с тремя железными боронами – 3 дня на десятину с ра-

ботником на лошади. Вторая вспашка одной десятины двухлемешным железным плугом выполнялась за 6 дней тремя работниками с лошадей, вторая бороновка была аналогичной первой. Наконец, засев 4,5 дес. ржи рядовой сеялкой производился за 4 дня на одной лошади работником и помогавшим подростком.

На следующее лето скосить самовязкой 5 дес. ржи могли снова работник с подростком за 4 дня на одной лошади. Два работника на лошади за два дня свозили 100 снопов (10 возов) на расстояние полторы версты от поля до хозяйского гумна. И последнее, 7 человек ручной веялкой провеивали 1000 пуд. озимой ржи. Для яровых были такие же условия.

Но полевые работы с яровыми хлебами различались. Пашню под овёс первый раз вспахивали осенью, в начале сентября (поднимали зябь на 3,5 вершка), после чего перепаханную землю оставляли в таком виде на зиму (чтобы зябла). Зябь очень полезна: вспаханная, разрыхлённая почва лучше впитывает влагу осенью и весной, бактерии получают воздух, зимующие в почве вредители и сорняки погибают.

Весной, с 10 апреля под овёс снова вспахивали землю двухлемешным плугом на 3,5 вершка, одновременно, 8–10 апреля два раза бороновали пашню и с 15 апреля рядовой сеялкой высевали овёс. Весенние работы требовалось производить очень быстро, оптимальный срок – 10 дней.

Летом вручную посева овса пропальвали, удаляя сорняки. Затем также вручную приглашённые батраки косили овёс, молотили на конной молотилке и два раза пропускали (сортировали) зерно через веялку.

Третьей основной культурой в округе была гречиха, самая поздняя и капризная (боится заморозков) яровая культура, но и стоила она в два раза дороже овса. Под гречу у Подашевских зябь не пахали, а с 10 апреля двухлемешным плугом один раз вспахивали почву на 3,5 вершка, с 20 апреля боронили и 5 мая сеяли рядовой сеялкой. Жатва была вся ручная и даже молотили гречу вручную цепями, имевшаяся молотилка не подходила для гречихи. Сортировали три раза на веялке.

Второй основной отраслью в хозяйстве Подашевских было скотоводство¹. Они даже пытались организовать племенной за-

¹ Информация на подворных карточках и в подробном обследовании поместья различается. Подворки сообщают, что на первом участке держали 18 лошадей (8 рабочих лошадей старше 4-х лет, 2 рабочих двухлетки и 2 рабочих трёхлетки, 2 нерабочих лошади и 4 жеребёнка). На втором и третьем участках числилось 10 рабочих лошадей, бык, 3 коровы и 2 телёнка. Скорее всего, сведения собирали в разное время, а помещики в 1917 года интенсивно распродавали скот.

вод для разведения орловских рысаков (на первом участке). Всего в 1917 году в имении держали трёх орловских рысаков (привезённый взрослый жеребец и выращенные в имении жеребцы старше 1 года и моложе). Это производители.

Табун заводских маток включал трёх взрослых орловских кобыл и одну американскую (все куплены на стороне), а также выращенных уже здесь орловских кобыл (три старше одного года и три моложе).

Помимо дорогих породистых коней, Подашевские держали простой рабочий скот метисов: 4 взрослых лошади, 7 лошадей старше 4-х лет, две лошади уже вырастили в поместье (от 1 года до рабочего возраста). Итого паслось 26 лошадей.

Земля в имении «обрабатывается в большей степени наёмным рабочим скотом», крестьян приглашали со своими лошадьми. Лошади трудились около 10 часов в день, да прокорм длился по 3 часа в рабочий день. Возрастной предел использования лошадей – от 17 до 20 лет.

В хозяйстве Подашевских держали немного крупного рогатого скота: в 1917 году имелось 3 дойных коровы и 2 выращенных здесь телёнка, все местной породы. Ежегодно в экономии выращивалось по одному – два телёнка. Молоко шло на потребление семьи, ни масла, ни сыра на рынок не производилось.

Где-то на усадьбе стоял птичник, в 1917 году держали 7 кур породы «лашшан». Видимо, правильно, лангшан (англ. Langshan и Croad Langshan). «Родина этой породы северный Китай. В Россию лангшаны завезены для улучшения русских беспородных кур. В переводе лангшан – большая гора. Это крупная высоконогая птица. Первоначально, порода была мохноногая. В настоящее время существуют два типа: мохноногие – английского типа и голоногие – немецкого типа. Немецкие получены путём скрещивания чёрных лангшанов и минорок, а также чёрных плимутроков.

В 1912 году в журнале «Птицеводное хозяйство» отмечали, что "из числа общепользовательных пород на первом месте ставят лангшан. Лангшаны подкупают крупным ростом, красивой внешностью". В это время уже отмечали особый сложившийся тип "Российских лангшанов", сформировавшихся благодаря нашим особым условиям. В 1911 году был выработан российский стандарт на породу. Если немецкий тип более растянут, то российский тип отличается приподнятостью передней части»¹.

Также на птичьем дворе Подашевских гуляли летом 1917 года 10 кур породы плимутрок и 15 местных, 13 гусей также ме-

¹ См.: <http://porodakur.ru/porody-kur/langshan>.

стного деревенского происхождения, 10 таких же индеек и плавали 16 «уанских» уток (видимо, правильно: руанских, редкая французская порода).

Куры породы лангшан (<https://pro-kur.ru/langshan-poroda-kur/>)

Если птицы ходили возле дома, то весь скот выгонялся на пастбище с 20 апреля, а ставился на стойловое содержание по 1 октября, пастбищный период составлял около 5,5 месяцев. Скотину Подашевских с пастбищ перегоняли затем на луга после уборки сена, где они паслись с 15 июля по 1 октября.

В одной версте от усадьбы начинался обширный (120 дес.) лес Подашевских из смешанных пород, в том числе 40–80-летние дубы. Лес «не эксплуатируется», лишь выборочно «вырубается в незначительном количестве, для нужд экономии».

Имением управлял сам владелец Павел Павлович Подашевский, административный аппарат включал приказчика с зарплатой в 40 руб. в месяц, конторщика (75 руб.), был 35-летний староста. Но счетоводство не велось, имелись лишь записи по полеводству: «книга зернов[ых] хлебов».

В имении проживал обслуживающий персонал: 48-летний военнопленный немец садовник, получавший немалую месячную зарплату в 50 руб., значит сад у Подашевских отличался хорошим состоянием. Кроме того, здесь же трудились 48-летний

огородник (русский), караульщик (45 руб. в месяц) и два черно-рабочих (18-летний русский и 35-летний военнопленный австрияк). На скотном дворе постоянно были заняты конюх с месячной зарплатой в 45 руб. на своих харчах и четыре чернорабочих (на тех же условиях).

Выездными экипажами заведовал 36-летний кучер Андрей Федулов. Видимо, у него имелось на барской усадьбе своё жильё. Семья: сыновья 16 (чернорабочий), 12 и 6 лет, жена 34 года, дочь 2 года. Имелась корова. Месячная зарплата Андрею полагалась в 45 руб. Кроме того, видимо, при усадьбе проживали 60-летняя кухарка и 50-летняя горничная (прислуга).

Наконец, недалеко от Вавилово располагался кардон Подашевского, где проживал полесовщик 53-летний Трифон Артемьевич Лаптев, выходец из крестьян Владимирской губернии. Возможно, это он считался караульщиком с зарплатой в 45 руб.

У него была большая семья: сыновья 16 (служащий на железной дороге) и 13 лет, дочери 18, 12 и 10 лет. Вдов. Поэтому проживала 64-летняя прислуга, на которой, вероятно, было домашнее хозяйство, так как старшая дочь служила в губернской типографии в Уфе.

Полесовщик Лаптев держал корову, арендовал у частных лиц (Подашевского?) 1,33 дес. под яровой посев и столько же пара на один год / посев за денежную плату. Посеял в 1917 году 1,33 дес. гречихи.

На полевые работы Подашевские приглашали рабочих «из окрестных селений», затруднений в наборе не было даже во время войны, так как условия в имении предлагали хорошие. За вспашку одной десятины платили 15 руб., за уборку хлеба – 30 руб., на молотье трудились подённо, обходилась она от 360 до 1260 руб. Паёк в поместье не выдавался, хотя во время военной инфляции многие помещики доплачивали продуктами.

Продукция (хлеб) продавалась на местных рынках непосредственно, без скупщиков – специально добавили. «Неблагоприятных условий при сбыте продуктов на рынки не было». Уфа рядом, только привози.

В целом, завершали своё исследование земские статистики летом 1917 года, имение Подашевских «из окружающих хозяйств, как по степени рациональности общей хозяйств[енной] структуры, так и по технической постановке дела, не выделяется». Поместье было заложено в Дворянском земельном банке (Самарское отделение) за 6 тыс. руб. «Ежегодно с погашением долга уплачивается 400–500 руб.»

Недоимок по налогам и сборам нет, все сборы за 1917 год

недальновидные Подашевские уплатили в размере 3054 руб.¹, хотя в условиях наступившей анархии можно было бы денежки оставить себе, с октября они особенно понадобились.

В заключение заметим, что Павел Павлович Подашевский удивлял жителей Ново-Михайловки и Суровки своим пристрастием к технике. Когда в июле 1907 года в Уфу заехал француз Шарль Годар (Charles Goddard) на голландском автомобиле Spijker (Спайкер), участник первого трансконтинентального авторалли Пекин – Париж, за бензином «гонщик должен был сам ехать на двор Подашевского»².

П.П. Подашевский являлся одним из первых автомобилистов Уфы, по крайней мере на лето 1914 года у него точно имелась машина. Ещё 15 сентября 1914 года дворянин Павел Павлович Подашевский обязался доставить свой автомобиль в Уфу, но не сдержал слова. Полиция сообщала, что его нет по уфимскому адресу, он живёт в своём имении недалеко от города, в Уфу приезжает на несколько часов³. В предварительном полицейском списке адрес Подашевского – Дмитриевская волость. Кроме того, в одном из уфимских домов Подашевского проживал другой автомобилист, владелец «форда» В.Е. Круглов.

Какой марки была машина не известно, не попала она под мобилизацию автотранспорта в 1914 году, видимо, была старая модель или малолитражка. В любом случае жители Михайловки уже в начале XX столетия воочию лицезрели автомобиль на своей улице, чихая от выхлопных газов. Михайловка всегда шла в ногу со временем.

¹ НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 580. Л. 135–147; Д. 4783.

² Вестник Уфы. 1907. 25 июля. Видимо, имелась в виду усадьба Павла Павловича Подашевского (Достоевская, 62), угол Центральной / Ленина и Достоевской (Справочная книга г. Уфы с приложением плана. Уфа, 1908. С. 48). Или другая усадьба П.П. Подашевского на углу Успенской и Центральной (Успенская, 55), где сейчас Почтамт (Справочная книга г. Уфы. Уфа, 1911. С. 171). См. также: *Роднов М.И.* Первые уфимские авто. Уфа, 2018.

³ НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1017. Л. 185 и об.

§ 3. Нормальная деревня (Суровка)

Рядом с кулацкой Ново-Михайловкой, придорожными дворянско-крестьянскими деревушечками (Вавилово, Куровское, Михайловка – Падеевка) и последними помещичьими усадьбами существовала «классическая» русская общинная деревня.

Жители Суровка «сидели» на своей старинной земле, которую обрабатывали с конца XVIII века и на которую от казны им выдали владенную запись на 567 дес. 800 саж. (усадьба и выгон – 32 дес. 1370 саж., пашня – 211 дес. 1790 саж., суходольный сенокос – 125 дес. 1850 саж., лес, неудобья – 38 дес. 1840 саж.)¹.

А летом 1895 года по деревне ходили незнакомые сельчанам люди с планшетами и карандашами. В Суровке прошла перепись и мы можем перенестись в прошлое. 35 дворов Суровки раскинулись по скату на юг, рядом журчала речушечка Ключёвка, в полях насчитали 6 озёр, 4 болота, 10 глинистых оврагов.

Земля лежала в трёх участках, а сама деревня находилась «на южном краю поля». Сельхозугодья располагались к северу. Жители уже ощущали нехватку земли и 3 дес. из-под выгона заняли под усадьбы, строились новые избы, было также распаханно «нови из под леса» 42 дес., а 6 дес. пашни выделили для церкви в Алексеевке, куда ходили молиться прихожане. «По рассказам мужичков земли у них вместо 567 дес. оказалось только 480 десятин, а остальной по их словам завладели Г. Галкин – теперь Базилевский и крест. дер. Ново-Михайловки», зафиксировали жалобу жителей статистики.

Все угодья делились поровну на 72 души (сначала числилось 73). Если «луга делят ежегодно», то пашню отводили каждой семье на несколько лет (по закону не менее 12). Последний передел всей пахотной земли в Суровке состоялся в 1892 году.

После передела по жребью домохозяин получал новые полосы пашни, какие выпадут. Передел обеспечивал справедливость – всем доставалось равное количество (и по качеству) земли, плодородная и нет, на сухом пригорке и в мокрой низине, близко от деревни и в отдалении. Затем уж крестьянин мог свои полосы (вытянутые участки пашни) сдавать в аренду, обменяться с соседом. С другой стороны, переделы приводили к хищническому, бесхозяйственному отношению к земле, через несколько лет она уйдёт кому-нибудь другому. Ухаживать за ней, повышать

¹ Земли Суровки состояли из трёх частей: 1) дача собственной самой Суровки – 328 дес. 1984 саж., 2) пустошь, отрезанная от бывшего сельца Никольского, Пекарское тож, – 222 дес. 32 саж. и 3) сенные покосы Суровки – 26 дес. 1020 саж., итого – 577 дес. 636 саж. При измерениях площадь земли немного отличалась (НА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. 483. Л. 11 об.-12).

плодородие не имело смысла и лентяй-бедняк во время передела мечтал получить полосы справногo хозяина.

Поля холмистые, «почва чернозёмная» на глубину в $\frac{1}{2}$ аршина, «на холмах чернозём сходит на нет, а вместо него песок и отчасти глина», в полях попадались «известняк и галька», «подпочва красная вязкая глина». Чрезмерная распашка приводила к эрозии почвы, росту оврагов, надвигались экологические проблемы. Жители истребляли свои леса, «чистят из под леса с 1860 г. ежегодно по неопределённому количеству и вспахивают».

Несмотря на истощённость полей, пашню суровцы в 1895 году вообще не удобряли, острой проблемой становились сорняки. На озимых полях встречались «попынь, лебеда, метлика, осот и берёзка, отчасти дерябка и папоротник; в яровых кроме всех упомянутых растёт ещё красная трава, козловник, малочай».

Главным занятием жителей Суровки испокон веку было земледелие. Пашня делилась на три поля, под паром находилось 78,9 дес., столько же занимали посеы озимой ржи, а вот яровой клин – всего 54 дес. (10,8 дес. овса, 7,6 пшеницы, 16,2 гречи, 14 полбы и 5,4 дес. проса).

Сеяли в среднем на казённую десятину (2400 кв. саж.) по 10 пудов семян ржи и гречи, 15 пуд. овса, по 17 пуд. пшеницы и полбы и два пуда проса. Урожайность сильно колебалась. В 1894 году в Суровке собрали с десятины по 70 пуд. ржи и овса, 60 пуд. полбы, 30 пшеницы и 20 гречихи. Яровые в том году были плохими, а просо вообще не уродилось. В хорошие года крестьяне собирали до 130 пуд. ржи и до 80 пуд. проса (как в 1891).

На огородах в Суровке растили картофель, огурцы, капусту, свёклу «для себя». Товарное овощеводство, несмотря на близость к городу, не сложилось.

По вечерам в Суровку возвращалось большое стадо. В 1895 году поголовье насчитывало 68 рабочих лошадей, 20 подростков и 6 жеребят, 69 коров, 49 нетелей и 51 телёнок, 389 овец, 84 свиньи. Но не все хозяйки ждали бурёнку с пастбища, в 4-х дворах не было рабочего скота, двое обходились без коров, одна семья вообще не имела никакой живности.

В Суровке существовала «классическая» система выпаса скота «по выгону и, по мере освобождения, [по] парам и лугам и по жнивью». Именно нехватка пастбищ приводила к, так называемому, принудительному севообороту. По весне деревенское стадо выгоняли на имевшийся выгон, но всё время пасти там скотину было невозможно, в Суровке он небольшой. Поэтому, затем стадо перегоняли на паровое поле (в июне), скотина поедала прораставшую траву, унавоживала и притаптывала пашню. Потом, когда в июле начинали сеять озимую рожь по парам,

стадо переходило на сенокосные луга, где только что выкосили и убрали сено, а в конце лета и осенью пастух отгонял животных на поля, где сжали и вывезли озимые и яровые хлеба.

Расписание выпаса деревенского стада было очень жёсткое. Поэтому все домохозяева одновременно должны были выполнять сельскохозяйственные операции – сеять, косить, жать хлеба. Не успел убрать свои полосы, никто ждать не станет, деревенский пастух выгонял на поле стадо и уже твоё дело отгонять коров и овец, чтобы не потравили хлеба. Вспомним строки Некрасова из стихотворения «Несжатая полоса».

Поздняя осень. Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
"Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зёрна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролётной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьёт...
Где же наш пахарь? чего ещё ждёт?

То есть, все домохозяева убрали свои полосы и на поле сиротливо стоит чей-то перезревший, не сжатый хлеб. Некрасов сделал акцент на потраву зерновых дикими птицами и зверьём, но по этому полю паслось деревенское стадо и только от доброй воли пастуха зависело, чтобы скотина не заходила на несжатую полоску. В малоземельной общинной деревне одни и те же поля использовались как для посевов, так и для выпаса скота. Зерновые в основном убрали серпом, подрезали довольно высоко от земли, подросшая за лето травка (отава) обеспечивала корм для скота. Писатель-деревенщик Василий Белов: «ровная отава в лугах как расчёсанная».

Но жителям Суровки всё равно пастбищ не хватало и они арендовали около 100 дес. под выпас у соседнего помещика Базилевского (владельца Миловки). За это ему крестьяне обязывались «полной обработкой всем селением» засеять 20 дес. хлеба.

«Луга ровные, почва чернозёмная, как и на полях, трава луговая». В 1894 года суровцы накосили по 105 пудов сена с десятины. Это был хороший укос (от 105 до 120 пуд., как в 1888, 1889, 1893 годах), средний составлял по 70–85 пуд. (в 1890, 1891 и 1895 годах), плохой – от 30 до 50 пуд. (в 1887 и 1892 годах), в 1891 году на траву напала кобылка. Жители Суровки покупали сено паями от 25 до 40 руб. (видимо, у Базилевского), но и сами в хорошие годы возили сено в Уфу на продажу. Воз сена в 15 пудов в разное время сбывали от 80 коп. до 3 руб.

Каждую весну в Суровке нанимали двух пастухов на два деревенских стада. Первое, видимо, состояло из одних овец. Пастух получал 23 руб., хозяева скидывались по чередам. Один черед равнялся шести овцам и стоил 40 коп. Если было, к примеру, 12 овец – два череда и платить надо было 80 коп., и т. д.

Второй пастух получал больше – 30 руб., которые складывались из платы по чередам (= 35 коп.). Один черед в смешанном стаде крупного рогатого скота составлял: 1 корова = 2 нетелям.

Острой проблемой для крестьянства являлась также обеспеченность лесными угодьями. В Суровке ситуация была не самая плохая, имелись три участка леса (два в низине и один на горе). Лес «везде редкий» площадью 116 дес. 1150 саж., на половину ольха, на половину липа с дубом, клёном, ильмом, средним возрастом насаждений в 30 лет.

Сельчане «по мере надобности делят частичку леса на количество душ», никакой охраны не существовало. Свои площади были уже истощены и суровцы за топливом шли к соседям. «У посёлка Михайловки покуп[ают] лес на корню (40 летний) [по] 36 р. 75 к. за каз[ённую] десят[ину] породы ольховой, дубовой, вязовой; ещё берут под чищобу у г. Галкина [владелец Алексеевки] (лес им, а земля Галкину)». Некоторые зарабатывали на расчистке лесных чащоб, за десятину платили по 50 руб.

Основной заработок суровцы получали от продажи хлеба в Уфе. Везли на базар своими лошадьми рожь, гречу, отчасти овёс, мукой, но основная часть овса сбывалась зерном. Цены за последние шесть лет колебались от 30 коп. до 1,5 руб. за пуд.

Уже в конце XIX века жители Суровки не могли прожить только со своих земель. В неурожайные годы приходилось покупать в Уфе хлеб по тем же ценам. А крестьянское хозяйство всё больше и больше начинало зависеть от аренды. Без посторонних земель трёхпольный севооборот был уже невозможен.

Господствовала краткосрочная аренда на один год / посев, укос. Это было самое хищническое использование чужой земли, когда арендатор совершенно не заботился о плодородии почвы. Жители Суровки в конце каждой зимы ходили по окрестным

помещикам и стоваривались об аренде.

У Базилевского крестьяне арендовали поля под посев озимой ржи от 8 до 25 руб. и обработки, требовалось три (!) раза вспахать и засеять одну десятину. Владелица Куровского дворянка Волкова сдавала суровским мужикам в аренду озимое по 10,5 руб. или исполу. То есть арендатор обрабатывал землю, засеивал своими семенами, убирал урожай, половину которого свозил на барское гумно, где складывал в скирды и покрывал от дождя. Делили урожай снопами. Купец Васильев, хозяин хутора в Падеевке, брал только деньгами – по 10 руб. за аренду десятины озимого и 4 руб. за яровое.

Такая значительная роль аренды свидетельствовала о нарастании кризисных явлений, суровские домохозяева не могли планировать даже ближайшее будущее, каждый год «изворачиваясь» с арендой дополнительной земли, а ситуация постоянно менялась, цены не стояли на месте...

В завершение исследования летом 1895 года статистики зафиксировали промышленные заведения. В Суровке стояло три ветряных мельницы¹. Речек пригодных под водяные мукомольные мельницы не имелось и на холмах возле деревни со скрипом крутили лопасти ветряки, куда возили зерно для помола.

В 1910-е годы в Суровке открылся первый магазин (лавка). Бакалейная лавка при доме принадлежала Якову Ларионовичу Галанову, торговал по низшему 3-му разряду, имел патент на продажу табака. Помещение магазина составляло 2,4 сажени в ширину, 2,45 – в длину и сажень в высоту, стены бревенчатые, крыша тесовая. «Товара в лавке очень мало», доходность 37 руб. в год, записал статистик Я. Сальников 24 июня 1914 года². В 1915 году из-за дефицита товаров и инфляции Я.Л. Галанов лавку «прикрыл», торговля прекратилась³.

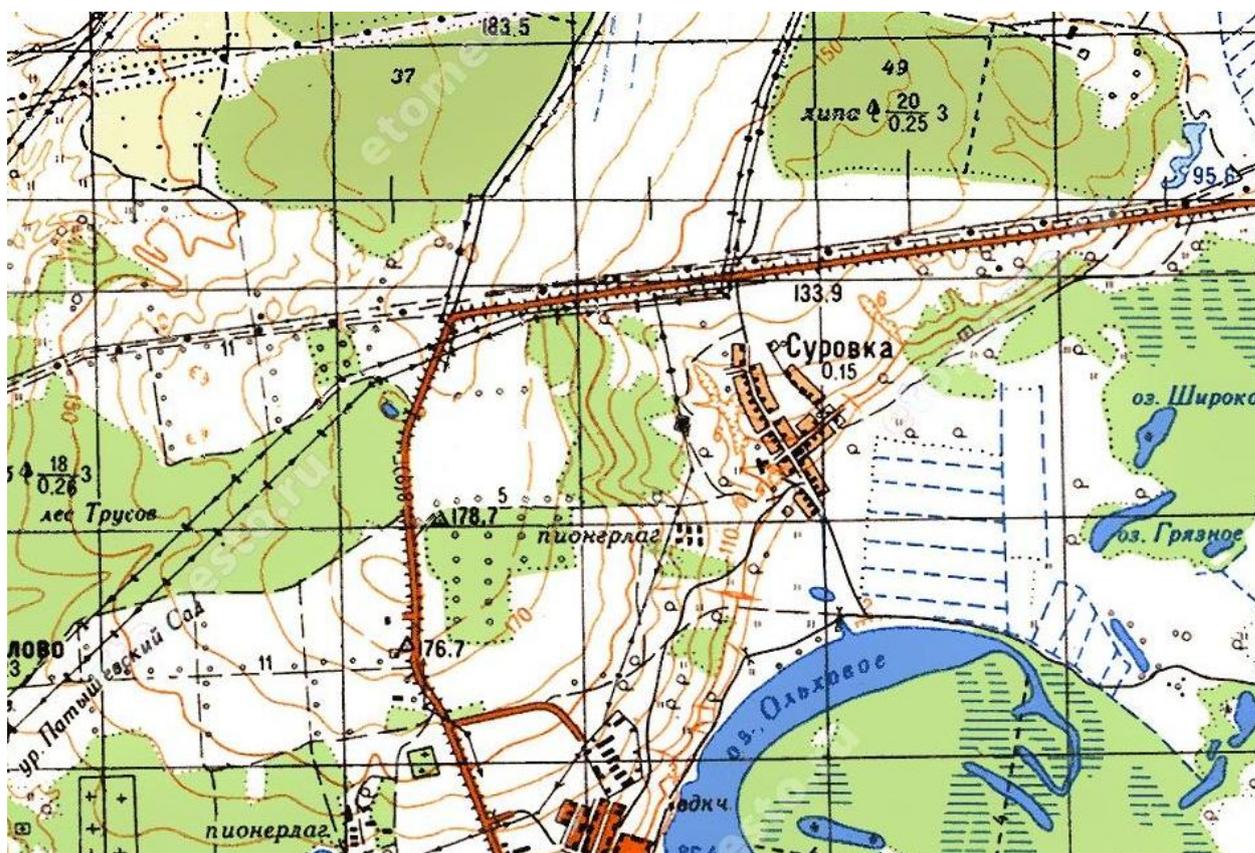
«Нормальная» крестьянская община в Суровке находилась не в изоляции. Влияние буржуазных соседей сказалось и, когда развернулась Столыпинская земельная реформа, практически вся деревня приватизировала (укрепила) свою надельную землю в личную собственность, но без соединения разбросанных полос пашни в единые участки (отруб, хутор). Пашня в Суровке оставалась чересполосной, у одного сельчанина были десятки вытянутых полос пахотной земли, но она уже не подлежала переделу, являлась частной собственностью, её можно было передавать по наследству, дарить или продавать.

¹ Там же. Д. 813. Л. 167–171 об.

² Там же. Д. 2419. Л. 51 и об.

³ Там же. Д. 2543. Л. 10 об. – 11.

С 1909 года в Суровке начались сделки с недвижимостью. Первым 28 января 1909 года крестьянин Никита Демидович Коновалов за 100 руб. купил у Константина Григорьева половину душевого надела: 1 дес. 1340 саж. пашни и право «на пользование покосами на 2096 $\frac{1}{6}$ саж.», право на пользование лесным наделом в $\frac{1}{2}$ пая из 72 паёв, право постоянного пользования общественными пастбищами, выгоном и пр.

Суровка. Карта советского периода

Приватизировалась (укреплялась) только пахотная (и усадебная) земля. Остальные угодья (покосы, лес и др.) оставались в совместном пользовании всей деревни, почему в личную собственность продавали пашню и права на остальные угодья.

Вышеупомянутый Н.Д. Коновалов 11 августа 1909 года подписывает купчую крепость, по которой за 490 руб. приобретает у Алексея Николаева один душевой надел (2 дес. 1560 саж. пашни и один из 72 паёв на пользование покосами, лесом и пр.).

Бедные продавали землю богатым, видимо, начиналась миграция в Уфу и не желавшие «ковыряться» в земле сбывали свои душевые наделы более успешным хлебопашцам. Так, всего за 100 руб. Прасковья Ильинична Николаева продала 10 октября 1909 года один душевой надел (4 дес. 262 саж. и права на $\frac{1}{72}$ долю в общинных угодьях) Егору Павловичу Николаеву. Юридически стали оформляться внутрисемейные переходы земли.

Цены в Суровке на землю стояли не самые маленькие, хотя вокруг имелось много свободных пустующих угодий, и 19 ноября 1909 года Ларион Иванович Николаев за 200 руб. уступил право на $\frac{1}{4}$ душевого надела и ещё $\frac{1}{2}$ души (5 дес. 800 саж. пашни и 3 дес. 1184 $\frac{13}{18}$ саж. покосов) Петру Петровичу Иванову.

В 1910 году была подписана единственная купчая крепость: 18 февраля наш знакомый Никита Демидович Коновалов за 230 руб. приобрёл душевой надел (2 дес. 1320 саж. и права на $\frac{1}{72}$ в угодьях) у Фёдора Денисовича Доронина.

В 1911 году оформили две сделки. Житель Суровки Егор Павлович Николаев за 70 руб. 24 марта купил половину душевого надела (1 дес. 860 саж.) у Андрея Степановича Львова. А затем Егор Палыч уплатил 100 руб. Григорию Григорьевичу Тарбееву и с 7 февраля получил в собственность ещё 1 дес. 605 саж.

Всё же продажа / покупка земли для суровцев оставалась явлением неординарным и была присуща узкому кругу лиц. Так, 22 мая 1912 года Дмитрий Никитич Коновалов за 60 руб. купил у Варвары Лысухиной 2 дес. 1733 саж. В списке домохозяев Суровки за 1917 год (смотри ниже) многие из продавцов уже не встречались. Продав наделы, они покидали деревню.

В 1913 году 9 июня суровец Яков Гаврилович Николаев за 650 руб. купил 2 дес. 1456 $\frac{2}{3}$ саж. у крестьян Степана, Филиппа и Дмитрия Дмитриевичей Дорониных, каждый имел право на $\frac{1}{2}$ душевого надела. Возможно, братья продали наследство. По купчей крепости от 9 июля 1915 года домохозяйка Александра Демьяновна Николаева за 200 руб. приобрела 2265 саж. пашни у Степаниды Спиридоновны Степановой. Единственная, так сказать, внутриженская сделка.

И последняя в досоветскую эпоху купля-продажа недвижимости была оформлена 19 июля 1916 года. Крестьянин Суровки Аким Васильевич Иванов купил за 300 руб. у Лаврентия Абрамовича Егорова 1 дес. 712 саж.¹

Прошли годы, местным властям потребовались новые сведения о жизни деревни и в 1912–1913 годах состоялась первая в Уфимской губернии подворная перепись, когда обследованию подвергалась не вся община / деревня целиком, а каждое отдельное домохозяйство. Сохранились лишь итоги.

Население Суровки увеличилось до 47 дворов и 273 жителей (151 мужчина и 122 женщины). Надельная земля делилась по-прежнему на 72 души, из которых 60,38 душевых наделов укрепили чересполосно. Большинство сельчан воспользовались Столыпинской реформой и приватизировали семейные наделы.

¹ Там же. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 483. Л. 11–12 об.

Всей наделной земли состояло всё те же 568 дес. (12 дес. усадьба, 290 пашня, 35 выгон, 100 сенокос, 92 лес и 39 дес. неудобий), из которых свыше 442 дес. считались уже частной личной собственностью и переделу не подлежали (10 душевых наделов продали в другие руки).

В отличие от соседней Ново-Михайловки лишь пятеро суровцев составили товарищество и купили на стороне 151 дес. С учётом этой земли лишь 11 из 47 семей имели во владении свыше 15 дес. на двор. Нормой того времени для безбедного ведения крестьянского хозяйства считался участок от 15 дес. и выше. Почему-то этой переписью зафиксированы лишь несколько хозяйств с арендованной землёй. В любом случае около 77% дворов в Суровке испытывали недостаток в угодьях.

Держали много скота, но безлошадных и бескоровных семей были единицы. А группировка по посеву показывает примерную социальную структуру деревни. В 1912 году из 47 семей Суровки в 14 хозяйствах площадь посева не превышала 2 дес., это бедняки. Своего хлеба не хватало, приходилось батрачить.

В 13 хозяйствах засевали от 2 до 4 дес., в одиннадцати – от 4 до 6 дес. Это полунатуральные середняцкие семейства, где почти весь выращенный урожай (исключая уплату налогов) потреблялся внутри двора, продажного хлеба почти не имелось. Экономия на всём, «умеренность до лишений», как выражались в ту эпоху. Крепких середняков с посевом от 6 до 10 дес. в Суровке насчитывалось всего пять дворов и были четыре семьи зажиточных сельских предпринимателей, сеявших свыше 10 дес. Суровка – середняцко-бедняцкая деревня.

Площадь посева по переписи 1912–1913 годов составляла 212,55 дес., из которых озимый клин (рожь) занимал 112,25 дес., или 53%, почти классическое трёхполье. Из яровых в Суровке высевали овёс (28,25 дес.), пшеницу (0,5), полбу (7,75), просо (12,95), гречу (43,6), горох (0,5), сажали картошечку (6,75 дес.)¹.

Ещё через пять лет, в разгар Первой мировой войны, 1 августа 1917 года Суровку посетил статистик И. Сметанин, подробно изучивший народную жизнь. Скажем ему спасибо за исчерпывающую информацию.

На жителей Суровки были составлены 52 подворные карточки, хотя в реальности дворов было 48, в деревне жили беженцы. Земли по-прежнему числилось 567,34 дес. (усадыбы – 15 дес., пашни – 212,88, пойменного покоса – 162, выгона – 36, леса строевого и дровяного – 102,12, неудобий – 39,34 дес.). Это

¹ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912–1913 гг. Ч. II. Таблицы. Уфа, 1914. С. 638–645.

старинная надельная земля.

Пашня делилась на три поля и 72 надела. На один душевой надел полагалось 1,17 дес. паровой земли, 0,85 дес. в озимом поле и 0,85 дес. в яровом, итого один надел в Суровки составлял 2,87 дес. А всего было 84,24 дес. пара, 61,2 дес. озимого и 61,2 дес. ярового, в сумме – 206,88 дес. Все душевые наделы были приватизированы, укреплены чересполосно. «Укрепление произведено с согласия общины», никаких конфликтов не было. «Сельчане считают себя собственниками подворных участков», добавил переписчик.

Также на 72 души делились покосы и остальные угодья. Всего один душевой надел в Суровке к 1917 году включал 2,87 дес. пашни, 2,25 дес. сенокосов и 1,92 дес. остальных угодий, а также по 0,31 дес. под усадьбами. Но записи в подворных карточках показывают, что ряд усадебных участков был меньше.

Видимо, по документации у сельского старосты статистик собрал все случаи приобретения земли суровскими жителями на стороне. Лишь четыре жителя имели капиталы и приняли участие в частных покупках. Когда возле сельца Куровское мужики купили землю у аптекаря Штехера, Иван Гаврилович Николаев взял 16,67 дес. (пашни – 4, остальное лес), Яков Гаврилович Николаев приобрёл два участка общей площадью 24,67 дес. (пашни – 4,83 дес., прочее лес), Антон Александрович Николаев купил аж четыре участка в 38,67 дес. (пашни – 21,33, остальное дровяной лес).

Эти же трое Николаевых покупали землю у соседей в Ново-Михайловке: И.Г. Николаев – 13,5 дес. (пашни – 3,5, покосов – 1, прочее лес), Я.Г. Николаев – 13,5 дес. (пашни – 1,75, лугов – 1, пр. лес), А.А. Николаев – 30 дес. (пашни – 3, луга – 5, вся другая земля была под дровяным лесом). Наконец, в трёх верстах от Суровки большой участок земли в начале XX века купил действительный статский советник В.Г. Быховец – 495,39 дес. (200 дес. сенокоса, остальное заросли, кустарник, неудобья). Затем он продал угодья крестьянам из разных деревень, образовавших Быховецкое товарищество. Туда вошёл суровец Дмитрий Иванович Ахчев, купивший 5 дес. Сравнение со сведениями из подворных карточек (ниже) показывает, что домохозяева указали не всю свою землю.

Наконец, часть укреплённой (приватизированной) земли суровцы продавали посторонним лицам, не проживавшим на 1917 год в Суровке. За пределами деревни находились Мирон Акимович Коновалов, имевший 1,5 душевых надела, он постоянно проживал в Киржацком Затоне. Там же обитал Павел Фёдорович Калентьев, ему в Суровке принадлежал один надел. А

половину надела земли имел житель деревни Падеевки (Михайловки) Алексей Павлович Минеев¹. Все эти трое собственников в списке домохозяев Суровки (ниже) не числятся.

Далее приводится список домохозяев Суровки по подворным карточкам переписи 1917 года (52 хозяйства, все приписные, крестьяне, русские, в сумме земли есть разночтения, поэтому итоги не приводятся, пришлое население указано отдельно). Инструкция, как работать с информацией подворных карточек, приведена по деревне Вавилово (смотри выше).

Население деревни Суровки в 1917 году²

1) **Пленников Максим Михайлович**, 46 лет.

Семья: сыновья 14, 9, 7, 5, жена 40, дочь 10 лет.

Скот: рабочая лошадь, корова, телёнок, 7 овец, 2 свиньи.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1,5 души – 0,3 дес. усадьба, 4,3 пашни, 3,38 покоса, 2,78 остальное арендует у частных лиц – 1 покоса, 1 пара (все 1Д)

Посев: 1,28 дес. озимой ржи, 0,33 овса, 0,95 гречи, 0,1 картофеля, всего – 2,66 дес., пара – 2,75, итого – 5,44 дес.

2) **Староверов Кузьма Сергеевич**, 50 лет.

Семья: сыновья 21, 19 (в армии), 17, 5, внук 0, жена 45, дочери 12, 7, сноха 23, внучка 5 лет.

Нанимались подённые, сдельные работники. Многолемешный плуг, $\frac{1}{4}$ веялки.

Скот: 2 рабочих лошади, 2 нерабочих лошади, 2 коровы, 2 нетели, телёнок, 10 овец, 5 ягнят, свинья, 7 подсвинков, 8 поросят.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 2 души – 0,25 дес. усадьба, 5,92 пашни, 4,5 покоса, 3,84 остальное арендует у частных лиц – 2 озимого, 1 ярового, 1 покоса, 1,5 пара (все 1Д)

Посев: 3,7 дес. озимой ржи, 1,33 овса, 0,5 проса, 0,87 гречи, 0,25 картофеля, всего – 6,65 дес., пара – 3,83, итого – 10,48 дес.

3) **Чудов Фёдор Архипович**, 55 лет.

Семья: сын 27 (в армии), внуки 8, 2, 0, жена 55, сноха 27 лет.

Нанимались подённые, сдельные работники. Многолемешный плуг, веялка.

¹ НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 512. Л. 15–17 об.; Ф. И-132. Оп. 1. Д. 1098. Л. 19.

² Там же. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 4778.

Скот: 2 рабочих лошади, жеребёнок, 2 коровы, телёнок, 10 овец, 6 ягнят, 2 свиньи, 2 подсвинка, 5 поросят.

Земля: наделная укреплённая чересполосно на 2 души – 0,3 дес. усадьба, 5,92 пашни, 4,5 покоса, 3,84 остальное арендует у частных лиц – 1 покоса, 1 пара (все 1Д)

Посев: 1,7 дес. озимой ржи, 0,33 овса, 1,37 гречи, 0,12 картофеля, всего – 3,52 дес., пара – 3,33, итого – 6,85 дес.

4) **Ахчев Абрам Иванович**, 67 лет.

Семья: жена 67 лет.

Нанимались подённые, сдельные работники. Многолемешный плуг, $\frac{1}{2}$ молотилки.

Скот: 2 рабочих лошади, корова, 7 овец, 3 ягнёнка, свинья.

Земля: наделная укреплённая чересполосно на 1,5 души – 0,25 дес. усадьба, 4,44 пашни, 3,38 покоса, 2,78 остальное

Посев: 1,28 дес. озимой ржи, 0,5 овса, 0,78 гречи, 0,1 картофеля, всего – 2,66 дес., пара – 1,75, итого – 4,41 дес.

5) **Ефремов Дмитрий Никифорович**, 43 года.

Семья: сыновья 8, 7, жена 35, дочери 5, 3 года.

Скот: рабочая лошадь, 2 коровы, телёнок, 4 овцы, 2 ягнят.

Земля: наделная укреплённая чересполосно на 0,5 души – 0,2 дес. усадьба, 1,43 пашни, 1,13 покоса, 0,96 остальное арендует у частных лиц – 1,33 озимого, 1,33 ярового, 1 покоса, 1 пара (все 1Д)

Посев: 1,75 дес. озимой ржи, 0,33 овса, 1,42 гречи, 0,12 картофеля, всего – 3,62 дес., пара – 1,59, итого – 5,21 дес.

6) **Николаев Сергей Фёдорович**, 65 лет.

Семья: сын 44, жена 66, сноха 38 лет.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 2 коровы, телёнок, 7 овец, 3 ягнёнка, 3 свиньи, 2 подсвинка.

Земля: наделная укреплённая чересполосно на 1 душу – 0,25 дес. усадьба, 2,87 пашни, 2,25 покоса, 1,92 остальное арендует у частных лиц – 1,33 озимого, 1,33 ярового, 1 покоса, 2 пара (все 1Д)

Посев: 2,18 дес. озимой ржи, 0,67 овса, 0,15 проса, 1,21 гречи, 0,12 картофеля, 0,15 конопли, всего – 4,48 дес., пара – 3,17, итого – 7,65 дес.

7) **Ахчев Дмитрий Иванович**, 90 лет.

Семья: сын 50 нетрудоспособный, внуки 29 железнодорожный рабочий отсутствующий, 24 (в армии), 21 (в армии), 18, жена 90, сноха 49, внучки 25 отсутствующая, 13 (горбатая) лет.

Нанимались подённые, сдельные работники. Многолемешный плуг, веялка, 30 ульев.

Скот: 4 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 2 коровы, 2 бычка, 2 телёнка, 15 овец, 10 ягнят, 3 свиньи, 2 подсвинка.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 2,5 души – 0,3 дес. усадьба, 7,17 пашни, 5,63 покоса, 4,7 остальное
купчая товарищеская на 5 паёв – 1,65 покоса, 3,35 остальное

арендует у частных лиц – 2,66 озимого, 2 ярового, 1 пара (все 1Д)

Посев: 4,8 дес. озимой ржи, 1,33 овса, 0,5 яровой пшеницы, 0,67 полбы, 0,3 проса, 1,33 греч, 0,15 картофеля, всего – 9,08 дес., пара – 3,9, итого – 12,98 дес.

8) **Ермолаев Максим**, 70 лет.

Семья: сын 42 (в армии), внуки 12, 10, жена 70, сноха 35, внучки 8, 4 года.

Нанимались подёнщики. Многолемешный плуг, «ветренная мельница» на один постав – не работает, 2 улья.

Скот: 3 рабочих лошади, 2 коровы, 10 овец, 11 ягнят.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 3 души – 0,3 дес. усадьба, 8,88 пашни, 6,75 покоса, 5,76 остальное

Посев: 2,55 дес. озимой ржи, 0,33 овса, 0,33 полбы, 0,17 проса, 1,22 гречи, 0,15 картофеля, всего – 4,75 дес., пара – 3,5, итого – 8,25 дес.

9) **Коновалов Ананий Яковлевич**, 22 года.

Семья: брат 18, племянник 6, мать 50, жена 20, сёстры 11, 29 лет.

Многолемешный плуг, веялка.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 3 коровы, нетель, подтёлка, 2 телёнка, 14 овец, 14 ягнят, 2 свиньи, 5 подсвинков.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 1 душу – 0,25 дес. усадьба, 2,87 пашни, 2,25 покоса, 1,92 остальное

куплено укрепленных наделов в чужом обществе на 1 душу – 2,96 пашни, 0,16 остальное

арендует у частных лиц – 1,33 озимого, 2 ярового, 1 покоса, 1,5 пара (все 1Д)

Посев: 3,18 дес. озимой ржи, 1,5 овса, 0,5 проса, 1,75 гречи, 0,1 картофеля, 0,1 конопли, всего – 7,81 дес., пара – 3,67, итого – 11,48 дес.

10) **Ермолаева Татьяна Фёдоровна**, 36 лет.

Семья: сын 6, дочери 12, 9 лет.

Нанимались подёнщики. Многолемешный плуг.

Скот: рабочая лошадь, 2 коровы, 10 овец, 5 ягнят, свинья.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 1 душу – 0,25 дес. усадьба, 2,96 пашни, 2,25 покоса, 1,92 остальное

арендует в своём обществе – 0,85 озимого (1Д)

арендует у частных лиц – 0,5 ярового, 1 покоса, 0,5 пара

(все 1Д)

Посев: 1,7 дес. озимой ржи, 0,33 овса, 1 гречи, 0,12 картофеля, всего – 3,15 дес., пара – 1,67, итого – 4,82 дес.

11) **Иванов Никифор Васильевич**, 37 лет, в армии.

Семья: жена 30, дочери 10, 9, 5 лет.

½ многолемешного плуга, ½ веялки.

Скот: рабочая лошадь, нерабочая лошадь, корова, нетель, 8 овец, 4 ягнёнка, 2 подсвинка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на ¼ души – 0,2 дес. усадьба, 0,75 пашни, 0,56 покоса, 0,42 остальное

арендует у частных лиц – 1,33 озимого, 0,5 ярового, 1 покоса, 1 пара (все 1Д)

Посев: 1,55 дес. озимой ржи, 0,17 проса, 0,55 гречи, 0,1 картофеля, всего – 2,37 дес., пара – 1,29, итого – 3,66 дес.

12) **Тарбеев Григорий Григорьевич**, 65 лет.

Семья: зять 49, внук 14, дочь 43 года.

Однолемешный плуг.

Скот: рабочая лошадь, корова, 3 овцы, ягнёнок.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – 0,25 дес. усадьба, 2,96 пашни, 2,25 покоса, 1,92 остальное

арендует у частных лиц – 1 пара, 1 покоса (все 1Д)

Посев: 0,85 дес. озимой ржи, 0,17 проса, 0,68 гречи, 0,12 картофеля, всего – 1,82 дес., пара – 2,17, итого – 3,99 дес.

13) **Староверов Прокофий Климентьевич**, 40 лет.

Семья: отец 64, сыновья 8, 6, мать 60, жена 28, дочери 11, 3 года.

Скот: рабочая лошадь, нерабочая лошадь, 2 коровы, 5 овец, 4 ягнёнка, свинья, 2 подсвинка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – 0,25 дес. усадьба, 2,87 пашни, 2,25 покоса, 1,92 остальное

арендует у частных лиц – 0,67 озимого, 1 ярового, 1 покоса, 1 пара (все 1Д)

Посев: 1,53 дес. озимой ржи, 0,1 проса, 1,75 гречи, 0,1 картофеля, всего – 3,48 дес., пара – 2,17, итого – 5,65 дес.

14) **Егоров Лаврентий Абрамович**, 54 года.

Семья: сыновья 13, 10, 8, жена 40, дочери 18, 16 лет.

Скот: рабочая лошадь, корова, 5 овец, 3 ягнёнка, свинья, 2 подсвинка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – 0,15 дес. усадьба, 2,87 пашни, 2,25 покоса, 1,92 остальное

арендует у частных лиц – 0,5 покоса, 0,5 пара (все 1Д)

Посев: 0,85 дес. озимой ржи, 0,45 гречи, 0,06 картофеля, 0,1 льна, всего – 1,46 дес., пара – 1,67, итого – 3,13 дес.

15) **Староверов Григорий Клементьевич**, 43 года.

Семья: сыновья 17, 13, 9, 7, 3, жена 40 лет.

Многолемешный плуг, $\frac{1}{4}$ веялки.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 2 коровы, телёнок, 16 овец, 4 ягнёнка, 2 свиньи, 3 подсвинка.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 0,5 души – 0,2 дес. усадьба, 1,49 пашни, 1,13 покоса, 0,96 остальное арендует у частных лиц – 2 озимого, 1,5 ярового, 2 покоса, 1,5 пара (все 1Д)

Посев: 2,43 дес. озимой ржи, 0,5 проса, 1,25 гречи, 0,1 картофеля, 0,07 льна, 0,1 конопли, всего – 4,45 дес., пара – 2,09, итого – 6,54 дес.

16) **Якин Михаил Иванович**, посторонний, крестьянин, русский, 38 лет, в армии.

Семья: сын 1, жена 32 года.

Однолемешный плуг, $\frac{1}{2}$ веялки.

Скот: рабочая лошадь, корова, 3 овцы, ягнёнок.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 1 душу – 0,2 дес. усадьба, 2,96 пашни, 2,25 покоса, 1,92 остальное арендует у частных лиц – 0,5 покоса, 0,5 пара (все 1Д)

Посев: 0,85 дес. озимой ржи, 0,45 овса, 0,4 гречи, 0,1 картофеля, всего – 1,8, пара – 1,67, итого – 3,47 дес.

17) **Львов Николай Степанович**, 39 лет.

Семья: сыновья 10, 2, жена 42 года.

Однолемешный плуг, $\frac{1}{2}$ веялки.

Скот: рабочая лошадь, 3 овцы, 3 ягнёнка.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 0,5 души – 0,15 дес. усадьба, 1,49 пашни, 1,13 покоса, 0,96 остальное арендует у частных лиц – 0,5 пара (1Д)

Посев: 0,43 дес. озимой ржи, 0,33 проса, 0,1 гречи, 0,06 картофеля, всего – 0,92 дес., пара – 1,08, итого – 2 дес.

18) **Ефремов Михаил Никифорович**, 39 лет, в армии.

Семья: жена 37 лет.

Нанимались подённые, сдельные работники. Многолемешный плуг.

Скот: рабочая лошадь, жеребёнок, корова, 6 овец, 4 ягнёнка.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на $\frac{3}{4}$ души – 0,15 дес. усадьба, 2,16 пашни, 1,68 покоса, 1,44 остальные арендует у частных лиц – 0,67 озимого, 0,5 ярового, 1 покоса, 0,33 пара (все 1Д)

Посев: 1,31 дес. озимой ржи, 0,5 овса, 0,64 гречи, 0,05 картофеля, всего – 2,5 дес., пара – 1,2, итого – 3,7 дес.

19) **Фёдоров Михаил Сергеевич**, 33 года, в армии.

Семья: сыновья 12, 6, 3, жена 33 года.

Нанимались подённые, сдельные работники. ½ многолемешного плуга.

Скот: рабочая лошадь, корова, 3 овцы, 3 ягнёнка, 2 свиньи, 3 подсвинка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 0,5 души – 0,2 дес. усадьба, 1,49 пашни, 1,13 покоса, 0,96 остальное арендует у частных лиц – 0,67 озимого, 0,33 ярового, 1 покоса, 0,33 пара (се 1Д)

Посев: 1,1 дес. озимой ржи, 0,33 овса, 0,43 гречи, 0,08 картофеля, всего – 1,94 дес., пара – 0,92, итого – 2,86 дес.

20) **Коновалов Никита Демидович**, 57 лет.

Семья: сын 26 (в армии), жена 55, сноха 25, дочь 12, внуки 8, 7, 1 год.

Нанимал подённых, сдельных работников. Многолемешный плуг, молотилка, веялка, 4 улья, 0,1 дес. плодового сада.

Скот: 3 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 3 коровы, 2 телёнка, 15 овец, 6 ягнят, 4 свиньи, 6 подсвинков, 5 поросят.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 4,5 души – 0,6 дес. усадьба, 12,02 пашни, 10,13 покоса, 8,64 остальные.

Посев: 3,66 дес. озимой ржи, 2 овса, 0,67 проса, 1 гречи, 0,25 картофеля, 0,08 конопли, всего – 7,66 дес., пара – 5,33, итого – 12,99 дес.

21) **Григорьев Константин Лаврентьевич**, 55 лет.

Семья: жена 56, дочери 24, 16 лет.

Однолемешный плуг.

Скот: рабочая лошадь, корова, нетель, телёнок, овца, ягнёнок, свинья, 6 поросят.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 0,5 души – 0,25 дес. усадьба, 1,49 пашни, 1,13 сенокоса, 0,96 остальные арендует у частных лиц – 0,5 озимого, 0,5 ярового, 1 покоса, 1 пара (все 1Д)

Посев: 0,93 дес. озимой ржи, 0,25 проса, 0,7 гречи, 0,15 картофеля, всего – 2,03 дес., пара – 1,58, итого – 3,61 дес.

22) **Акчев Назар Абрамович**, 38 лет.

Семья: сыновья 17, 14, 10, жена 39, дочь 4 года.

Однолемешный плуг, молотилка, веялка.

Скот: рабочая лошадь, жеребёнок, телёнок, свинья, 4 подсвинка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – 0,28 дес. усадьба, 2,96 пашни, 2,25 покоса, 1,92 остальное арендует у частных лиц – 0,67 ярового, 1,33 покоса, 1 пара (все 1Д)

Посев: 0,85 дес. озимой ржи, 1 овса, 0,33 яровой пшеницы, 0,1 полбы, 0,12 картофеля, всего – 2,4 дес., пара – 2,17, итого –

4,57 дес.

23) **Староверов Василий Сергеевич**, 59 лет.

Семья: сыновья 17, 35 (в армии), 24 (в армии), внук 10, сноха 38, внучки 14, 7, 4 года.

Скот: рабочая лошадь, нерабочая лошадь, жеребёнок, корова, нетель, телёнок, 3 овцы, ягнёнок, 2 свиньи, 2 подсвинка, 4 поросёнка.

Земля: наделная укреплённая чересполосно на 2 души – 0,3 дес. усадьба, 5,74 пашни, 4,5 покоса, 3,84 остальное арендует у частных лиц – 1,33 озимого, 1 ярового, 1 пара (все 1Д)

Посев: 3,03 дес. озимой ржи, 0,17 проса, 2,53 гречи, 0,12 картофеля, всего – 5,85 дес., пара – 3,33, итого – 9,18 дес.

24) **Староверов Ксенофонт Климентьевич**, 45 лет.

Семья: сыновья 3, 0, жена 42, дочери 14, 11, 9 лет.

Веялка.

Скот: рабочая лошадь, жеребёнок, корова, нетель, телёнок, 7 овец, 3 ягнёнка, 2 свиньи, 3 подсвинка.

Земля: наделная укреплённая чересполосно на 0,5 души – 0,25 дес. усадьба, 1,49 пашни, 1,13 сенокоса, 0,96 остальные арендует у частных лиц – 1,33 озимого, 1,33 ярового, 2 покоса, 2 пара (все 1Д)

Посев: 1,9 дес. озимой ржи, 0,17 овса, 2,33 проса, 1,33 гречи, 0,05 картофеля, 0,05 льна, всего – 3,83 дес., пара – 2,43, итого – 6,26 дес.

25) **Матвеев Павел Григорьевич**, 69 лет, слепой.

Семья: сыновья 38 и 27 (оба в армии), внуки 7, 2, жена 60, снохи 40, 26, внучки 12, 10 лет.

Однолемешный плуг, веялка.

Скот: рабочая лошадь, 3 коровы, телёнок, 8 овец, 10 ягнят.

Земля: наделная укреплённая чересполосно на 1,5 души – 0,25 дес. усадьба, 4,44 пашни, 3,78 покоса, 2,88 остальные арендует у частных лиц – 0,5 пара (1Д)

Посев: 1,28 дес. озимой ржи, 0,33 проса, 0,9 гречи, 0,12 картофеля, 0,05 конопли, всего – 2,68 дес., пара – 2,23, итого – 4,91 дес.

26) **Евреина Мария Сергеевна**, 55 лет.

Семья: сын 30 (в армии), внук 2, сноха 30, внучка 2 года.

Многолемешный плуг, веялка.

Скот: 2 рабочих лошади, 2 коровы, подтёлка, 7 овец, 3 ягнёнка, 5 свиной.

Земля: наделная укреплённая чересполосно на $\frac{3}{4}$ души – 0,25 дес. усадьба, 2,65 пашни, 1,7 покосов, 1,44 остальные арендует у частных лиц – 1 озимого, 1 ярового, 2 покоса, 2

пара (все 1Д)

Посев: 1,67 дес. озимой ржи, 1,67 гречи, 0,05 картофеля, всего – 3,39 дес., пара – 2,8, итого – 6,19 дес.

27) **Степанов Ефим Степанович**, 69 лет.

Семья: сыновья 39 (в армии), 24, внуки 13, 3, жена 70, снохи 34, 20, внучки 11, 8, 5, 2, 2, 1 год.

Нанимал подённых, сдельных работников. Многолемешный плуг.

Скот: 3 рабочих лошади, 3 коровы, 2 телёнка, 10 овец, 5 ягнят, свинья, 4 поросёнка.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 1 душу – 0,25 дес. усадьба, 2,96 пашни, 2,25 покоса, 1,92 остальное куплено укрепленных наделов в своём обществе на 2 души – 5,82 пашни, 4,5 покоса, 3,85 остальное арендует у частных лиц – 1 пара (1Д)

Посева: 2 дес. озимой ржи, 0,67 овса, 0,25 проса, 2,5 гречи, 0,12 картофеля, всего – 5,54 дес., пара – 4,17, итого – 9,71 дес.

28) **Николаев Антон Александрович**, 45 лет.

Семья: сыновья 21 (в армии), 19 нетрудоспособный, 5, 1, внук 3, мать 80, жена 45, снохи 23, 23 года.

Нанимались подённые, сдельные работники. 2 многолемешных плуга, молотилка, веялка, ветряная мельница на 2 постава, 50 ульев.

Скот: 5 рабочих лошадей, жеребёнок, 3 коровы, подтёлка, телёнок, 30 овец, 25 ягнят, свинья, 4 поросёнка.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 4 души – 0,3 дес. усадьба, 11,84 пашни, 9 покоса, 7,68 остальное купчая единолично участками – 24,33 пашни, 5 покоса, 34,67 остальное

сдаёт в аренду частным лицам – 4 ярового, 4 пара (все 1Д)

Посев: 9,33 дес. озимой ржи, 2,67 овса, 2,67 полбы, 0,67 проса, 3,33 гречи, 0,12 картофеля, 0,1 льна, 0,33 конопли, всего – 19,22 дес., пара – 8,75, итого – 27,97 дес.

29) **Николаев Яков Гаврилович**, 59 лет.

Семья: сыновья 26 (нетрудоспособный), 24 (в армии), 20 (в армии), 18, 6, внук 0, мать 98, жена 50, снохи 25, 24, дочь 8, внучка 0 лет.

Нанимались подённые, сдельные работники. 2 многолемешных плуга, 20 ульев.

Скот: 4 рабочих лошади, нерабочая лошадь, жеребёнок, 4 коровы, 3 телёнка, 20 овец, 18 ягнят, 4 свиньи.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 1 душу – 0,25 дес. усадьба, 2,96 пашни, 2,25 покоса, 1,92 остальное куплено укрепленных наделов в своём обществе на 2 души

– 5,72 пашни, 4,5 покоса, 3,84 остальное

Посев: 4 дес. озимой ржи, 2,66 овса, 0,67 яровой пшеницы, 0,33 проса, 2,66 гречи, 0,12 картофеля, 0,33 конопли, всего – 10,77 дес., пара – 4,67, итого – 15,44 дес.

30) **Николаев Иван Гаврилович**, 64 года.

Семья: сыновья 24, 20 (в армии), 15, 9, внук 0, жена 54, сноха 24, внучка 2 года.

Нанимались подённые, сдельные работники. Многолемешный плуг, веялка, 10 ульев.

Скот: 3 рабочих лошади, нерабочая лошадь, жеребёнок, 3 коровы, 2 телёнка, 15 овец, 8 ягнят, 2 свиньи, 2 поросёнка.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 3 души – 0,3 дес. усадьба, 8,88 пашни, 6,75 покоса, 5,76 остальное
купчая единолично участками – 7,5 пашни, 1 покоса, 21,5 остальное

Посев: 5,33 дес. озимой ржи, 2 овса, 0,33 проса, 2 гречи, 0,1 картофеля, всего – 9,76 дес., пара – 5,67, итого – 15,43 дес.

31) **Васильев Роман Викторович**, 44 года.

Семья: сыновья 14, 9, жена 40, дочери 11, 7, 2 года.

Веялка.

Скот: рабочая лошадь, жеребёнок, корова, подтёлка, телёнок, 6 овец, 4 ягнёнка, 2 свиньи, 2 подсвинка.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 0,5 души – 0,25 дес. усадьба, 1,49 пашни, 1,13 покоса, 0,96 остальное
арендует у частных лиц – 2 озимого, 1 ярового, 2 покоса, 2 пара (все 1Д)

Посев: 2,35 дес. озимой ржи, 0,17 проса, 1,25 гречи, 0,05 картофеля, всего – 3,32 дес., пара – 2,67, итого – 6,49 дес.

32) **Николаев Егор Павлович**, 55 лет.

Семья: сыновья 25 (нетрудоспособный), 20 (в армии), 17, мать 80, жена 50, сноха 24, дочь 18, внучка 2 года.

Нанимались подённые, сдельные работники. Многолемешный плуг, веялка.

Скот: 4 рабочих лошади, жеребёнок, 3 коровы, нетель, 3 телёнка, 15 овец, 10 ягнят, 2 свиньи, 2 подсвинка, 7 поросят.

Земля: надельная укрепленная чересполосно на 2,5 души – 0,25 дес. усадьба, 7,12 пашни, 5,63 покоса, 4,46? остальное
купил укрепленных наделов в своём обществе на 1 душу – 2,87 пашни, 2,25 покоса, 1,92 остальное

арендует у частных лиц – 2 ярового, 1 пара (все 1Д)

арендует у учреждений – 3 озимого (1Д)

Посев: 5,33 дес. озимой ржи, 1,5? овса, 0,17 проса, 4,5 гречи, 0,05 картофеля, 0,05 конопли, всего – 11,6 дес., пара – 4,5, итого – 16,6 дес.

33) **Доронин Тимофей Денисович**, 56 лет.

Семья: сыновья 18, 12, жена 55, сноха 21 год.

Многолемешный плуг, веялка.

Скот: рабочая лошадь, корова, телёнок, 3 овцы, 2 ягнёнка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 1/3 души – 0,25 дес. усадьба, 3,82 пашни, 3 покоса, 2,56 остальное арендует у частных лиц – 1 покоса, 0,5 пара (все 1Д)

Посев: 1,1 дес. озимой ржи, 0,17 проса, 1 гречи, всего – 2,27 дес., пара – 2,05, итого – 4,32 дес.

34) **Доронин Никита Денисович**, 60 лет.

Семья: сын 14, жена 56, дочь 17 лет.

Нанимались подённые и сдельные работники. Многолемешный плуг.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, корова, телёнок, 10 овец, 5 ягнят, свинья, 2 подсвинка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 2/3 души – 0,25 дес. усадьба, 4,77 пашни, 3 покоса, 3,2 остальное

Посев: 1,5 дес. озимой ржи, 0,17 овса, 0,5 проса, 0,6 гречи, 0,05 картофеля, всего – 2,82 дес., пара – 2, итого – 4,82 дес.

35) **Львов Владимир Леонтьевич**, 44 года, в армии.

Семья: сыновья 11, 8, жена 40, дочь 9 лет.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 0,5 души – 0,25 дес. усадьба, 1,44 пашни, 1,12 покоса, 0,96 остальное

Посев: 0,42 дес. озимой ржи, 0,17 проса, 0,25 гречи, 0,05 картофеля, всего – 0,89 дес., пара – 0,58, итого – 1,47 дес.

36) **Григорьева Зиновья Наумовна**, 55 лет.

Семья: сын 18 лет.

Многолемешный плуг.

Скот: рабочая лошадь, нерабочая лошадь, жеребёнок, нетель, 4 овцы, ягнёнок.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – 0,25 дес. усадьба, 2,96 пашни, 2,25 покоса, 1,92 остальное

арендует у частных лиц – 1,1 озимого, 1 ярового, 1 покоса, 1 пара (все 1Д)

Посев: 1,75 дес. озимой ржи, 0,33 овса, 0,17 проса, 1,35 гречи, 0,05 картофеля, всего – 3,75 дес., пара – 2,17, итого – 5,92 дес.

37) **Коновалов Никонор Демидович**, 53 года.

Семья: жена 50 лет.

Нанимались подённые и сдельные(?) работники. Многолемешный плуг, 1/2 веялки.

Скот: 2 рабочих лошади, нерабочая лошадь, 2 коровы, телёнок, 7 овец, 5 ягнят, свинья, 2 подсвинка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 2 души –

0,3 дес. усадьба, 5,92 пашни, 4,5 покоса, 3,84 остальное
арендует в своём обществе – 0,85 озимого, 0,85 ярового,
2,25 покоса, 1,07 пара (все 1Д)

арендует у частных лиц – 1,08 озимого, 1 ярового (все 1Д)

Посев: 3,5 дес. озимой ржи, 0,9 овса, 0,33 проса, 2,06 гречи,
0,05 картофеля, всего – 6,78 дес., пара – 4, итого – 10,78 дес.

38) **Николаев Ларион Иванович**, 41 год, в армии.

Семья: сын 20 (в армии), жена 41, сноха 22, внучка 0 лет.

Нанимались подённые, сдельные работники.

Скот: рабочая лошадь, жеребёнок, корова, телёнок.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1,5 души –
0,25 дес. усадьба, 4,3 пашни, 3,38 покоса, 2,87 остальное

Посев: 1,28 дес. озимой ржи, 0,25 проса, 1 гречи, 0,05 картофеля,
всего – 2,58 дес., пара – 1,75, итого – 4,33 дес.

39) **Иванов Пётр Павлович**, 63 года.

Семья: сын 22, внук 9, жена 62, сноха 23, дочь 28, внучка
13 лет.

Многолемешный плуг.

Скот: 2 рабочих лошади, корова, 2 подтёлки, телёнок, 10
овец, 6 ягнят, 5 свиней.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу –
0,25 дес. усадьба, 2,84 пашни, 2,25 покоса, 1,92 остальное
куплено укреплённых наделов в чужом обществе на 1 душу
– 2,96 пашни, 1 покоса, 0,44 остальное

арендует в чужом обществе – 1 озимого (1Д)

арендует у частных лиц – 1 пара (1Д)

Посев: 2,85 дес. озимой ржи, 0,33 овса, 0,45 проса, 0,96
гречи, 0,05 картофеля, всего – 4,64 дес., пара – 3,17, итого – 7,81
дес.

40) **Андреев Николай Кондратьевич**, 33 года, в армии.

Семья: сыновья 2, 1, мать 60, жена 33 года.

Нанимались подённые, сдельные работники. Многолемеш-
ный плуг, веялка.

Скот: 2 рабочих лошади, корова, нетель, телёнок, 6 овец, 4
ягнёнка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1,5 души –
0,25 дес. усадьба, 4,44 пашни, 3,38 покоса, 3,87 остальное

арендует у частных лиц – 1 озимого, 1 ярового, 1 покоса, 1
пара (все 1Д)

Посев: 2,33 дес. озимой ржи, 1,17 овса, 0,33 проса, 1,75
гречи, 0,15 картофеля, 0,1 конопли, всего – 4,73 дес., пара –
2,75, итого – 7,68 дес.

41) **Коновалов Александр Никифорович**, 57 лет.

Семья: сыновья 29 и 28 (оба в армии), 16, жена 52, сноха

28, дочь 6, внучки 10, 3 года.

Многолемешный плуг.

Скот: 2 рабочих лошади, 3 коровы, нетель, подтёлка, 2 телёнка, 10 овец, 7 ягнят, 6 свиней, 4 поросёнка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 0,5 души – 0,25 дес. усадьба, 1,48 пашни, 1,13 покоса, 0,96 остальное арендует у частных лиц – 2 озимого, 2 ярового, 2 покоса, 2 пара (все 1Д)

Посев: 2,33 дес. озимой ржи, 1,33 овса, 0,17 проса, 0,93 гречи, 0,05 картофеля, всего – 4,81 дес., пара – 2,67 дес., итого – 7,48 дес.

42) **Филатов** (или Филипов?) **Алексей Борисович**, 65 лет.

Семья: сыновья 41, 21 (оба в армии), внук 19, жена 64, сноха 41, внучки 15, 3 года.

Многолемешный плуг, веялка.

Скот: 3 рабочих лошади, жеребёнок, 2 коровы, 10 овец, 3 ягнёнка, 3 свиньи, 2 поросёнка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1,5 души – 0,25 дес. усадьба, 4,44 пашни, 3,38 покоса, 2,88 остальное арендует у частных лиц – 1 озимого, 1 ярового, 2,5 покоса, 2 пара (все 1Д)

Посев: 2 дес. озимой ржи, 0,33 овса, 0,33 полбы, 1,1 проса, 1 гречи, 0,05 картофеля, 0,1 льна, всего – 3,91 дес., пара – 3,75, итого – 7,66 дес.

43) **Борисова Екатерина Петровна**, 65 лет.

Семья: сын 23 года (в армии).

Скот: рабочая лошадь, жеребёнок, корова, 5 овец, 3 ягнёнка.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 0,5 души – 0,25 дес. усадьба, 1,44 пашни, 1,12 покоса, 0,96 остальное арендует у частных лиц – 0,33 ярового, 1 покоса, 0,5 пара (все 1Д)

Посев: 0,42 дес. озимой ржи, 0,17 проса, 0,67 гречи, 0,05 картофеля, всего – 1,31 дес., пара – 1, итого – 2,31 дес.

44) **Иванов Пётр Петрович**, 31 год.

Семья: сыновья 10, 2, мать 67, жена 32, дочери 11, 8, 6, 4 года.

Многолемешный плуг.

Скот: 2 рабочих лошади, жеребёнок, 3 коровы, подтёлка, телёнок, 10 овец, 8 ягнят, 4 свиньи.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 2 души – 0,3 дес. усадьба, 5,92 пашни, 4,5 покоса, 3,8 остальное арендует у частных лиц – 1 озимого, 1 ярового, 1 пара (все 1Д)

Посев: 3,1 дес. озимой ржи, 0,17 овса, 0,5 проса, 2,33 гречи, 0,05 картофеля, 0,1 льна, всего – 6,25 дес., пара – 3,93, итого – 10,18 дес.

45) **Иванов Иоким Васильевич**, 33 года, в армии.

Семья: сын 5, жена 27, дочери 7, 1 год.

Нанимались подённые, сдельные работники. $\frac{1}{2}$ многолемешного плуга, $\frac{1}{2}$ веялки.

Скот: рабочая лошадь, корова, подтёлка, телёнок, 4 овцы, 3 ягнёнка, 2 свиньи, 8 поросят.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на $\frac{3}{4}$ души – 0,25 дес. усадьба, 2,16 пашни, 1,68 покоса, 1,64 остальное арендует у частных лиц – 1,5 озимого, 1 ярового, 1 покоса, 2 пара (все 1Д)

Посев: 3,25 дес. озимой ржи, 0,25 проса, 1,5 гречи, 0,05 картофель, всего – [5,05] дес., пара – 2,67, итого – [7,72] дес.

46) **Матвеев Яков Ларионович**, 55 лет.

Семья: жена 55, дочь 22 года.

Земля: надельная укреплённая чересполосно – 0,25 дес. усадьба.

47) **Доронин Степан Дмитриевич**, 25 лет, сторож.

Семья: сын 5, жена 20, дочери 4, 2 года.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – 0,25 дес. усадьба, 2,87 пашни, 1 покоса, 1,92 остальное сдаёт в аренду в своём обществе – 0,85 озимого, 0,85 ярового, 2,25 покоса, 1,17 пара (все 1Д)

48) **Доронин(а) Дмитрий Дмитриевич**. Хозяйка 38 лет. Женское окончание фамилии добавлено. Видимо, недавно овдовела.

Земля: надельная укреплённая чересполосно на 1 душу – 0,25 дес. усадьба, 0,87 пашни, 2,25 покоса, 1,02 остальное сдаёт в аренду в своём обществе – 0,85 озимого, 0,85 ярового, 2,25 покоса, 1,17 пара (все 1Д)

49) **Щевичев Макар Львович**, посторонний, крестьянин, русский, 65 лет, плотник.

Семья: жена 65 лет.

50) **Пекать Игнатий Фоминович**, беженец, крестьянин, белорус, 46 лет, сапожник.

Семья: сыновья 12, 6, жена 44, дочери 17, 13, 9, 2 года.

51) **Лецкевич Ефим Фоминович**, беженец, крестьянин, белорус, 62 года, пастух.

Семья: сыновья 25 и 21 (оба в армии), сноха 24 года.

52) **Лецкевич Карп Ефимович**, беженец. крестьянин, белорус, 45 лет, «бочар». Семья: сыновья 20 (в армии), 17, 9, жена 44, дочери 7, 5 лет.

В Суровке летом 1917 года обосновалось несколько пришедших семей, плотник Щевичев, да трое беженцев белорусов. Из остальных 48 местных семейств, трое (№ 46–48, в их числе двое Дорониных) не занимались земледелием, ни посева, ни скота не имели. Либо они формально числились в составе Суровского сельского общества, сдавая надельные участки в аренду, а сами проживали где-то на стороне (в Уфе), либо батрачили и за счёт этого существовали (их дворы с усадьбами существовали, переписчик отметил 48 домов).

Из оставшихся 45 дворов больше половины (27 домохозяев) засеивали менее 4 дес. каждый. Это бедняцкие и маломощные середняцкие семейства, которые либо вообще не могли прокормить себя с небольших посевов, либо жили «впритык» и малейший недород ставил их на грань голода.

Подворные карточки переписи 1917 года показывают просто огромную роль аренды. В 36 из 45 суровских семьях арендовали землю на стороне. Из девяти хозяйств обходившихся без аренды встречаем самых богатых, многопосевных (№ 20, 28, 29, 30) жителей и, наоборот, очень бедных, у кого не имелось средств. К примеру, двоим старикам Абраму Ивановичу Ахчеву с супругой (обоим по 67 лет, карточка № 4) хватало имевшегося небольшого посева только со своей надельной земли.

Суровка накануне победы большевиков в Гражданской войне – бедная общинная деревня, уже начинавшая задыхаться от малоземелья. Если бы соседние помещики вдруг отказались сдавать землю в аренду, грянула катастрофа. Сравнение с соседней Ново-Михайловкой показывает сравнительно небольшое количество дорогого фабричного железного инвентаря, здесь меньше держали скота (особенно лошадей).

Сельчане вырубали лес, начиналась эрозия почвы, росли овраги, смывался чернозём. Необходимо было переходить к более передовым методам ведения сельского хозяйства, но на инновации у жителей просто не было денег. Видимо, суровцы осознавали тревожную ситуацию и за счёт усиленной аренды сохраняли достаточно большие площади под покосами, которые берегли, иначе скотина останется без кормов.

«Крепких» середняков с посевом от 4 до 10 дес. в Суровке летом 1917 года насчитывалось 15 семей из 45 сеявших дворов, каждый третий. За счёт непрерывного труда более многочисленных в основном семейств они полностью обеспечивали себя хлебом и даже получали небольшой товарный излишек, который сбывали в Уфе.

Как, к примеру, 50-летний Кузьма Сергеевич Староверов

(карточка № 2). Двое взрослых сынов-помощников ушли защищать Отечество, но хозяин заменил их наёмными батраками и совместно с супругой, снохой и третьим сыном летом 1917 года успешно хозяйничали: 2 рабочих лошади и 2 коровы, два надела своей земли, да у помещиков арендовал 6,5 дес. Для пропитания семейства, даже с учётом одевших шинели сыновей, требовалось около 3 дес. посева, а засевалось 6,65 дес. Осенью 1917 года Кузьма Сергеевич сложил в амбаре внушительную горку из мешков с зерном, надеясь, что перезимует без проблем. Рубль уже обесценился, на уфимском базаре господствовал бартер – прямой натуральный обмен. За хлеб и картошку горожане отдавали всё, вплоть до патефонов, книг и часов.

Своеобразной особенностью Суковки являлись многочисленность и разнообразие фамилий. Обычно в деревнях население объединялось вокруг нескольких родов. Семейно-клановые отношения играли существенную роль через взаимоподдержку родственников. Вычисляем средний посев у самых многолюдных фамилий в Суковке по переписи 1917 года:

Николаевы – 9,74. дес. посева в среднем на семью

Коноваловы – 6,77 дес.

Староверовы – 4,85 дес.

Ахчевы – 4,71 дес.

Ивановы – 4,58 дес.

В Суковке самыми зажиточными были Николаевы. В 1917 году из 45 сеявших хозяев лишь трое имели посевы свыше 10 дес. И все эти трое носили фамилию Николаевы. А лидером, самым успешным предпринимателем в середнячко-бедняцкой Суковке был 45-летний Антон Александрович Николаев. На его обширных землях было посеяно 19,22 дес., купил дорогую молотилку, держал крупную пасеку в 50 ульев, 5 рабочих лошадей и, наконец, ему принадлежала ветряная мельница на два постава (жернова). Богатый мельник!

Вторую ветряную мельницу в Суковке держал 70-летний Максим Ермолаев, но она в 1917 году не действовала. Хозяин был стар, даже отчетство его статистик не смог выяснить. Вся деревня возила на помол зерно именно к А.А. Николаеву, который собирал в свою пользу, так называемый, гарнцевый сбор. Гарнец – посуда для зерна, гарнец = 3,28 литра сыпучих тел (на начало XX столетия).

* * *

Возле суковской ветряной мельницы заканчивается наше путешествие по истории деревень, лежавших вокруг современ-

ной Михайловки. Но история на этом не остановилась, она только продолжила свой удивительный путь. Пронесли бури революции и Гражданской войны, наступила и закончилась советская эпоха, пришло новое время – и это всё наша история, наше общее прошлое, современность и будущее, которое нужно строить, не забывая о тех уроках, ошибках и достижениях, что встречались на пути. Память о минувших эпохах своей земли поможет сделать жизнь лучше, богаче, интереснее...

Удивительна и многообразна история земли Михайловки. В этой книге приведены основные сведения, но далеко не исчерпывающие. Немало других исторических документов содержит информацию о жителях деревень этого края.

Например, в этой книге почти не использованы данные метрических книг, которые вели в православных церквях священники (записывались рождения, бракосочетания и смерть прихожан). Они хранятся в уфимском архиве (Национальный архив Республики Башкортостан).

Пригородные селения были причислены к разным храмам. Так, в 1860-е годы жители Ивано-Ключевского и Суровки состояли в прихожанах церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы в селе Лавочном, возведённой ещё в 1786 году и перестроенной в 1863 году¹. Население всех прочих деревень, лежащих вдоль большой дороги (Михайловка, Куровское, Вавилово) состояло при Ильинской церкви Уфы, стоявшей на въезде в город по улице Ильинской (ныне Валиди).

Впоследствии население причисляли к другим, вновь возведённым храмам. Для потомков уроженцев этих деревень, интересующихся подробной генеалогией своей семьи, необходимо просматривать все метрические книги.

После окончания Гражданской войны, летом 1920 года в Уфимской губернии прошла очередная и уже советская сельскохозяйственная перепись. Она была почти аналогичная переписи 1917 года, подворные карточки также хранятся в уфимском архиве, как материалы переписи 1926 года и многие другие. Серьёзное изучение истории советской эпохи только начинается и краеведа, любителя прошлого ждёт немало открытий.

¹ *Игнатъев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / сост. М.И. Роднов. Т. IV: 1873 год. Уфа [Электронный ресурс], 2011. С. 78.

Список сокращений:

НА РБ – Национальный архив Республики Башкортостан (Уфа), фонд, описание, дело, лист (пример: НА РБ. Ф. И-351. Оп. 1. Д. 13578. Л. 1);

НА УНЦ РАН – Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (Уфа);

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва);

РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

Научное издание

Роднов Михаил Игоревич

Михайловка: дорогами прошлого